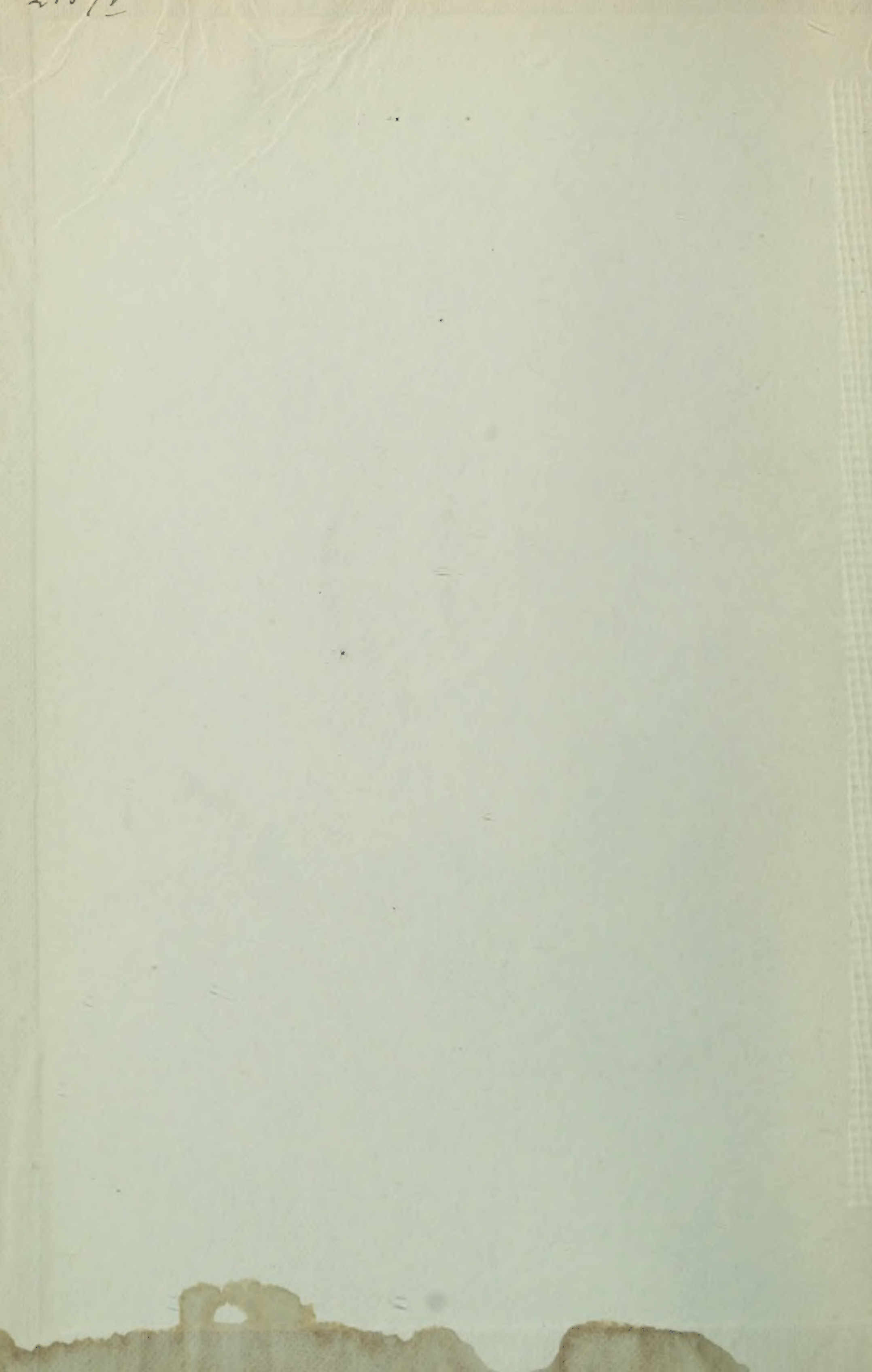

3 1761 08821061 2

(ВЛ. КОРОЛЕНКО)

ИСТОРІЯ

МОЕГО СОВРЕМЕННИКА

II

1 9 2 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЗРОЖДЕНІЕ
МОСКВА * БЕРЛИНЪ

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

НОВЫЯ ВѢЯНІЯ

XXVI

«НОВЫЕ»

Кажется, я былъ въ пятомъ классѣ, когда у насъ появились сразу нѣсколько новыхъ молодыхъ учителей, проходившихъ курсъ гимназіи въ попечительство Пирогова и только что вышедшихъ изъ университета.

Однимъ изъ первыхъ появился Владиміръ Васильевичъ Игнатовичъ — учитель химіи. Это былъ молодой человѣкъ, только что съ университетской скамьи, съ чуть замѣтными усиками, маленькаго роста, съ пухлыми розовыми щеками, въ золотыхъ очкахъ. У насъ были ученики, выглядѣвшіе старше своего учителя. Говорилъ онъ тонкимъ голосомъ, въ которомъ будто сохранились дѣтскія нотки. Въ классѣ нѣсколько робѣлъ, и лицо его часто заливалъ застѣнчивый румянецъ. Обращался онъ съ нами вѣжливо, преподавалъ старательно, заданное спрашивалъ рѣдко, къ отмѣткамъ выказывалъ пренебреженіе, уроки объяснялъ, какъ профессоръ читаетъ лекцію. Голосъ у него былъ тоже не твердый, нѣжный... Хотѣлось, чтобы онъ взялъ хоть нотой ниже и крѣпче...

Первымъ результатомъ его системы было то, что классъ почти пересталъ учиться. Вторымъ,

что ему порой начали слегка грубить. Бѣдный юноша, приступавшій къ намъ съ идеальными ожиданіями, платился за общую систему, которая вносила грубость и цинизмъ. Впрочемъ, это было недолго. Однажды, когда классъ шумѣлъ и Игнатовичъ напрасно надрывалъ свой мягкій голосокъ, одному изъ насъ показалось, будто онъ назвалъ насъ стадомъ барановъ. Другіе учителя очень часто называли насъ стадомъ барановъ, а порой и хуже. Но то были другіе. Они были привычно грубы, а мы привычно покорны. Игнатовичъ самъ пріохотилъ насъ къ другому обращенію... Одинъ изъ учениковъ, Заруцкій, очень хорошій въ сущности малый, но легко поддававшійся настроеніямъ, всталъ среди шумѣвшаго класса.

— Господинъ учитель, — сказалъ онъ громко, весь красный и дерзкій. — Вы, кажется, сказали, что мы — стадо барановъ... Позвольте вамъ отвѣтить, что... въ такомъ случаѣ...

Классъ вдругъ затихъ такъ, что можно было слышать пролетавшую муху.

— Что въ такомъ случаѣ... вы сами баранъ...

Стеклянная колбочка, которую держалъ въ рукахъ Игнатовичъ, звякнула о реторту. Онъ весь покраснѣлъ, лицо его какъ-то безпомощно дрогнуло отъ обиды и гнѣва... Въ первую минуту онъ растерялся, но затѣмъ отвѣтилъ окрѣпшимъ голосомъ:

— Я этого не говорилъ... Вы ошиблись...

Простой отвѣтъ озадачилъ. Въ классѣ поднялся ропотъ, значеніе котораго сразу разобрать было трудно, и въ ту же минуту прозвенѣлъ звонокъ. Учитель вышелъ; Заруцкаго

окружили. Онъ всталъ среди товарищей, упрямо потупившись и чувствуя, что настроеніе класса не за него. Сказать дерзость учителю, вообще говоря, считалось подвигомъ, и если бы онъ такъ же прямо назвалъ бараномъ одного изъ «старыхъ» — Кранца, Самаревича, Егорова, то совѣтъ бы его исключилъ, а ученики проводили бы его горячимъ сочувствіемъ. Теперь настроеніе было недоумѣло-тяжелое, непріятное...

— Свинство, братъ, — сказалъ кто-то.

— Пусть жалуется въ совѣтъ, — угрюмо отвѣтилъ Заруцкій.

Для него въ этой жалобѣ былъ своего рода нравственный выходъ: это бы сразу поставило новаго учителя въ рядъ со старыми и оправдало бы грубую выходку.

— И пожалуется... — сказалъ кто-то.

— Конечно. Думаешь, — спуститъ?

— Нѣтъ, не пожалуется.

— Пожалуется.

Этотъ вопросъ сталъ центромъ въ разыгравшемся столкновеніи. Прошло дня два, о жалобѣ ничего не было слышно. Если бы она была, — Заруцкаго прежде всего вызвалъ бы инспекторъ Рущевичъ для обычнаго громового внушенія, а, можетъ быть, даже прямо приказалъ бы уходить домой до рѣшенія совѣта. Мы ждали... Пришелъ день совѣта... Признаковъ жалобы не было.

Наступилъ урокъ химіи. Игнатовичъ явился нѣсколько взволнованный; лицо его было серьезно, глаза чаще потуплялись, и голосъ сры-

вался. Видно было, что онъ старался овладѣть положеніемъ и не вполнѣ увѣренъ, что это ему удастся. Сквозь серьезность учителя проглядывала обида юноши, урокъ шелъ среди тягостнаго напряженія.

Минутъ черезъ десять Заруцкій, съ потемнѣвшимъ лицомъ, поднялся съ мѣста. Казалось, что при этомъ на своихъ плечахъ онъ поднимаетъ тяжесть, давленіе которой чувствовалось всѣмъ классомъ.

— Господинъ учитель... — съ усиліемъ выговорилъ онъ среди общей тишины. Вѣки у молодого учителя дрогнули подъ очками, лицо все покраснѣло. Напряженіе въ классѣ достигло высшаго предѣла.

— Я... прошлый разъ... — началъ Заруцкій глухо и затѣмъ, съ внезапной рѣзкостью, закончилъ:

— Я извиняюсь.

И сѣлъ съ такимъ видомъ, точно сказалъ новую дерзость. Лицо у Игнатовича посвѣтлѣло, хотя краска залила его до самыхъ ушей. Онъ сказалъ просто и свободно:

— Я говорилъ уже, господа, что баранами никого не называлъ.

Инцидентъ былъ исчерпанъ. Въ первый еще разъ *такое* столкновеніе разрѣшилось *такимъ* образомъ. «Новый учитель» выдержалъ испытаніе. Мы были довольны и имъ, и — почти безсознательно — собою, потому что также въ первый разъ не воспользовались слабостью этого юноши, какъ воспользовались бы слабостью кого-нибудь изъ «старыхъ». Самый эпизодъ скоро изгладился изъ памяти, но какая-то ниточка

своеобразной симпатіи, завязавшейся между новымъ учителемъ и классомъ, осталась.

Вскорѣ Игнатовичъ уѣхалъ въ отпускъ, изъ котораго черезъ двѣ недѣли вернулся съ молоденькой женой. Во второмъ дворѣ гимназіи было одноэтажное зданіе, одну половину котораго занимала химическая лабораторія. Другая половина стояла пустая; въ ней жилъ только сторожъ, который называлъ себя «лабаторщикомъ» (отъ слова «лабаторня»). Теперь эту половину отдѣлали и отвели подъ квартиру учителя химіи. Тутъ и водворилась молодая чета.

Жена Игнатовича была выше его ростомъ, худенькая, смуглая, не особенно красивая. Но, на нашъ взглядъ, въ ней было что-то необыкновенно привлекательное, вѣрнѣе, — было что-то привлекательное въ нихъ обоихъ вмѣстѣ и въ томъ, что свое гнѣздышко они устроили въ самомъ центрѣ гимназической сутолоки и шума. Каждую перемѣну черезъ дворъ неслись вереницы сорванцовъ, направляясь въ помѣщеніе, гдѣ можно было тайкомъ затянуться папироской. По звонку все это неслось обратно, налетая другъ на друга, сшибаясь, крича, вступая на скорую руку въ короткія драки. Порой въ большую перемѣну во второмъ дворѣ устраивались игры въ мячъ, и ученики, подталкивая другъ друга локтями, указывали на смуглое личико, мелькавшее въ окнахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ были даже почтительно влюблены, и изъ ученической квартиры, заглядывавшей вторымъ этажемъ изъ-за ограды въ гимназическій дворъ, порой глядѣли на лаборато-

рію въ бинокли. Иной разъ, живой и бурный потокъ, послѣ уроковъ стремившійся къ калиткѣ, вдругъ останавливался, пропуская худенькую фигурку, проходившую сквозь толпу съ привѣтливой улыбкой, и тотъ, кому она кланялась, какъ знакомому, считалъ себя польщеннымъ и счастливымъ. Игнатовичъ изрѣдка приглашалъ того или другого ученика къ себѣ. Жена его тоже выходила, знакомилась, разговаривала, разспрашивала. Было въ этомъ что-то хорошее, теплое, дѣйствовавшее на толпу сорванцовъ уже тѣмъ, что юный учитель былъ для насъ не только машиной, задающей уроки, но и человѣкомъ, въ маленькомъ счастьи котораго мы принимали какъ бы нѣкоторое участіе. Я сначала запустилъ было химію, но въ первыя же каникулы вызубрилъ весь учебникъ Вюрца на зубокъ; я иногда ходилъ къ Игнатовичу съ рисунками приборовъ, и мнѣ не хотѣлось, чтобы Марья Степановна сказала какъ-нибудь при встрѣчѣ:

— А вы почему же это не учите химію? Вамъ не нравится? Да?

Одновременно съ Игнатовичемъ пріѣхалъ Комаровъ, «украинофилъ-этнографъ». Мы плохо понимали, что это за «труды по этнографіи», но чувствовали, что это какой-то интересъ высшаго порядка, выходящій за предѣлы казеннаго преподаванія.

Было и еще два-три молодыхъ учителя, которыхъ я не зналъ. Чувствовалось, что въ гимназіи появилась группа новыхъ людей, и общій тонъ поднялся. Кое-кто изъ лучшихъ, прежнихъ, чувствовавшихъ себя одинокими, те-

перь ожили, и до насъ долетали отголоски споровъ и разногласій въ совѣтѣ. Въ томъ общемъ хорѣ, гдѣ до сихъ поръ надъ голосами средняго тембра и регистра господствовали рѣзкіе фальцеты автоматовъ и маніаковъ, — стала замѣтна новая нотка...

А затѣмъ явился и еще одинъ человѣкъ, на воспоминаніи о которомъ мнѣ хочется остановиться подольше.

XXVII

ВЕНІАМИНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ АВДІЕВЪ

Нашъ прежній словесникъ, Митрофанъ Александровичъ Андріевскій, успѣлъ какъ-то жениться и «по семейнымъ обстоятельствамъ» перевелся въ другую гимназію. Мы проводили его съ сожалѣніемъ, такъ какъ любили его добродушіе, мягкую улыбку, порой мѣткія словечки и трогательную преданность «Слову о полку Игоревѣ». На нѣкоторое время «каѳедра словесности» осталась незанятой. На уроки приходилъ Степанъ Яковлевичъ Рущевичъ, который вздумалъ учить насъ выразительному чтенію. Самъ онъ читалъ какъ-то грузно, массивнымъ голосомъ, съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой, но съ совершенно неосновательными претензіями на выразительность. Онъ требовалъ, чтобы мы точно подражали его интонаціямъ, а намъ это было «совѣстно» и казалось кривляніемъ. Между тѣмъ, словесность всегда, по какой-то традиціи, считалась въ гимназіи самымъ интереснымъ и самымъ «умнымъ»

предметомъ. Съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ждали мы новаго словесника.

Однажды пронесся слухъ, что онъ уже пріѣхалъ. Зовутъ Авдіевымъ, молодой. Кто-то уже видѣлъ его въ городѣ и разсказывалъ о своей встрѣчѣ какъ разъ передъ началомъ урока, который, какъ мы думали, на этотъ разъ проведетъ еще инспекторъ. Но, почти вмѣстѣ съ звонкомъ, дверь класса отворилась, и на порогѣ появился незнакомый учитель. Онъ на мгновеніе остановился, спокойно глядя, какъ мы, застигнутые врасплохъ, быстро разсаживались по мѣстамъ, — потомъ прошелъ къ каѳедрѣ, кивнувъ намъ на ходу головой. Такъ какъ это былъ первый урокъ, то онъ молча сталъ ждать, пока дежурный прочтетъ обычную молитву; затѣмъ сѣлъ и раскрылъ журналъ. Лицо у него было слегка хмурое, перекличку онъ дѣлалъ недовольнымъ голосомъ, порой останавливаясь надъ какой-нибудь фамиліей и вглядываясь въ ея обладателя. Кончивъ это, онъ сошелъ съ каѳедры и неторопливо прошелся вдоль скамей по классу, думая о чемъ-то, какъ будто совсѣмъ не имѣющемъ отношенія къ данной минутѣ и къ тому, что на него устремлено полсотни глазъ, внимательныхъ, любопытныхъ, изучающихъ каждое его движеніе.

Это былъ молодой человѣкъ, пожалуй, только года на три старше Игнатовича, но болѣе возмужалый и солидный. Лицо у него было не совсѣмъ обыкновенное: правильныя черты съ греческимъ профилемъ, большіе выразительные глаза, полныя губы, тонкіе усы и неболь-

шая русая бородка. Все это было довольно красиво, но почему-то на первый взглядъ классу не понравилось. Кромѣ того, на немъ были узкія брюки и сапоги съ низкими каблуками, а мы считали верхомъ щегольства брюки по-казацки широкія и высокіе каблуки. Узкія брюки носили у насъ только завѣдомые модники и франты въ шестомъ и седьмомъ классѣ.

Все это мы успѣли замѣтить и оцѣнить до послѣдней пуговицы и до слишкомъ широкихъ лацкановъ синяго фрака, — пока новый учитель ходилъ по классу. Намъ казалось страннымъ и немного дерзкимъ то обстоятельство, что онъ ведетъ себя такъ безцеремонно, точно насъ, цѣлаго класса, здѣсь вовсе не существуетъ.

Пройдя такимъ образомъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, онъ остановился, точно прогоняя изъ головы занимавшія его стороннія мысли, и опять внимательно посмотрѣлъ на классъ.

— Чѣмъ вы занимались въ послѣднее время? — спросилъ онъ.

Мы переглянулись.

— Въ послѣднее время Степанъ Яковлевичъ читалъ намъ...

— Что?

— Басни Крылова.

Брови новаго учителя чуть приподнялись.

— Зачѣмъ? — спросилъ онъ.

Вопросъ показался намъ страннымъ. Объ этомъ нужно бы спросить у самого инспектора. Но кто-то догадался:

— Чтобы занять пустые уроки.

— А!.. И васъ тоже заставлялъ читать?

— Да.

— Такъ. Кто у васъ хорошо читаетъ?

Классъ молчалъ. Всѣ мы умѣли читать громко, иные бѣгло, но хорошаго чтенія не слыхали никогда, а «выразительное чтеніе» Степана Яковлевича казалось намъ искусственнымъ.

— Ну, что же? — сказалъ онъ нетерпѣливо, поведя плечомъ. — Что же вы молчите?

— Всѣ мы читаемъ одинаково, — съ досадой вырвалось у меня, но я сказалъ это слишкомъ тихо. Учитель повернулся ко мнѣ и спросилъ въ упоръ:

— Вы читаете хорошо?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, покраснѣвъ. — Я этого не говорилъ.

— А я именно объ этомъ спрашивалъ. Читайте вы! — сказалъ онъ ученику, передъ которымъ лежала книжка басенъ.

Тотъ всталъ и, раскрывъ наудачу, сталъ читать. Учитель недовольно морщился.

— Плохо, — сказалъ онъ. — И всѣ такъ? И нѣтъ никого, кто бы умѣлъ читать?.. Ну, а что вы проходили раньше?

— Теорію словесности... По Минину, — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— А что такое словесность?

Молчаніе.

— Происходитъ отъ «слово»... — сказалъ кто-то.

— Положимъ, — а что такое «слово»?

— Выраженіе мысли.

— Не всегда... Можно наговорить много

словъ, и все-таки выйдетъ безсмыслица... А что такое мысль?

Молчаніе.

Онъ посмотрѣлъ на насъ съ комической гримасой и сказалъ:

— Подумайте каждый про себя и скажите: вы когда-нибудь въ своей жизни *мыслили?*

Это была обида. Въ классѣ поднялся легкій ропотъ.

— Всѣ, — сказалъ кто-то.

— Что всѣ?

— Всѣ думаемъ, то-есть мыслимъ, — отвѣтило нѣсколько голосовъ задорно. Учитель начиналъ раздражать.

— «Думаете», — передразнилъ онъ, поведя плечомъ. — Вы вотъ думаете: скоро ли звонокъ?.. И тоже *думаете,* что это-то и значитъ *мыслить.* Но вы ошибаетесь. «Мыслить», — понимаете: не думать только, а мыслить, — это значитъ совсѣмъ другое. Берите тетради. Записывайте.

И, медленно расхаживая по классу, онъ началъ съ простѣйшихъ опредѣленій. Сначала въ его глазахъ и въ морщинѣ между бровями виднѣлось то же хмурое недовольство. Но развитіе темы видно его захватывало. На смугломъ лицѣ пробился густой румянецъ. Говорилъ онъ медленно, вдумчиво и свободно. Урокъ, очевидно, не былъ заученъ: слова рождались, выплавлялись тутъ же и летѣли къ намъ, еще не остывшія. По временамъ онъ останавливался на ходу и дѣлалъ паузу, подыскивая наиболѣе удачную форму, ловилъ нужное слово и опять шелъ дальше, все болѣе и болѣе

довольный. Записывать за нимъ было трудновато. Онъ говорилъ медленно, но не ждалъ, пока мы за нимъ поспѣемъ. А записать хотѣлось. Остальная часть урока прошла въ этомъ занятіи. Когда ударилъ звонокъ, я удивился, что урокъ кончился такъ скоро.

Авдіевъ закончилъ, взялъ журналъ и, кивнувъ головой, вышелъ. Въ классѣ поднялся оживленный говоръ. Впечатлѣніе было неблагопріятное.

— Вотъ такъ птица! — говорилъ одинъ.

— У этого, братцы, держись...

— И откуда выкопали такого чорта?

— А вѣдь онъ насъ, господа, оскорбилъ?..

За такими разговорами засталъ насъ звонокъ ко второму уроку. Вошелъ, помнится, учитель исторіи Андрускій. Это былъ тоже «новый», поступившій за нѣсколько мѣсяцевъ до Авдіева, молодой человѣкъ, невысокаго роста, съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ. Въ классѣ онъ держалъ себя по учительски, суховато, но все-таки симпатично. Часъ урока былъ у него точно распредѣленъ на двѣ неравныя части. Въ первой онъ вызывалъ, спрашивалъ и ставилъ отмѣтки. Когда онъ опускалъ перо въ чернильницу, чтобы поставить баллъ, — лицо его дѣлалось задумчиво и серьезно. Было видно, что онъ тщательно взвѣшиваетъ въ умѣ всѣ за и противъ, и, когда послѣ этого твердымъ почеркомъ вносилъ въ журналъ ту или иную цифру, — чувствовалось, что она поставлена обдуманно и справедливо. За двадцать минутъ до конца урока, онъ придвигалъ къ

себѣ учебникъ и, раскрывъ его, начиналъ объясненіе неизмѣнной фразой:

— Ну-съ, такъ вотъ... Мы остановились на томъ-то. Теперь будемъ продолжать.

И, поглядывая въ книгу, онъ излагалъ содержаніе слѣдующаго урока добросовѣстно, обстоятельно и сухо. Мы знали, что въ совѣтѣ онъ такъ же обстоятельно излагалъ свое мнѣніе. Оно было всегда снисходительно и непоколебимо. Мы его уважали, какъ человѣка, и добросовѣстно готовили ему уроки, но исторія представлялась намъ предметомъ изрядно скучнымъ. Черезъ нѣкоторое время такъ же честно и справедливо онъ взвѣсилъ свою педагогическую работу, — поставилъ себѣ неодобрительный баллъ и перемѣнилъ родъ занятій.

Теперь я съ удовольствіемъ, какъ всегда, смотрѣлъ на его энергичное квадратное лицо, но за монотонными звуками его рѣчи мнѣ слышался грудной голосъ новаго словесника, и въ ушахъ стояли его язвительныя рѣчи. «Думать» и «мыслить»... Да, это правда... Разница теперь понятна. А все-таки есть въ немъ что-то раздражающее. Что-то будетъ дальше?..

Вынувъ тихонько тетрадь, я сталъ читать подъ партой записанный урокъ словесности, рискуя вызвать замѣчаніе Андрускаго. Урокъ былъ красивъ и интересенъ.

Дня черезъ три въ гимназію пришла изъ города вѣсть: новаго учителя видѣли пьянымъ... Меня что-то кольнуло въ сердце. Слѣдующій урокъ онъ пропустилъ. Одни говорили язвительно: «съ похмѣлья», другіе — что устраивается на квартирѣ. Какъ бы то ни было, у

всѣхъ шевельнулось чувство разочарованія, когда на порогѣ, съ журналомъ въ рукахъ, явился опять Степанъ Яковлевичъ для «выразительнаго» чтенія.

Еще дня черезъ два въ классъ упало, какъ петарда, новое сенсаціонное извѣстіе. Былъ у насъ ученикъ Доманевичъ, великовозрастный молодой человѣкъ, засидѣвшійся въ гимназіи и казавшійся среди мелюзги совсѣмъ взрослымъ. Онъ былъ добрый малый и хорошій товарищъ, но держалъ себя высокомѣрно, какъ профессоръ, случайно усѣвшійся на одну парту съ малышами.

Въ этотъ день онъ явился въ классъ съ видомъ особенно величавымъ и надменнымъ. Съ небрежностью, сквозь которую, однако, просвѣчивало самодовольство, онъ разсказалъ, что онъ съ новымъ учителемъ уже «пріятели». Знакомство произошло при особенныхъ обстоятельствахъ. Вчера, луннымъ вечеромъ, Доманевичъ возвращался отъ знакомыхъ. На углу Тополевой улицы и шоссе онъ увидѣлъ какого-то господина, который сидѣлъ на штабелѣ бревенъ, покачивался изъ стороны въ сторону, обмѣнивался шутками съ удивленными прохожими и запѣвалъ малорусскія пѣсни.

— Голосъ, я вамъ скажу, — замѣчательный! — прибавилъ разсказчикъ съ нѣкоторой гордостью за новаго пріятеля.

Когда Доманевичъ, не узнавъ въ веселомъ господинѣ новаго учителя, проходилъ мимо, тотъ окликнулъ:

— Господинъ ученикъ, подойдите сюда!

Тотъ подошелъ, узнавъ, поклонился.

— Какъ ваша фамилія?

Доманевичъ, «признаться, немного струсилъ». Было уже поздно, вечеромъ выходить съ квартиръ запрещено, а этотъ новый, кажется, строгъ. Самъ пьянъ, а директору донесетъ. Тѣмъ не менѣе, скрѣпя сердце, фамилію назвалъ.

— Очень пріятно, — вѣжливо сказалъ учитель, протягивая руку. — А я Авдіевъ, Веніаминъ Васильевичъ, учитель словесности. Въ настоящую минуту, какъ видите, нѣсколько пьянъ.

При этомъ онъ захохоталъ («смѣхъ у него удивительно веселый и заразительный») и, крѣпко опершись на руку ученика, поднялся на ноги и попросилъ проводить его до дому, такъ какъ еще не ознакомился съ городомъ.

— Чортъ знаетъ, — говорилъ онъ смѣясь, — улицы у васъ какія-то несообразныя, а вино у Вайнтрауба крѣпкое... Не успѣлъ оглянуться, — уже за шлагбаумомъ... Пошелъ назадъ... тутъ бревна какія-то подъ ноги лѣзутъ... Ха-ха-ха... Голова у меня всегда свѣжа, а ноги, чортъ ихъ возьми, пьянѣютъ...

Доманевичъ проводилъ учителя на его квартиру надъ прудомъ, причемъ всю дорогу дружески поддерживалъ его подъ руку. Дома у себя Авдіевъ былъ очень милъ, предложилъ папиросу и маленькій стаканчикъ краснаго вина, но при этомъ, однако, уговаривалъ его никогда не напиваться и не влюбляться въ женщинъ. Первое — вредно, второе... не стоитъ...

Разсказъ вызвалъ въ классѣ сенсацію. —

Что же это такое? — думалъ я съ ощущеніемъ щемящей душевной боли, тѣмъ болѣе странной, что Авдіевъ казался мнѣ теперь еще менѣе симпатичнымъ.

— Ну, братъ, — сдѣлалъ кто-то практическій выводъ, — теперь можешь круглый годъ не учить словесность...

— Что мнѣ учить ее, — отвѣтилъ Доманевичъ небрежно, — я съ прошлаго года знаю все, что онъ диктовалъ... Я, братъ, «мыслю» еще съ перваго класса. — И, окинувъ насъ обычнымъ, нѣсколько пренебрежительнымъ взглядомъ, — Доманевичъ медленно прослѣдовалъ къ своему мѣсту. Теперь у него явилось новое преимущество: едва ли къ кому-нибудь изъ мелюзги учитель могъ обратиться за *такой* услугой...

Пробилъ звонокъ. Дверь открылась. Вошелъ Авдіевъ и легкой беззаботной походкой прошелъ къ каѳедрѣ.

Всѣ взгляды впились въ учителя, о которомъ извѣстно, что вчера онъ былъ пьянъ и что его Доманевичъ велъ подъ руку до квартиры. Но на красивомъ лицѣ не было видно ни малѣйшаго смущенія. Оно было свѣжо, глаза блестѣли, на губахъ играла тонкая улыбка. Вглядѣвшись теперь въ это лицо, я вдругъ почувствовалъ, что оно вовсе не антипатично, а наоборотъ — умно и красиво... Но... все-таки вчера онъ былъ пьянъ... Авдіевъ раскрылъ журналъ и сталъ дѣлать перекличку.

— Варденскій... Заботинъ... Доманевичъ.

— Здѣсь, — отвѣтилъ Доманевичъ, лѣниво чуть-чуть подымаясь съ мѣста. Авдіевъ на мгно-

веніе остановился, посмотрѣлъ на него искрящимися глазами, какъ бы припоминая что-то, и продолжалъ перекличку. Затѣмъ, отодвинувъ журналъ, онъ облокотился обѣими руками на каѳедру и спросилъ:

— Вы прошлый разъ успѣли все записать, что я разсказывалъ?

— Успѣли.

— И, конечно, выучили? Да? Ну-съ... Господинъ Доманевичъ.

Фамилія Доманевича пробѣжала въ классѣ электрической искрой. Головы повернулись къ нему. Бѣдняга недоумѣло и безпомощно оглядывался, какъ бы не отдавая себѣ отчета въ происходящемъ. Въ классѣ порхнулъ по скамьямъ невольный смѣшокъ. Лицо учителя было серьезно.

— Итакъ, господинъ Доманевичъ разскажетъ намъ содержаніе перваго урока... Какъ мы подошли къ опредѣленію предмета? Слушаемъ.

Доманевичъ поднялся, постоялъ полминуты потупясь и потомъ сказалъ растерянно:

— Я, господинъ учитель...

— Что именно?

— Сегодня не успѣлъ приготовить.

— Сегодня? А вчера? А третьяго дня?

— Я, вообще...

— Вообще?.. Напрасно, г. Доманевичъ, напрасно. Уроки задаются затѣмъ, чтобы ихъ готовить. На это было три дня. У васъ была основательная причина?

Доманевичъ молчалъ.

— Жаль, но... — Онъ взялъ перо и раскрылъ

журналъ. — Съ величайшимъ сожалѣніемъ вынужденъ поставить вамъ... единицу...

Проведя въ журналѣ черту, онъ взглянулъ на бѣднаго Доманевича. Видъ у нашего патріарха былъ такой растерянный и комично обиженный, что Авдіевъ внезапно засмѣялся, слегка откинувъ голову. Смѣхъ у него былъ дѣйствительно какой-то особенный, переливчатый, заразительный и звонкій, причемъ красиво сверкали изъ-подъ тонкихъ усовъ ровные бѣлые зубы... У насъ вообще не было принято смѣяться надъ бѣдой товарища, — но на этотъ разъ засмѣялся и самъ Доманевичъ. Махнувъ рукой, онъ усѣлся на мѣсто.

Осложненіе сразу разрѣшилось. Мы поняли, что изъ вчерашняго происшествія рѣшительно никакихъ послѣдствій собственно для ученія не вытекаетъ и что авторитетъ учителя установленъ сразу и прочно. А къ концу этого второго урока мы были ужъ цѣликомъ въ его власти. Продиктовавъ, какъ и въ первый разъ, красиво и свободно дальнѣйшее объясненіе, онъ затѣмъ взошелъ на каѳедру и, раскрывъ принесенную съ собой толстую книгу въ новомъ изящномъ переплетѣ, сказалъ:

— Теперь, господа, отдохнемъ. Я вамъ говорилъ уже, что значитъ мыслить понятіями. А вотъ сейчасъ вы услышите, какъ иные люди мыслятъ и объясняютъ самыя сложныя явленія образами. Вы знаете уже Тургенева?

Къ стыду нашему, Тургенева многіе знали только по имени. Книгами мы пользовались или за умѣренную плату у любителя-еврея,

снабжавшаго насъ истрепанными романами Дюма, Монтепена и Габоріо, или изъ гимназической библіотеки. Разъ въ недѣлю мы ввалились подъ вечеръ въ темные гулкіе коридоры, казавшіеся таинственными и незнакомыми при сомнительномъ свѣтѣ сальнаго огарка, который несъ впереди Андріевскій, и поднимались по лѣстницамъ, обмѣниваясь съ добродушнымъ словесникомъ шутками и остротами. Каждый разъ онъ долго подбиралъ ключъ къ замку библіотечной двери, потомъ звонко щелкалъ и открывалъ входъ въ большую комнату, уставленную по стѣнамъ огромными шкафами. Содержимое шкафовъ было чрезвычайно скудно: тутъ были преимущественно душеспасительныя поученія, «Воскресный Досугъ», почему-то еще «Солдатское Чтеніе» и «Всемірный Путешественникъ». Мы роптали, а Андріевскій отшучивался, порой очень остроумно, возбуждая общій хохотъ. Въ концѣ концовъ приходилось все-таки просить для чтенія путешествіе Ливингстона, за нимъ путешествіе Кука, затѣмъ путешествіе Араго, путешествіе Беккера-паши. Разъ я принесъ домой даже путешествіе на Аѳонъ. Кажется, это были «Письма Святогорца», изъ которыхъ, впрочемъ, несмотря на тогдашнее мое религіозное настроеніе, я запомнилъ только одно красивое описаніе бури и восхищеніе автора передъ тѣмъ, какъ святитель Николай заушилъ на соборѣ еретика Арія. Святогорецъ стоитъ передъ иконой, изображающей этотъ сильный аргументъ богословской полемики, и ему чудится, что «отзвукъ святительскаго за-

ушенія еще носится подъ сводами безмолвнаго храма»...

Какъ бы то ни было, но даже я, читавшій сравнительно много, хотя безпорядочно и случайно, знавшій уже «Трехъ мукетеровъ», «Графа Монтекристо» и даже «Вѣчнаго Жида» Евгенія Сю, — Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова и Писемскаго зналъ лишь по нѣкоторымъ, случайно попадавшимся разсказамъ. Мое чтеніе того времени было просто развлеченіемъ и пріучало смотрѣть на беллетристику, какъ на занимательныя описанія того, чего въ сущности не бываетъ. Порой я прикидывалъ поступки и разговоры книжныхъ героевъ къ условіямъ окружавшей меня жизни и находилъ, что никто и никогда такъ не говоритъ и не поступаетъ. Свѣтлымъ пятнышкомъ выступало воспоминаніе о «Ѳомѣ изъ Сандоміра» и еще двухъ-трехъ произведеніяхъ польскихъ писателей, прочитанныхъ ранѣе. Это было ближе къ жизни. Гдѣ-то, можетъ быть, недалеко и не очень давно, — люди *могли* такъ говорить и поступать, но все-таки теперь не говорятъ и не поступаютъ...

Помню, въ одинъ свѣтлый осенній вечеръ я шелъ по тихой Тополевой улицѣ и свернулъ черезъ пустырь въ узенькій переулокъ. Улица была въ тѣни, но за огородами, между двумя черными крышами, поднималась луна, и на ней рѣзко обрисовывались черныя вѣтки дерева, уже обнаженнаго отъ листьевъ. Я остановился, невольно пораженный красивой простотой этого несложнаго пейзажа. Я любилъ рисовать, ограничиваясь рабскимъ копирова-

ніемъ, но теперь мнѣ страстно хотѣлось передать эту картину вотъ такъ же просто, съ ровной темнотой этихъ крышъ, кольями плетня, врѣзавшимися въ посвѣтлѣвшее отъ мѣсяца небо, со всей глубиной влажныхъ тѣней, въ которыхъ чувствуется такъ много утонувшихъ во тьмѣ предметовъ, чувствуется даже недавно выпавшій дождь...

Потомъ мысль моя перешла къ книгамъ, и мнѣ пришла въ голову идея: что, если бы описать просто мальчика, въ родѣ меня, жившаго сначала въ Житомірѣ, потомъ переѣхавшаго вотъ сюда, въ Ровно; описать все, что онъ чувствовалъ, описать людей, которые его окружали, и даже вотъ эту минуту, когда онъ стоитъ на пустой улицѣ и мѣряетъ свой теперешній духовный ростъ со своимъ прошлымъ и настоящимъ. Вотъ въ этой слитой, влажной тьмѣ, безпорядочно усѣянной огоньками, за этими свѣтящимися окошками, живутъ люди. Теперь они пьютъ чай или ужинаютъ, разговариваютъ, ссорятся. И никогда они не оглядываются на себя и на природу, никогда не примѣриваютъ своего *я* ко всему, что ихъ окружаетъ. Быть можетъ, во всемъ городѣ я одинъ думаю о нихъ, одинъ желалъ бы изобразить и эту природу, и этихъ людей такъ, чтобы все было правда и чтобы каждый нашелъ здѣсь свое мѣсто.

Не этими словами, но думалъ я именно это. И во мнѣ было немного гордости и много неудовлетворенія. Я только думалъ, что можно бы изобразить все, въ той простотѣ и правдѣ, какъ я теперь это вижу, и что исторія маль-

чика, подобнаго мнѣ, и людей, его окружающихъ, могла бы быть интереснѣе и умнѣе графа Монтекристо. Но, въ сущности, я ничего не умѣлъ: учитель Стахорскій считалъ меня даровитымъ рисовальщикомъ, но требовалъ тщательной «штриховки». Въ штриховкѣ я достигъ большихъ успѣховъ, но съ ней не могъ нарисовать самаго простого пейзажа съ натуры. Порой, отвязавъ нашу лодку, я подплывалъ къ острову, ставилъ ее среди кувшинокъ и ряски и принимался съ залива рисовать старый замокъ съ пустыми окнами, съ высокими тополями и обомшѣлыми каменными рыцарями. Рисунки мои производили фуроръ, но я чувствовалъ, что это только черты, контуры, штриховка... Нѣтъ ни задумчивой массивности старой руины, ни глубины въ зіяющихъ окнахъ, ни высоты въ тополяхъ съ шумящими вершинами, ни воздуха въ высокомъ небѣ, ни прозрачности въ водѣ. Съ ощущеніемъ безсилія и душевной безвкусицы я клалъ карандаши и альбомъ на скамейку лодки и подолгу сидѣлъ безъ движенія, глядя, какъ вокругъ, шевеля застоявшуюся сверкающую воду, бѣгали долгоногіе водяные комары съ свѣтлыми чашечками на концахъ лапокъ, какъ въ тинѣ тихо и томно проплывали разомлѣвшія лягушки, или раки вспахивали хвостами мутное дно. Черезъ нѣкоторое время душевная пустота, вѣявшая отъ мертвой жизни мертваго городка, начинала наполняться: изъ-за нея выходили тѣни прошлаго. Пустой островъ заселялся, замокъ оживалъ. На широкомъ балконѣ появлялись группы красавицъ, и одна изъ нихъ дер-

жала кубокъ, а молодой рыцарь (можетъ быть, это даже былъ я) въѣзжалъ на конѣ по лѣстницамъ и переходамъ и бралъ этотъ кубокъ изъ руки дамы... Кругомъ гремѣли крики, выстрѣлы, звонъ шпоръ и ржаніе коней.

Или иначе: на замокъ нападаютъ казаки и гайдамаки, весь островъ въ бѣломъ дыму... Вообще, въ это время, подъ вліяніемъ легендъ стараго замка и отрывочнаго чтенія (въ спискахъ) «Гайдамаковъ» Шевченка, — романтизмъ старой Украйны опять врывался въ мою душу, заполняя ее призраками отошедшей казацкой жизни, такими же мертвыми, какъ и польскіе рыцари и ихъ прекрасныя дамы... Что можетъ быть интереснаго въ жизни обыкновеннаго мальчика и его сосѣдей? Интересны только дикія степи, бѣшеная погоня, нападенія, приключенія, подвиги, разумѣется, съ благополучнымъ окончаніемъ... Одно время я даже заинтересовался географіей съ той точки зрѣнія, гдѣ можно бы въ наше прозаическое время найти уголокъ для возстановленія Запорожской сѣчи, и очень обрадовался, услыхавъ, что Садыкъ-паша Чайковскій ищетъ того же романтическаго прошлаго на Дунаѣ, въ Анатоліи и въ Сиріи... Мечты безплодно распаляли воображеніе, обезсиливали волю. Когда приходило время возвращаться съ этихъ неудачныхъ художественныхъ сеансовъ, я лѣниво бралъ весла, и моя лодка протягивала за собой медлительный слѣдъ, тихо заплывавшій ряской, водорослями и тиной.

Растущая душа стремилась пристроить куда-то избытокъ силы, не уходящей на «ариѳметики и грамматики», и вслѣдъ за жгучими

историческими фантазіями въ нее порой опять врывался религіозный экстазъ. Онъ былъ такой же безпочвенный и еще болѣе мучительный. Въ глубинѣ души, еще не сознанныя, начинали роиться сомнѣнія, а на-встрѣчу имъ поднималась жажда религіознаго подвига, полетовъ души ввысь, молитвенныхъ экстазовъ.

Однажды въ такомъ настроеніи я шелъ въ гимназію.

Путь лежалъ черезъ базарную площадь, центръ мѣстной торговой жизни. Кругомъ нея зіяли ворота заѣзжихъ домовъ; вся она была заставлена возами, заполнена шумомъ, гоготаніемъ продаваемой птицы, ржаніемъ лошадей, звонкими криками торговокъ.

И вдругъ мой взглядъ упалъ на фигуру Мадонны, стоявшей на своей колоннѣ высоко въ воздухѣ. Это была мѣстная святыня, одинаково для католиковъ и православныхъ. По вечерамъ будочникъ, лицо офиціальное, вставлялъ въ фонарь огарокъ свѣчи и поднималъ его на блокъ. Огонекъ звѣздочкой висѣлъ въ темномъ небѣ, и надъ нимъ красиво, таинственно, неясно рисовалась раскрашенная фигура.

Говорили, что протоіерей-обруситель возбудилъ уже вопросъ о снятіи Богородицы-католички... Теперь опальная статуя, освѣщенная утренними лучами, рѣяла надъ шумной и пестрой безтолочью базара. Было въ ней что-то такое, отчего я сразу остановился, а черезъ минуту стоялъ на колѣняхъ, безъ шапки, и крестился, поднявъ глаза на Мадонну.

Потомъ я поднялся и пошелъ въ классы, не обращая вниманія на удивленные взгляды.

Въ слѣдующій разъ, проходя опять тѣмъ же мѣстомъ, я вспомнилъ вчерашнюю молитву. Настроеніе было другое, но... кто-то какъ будто упрекнулъ меня: «Ты стыдишься молиться, стыдишься признать свою вѣру только потому, что это не принято»... Я опять положилъ книги на панель и сталъ на колѣни...

Теперь толпы не было, и фигура гимназиста на колѣняхъ выдѣлялась яснѣе. На меня обратили вниманіе евреи-факторы, прохожіе, чиновники, шедшіе въ казначейство... Вдали на деревянныхъ тротуарахъ мелькали синіе гимназическіе мундиры. Мнѣ хотѣлось, чтобы меня не замѣтили...

Съ этихъ поръ на нѣкоторое время у меня явилась навязчивая идея: молиться какъ слѣдуетъ я не могъ, — не было непосредственно молитвеннаго настроенія, но мысль, что я «стыжусь», звучала упрекомъ. Я все-таки становился на колѣни, недовольный собой, и недовольный подымался. Товарищи заговорили объ этомъ, какъ о странномъ чудачествѣ. На вопросы я молчалъ... Душевная борьба въ пустотѣ была мучительна и безплодна...

Въ такомъ настроеніи застало меня появленіе новаго учителя...

Закончивъ объясненіе урока, Авдіевъ раскрылъ книгу въ новенькомъ изящномъ переплетѣ и началъ читать такимъ простымъ голосомъ, точно продолжаетъ самую обыденную бесѣду:

«Мардарій Аполлоновичъ Стегуновъ — ста-

ричекъ низенькій, пухленькій, лысый, съ двойнымъ подбородкомъ, мягкими ручками и порядочнымъ брюшкомъ. Онъ большой хлѣбосолъ и балагуръ... Зиму и лѣто ходитъ въ полосатомъ шлафрокѣ на ватѣ... Домъ у него старинной постройки: въ передней, какъ слѣдуетъ, пахнетъ квасомъ, сальными свѣчами и кожей»...

Это — «Два помѣщика» изъ «Записокъ охотника». Разсказчикъ, еще молодой человѣкъ, тронутый «новыми взглядами», гоститъ у Мардарія Аполлоновича. Они пообѣдали и пьютъ на балконѣ чай. Вечерній воздухъ затихъ. «Лишь изрѣдка вѣтеръ набѣгалъ струями и въ послѣдній разъ, замирая около дома, донесъ до слуха звукъ мѣрныхъ и чистыхъ ударовъ, раздававшихся въ направленіи конюшни». Мардарій Аполлоновичъ, только что поднесшій ко рту блюдечко съ чаемъ, — останавливается, киваетъ головой и съ доброй улыбкой начинаетъ вторить ударамъ:

— Чюки-чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ!

Оказывается, на конюшнѣ сѣкутъ «шалунишку» буфетчика, человѣка съ большими бакенбардами, недавно еще въ долгополомъ сюртукѣ прислуживавшаго за столомъ... Лицо у Мардарія Аполлоновича доброе. «Самое лютое негодованіе не устояло бы противъ его яснаго и кроткаго взора»... А на выѣздѣ изъ деревни разсказчикъ встрѣчаетъ и самого «шалунишку»: онъ идетъ по улицѣ, лущитъ сѣмячки и на вопросъ, за что его наказали, отвѣчаетъ просто:

— А подѣломъ, батюшка, подѣломъ! У насъ по пустякамъ не наказываютъ... У насъ баринъ... такого барина во всей губерніи не сыщешь...

Среди глубочайшей тишины Авдіевъ дочиталъ послѣднюю фразу: «Вотъ она — старая-то Русь!..» Затѣмъ онъ сказалъ нѣсколько, опять очень простыхъ, словъ о крѣпостномъ правѣ и объ ужасѣ «порядка», при которомъ возможно это двустороннее равнодушіе. Звонокъ Савелія въ первый разъ прозвучалъ для насъ неожиданно и непріятно.

Въ этотъ день я уносилъ изъ гимназіи огромное и новое впечатлѣніе. Меня точно осіяло. Вотъ они, тѣ «простыя» слова, которыя даютъ настоящую, неприкрашенную «правду» и все-таки сразу подымаютъ надъ сѣренькой жизнью, открывая ея шири и дали. И въ этихъ ширяхъ и даляхъ вдругъ встаютъ и толпятся, и движутся знакомыя фигуры, обыденные эпизоды, будничныя сцены, озаренныя особеннымъ свѣтомъ.

Когда послѣ урока я шелъ домой, мнѣ вспомнился дядя капитанъ, Гарный Лугъ, «помѣщики», Кароль, Антось... И прежняго противорѣчія, безсмысленной несвязности этихъ явленій какъ не бывало... «Чюки-чюки-чюкъ»... Что вы, молодой человѣкъ, что вы? Да развѣ я злодѣй, что вы на меня такъ уставились?..» Я понялъ стихійную непосредственность этого восклицанія... Капитанъ тоже не злодѣй. Онъ гораздо умнѣе, симпатичнѣе Мардарія. И однако... онъ несомнѣнно обливалъ Кароля водой на морозѣ. И Кароль съ этимъ примирился,

а во мнѣ кипѣло негодованіе. Оно относилось къ «крѣпостному праву», которое уже отошло. Но... все-таки представленіе о нравственности лицъ и о нравственности учрежденій, строя жизни уже отдѣлялись другъ отъ друга, какъ различныя категоріи.

Съ этого дня художественная литература перестала быть въ моихъ глазахъ только развлеченіемъ, а стала увлекательнымъ и серьезнымъ дѣломъ. Авдіевъ сумѣлъ зажечь и раздуть эти душевныя эмоціи въ яркое пламя. У него было инстинктивное чутье юности и — талантъ. Все, что онъ читалъ, говорилъ и дѣлалъ, пріобрѣтало въ нашихъ глазахъ особенное значеніе. Исторія литературы, съ поученіями Мономаха и письмами Заточника, выступала изъ своего туманнаго отдаленія, какъ предметъ значительный и важный, органически подготовлявшій грядущія откровенія. Коротенькіе дивертисменты въ концѣ уроковъ, когда Авдіевъ раскрывалъ принесенную съ собой книгу и прочитывалъ отрывокъ, сцену, стихотвореніе, — стали для насъ потребностью. Въ его чтеніи никогда не чувствовалось искусственности. Начиналось оно всегда просто, и мы не замѣчали, какъ, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ Авдіевъ переходилъ къ паѳосу, потрясавшему насъ какъ рядъ электрическихъ ударовъ, или къ комизму, вѣявшему на классъ вихремъ хохота. Онъ прочиталъ сцену изъ «Мертвыхъ душъ», и мы кинулись на Гоголя. Особенно любилъ онъ Некрасова, и впослѣдствіи я уже никогда не слыхалъ такого чтенія.

Вскорѣ между Авдіевымъ и нами завязались

простыя и близкія отношенія. Онъ приглашалъ насъ къ себѣ, угощалъ чаемъ за своимъ холостымъ столомъ и всегда держалъ себя просто, дружески и весело. Никогда не чувствовалось преднамѣренности и дидактизма; легкая шутка и вопросъ о только что прочитанной кѣмъ-нибудь изъ насъ повѣсти Тургенева, Писемскаго, Гончарова, Помяловскаго, стихотвореніи Некрасова, Никитина или Шевченка сплетались незамѣтно, непринужденно... До сихъ поръ въ душѣ моей, какъ ароматъ цвѣтка, сохранилось особое ощущеніе, которое я уносилъ съ собой изъ квартиры Авдіева, ощущеніе любви, уваженія, молодой радости раскрывающагося ума и благодарности за эту радость...

Однажды, возвращаясь подъ такимъ впечатлѣніемъ къ себѣ часовъ около 9-ти вечера, я вдругъ наткнулся на инспектора, который въ переулкѣ рѣзко освѣтилъ мое лицо потайнымъ фонарикомъ. На мгновеніе меня обдало точно кипяткомъ. Но я не испугался, не пытался увернуться и убѣжать, хотя могъ бы, такъ какъ передо мной заранѣе рисовалась въ темнотѣ высокая, точно длинный столбъ, фигура приближавшагося Степана Яковлевича... Помню, что мнѣ было странно и досадно, точно я до этого мгновенія все еще оставался въ свѣтлой комнатѣ, а теперь неожиданно очутился въ грязномъ и темномъ переулкѣ передъ назойливымъ выходцемъ изъ другого міра. Повидимому, въ выраженіи моего лица было что-то, удивившее инспектора. Онъ ближе придвинулъ фонарикъ, внимательно всмотрѣлся въ меня и спросилъ:

— Что вы?

— Ничего, Степанъ Яковлевичъ.

— Откуда?

— Отъ Веніамина Васильевича. Относилъ книгу.

— А!

И онъ ушелъ, оставляя во мнѣ впечатлѣніе мимолетнаго соннаго призрака.

Никогда отъ Авдіева мы не слышали ни одного намека на нашу «систему» или на ненормальности гимназическаго строя. Но онъ вызывалъ совершенно особый душевный строй, который непреднамѣреннымъ контрастомъ оттѣнялъ и подчеркивалъ обычный строй гимназической жизни. И это было сильнѣе прямой критики.

По временамъ онъ продолжалъ пить. Однажды его вывели изъ клуба, гдѣ онъ началъ говорить посѣтителямъ — очень веселыя, правда, — дерзости. Это вызвало негодованіе, и Авдіева выпроводили; но и при этомъ онъ велъ себя такъ забавно, что и старшины, и публика хохотали, а на слѣдующій день, какъ стая птицъ, разлетѣлись по городу его характеристики и каламбуры... А еще черезъ нѣсколько дней, въ ближайшій клубный вечеръ, онъ опять явился, какъ ни въ чемъ не бывало, изящный, умный, серьезный, и никто не посмѣлъ напомнить о недавнемъ скандалѣ... На гуляньяхъ въ ясные дни, когда «весь городъ» выходилъ на шоссе, чинно прогуливаясь «за шлагбаумомъ», Авдіевъ переходилъ отъ одной группы къ другой и всюду его встрѣчали привѣтливо, какъ общаго фаворита. Да-

мы всѣ были отъ него въ восторгѣ: въ отношеніи къ нимъ онъ никогда не забывался, даже пьяный, — а мужчины старались забыть его выходки.

— Что дѣлать! Человѣкъ съ сатирическимъ направленіемъ ума, — сказалъ про него воинскій начальникъ, и провинціальный городъ принялъ эту сентенцію, какъ своего рода патентъ, узаконившій поведеніе интереснаго учителя. Другимъ, конечно, спустить того, что спускалось Авдіеву, было бы невозможно. Человѣку съ «сатирическимъ направленіемъ ума» это какъ бы полагалось по штату...

Все это, разумѣется, доходило до гимназистовъ. Ученики передавали о скандалахъ по разсказамъ клубныхъ очевидцевъ и съ удовольствіемъ повторяли остроты и каламбуры своего любимца. Мнѣ тоже порой казалось, что это занимательно и красиво, и иной разъ я даже мечталъ о томъ, что когда-нибудь и я буду такимъ же уѣзднымъ сатирикомъ, котораго одни боятся, другіе любятъ, и всѣ, въ сущности, уважаютъ за то, что онъ никого самъ не боится и своими выходками шевелитъ дремлющее болото. Но я все-таки не могъ примириться съ мыслью, что Авдіева «выводили изъ клуба», и многіе считаютъ себя въ правѣ называть его пьяницей.

Однажды онъ далъ мнѣ читать Писемскаго. Есть у этого писателя одна повѣсть, менѣе другихъ упоминаемая критикой и забытая читающей публикой. Называется она «Monsieur Батмановъ» и изображаетъ человѣка съ «широкой натурой», красиваго, эксцентричнаго,

остроумнаго, не признающаго условностей. Онъ попадаетъ изъ столицы въ небольшой губернскій городъ, очаровываетъ все общество, которое самъ открыто презираетъ, говоритъ дерзости губернскимъ магнатамъ и производитъ болѣе или менѣе забавные дебоши. Его любитъ умная и красивая женщина. Онъ какъ будто любитъ ее также, но все-таки они расходятся навсегда: мосье Батмановъ не можетъ подумать безъ отвращенія о законномъ бракѣ и любви по обязанности...

У меня замирало сердце, когда я читалъ послѣднее объясненіе Батманова съ любимой женщиной гдѣ-то, кажется, въ театральной ложѣ. За обликомъ Батманова я подставилъ въ воображеніи оригинальное лицо Авдіева, съ его тонкой улыбкой, заразительнымъ смѣхомъ и порой ѣдкимъ, но чаще благодушно-красивымъ остроуміемъ. Какъ и Батмановъ, онъ выдѣлялся рѣзкимъ пятномъ на тускломъ провинціальномъ фонѣ, головой выше всѣхъ окружающихъ. Какъ и Батмановъ, не боялся общаго мнѣнія; наконецъ, какъ и у Батманова, мнѣ чудилась за всѣмъ этимъ какая-то драма, душевная боль, непонятный отказъ отъ счастья изъ-за неясныхъ, но, конечно, возвышенныхъ побужденій...

Кончается повѣсть Писемскаго неожиданной сценкой. Въ какомъ-то сибирскомъ городкѣ мѣстные купцы-золотопромышленники встрѣчаютъ пріѣзжаго сановника. Впереди депутаціи съ хлѣбомъ-солью стоитъ дородный красивый человѣкъ, съ широкой бородой, въ сибиркѣ изъ тонкаго сукна и въ высокихъ сапогахъ

бураками. Сановникъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ узнаетъ въ немъ стараго знакомаго — м-сье Батманова. «Да, чѣмъ только не кончалось русское разочарованіе!» — замѣчаетъ въ заключеніе Писемскій. Обаяніе фигуры Батманова было такъ велико, что я какъ-то совершенно не обратилъ вниманія на это сатирическое заключеніе.

Однажды, когда я принесъ Авдіеву прочитанную книгу, онъ остановилъ меня, и мы разговорились какъ-то особенно задушевно. Вообще, я уже сталъ тогда однимъ изъ любимыхъ его учениковъ, и порой наши бесѣды принимали оттѣнокъ своеобразной дружбы взрослаго человѣка и юноши, почти мальчика. Онъ спросилъ, не случается ли мнѣ встрѣчать въ литературѣ знакомыхъ лицъ. Я сказалъ о томъ, какъ Мардарій Аполлоновичъ Стегуновъ заставилъ меня вспомнить о моемъ дядѣ-капитанѣ, хотя, въ сущности, они другъ на друга не похожи. Онъ выслушалъ эту параллель съ интересомъ и вдругъ предложилъ вопросъ:

— Ну, а я похожъ на кого-нибудь изъ этихъ господъ?

— Вы... — отвѣтилъ я, нѣсколько застѣнчиво, — у Писемскаго: мосье Батмановъ.

Авдіевъ удивленно повернулся на креслѣ и сказалъ съ недоумѣніемъ:

— Бат-ма-новъ? Странно. Въ чемъ же сходство?

Я былъ въ затрудненіи. Что сказать, въ самомъ дѣлѣ, на этотъ вопросъ: въ скандалахъ и остроумныхъ каламбурахъ? Замѣтивъ мое

затрудненіе и сконфуженность, онъ засмѣялся и спросилъ:

— А Батмановъ этотъ вамъ нравится?

— Да.

Онъ протянулъ руку, взялъ со стола книгу и, развертывая ее, спросилъ:

— Да вы дочитали до конца?

— Дочиталъ. Что жъ, конецъ... По моему, можно бы закончить иначе...

— Вы думаете? Ну, нѣтъ. Здѣсь художественная правда. Иначе было бы опять въ томъ же родѣ.

Онъ прочелъ заключительную сценку вплоть до ироническаго восклицанія о русскомъ разочарованіи и сказалъ:

— И что только вамъ понравилось? Печоринствующій бездѣльникъ изъ дворянъ... Но съ Печориными, батюшка, дѣло давно покончено. Изъ литературной гвардіи они уже разжалованы въ инвалидную команду, — и теперь развѣ гарнизонные офицеры прельщаютъ уѣздныхъ барышенъ печоринскимъ «разочарованіемъ». Вамъ вотъ конецъ не понравился... Это значитъ, что и у васъ, господа гимназисты, вкусы еще немного... гарнизонные...

Я сильно покраснѣлъ. Авдіевъ замѣтилъ это и вдругъ, откинувъ голову, залился своимъ звенящимъ смѣхомъ.

— А! вотъ оно что! Кажется, понимаю, — сказалъ онъ. — Ну, ничего, ничего, не краснѣйте! Но вѣдь это сходство только поверхностное. Батмановъ прежде всего баринъ, скучающій отъ бездѣлья. Ну, а я разночинецъ и работникъ. И кажется...

Онъ опять взглянулъ на меня и прибавилъ серьезнымъ тономъ:

— И кажется, работникъ въ своемъ дѣлѣ недурной.

Онъ нѣсколько времени молча покачивался въ креслѣ-качалкѣ, глядя передъ собой... Затѣмъ опять протянулъ руку къ полкѣ съ книгами.

— «Затишье» вы читали? — спросилъ онъ.

— Читалъ.

Онъ раскрылъ Тургенева и, перекинувъ нѣсколько листковъ, прочелъ громко:

«Марья Павловна опять взглянула на него.

«— Вы увѣряете, что слушаетесь меня?

«— Конечно, слушаюсь.

«— Слушаетесь? А вотъ сколько разъ я васъ просила... не пить вина.

«Онъ засмѣялся.

«— Эхъ Маша, Маша! И вы туда же... Да, во-первыхъ, я вовсе не пьяница, а во-вторыхъ, знаете ли, для чего я пью. Посмотрите-ка вотъ на эту ласточку... Видите, какъ она смѣло распоряжается своимъ маленькимъ тѣломъ, — куда хочетъ, туда его и броситъ... Вотъ взвилась, вонъ ударилась книзу, даже взвизгнула отъ радости, слышите? Такъ вотъ для чего я пью, Маша, чтобы испытать тѣ самыя ощущенія, которыя испытываетъ эта ласточка... Швыряй себя, куда хочешь, лети, куда вздумается...»

— Веретьевъ! — сказалъ я радостно. Веретьевъ мнѣ тоже очень нравился и тоже отчасти напоминалъ Авдіева: превосходно читалъ стихи, говорилъ пошляку Астахову непрі-

ятную правду въ глаза и такъ красиво «швырялъ себя, подобно ласточкѣ». Но на этотъ разъ я тотчасъ же вспомнилъ конецъ и сказалъ довольно уныло:

— А кончаетъ тоже плохо.

— Очень плохо, — сказалъ Авдіевъ. — Ласточка, ласточка, а затѣмъ... господинъ въ поношенномъ испанскомъ плащѣ, съ слегка оплывшими глазами и крашеными усами. Знаете что, — никогда не пейте, и главное — не начинайте. Ни изъ удальства, ни для того, чтобы быть ласточкой. Запомните вы этотъ мой совѣтъ, когда станете студентомъ?

— Запомню, Веніаминъ Васильевичъ, — отвѣтилъ я съ волненіемъ и затѣмъ, по внезапному побужденію, поднялъ на него глаза, но не рѣшился высказать вставшій въ умѣ вопросъ. Онъ, вѣроятно, понялъ, потянулся въ креслѣ и быстро всталъ на ноги.

— Да, — сказалъ онъ: — «ласточка» — это у Тургенева замѣчательно вѣрно; но крашеные усы... бррр! И вообще скверность. Эти полеты нужно умѣть остановить во-время...

Онъ прошелся по комнатѣ, потомъ опять сѣлъ и закачался, смѣясь, а я, ободренный этимъ, рѣшился еще на одинъ вопросъ:

— Правда... вы женитесь?

Онъ съ улыбкою, искоса взглянулъ на меня и спросилъ въ свою очередь:

— На комъ?

— На Л.

— А вы бы мнѣ этого желали?

— Да, очень...

— Искренно?

— Искренно, — отвѣтилъ я съ убѣжденіемъ.

Онъ захохоталъ какъ-то совсѣмъ по-дѣтски и потомъ сказалъ:

— Очень тронутъ... но... Да будетъ вамъ краснѣть-то! Нѣтъ, не женюсь...

Я, дѣйствительно, покраснѣлъ, должно быть, до корня волосъ. Въ городѣ начали поговаривать, какъ о предполагаемой невѣстѣ Авдіева, о той самой дѣвушкѣ, въ которую, въ числѣ другихъ, былъ влюбленъ и я. Слухъ этотъ сначала больно поразилъ мое сердце, но затѣмъ я примирился съ мыслью, что она будетъ женой Авдіева, и что тогда онъ броситъ пить. Мое довольно подвижное воображеніе рисовало мнѣ на этомъ фонѣ разныя болѣе или менѣе красивыя картины. Черезъ много лѣтъ я, пожилой и одинокій, такъ какъ остался вѣренъ своему чувству, посѣщаю, послѣ разныхъ бурныхъ скитаній по свѣту, ихъ счастливую семью. И только тогда онъ узнаетъ тайну моей любви и моего самоотверженія и то, какую огромную жертву принесъ ему горячо любившій его ученикъ...

Переливчатый смѣхъ Авдіева спугнулъ эти фантазіи. На этотъ разъ я покраснѣлъ отъ того, что почувствовалъ ихъ ребячество и... вспомнилъ сразу, что въ сущности великодушіе мое было довольно дешеваго свойства, такъ какъ, и безъ Авдіева, мои шансы были довольно плохи... Реализмъ отвоевывалъ мѣсто у сантиментально-фантастической драмы...

Русскихъ писателей я бралъ у Авдіева одного за другимъ и читалъ запоемъ. Часто мнѣ казалось, что все это въ сущности только

вскрываетъ и освѣщаетъ мысли и образы, которые давно уже толпились въ глубинѣ моего собственнаго мозга. Каждый урокъ словесности являлся свѣтлымъ промежуткомъ на тускломъ фонѣ обязательной гимназической рутины, часомъ отдыха, наслажденія, неожиданныхъ и яркихъ впечатлѣній. Часто я даже по утрамъ просыпался съ ощущеніемъ какой-то радости. А, это — сегодня урокъ словесности! Весь педагогическій хоръ съ голосами средняго регистра и выкрикиваніями маніаковъ, — покрывался теперь звучными и яркими молодыми голосами. И ярче всѣхъ звучалъ баритонъ Авдіева: хоръ въ цѣломъ пріобрѣталъ какъ будто новое значительное выраженіе.

Однажды на улицѣ вечеромъ я встрѣтилъ Авдіева. Онъ шелъ подъ-руку съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, нѣсколько старше меня, съ южнымъ профилемъ и черными кудрявыми волосами. Я уже видѣлъ его раньше. Это былъ Гаврило Ждановъ, впослѣдствіи мой пріятель, недавно пріѣхавшій въ нашъ городъ, чтобы поступить въ одинъ изъ старшихъ классовъ гимназіи. Онъ приходился родственникомъ учителю Тыссу и держался запросто въ учительской компаніи. Это дѣлало его въ моихъ глазахъ чѣмъ-то высшимъ, чѣмъ мы, бѣдняги-ученики въ застегнутыхъ мундирахъ, съ вѣчной опаской передъ начальствомъ. Встрѣтивъ меня у одинокаго фонаря на углу, Авдіевъ остановился и сказалъ:

— А! Это вы. Хотите ко мнѣ пить чай? Вотъ, кстати познакомьтесь: Ждановъ, вашъ будущій товарищъ, если только не срѣжется

на экзаменѣ, — что, однако, весьма вѣроятно. Мы вамъ споемъ малорусскую пѣсню. Чи може вы нашихъ писѐнь цураетесь? — спросилъ онъ по-малорусски. — А коли не цураетесь, — идемъ.

Вечеръ весь прошелъ въ пѣнiи. У Авдiева былъ глубокiй и свободный баритонъ. Ждановъ подтягивалъ небольшой, но прiятной октавой. Я сидѣлъ у открытаго окна и слушалъ. Въ окно виднѣлся прудъ, островъ, тополи и замокъ. Надъ дальними камышами, почти еще не свѣтя, подымалась во мглѣ задумчивая красная луна, а небольшая комната, освѣщенная мягкимъ свѣтомъ лампы, вся звенѣла мечтательной, красивой тоской украинской пѣсни. Никогда впослѣдствiи я не испытывалъ такихъ сильныхъ ощущенiй отъ пѣнiя, какъ въ подобные вечера у Авдiева. Послѣ двухъ-трехъ знакомыхъ пѣсенъ, Авдiевъ сказалъ:

— Ну, Ждановъ, — теперь давайте ту, новую...

И, взявъ тонъ, онъ запѣлъ пѣсню «про бурлаку».

— Бурлакъ робыть, заробляе.
А хозяинъ пье, гуляе.
Гей-гей! Яромъ за товаромъ,
Та горами за воламы...
Тяжко житы зъ ворогамы.

Несомнѣнно, въ пѣснѣ есть свои краски и формы. Нужно только, чтобы въ центрѣ сталъ ясный образъ, а уже за нимъ, въ туманныя глубины воображенiя, въ безконечную даль непознаннаго, невѣдомаго въ природѣ и жизни, потянутся свои живые отголоски и будутъ

уходить, дрожа, вспыхивая, плача, угасая. Я живо помню, какъ въ этотъ вечеръ въ замирающихъ тонахъ глубокаго голоса Авдіева, когда я закрывалъ глаза или глядѣлъ на смутную гладь камышей, мнѣ *видѣлась* степь, залитая мечтательнымъ сіяніемъ, колышущаяся буйной травой, изрѣзанная молчаливыми ярами. А басовая октава Жданова разстилалась подъ изгибами высокаго и свѣтлаго баритона, какъ ночныя тѣни въ этихъ ярахъ и долинахъ... И среди этой озаренной степи стоялъ и оглядывался сиротина-бурлакъ и кричалъ: гей-гей! на затерявшихся воловъ и на свою одинокую долю...

Эта пѣсня безотчетно понравилась мнѣ тогда больше всѣхъ остальныхъ. Авдіевъ своимъ чтеніемъ и пѣніемъ вновь разбудилъ во мнѣ украинскій романтизмъ, и я опять чувствовалъ себя во власти этой поэтической дали степей и дали временъ...

Гетьманы, гетьманы! Якъ бы то вы встали,
Встали, подывылысь на свій Чигирынъ,
Що вы будували, де вы панували...
. . . .
У трубы затрубили,
У дзвоны задзвонили,
Вдарыли з гарматы...
Знаменами, бунчуками
Гетьмана укрыли...

И я грустилъ, что это ушло, что этого уже нельзя встрѣтить на этомъ скучномъ свѣтѣ, что уже

Не вернется козачина,
Не встануть гетьманы,
Не покріютъ Украіну
Червони жупаны.

Теперь, подъ вліяніемъ Авдіева, это настроеніе, казалось, должно вспыхнуть еще сильнѣе... Но... въ сущности этого не было, и не было потому, что та самая рука, которая открывала для меня этотъ призрачный міръ, — еще шире распахнула окно родственной русской литературы, въ которое хлынули потоками простые, ясные образы и мысли. Безъ моего сознанія и вѣдома въ душѣ происходила чисто стихійная борьба настроеній. И теперь на вопросъ Авдіева, понравилась ли мнѣ пѣсня «про бурлаку», я отвѣтилъ, что понравилась больше всѣхъ. На вопросъ, — почему больше всѣхъ, я нѣсколько замялся.

— Потому что... напоминаетъ Некрасова. — И я опять покраснѣлъ, чувствуя, что въ сущности сходства нѣтъ, а между тѣмъ мой отзывъ все-таки выражалъ что-то дѣйствительное.

— Вы хотите, вѣроятно, сказать, что тутъ рѣчь идетъ не о прошломъ, а о настоящемъ? — сказалъ Авдіевъ. — Что это современный бурлакъ и современный хозяинъ? У Шевченка тоже есть такіе мотивы-были. Онъ часто осуждалъ прошлое...

И онъ прочелъ нѣсколько отрывковъ. Я тогда согласился, но въ глубинѣ сознанія всетаки стояло какое-то различіе: такіе мотивы были:

Варшавське смиття ваши паны,
Ясновельможные гетьманы!

Но основной, господствующей нотой все-таки была глубокая тоска объ этомъ прошломъ, разрѣшавшаяся безпредметной мечтой о чемъ-

то смутномъ, какъ говоръ степного вѣтра на казацкой могилѣ...

Это я теперь раскрываю скобки, а тогда въ душѣ уживались оба настроенія, только одно становилось все живѣе и громче. Въ это время я сталъ бредить литературой, и порой, собравъ двухъ-трехъ охочихъ слушателей, иногда даже довольствуясь однимъ, — готовъ былъ цѣлыми часами громко читать Некрасова, Никитина, Тургенева, комедіи Островскаго... Однажды, въ воскресенье, я залучилъ такимъ образомъ товарища-еврея, Симху. У него были художественныя наклонности, и я охотно слушалъ его игру на скрипкѣ. Въ свою очередь, я угостилъ его чтеніемъ «Гайдамаковъ». Читалъ я на этотъ разъ недурно, голосъ мой сталъ гибкимъ, выразительнымъ, глубокимъ. Однако, вскорѣ почувствовалъ, что живая связь между мной и слушателемъ оборвалась и не возстановляется. Я взглянулъ въ симпатичное лицо моего пріятеля и понялъ: я читалъ *еврею* о томъ, какъ герой Шевченковской поэмы, Галайда, кричалъ въ Лисянкѣ: «дайте ляха, дайте жида, мало мені, мало!..» Какъ гайдамаки точатъ кровь «жидивочекъ» въ воду и такъ далѣе... Это, конечно, была «исторія», но отъ этой поэтической исторіи моему пріятелю стало больно. А затѣмъ кое-гдѣ изъ красиваго тумана, въ которомъ геніальною кистью украинскаго поэта были разбросаны полныя жизни и движенія картины безчеловѣчной борьбы, — стало проглядывать кое-что, затронувшее уже и меня лично. Гонта, служа въ уманьскомъ замкѣ начальникомъ реестровыхъ каза-

ковъ, женился на полькѣ, и у него было двое дѣтей. Когда гайдамаки, подъ предводительствомъ того же Гонты, взяли замокъ, іезуитъ приводитъ къ ватажку его дѣтей-католиковъ. Гонта уноситъ и рѣжетъ обоихъ «свяченымъ ножомъ», а гайдамаки зарываютъ живьемъ въ колодцѣ школяровъ изъ семинаріи, гдѣ учились дѣти Гонты.

У Добролюбова я прочелъ восторженный отзывъ объ этомъ произведеніи малороссійскаго поэта: Шевченко, самъ украинецъ, потомокъ тѣхъ самыхъ гайдамаковъ, «съ полной объективностью и глубокимъ проникновеніемъ» рисуетъ настроеніе своего народа. Я тогда принялъ это объясненіе, но подъ этимъ согласіемъ просачивалась струйка глухого протеста... Въ поэмѣ ничего не говорится о судьбѣ матери зарѣзанныхъ дѣтей. Гонта ее проклинаетъ:

«Будь проклята маты,
Та проклята католычка,
Що васъ породыла,
Чомъ вона васъ до східъ сонця
Було не втопыла»...

Думалось невольно: — вѣдь онъ на ней женился, зная, что она католичка, какъ мой отецъ женился на моей матери... Я не могъ раздѣлять жгучей тоски о томъ, что теперь

Не заріже батько сына,
Своеі дитины
За честь, славу, за братство,
За волю Вкраіны...

Это четырехстишіе глубоко застряло у меня въ мозгу. Вѣроятно, именно потому, что очарованіе націоналистскаго романтизма уже

встрѣчалось съ другимъ теченіемъ, болѣе родственнымъ моей душѣ.

Однажды Авдіевъ, чтобы заинтересовать насъ Добролюбовымъ, прочиталъ у себя въ квартирѣ отрывки изъ его статей и между прочимъ «Размышленія гимназиста». Я вдругъ съ удивленіемъ услышалъ давно знакомое стихотвореніе, которое мы когда-то списывали въ свои альбомы... Такъ вотъ кто писалъ это? Вотъ кто говорилъ обо мнѣ, объ Янкевичѣ, о Крыжановскомъ, объ Ольшанскомъ? На наше положеніе прямо и ясно указывала литература и затѣмъ уже сопровождала каждый нашъ жизненный шагъ... Это сразу роднило съ нею. Статьи Добролюбова, поэзія Некрасова и повѣсти Тургенева несли съ собой что-то, прямо бравшее насъ на томъ мѣстѣ, гдѣ заставало. Казакъ Шевченка, его гайдамакъ, его мужикъ и дивчина — представлялись для меня, напримѣръ, красивой отвлеченностью. Мужика Некрасова я никогда не видѣлъ, но чувствовалъ его больше. Всегда за непосредственнымъ образомъ некрасовскаго «народа» стоялъ интеллигентный человѣкъ, съ своей совѣстью и своими запросами... вѣрнѣе — съ *моей* совѣстью и *моими* запросами...

Эта струя литературы того времени, этотъ особенный двусторонній тонъ ея — взяли къ себѣ мою разноплеменную душу... Я нашелъ тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература[1]).

[1] Эта часть исторіи моего современника вызвала оживленныя возраженія въ нѣкоторыхъ органахъ украинской

. . . .

. . . .

Однажды Авдіевъ явился въ классъ серьезный и недовольный:

— У насъ требуютъ присылки четвертныхъ сочиненій для просмотра въ округъ, — сказалъ онъ съ особенной значительностью. — По нимъ будутъ судить не только о вашемъ изложеніи, но и объ образѣ вашихъ мыслей. Я хочу вамъ напомнить, что наша программа кончается Пушкинымъ. Все, что я вамъ читалъ изъ Лермонтова, Тургенева, особенно Некрасова, не говоря о Шевченкѣ, въ программу не входитъ.

Ничего больше онъ намъ не сказалъ, и мы не спрашивали... Чтеніе новыхъ писателей продолжалось, но мы понимали, что все то, что будило въ насъ столько новыхъ чувствъ и мыслей, — кто-то хочетъ отнять отъ насъ; кому-то нужно закрыть окно, въ которое

печати. Позволю себѣ напомнить, что я пишу не критическую статью и не литературное изслѣдованіе, а только пытаюсь возстановить *впечатлѣніе*, которое молодежь моего поколѣнія получила изъ своего тогдашняго (правда неполнаго) знакомства съ самыми распространенными произведеніями Шевченка. Вѣрно ли передаю его? Думаю, вѣрно. Это была любовь и восхищеніе. Но... стоитъ вспомнить сотни именъ изъ украинской молодежи, которая участвовала въ движеніи 70-хъ годовъ, лишенномъ всякой націоналистической окраски, чтобы понять, гдѣ была бо̀льшая двигательная сила... Движеніе «въ сторону наименьшаго (національнаго) сопротивленія», — какъ его называетъ одинъ изъ критиковъ-украинцевъ, — вело сотни молодыхъ людей въ тюрьмы, въ Сибирь и даже (какъ, напр., Лизогуба) на плаху... Странное наименьшее сопротивленіе...

лилось столько свѣта и воздуха, освѣжавшаго застоявшуюся гимназическую атмосферу...

— А я отъ васъ, кажется, скоро уѣду, — сказалъ вскорѣ послѣ этого Авдіевъ съ мягкой грустью, когда я зашелъ къ нему.

— Отчего? — спросилъ я упавшимъ голосомъ.

— Долго разсказывать, да, можетъ быть, и не къ чему, — отвѣтилъ онъ. — Просто пришелся не ко двору...

Къ намъ пріѣхалъ новый директоръ, Долгоноговъ, о которомъ я уже говорилъ выше. Всѣ, начиная съ огромнаго инспектора и кончая Дитяткевичемъ, сразу почувствовали надъ собой авторитетную руку. Долгоногова боялись, уважали, особенно послѣ случая съ Безакомъ, но... не знали. Онъ былъ отъ насъ какъ-то далекъ по своему положенію.

Можно было легко угадать, что Авдіеву будетъ трудно ужиться съ этимъ неуклоннымъ человѣкомъ. А Авдіевъ, вдобавокъ, ни въ чемъ не мѣнялъ своего поведенія. Попрежнему мы собирались у него группами на дому; попрежнему порой въ городѣ разсказывали объ его выходкахъ...

Я почувствовалъ, безъ объясненій Авдіева, въ чемъ дѣло... и прямая фигура Долгоногова стала мнѣ теперь непріятной. Однажды, при встрѣчѣ съ нимъ на деревянныхъ мосткахъ, я уступилъ ему дорогу, но поклонился запоздало и небрежно. Онъ повернулся, но увидя, что я все-таки поклонился, тотчасъ же прослѣдовалъ дальше своей твердой размѣренной походкой. Онъ не былъ мелоченъ и не обращалъ вниманія на оттѣнки.

Вскорѣ въ городъ пріѣхалъ кіевскій попечитель Антоновичъ. Это былъ скромный старикъ, въ мундирѣ отставного военнаго, съ очень простыми и симпатичными повадками. Пріѣхалъ онъ какъ-то тихо, безъ всякой помпы, и въ гимназію пришелъ пѣшкомъ, по звонку, вмѣстѣ съ учителями. На уроки онъ тоже приходилъ въ самомъ началѣ, сидѣлъ до конца, и объ его присутствіи почти забывали. Говорили, что онъ былъ когда-то разжалованъ въ солдаты по одному дѣлу съ Костомаровымъ и Шевченкомъ и опять возвысился при Александрѣ II. Онъ остался очень доволенъ уроками Авдіева. Пробылъ онъ въ нашемъ городѣ нѣсколько дней, и въ теченіе этого времени распространилось извѣстіе, что его переводятъ попечителемъ учебнаго округа на Кавказъ.

Однажды, на гимназической улицѣ, когда я съ охапкой книгъ шелъ съ послѣдняго урока, — меня обогналъ Авдіевъ.

— Что это у васъ за походка?.. — сказалъ онъ, весело смѣясь: — съ развальцемъ... Подтянулись бы немного. А вотъ еще хуже: отчего вы не занимаетесь математикой?

— Я, Веніаминъ Васильевичъ, неспособенъ...

— Пустяки. Никто не требуетъ отъ васъ математическихъ откровеній, а въ гимназическихъ предѣлахъ — способенъ всякій. Нельзя быть образованнымъ человѣкомъ безъ математической дисциплины...

Въ это время на противоположной сторонѣ изъ директорскаго дома показалась фигура Антоновича. Поклонившись провожавшему его до

выхода директору, онъ перешелъ черезъ улицу и пошелъ нѣсколько впереди насъ.

— Ну, вотъ, — сказалъ тихо Авдіевъ, — сейчасъ дѣло мое и рѣшится. — Кивнувъ мнѣ привѣтливо головой, онъ быстро догналъ попечителя и, приподнявъ шляпу, сказалъ своимъ открытымъ пріятнымъ голосомъ:

— У меня къ вамъ, ваше превосходительство, большая просьба. Учитель Авдіевъ, преподаю словесность.

— Знаю, — сказалъ старый генералъ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ въ голосѣ. — Какая просьба?

— Говорятъ, вы переводитесь на Кавказъ. Если это правда... возьмите меня съ собой.

— Это почему?

Авдіевъ улыбнулся и сказалъ:

— Разъ вы меня запомнили, то позвольте думать, что вамъ извѣстны также причины, почему мнѣ здѣсь оставаться... не рука.

Старый Кирилло-меѳодіевецъ остановился на мгновеніе и взглянулъ въ лицо такъ свободно обратившемуся къ нему молодому учителю. Потомъ зашагалъ опять, и я услышалъ, какъ онъ сказалъ негромко и спокойно:

— Ну, что-жъ. Пожалуй.

Мнѣ было неловко подслушивать, и я отсталъ. Въ концѣ улицы Антоновичъ попрощался и пошелъ направо, а я опять догналъ Авдіева, насвистывавшаго какой-то веселый мотивъ.

— Ну, вотъ, дѣло сдѣлано, — сказалъ онъ. — Я зналъ, что съ нимъ можно говорить почеловѣчески. Въ Тифлисѣ, говорятъ, ученики

приходятъ въ гимназію съ кинжалами, тѣмъ менѣе основаній придираться къ мелочамъ. Ну, не поминайте лихомъ!

— Развѣ уже... такъ скоро? — спросилъ я.

— Да, недѣли черезъ три...

Черезъ три недѣли онъ уѣхалъ... Первое время мнѣ показалось, что въ гимназіи точно сразу потемнѣло... Помня нашъ разговоръ на улицѣ, я подправилъ, какъ могъ, свои математическія познанія и... старался подтянуть свою походку...

XXVIII
БАЛМАШЕВСКІЙ

На мѣсто Авдіева былъ назначенъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Балмашевскій. Это былъ высокій, худощавый молодой человѣкъ, съ нѣсколько впалой грудью и слегка сутулый. Лицо у него было пріятное, съ доброй улыбкой на тонкихъ губахъ, но его портили глаза, близорукіе, съ красными, припухшими вѣками. Говорили, что онъ страшно много работалъ, отчего спина у него согнулась, грудь впала, а на вѣкахъ образовались ячмени, да такъ и не сходятъ... На одномъ изъ первыхъ уроковъ онъ заставилъ меня читать «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ».

Ковши круговые, запѣнясь, кипятъ
На тризнѣ печальной Олега.
Князь Игорь и Ольга на хо̂лмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега.

Когда я прочелъ предпослѣдній стихъ, новый учитель перебилъ меня:

— На хо̀лмѣ сидятъ... Нужно читать на холмѣ!

Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на него.

— Размѣръ не выйдетъ, — сказалъ я.

— Нужно читать на холмѣ, — упрямо повторилъ онъ.

Изъ-за каѳедры на меня глядѣло добродушное лицо, съ нѣсколько деревяннымъ выраженіемъ и припухшими вѣками. — «Вѣчный труженикъ, а мастеръ никогда!» — быстро, точно кѣмъ-то подсказанный, промелькнулъ у меня въ головѣ отзывъ Петра Великаго о Тредьяковскомъ.

Блеска у него не было, новыя для насъ мысли, неожиданныя, яркія, то и дѣло вспыхивавшія на урокахъ Авдіева, — погасли. Балмашевскій добросовѣстно объяснялъ: такое-то произведеніе раздѣляется на столько-то частей. Въ части первой или вступленіи говорится о такомъ-то предметѣ... При этомъ авторъ прибѣгаетъ къ такому-то удачному сравненію... «Словесность» стала опять только отдѣльнымъ предметомъ, лучи, которые она такъ еще недавно кидала во всѣ стороны, исчезли... Центра для нашихъ чувствъ и мыслей въ ровенской реальной гимназіи опять не было... И опять надъ голосами средняго регистра рѣзко выдѣлялись выкрикиванія желто-краснаго попугая.

Вскорѣ, однако, случился эпизодъ, поднявшій въ нашихъ глазахъ новаго словесника...

Гаврило Ждановъ, послѣ отъѣзда Авдіева поступившій таки въ гимназію, часто приходилъ ко мнѣ, и, лежа долгими зимними сумерками

на постели въ темной комнатѣ, мы вели съ нимъ тихія бесѣды. Порой онъ заводилъ вполголоса тѣ самыя пѣсни, которыя пѣлъ съ Авдіевымъ. Въ темнотѣ звучалъ одинъ только басокъ, но въ моемъ воображеніи надъ нимъ вился и звенѣлъ бархатный баритонъ, такъ свободно взлетавшій на высокія ноты... И сумерки наполнялись ощутительными видѣніями.

Однажды у насъ исключили двухъ или трехъ бѣдняковъ за невзносъ платы. Мы съ Гаврилой безпечно шли въ гимназію, когда на-встрѣчу намъ попался одинъ изъ исключенныхъ, отосланный домой. На нашъ вопросъ, почему онъ идетъ изъ гимназіи не въ урочное время, онъ утрюмо отвернулся. На глазахъ у него были слезы...

Въ тотъ же день послѣ уроковъ Гаврило явился ко мнѣ, и, по общемъ обсужденіи, мы выработали нѣкій планъ: рѣшили обложить данью ежедневное потребленіе пирожковъ въ большую перемѣну. Сдѣлавъ приблизительный подсчетъ, мы нашли, что при извѣстной фискальной энергіи, — нужную сумму можно собрать довольно быстро. Я составилъ нѣчто въ родѣ краткаго воззванія, которое мы съ Гаврилой переписали въ нѣсколькихъ экземплярахъ и пустили по классамъ. Воззваніе имѣло успѣхъ, и на слѣдующій же день Гаврило во время большой перемѣны самымъ серьезнымъ образомъ расположился на крыльцѣ гимназіи, рядомъ съ еврейкой Сурой и другими продавцами пирожковъ, колбасъ и яблоковъ, и при каждой покупкѣ предъявлялъ требованія:

— Два пирожка... Давай копѣйку... У тебя что? Колбаса на три копѣйки? Тоже копѣйку.

Дѣло пошло. Нѣкоторые откупались за нѣсколько дней, и мы подумали уже о томъ, чтобы завести записи и бухгалтерію, какъ наши финансовыя операціи были замѣчены надзирателемъ Дитяткевичемъ...

— Это что такое? Что вы дѣлаете?

Чувствуя свою правоту, мы откровенно изложили свой планъ и его цѣли. Дидонусъ, нѣсколько озадаченный, тотчасъ же поковылялъ къ директору.

Долгоногова въ то время уже не было. Его перевели вскорѣ послѣ Авдіева, и директоромъ былъ назначенъ Степанъ Яковлевичъ. Черезъ нѣсколько минутъ Дидонусъ вернулся оживленный, торжествующій и злорадный. Узнавъ отъ директора, что мы совершили нѣчто въ высокой степени предосудительное, онъ радостно повлекъ насъ въ учительскую, расталкивая шумную толпу гимназистовъ.

Степанъ Яковлевичъ, откинувшись на стулѣ, измѣрилъ насъ обоихъ взглядомъ и, подержавъ съ полминуты подъ угрозой вспышки, заговорилъ низкимъ, хриповатымъ голосомъ:

— Вы что это затѣяли? Прокламаціи какія-то?.. Тайные незаконные сборы?..

— Мы... Яковъ Степановичъ... — началъ было изумленный Гаврило, но директоръ кинулъ на него суровый взглядъ и сказалъ:

— Молчать!.. Я говорю: тай-ные сборы, потому что вы о нихъ ничего не сказали мнѣ, вашему директору... Я говорю: незаконные, потому...

Онъ выпрямился на стулѣ и продолжалъ торжественно:

— ...что на-ло-ги устанавливаются только государственнымъ совѣтомъ... Знаете ли вы, что, если бы я далъ официіальный ходъ этому дѣлу, то вы не только были бы исключены изъ гимназіи, но... и отданы подъ судъ...

Красивые глаза Гаврила застыли въ выраженіи величайшаго, почти сверхъестественнаго изумленія. Я тоже былъ удивленъ такимъ неожиданнымъ освѣщеніемъ нашей затѣи, хотя чувствовалъ, что законодательныя права государственнаго совѣта тутъ не при чемъ.

Въ это время взглядъ мой случайно упалъ на фигуру Балмашевскаго. Онъ подошелъ въ самомъ началѣ разговора и теперь, стоя у стола, перелистывалъ журналъ. На его тонкихъ губахъ играла легкая улыбка. Глаза были, какъ всегда, занавѣшены тяжелыми припухшими вѣками, — но я ясно прочелъ въ выраженіи его лица сочувственную поддержку и ободреніе. Степанъ Яковлевичъ спустилъ тонъ и сказалъ:

— Пока ступайте въ классъ.

Въ тотъ же день при выходѣ изъ гимназіи меня окликнулъ Балмашевскій и сказалъ, улыбаясь:

— Что? Досталось? Ну, ничего! Никакихъ послѣдствій изъ этого, разумѣется, не будетъ. Но вы, господа, дѣйствительно, принялись не такъ. Зайдите сегодня ко мнѣ съ Ждановымъ...

Въ тотъ же вечеръ мы зашли съ Гаврилой въ холостую квартирку учителя. Онъ принялъ насъ привѣтливо и просто изложилъ свой планъ:

мы соберемъ факты и случаи крайней нужды въ средѣ нашихъ товарищей и изложимъ ихъ въ формѣ записки въ совѣтъ. Онъ подастъ ее отъ себя, а учителя выработаютъ уставъ «общества вспомоществованія учащимся города Ровно».

Вышли мы отъ него тронутые и съ чувствомъ благодарности.

— Не Авдіевъ, а малый все-таки славный, — сказалъ на улицѣ мой пріятель. — И, знаешь, онъ тоже недурно поетъ. Я слышалъ на именинахъ у Тысса.

Записку мы составили. Мнѣ далось очень трудно это первое произведеніе въ дѣловомъ стилѣ, и Балмашевскому пришлось исправлять его. Молодые учителя поддержали докладъ, и проектъ устава былъ отосланъ въ министерство, а пока сдѣлали единовременный сборъ и уплатили за исключенныхъ. Вслѣдствіе обычной волокиты, уставъ былъ утвержденъ только года черезъ три, когда ни насъ съ Гаврилой, ни Балмашевскаго въ Ровно уже не было. Но все же у меня осталось по окончаніи гимназіи хорошее, теплое воспоминаніе объ этомъ неблестящемъ молодомъ учителѣ, съ впалой грудью и припухшими отъ усиленныхъ занятій вѣками...

Прошло еще лѣтъ десять. «Система» въ гимназіяхъ опредѣлилась окончательно. Въ 1888 или 1889 году появился памятный циркуляръ «о кухаркиныхъ дѣтяхъ», которыя напрасно учатся въ гимназіяхъ. У директоровъ потребовали особую «статистику», въ которой было

бы точно отмѣчено состояніе родителей учащихся, число занимаемыхъ ими комнатъ, количество прислуги. Даже въ то глухое и смирное время этотъ циркуляръ выжившаго изъ ума старика Делянова, слишкомъ наивно подслуживавшагося кому-то и поставившаго точки надъ і, вызвалъ общее возмущеніе: не всѣ директора даже исполнили требованіе о статистикѣ, а публика просто накидывалась на людей въ синихъ мундирахъ «народнаго просвѣщенія», выражая даже на улицахъ чувство общаго негодованія...

Въ это время мнѣ довелось быть въ одномъ изъ городовъ нашего юга, и здѣсь я услышалъ знакомую фамилію. Балмашевскій былъ въ этомъ городѣ директоромъ гимназіи. У меня сразу ожили воспоминанія о нашемъ съ Гаврилой посягательствѣ на права государственнаго совѣта, о симпатичномъ вмѣшательствѣ Балмашевскаго, и мнѣ захотѣлось повидать его. Но мои знакомые, которымъ я разсказалъ объ этомъ эпизодѣ, выражали сомнѣніе: «Нѣтъ, не можетъ быть! Это навѣрное, другой!»

Оказалось, что это былъ тотъ же самый Балмашевскій, но... возмутившій всѣхъ циркуляръ онъ принялся примѣнять не токмо за страхъ, но и за совѣсть: призывалъ дѣтей, опрашивалъ, записывалъ «число комнатъ» и прислуги... Дѣти уходили испуганныя, со слезами и недобрыми предчувствіями, а за ними исполнительный директоръ сталъ призывать бѣднѣйшихъ родителей и на точномъ основаніи циркуляра убѣждалъ ихъ, что воспитывать дѣтей въ гимназіяхъ имъ трудно и нецѣлесо-

образно. По городу ходила его выразительная фраза:

— Да что вы ко мнѣ пристаете? Я чиновникъ. Прикажутъ вѣшать десятаго... Приходите въ гимназію: такъ и будутъ висѣть рядышкомъ, какъ галки на огородѣ... Адресуйтесь къ высшему начальству...

Мнѣ опять вспомнился тургеневскій Мардарій.

Балмашевскіе, конечно, тоже не злодѣи. Они выступали на свою дорогу съ добрыми чувствами, и, если бы эти чувства требовались по штату, поощрялись, или хоть терпѣлись, — они бы ихъ старательно развивали. Но жестокій, тусклый режимъ школы требовалъ другого и производилъ въ теченіе десятилѣтій систематическій отборъ...

Старательный Балмашевскій сдѣлалъ карьеру, а Авдіевъ умеръ незамѣтнымъ провинціальнымъ преподавателемъ словесности на окраинѣ.

XXIX

МОЙ СТАРШІЙ БРАТЪ ДѢЛАЕТСЯ ПИСАТЕЛЕМЪ

Старшій братъ былъ года на два старше меня. Казалось, онъ унаслѣдовалъ нѣкоторыя черты отцовскаго характера. Былъ, какъ отецъ, вспыльчивъ, но быстро остывалъ, и, какъ у отца, у него смѣнялись разныя увлеченія. Одно время онъ сталъ клеить изъ бумаги сначала дома, потомъ корабли, и достигъ

въ этомъ безполезномъ строительствѣ значительнаго совершенства: миніатюрные фрегаты были оснащены по всѣмъ правиламъ искусства, съ мачтами, реями и даже маленькими пушками, глядѣвшими изъ люковъ. Потомъ онъ внезапно бросалъ и принимался за что-нибудь новое.

Особенно онъ увлекался чтеніемъ. Часто его можно было видѣть гдѣ-нибудь на диванѣ или на кровати въ самой неизящной позѣ: на четвереинькахъ, упершись на локтяхъ, съ глазами, устремленными въ книгу. Рядомъ на стулѣ стоялъ стаканъ воды и кусокъ хлѣба, густо посыпанный солью. Такъ онъ проводилъ цѣлые дни, забывая объ обѣдѣ и чаѣ, а о гимназическихъ урокахъ и подавно.

Сначала это чтеніе было чрезвычайно безпорядочно: «Вѣчный жидъ», «Три мушкетера», «Двадцать пять лѣтъ спустя», «Королева Марго», «Графъ Монтекристо», «Тайны мадридскаго двора», «Рокамболь» и т. д. Книги онъ бралъ въ маленькихъ еврейскихъ книжныхъ лавчонкахъ и иной разъ посылалъ меня мѣнять ихъ. На ходу я развертывалъ книгу и жадно поглощалъ страницу за страницей. Но братъ никогда не давалъ мнѣ дочитывать, находя, что я «еще малъ для романовъ». Такъ многое изъ этой литературы и донынѣ осталось въ моей памяти въ видѣ яркихъ, но безсвязныхъ обрывковъ...

Однажды, — братъ былъ въ это время въ пятомъ классѣ ровенской гимназіи, — старый фантазеръ Лемпи предложилъ желающимъ пе-

ревести русскими стихами французское стихотвореніе:

De ta tige detachée,
Pauvre feuille desséchée,
Où vas tu? je ne sais rien...

Весь классъ отказался, согласились двое. Это былъ нѣкто Пачковскій и мой братъ. Послѣдній кинулся на стихи такъ же страстно, какъ недавно на выклейку фрегатовъ, и ему удалось въ концѣ концовъ передать изряднымъ стихомъ меланхолическія размышленія о листочкѣ, уносимомъ потокомъ въ невѣдомые предѣлы. О стихахъ заговорили и товарищи, и учителя. Братъ прослылъ «поэтомъ» и съ этихъ поръ цѣлые дни проводилъ, подбирая риѳмы. Мы смѣялись, глядя, какъ онъ лѣвой рукой выстукивалъ по столу число стопъ и слоговъ, а правой строчилъ, перемарывалъ и опять строчилъ. Когда нашъ смѣхъ достигалъ до его слуха, онъ на время отрывался отъ вдохновеннаго творчества, грозилъ намъ кулакомъ и опять погружался въ свое занятіе.

Такъ какъ французскіе стихи перевелъ также и Пачковскій, то сначала въ классѣ говорили: «у насъ два поэта». Пачковскій, сынъ бѣдной вдовы, содержавшей ученическую квартиру, былъ юноша довольно великовозрастный, съ угреватымъ лицомъ, широкій въ кости, медвѣжеватый и неуклюжій. Переводъ его былъ плохъ, но все же заслужилъ нѣкоторое поощреніе. Послѣ этого Пачковскій сталъ какъ-то иначе ходить, иначе носилъ голову, втягивая ее между поднятыхъ плечъ и слегка откидывая назадъ, и говорилъ, цѣдя сквозь зубы.

Успѣхъ брата не давалъ ему покоя. Онъ рѣшился затмить соперника, для чего выступилъ одновременно съ «оригинальной поэмой» и сатирой. Сатира имѣла форму «посланія къ товарищу-поэту», и въ ней, подъ видомъ лукаваго признанія чужого первенства, скрывался ядъ. Поэма изображала страданія юной гречанки, которая собирается кинуться съ утеса въ море по причинѣ безнадежной любви къ младому итальянцу. Поэтъ напрасно взываетъ къ ея благоразумію, убѣждая не губить молодой жизни. Гречанка приводитъ въ исполненіе пагубное свое намѣреніе и кидается въ пучину. Но и жестокосердый итальянецъ не избѣгъ своей участи: «волны выкинули гречанкино тѣло на берегъ крутой» именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ итальянецъ младой. Поэма кончалась убѣдительнымъ двустишіемъ:

И онъ не смогъ того пережить
И долженъ былъ себя жизни лишить.

Братъ пустилъ по рукамъ стихотворную басенку о «Пачкунѣ, поэтѣ народномъ». Эта кличка такъ и осталась за Пачковскимъ.

Этотъ маленькій полемическій эпизодъ всколыхнулъ литературные интересы въ гимназической средѣ, и изъ него могло бы, пожалуй, возникнуть серьезное теченіе, вродѣ того, какое было нѣкогда въ царскосельскомъ лицеѣ или нѣжинской гимназіи временъ Гоголя. Но словесникъ Андріевскій былъ весь поглощенъ «Словомъ о полку Игоревѣ», а затѣмъ вскорѣ появились циркуляры, запрещавшіе всякія внѣклассныя собранія и рефераты. Д. А. Толстой

заботился, чтобы умственные интересы въ гимназической средѣ не били ключемъ, а смиренно и анемично журчали въ руслѣ казенныхъ программъ.

Пачковскій принялъ тонъ непризнаннаго генія: съ печатью отверженія на челѣ, онъ продолжалъ кропать длинныя и вялыя творенія. Когда однажды Андріевскій спросилъ его на урокѣ что-то по теоріи словесности, онъ полунасмѣшливо, полувеличаво поднялся съ мѣста и сказалъ:

— Для человѣка съ кастальскимъ источникомъ въ душѣ мертвящія теоріи излишни.

Андріевскій отвѣтилъ обычнымъ удивленно-протяжнымъ «а-а-а!» — и поставилъ поэту единицу.

Къ концу года Пачковскій бросилъ гимназію и поступилъ въ телеграфъ. Братъ продолжалъ одиноко взбираться на Парнасъ, безъ руководителя, темными и запутанными тропами: цѣлые часы онъ барабанилъ пальцами стопы, переводилъ, сочинялъ, подыскивалъ риѳмы, затѣялъ даже словарь риѳмъ... Классныя занятія шли все хуже и хуже. Уроки, къ огорченію матери, онъ пропускалъ постоянно.

Однажды, прочитавъ проспектъ какого-то эфемернаго журнальчика, онъ послалъ туда стихотвореніе. Оно было принято и даже, кажется, напечатано, но журнальчикъ исчезъ, не выславъ поэту ни гонорара, ни даже печатнаго экземпляра стиховъ. Ободренный все-таки этимъ сомнительнымъ «успѣхомъ», братъ выбралъ нѣсколько своихъ твореній, заставилъ меня тщательно переписать ихъ и отослалъ...

самому Некрасову въ «Отечественныя Записки».

Недѣли черезъ двѣ или три въ глухой городишко пришелъ отвѣтъ отъ «самого» Некрасова. Правда, отвѣтъ не особенно утѣшительный: Некрасовъ нашелъ, что стихи у брата гладки, приличны, литературны; вѣроятно, отъ времени до времени ихъ будутъ печатать, но... это все-таки только версификація, а не поэзія. Автору слѣдуетъ учиться, много читать и потомъ, быть можетъ, попытаться использовать свои литературныя способности въ другихъ отрасляхъ литературы.

Братъ сначала огорчился, но затѣмъ перестал выстукивать стопы и принялся за серьезное чтеніе: Сѣченовъ, Молешоттъ, Шлоссеръ, Льюисъ, Добролюбовъ, Бокль и Дарвинъ. Читалъ онъ опять съ увлеченіемъ, дѣлалъ большія выписки и порой, какъ когда-то отецъ, — кидалъ мнѣ мимоходомъ какую-нибудь поразившую его мысль, характерный афоризмъ, мѣткое двустишіе, еще, такъ сказать, теплыя, только-что выхваченныя изъ новой книги. Матеріалъ для этого чтенія онъ получалъ теперь изъ баталіонной библіотеки, въ которой была вся передовая литература.

— Га! Помяните мое слово: изъ этого хлопца выйдетъ ученый или писатель, — глубокомысленно предсказывалъ дядя-капитанъ.

Репутація будущаго «писателя» устанавливалась за братомъ, такъ сказать, въ кредитъ и въ городѣ. Письмо Некрасова стало извѣстно какими-то невѣдомыми путями и придавало брату особое значеніе...

Изъ гимназіи ему пришлось уйти. Предполагалось, что онъ будетъ держать экстерномъ, но вмѣсто подготовки къ экзамену онъ поглощалъ книги, дѣлалъ выписки, обдумывалъ планы какихъ-то работъ. Иногда за неимѣніемъ лучшаго слушателя, братъ прочитывалъ мнѣ отрывки изъ своихъ компиляцій, и я восхищался точностью и красотой его изложенія. Но тутъ подвернулось новое увлеченіе.

На этотъ разъ причиной его явился извѣстный тогда издатель г-нъ Трубниковъ. Въ то время онъ только что поставилъ газету «Биржевыя Вѣдомости», которую обѣщалъ сдѣлать органомъ провинціи, и его рекламы, заманчивыя, яркія и вкусныя, производили на провинціальнаго читателя сильное впечатлѣніе. «Выписалъ я, знаете, газету Трубникова...» или «Объ этомъ надо бы написать Трубникову...» — говорили другъ другу обыватели, и «Биржевыя Вѣдомости» замелькали въ городѣ, вытѣсняя традиціонный «Сынъ Отечества», и успѣшно соперничали съ «Голосомъ».

Однажды брату принесли конвертъ со штемпелемъ редакціи. Онъ вскрылъ его, и на лицѣ его выразилось радостное изумленіе. Въ конвертѣ было письмо отъ самого Трубникова. Правда, текстъ письма былъ печатный, но въ началѣ стояло имя и отчество брата... Откуда юркій издатель узналъ объ его существованіи и литературныхъ склонностяхъ, сказать трудно. Въ письмѣ говорилось о важныхъ «въ наше время» задачахъ печати, и братъ приглашался содѣйствовать пробужденію общественной мысли въ провинціи присылкой кор-

респонденцій, замѣтокъ и статей, касающихся вопросовъ мѣстной жизни.

Братъ на время забросилъ даже чтеніе. Онъ досталъ у кого-то нѣсколько номеровъ трубниковской газеты, перечиталъ ихъ отъ доски до доски, затѣмъ запасся почтовой бумагой, обдумывалъ, строчилъ, перемарывалъ, считалъ буквы и строчки, чтобы втиснуть написанное въ рамки газетной корреспонденціи, и черезъ нѣсколько дней упорной работы мнѣ пришлось переписывать новое произведеніе брата. Начиналось оно словами:

Гор. Ровно *(отъ нашего корреспондента)*.

За этимъ слѣдовала бойко набросанная характеристика маленькаго городка съ его спячкой, пересудами, сплетнями и низменными интересами. Общими бѣглыми чертами были зарисованы провинціальные типы, кое-гдѣ красиво выдѣлялись литературные обороты и цитаты, обнаруживавшіе начитанность автора. Мнѣ казалось только, что рѣчь идетъ, какъ будто, о какомъ-то городкѣ вообще, а не о нашемъ именно, типы же взяты были скорѣе изъ книгъ, чѣмъ изъ нашей жизни. Это мое замѣчаніе ни мало не смутило автора. Такъ и нужно. Это вѣдь «литература»... Всегда немного иначе, чѣмъ въ жизни.

Корреспонденція была отослана. Дней черезъ десять старикъ почталіонъ, сопровождаемый лаемъ собакъ, отъ которыхъ онъ отбивался коротенькой сабелькой, — принесъ брату номеръ газеты и новое письмо со штемпелемъ редакціи. Братъ тотчасъ схватился за газету

и просіялъ. На третьей страницѣ, выведенная жирнымъ шрифтомъ и курсивомъ, стояла знакомая фраза:

Гор. Ровно *(отъ нашего корреспондента)*.

Мнѣ показалось это почти чудомъ. Такъ еще недавно я выводилъ эти самыя слова неинтереснымъ почеркомъ на неинтересной почтовой бумагѣ, и вотъ они вернулись изъ невѣдомой, таинственной «редакціи» отпечатанными на газетномъ листѣ и вошли сразу въ нѣсколько домовъ, и ихъ теперь читаютъ, перечитываютъ, обсуждаютъ, выхватываютъ листъ другъ у друга. Я перечиталъ корреспонденцію, и мнѣ показалось, что на огромномъ сѣромъ листѣ она выдѣляется чуть не огненными буквами. Критика моя передъ печатнымъ текстомъ почтительно смолкла. Это — «литература», то-есть нѣчто гораздо интереснѣе нашего тусклаго городишка, съ его заросшими прудами и сонными лачугами... Листокъ съ столбцомъ бойкихъ строчекъ, набросанныхъ рукою брата, упалъ сюда, какъ камень въ застоявшуюся воду... Точно вдругъ надъ соннымъ городомъ склонился таинственный и величавый фантомъ: самъ г-нъ Трубниковъ изъ своего прекраснаго далека заглядываетъ въ него умнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ... И городокъ начинаетъ копошиться, точно внезапно раскрытый муравейникъ.

Городокъ, дѣйствительно, закопошился. Номеръ ходилъ по рукамъ, о таинственномъ корреспондентѣ строились догадки, въ общихъ характеристикахъ узнавали живыхъ лицъ, ло-

вили намеки. А такъ какъ корреспондентъ въ заключеніе обѣщалъ вскрыть на этомъ фонѣ «разные эпизоды повседневнаго обывательскаго прозябанія», то у Трубникова опять прибыло въ нашемъ городѣ нѣсколько подписчиковъ.

Этотъ эпизодъ въ значительной степени ослабилъ благотворное дѣйствіе некрасовскаго письма. Братъ почувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ Атласа, держащаго на плечахъ ровенское небо. Въ то время, когда въ городѣ старались угадать автора, — авторъ сидѣлъ за столомъ, покачивался на стулѣ, съ опасностью опрокинуться, глядѣлъ въ потолокъ и придумывалъ новыя темы. Онъ бывалъ весь поглощенъ этимъ занятіемъ. Корреспонденція летѣла за корреспонденціей, и хотя печатались не всѣ, но нѣкоторыя все же печатались, а однажды почталіонъ принесъ повѣстку на 18 руб. 70 коп. Эта сумма въ то время, когда штатные чиновники суда получали по три и по пяти рублей въ мѣсяцъ, казалась цѣлымъ богатствомъ. Правда, вялый городокъ доставлялъ мало темъ, но братъ былъ на этотъ счетъ изобрѣтателенъ. Наибольшее волненіе въ городѣ было вызвано его письмомъ о вечерѣ въ мѣстномъ клубѣ, куда были допущены гимназисты. Корреспондентъ изобразилъ ихъ успѣхъ нѣсколько преувеличенными красками. «Питомцы Минервы (гимназисты) рѣшительно оттѣснили сыновъ Марса (гарнизонные и стрѣлковые офицеры), и прелестная богиня любви, до тѣхъ поръ благосклонная къ усамъ и эполетамъ, съ стыдливой улыбкой поощренія протянула ручку безусымъ юношамъ въ синихъ

мундирахъ». Офицеры обидѣлись и заговорили объ «оскорбленіи военной чести». Полковникъ ѣздилъ объясняться съ директоромъ... Городокъ долго не могъ успокоиться... Въ качествѣ практическаго результата гимназистамъ посѣщеніе танцевальныхъ вечеровъ было воспрещено...

Къ экзаменамъ братъ такъ и не приступалъ. Онъ отпустилъ усики и бородку, сталъ носить пенснэ, и въ немъ вдругъ проснулись инстинкты щеголя. Вмѣсто прежняго увальня, сидѣвшаго цѣлые дни надъ книгами, онъ представлялъ теперь что-то вродѣ щеголеватаго дэнди, въ плоеныхъ манишкахъ и лакированныхъ сапогахъ. «Мнѣ нужно бывать въ обществѣ, — говаривалъ онъ: — это необходимо для моей работы». Онъ посѣщалъ клубы, сталъ отличнымъ танцоромъ и имѣлъ «свѣтскій» успѣхъ... Всѣмъ давно уже было извѣстно, что онъ «сотрудникъ Трубникова», «литераторъ».

Однажды онъ коснулся темы болѣе «серьезной». Въ городѣ обокрали какого-то обывателя, и братъ очень картинно изобразилъ безпомощный городишко въ темныя осеннія ночи, безъ освѣщенія, со сторожами, благополучно спящими по своимъ угламъ... Помощникъ исправника, представлявшій изъ себя, за окончательной дряхлостью исправника Гоца, высшую фактическую полицейскую власть въ городѣ, пригласилъ брата «для нѣкотораго секретнаго разговора». Любезно предложивъ папиросу, высшій представитель полицейской власти приступилъ къ дипломатическому объясненію: онъ хорошо зналъ и глубоко уважалъ отца. Кромѣ того, онъ питаетъ уваженіе къ литературѣ.

Онъ находитъ, что описаніе вечера было очень остроумно и мило. Но въ послѣднее время газета Трубникова стала уже касаться нѣкоторымъ образомъ «дѣятельности правительства».

Братъ выразилъ удивленіе: о правительствѣ, кажется, ничего не было. — Да, не прямо. Но было о ночной стражѣ и бездѣйствіи, такъ сказать, власти. Участились грабежи... «А кто, позвольте спросить, обязанъ за этимъ наблюдать?» Полиція! Полиція есть органъ правительства. И если впредь корреспонденціи будутъ касаться дѣятельности правительственной власти, то онъ, помощникъ исправника, при всемъ уваженіи къ отцу, а также къ литературѣ, будетъ вынужденъ произвести секретное дознаніе о вредной дѣятельности корреспондента и даже... ему непріятно говорить объ этомъ... ходатайствовать передъ губернаторомъ о высылкѣ господина литератора изъ города...

Затѣмъ онъ вѣжливо попрощался, увѣряя, что очень уважаетъ печать, восхищается острымъ перомъ неизвѣстнаго ему, въ сущности, корреспондента и ничего не имѣетъ противъ обличенія нравовъ. Лишь бы не подрывали власть.

Братъ вернулся домой нѣсколько озабоченный, но вмѣстѣ польщенный. Онъ — сила, съ которою приходится считаться правительству. Вечеромъ, расхаживая при лунномъ свѣтѣ по нашему небольшому саду, онъ разсказалъ мнѣ въ подробностяхъ разговоръ съ помощникомъ исправника и прибавилъ:

— Да, вотъ непріятная сторона извѣстности... А скажи: думалъ ли ты, что твой братъ

такъ скоро станетъ руководителемъ общественнаго мнѣнія?

— Ну-у... — протянулъ я скептически. — Это ужъ слишкомъ громко.

Онъ остановился въ аллейкѣ, пронизанной пятнами луннаго свѣта, и сказалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ (мое сомнѣніе врывалось диссонансомъ въ его настроеніе):

— Ты еще глупъ. А я тебѣ по всѣмъ правиламъ логики докажу, что это такъ. Посылка: печать руководитъ общественнымъ мнѣніемъ! Отвѣчай: да или нѣтъ?

— Ну, положимъ, да!

— А я теперь писатель?..

— Д-да, — протянулъ я менѣе рѣшительно.

— Несомнѣнно, такъ какъ человѣкъ, печатающій свои статьи, есть писатель. Отсюда выводъ: я тоже руководитель общественнаго мнѣнія. Совѣтую: почитай логику Милля, тогда не будешь дѣлать глупыхъ возраженій.

Я не возражалъ болѣе, а онъ смягчился и, продолжая ходить по аллейкѣ, развивалъ свои планы.

Читатель отнесется снисходительно къ маленькимъ преувеличеніямъ брата, если приметъ въ соображеніе, что ему было тогда лѣтъ семнадцать или восемнадцать, что онъ только что избавился отъ скучной школьной ферулы, и что, въ сущности, у него были на-лицо всѣ признаки такъ называемой литературной извѣстности.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, литературная извѣстность? Золя въ своихъ воспоминаніяхъ, разсуждая объ этомъ предметѣ, рисуетъ юмори-

стическую картинку: однажды его, уже «всемірно-извѣстнаго писателя», одинъ изъ почитателей просилъ сдѣлать ему честь быть свидѣтелемъ со стороны невѣсты на бракосочетаніи его дочери. Дѣло происходило въ небольшой деревенской коммунѣ близъ Парижа. Записывая свидѣтелей, мэръ, мѣстный торговецъ, услышавъ фамилію Золя, поднялъ голову отъ своей книги и съ большимъ интересомъ спросилъ:

— Мосье Золя? Шляпный магазинъ на такой-то улицѣ?

— Нѣтъ, писатель.

— А! — произнесъ мэръ равнодушно и записалъ фамилію.

За писателемъ послѣдовалъ какой-то мосье Мишель. Мэръ опять поднялъ голову:

— Мосье Мишель... Магазинъ бѣлья на такой-то улицѣ?

— Да.

Мэръ засуетился: — Стулъ г-ну Мишелю... Покорно прошу садиться. Очень польщенъ...

Этотъ маленькій эпизодъ, который я передаю по памяти, довольно вѣрно рисуетъ предѣлы самой громкой «всемірной извѣстности». Извѣстность — это значитъ, что имя человѣка распространяется по свѣту извѣстными тропками. Знаютъ тамъ, гдѣ читаютъ — это въ лучшемъ случаѣ. А читаютъ вообще на этомъ свѣтѣ мало. Читающее человѣчество — это, приблизительно, поверхность рѣкъ по отношенію ко всему пространству материковъ. Капитанъ, плавающій по данной части рѣки, весьма извѣстенъ въ этой части. Но стоитъ ему

отъѣхать на нѣсколько верстъ въ сторону отъ берега... Тамъ другой міръ: широкія долины, лѣса, разбросанныя по нимъ деревни... Надъ всѣмъ этимъ проносятся съ шумомъ вѣтры и грозы, идетъ своя жизнь, и ни разу еще къ обычнымъ звукамъ этой жизни не примѣшалась фамилія нашего капитана или «всемірно-извѣстнаго» писателя.

Зато въ своей средѣ, на своей линіи — братъ сталъ, дѣйствительно, извѣстенъ.

Съ нимъ считалось «правительство», его знало «образованное общество», чиновники, торговцы-евреи, — народъ, питающій большое уваженіе къ интеллекту.

Въ погожія сумерки «весь городъ» выходилъ на улицу, и вся его жизнь въ эти часы переливалась пестрыми волнами между тюрьмой — на одной сторонѣ и почтовой станціей — на другой. Обыватели степенно прохаживались, мѣся ногами пыль, встрѣчались, здоровались, дѣлились рѣдкими новостями. Порой среди примелькавшихся лицъ появлялся заѣзжій магнатъ, графъ Плятеръ, кн. Вишневецкій или «столичный чиновникъ», ѣдущій на таинственную «ревизію». И всѣ взгляды обращались за ними, а толпа около нихъ густѣла. Порой показывался директоръ гимназіи, судья, помощникъ исправника, казначей. Все это составляло своего рода аристократію. Но были извѣстности неофиціальныя. Чиновникъ Михаловскій, недавно пріѣхавшій изъ столицы, носилъ пестрые пиджаки и галстухи и необыкновенно узкія брюки. О немъ говорили, что по утрамъ онъ вскакиваетъ въ нихъ со стола, какъ

принцъ д'Артуа, по разсказу Карлейля, а по вечерамъ дюжій лакей вытряхиваетъ его прямо на кровать. Все это было смѣшно, но... инициалы его совпадали съ именемъ и отчествомъ извѣстнаго въ то время поэта-переводчика, и потому, когда въ дымкѣ золотистой пыли, подымаемой ногами гуляющихъ, появлялась пестрая вертлявая фигурка, — то на нее оглядывались и шептали другъ другу:

— Господинъ Михаловскій... Поэтъ. Знаете?.. Въ «Дѣлѣ»...

— Какъ же, какъ же... читалъ...

И только когда недоразумѣніе разъяснилось, — престижъ пріѣзжаго упалъ. Остались лишь пестрыя брюки и смѣшные анекдоты.

Однажды на такомъ гуляніи появился молодой человѣкъ, одѣтый щеголемъ, худощавый, подвижной и веселый. Онъ пожималъ руки направо и налѣво, перекидываясь шутками. И за нимъ говорили:

— Арепа, Арепа. Сотрудникъ «Искры». Свалилъ губернатора Бессе...

Арепа окончилъ нашу гимназію и служилъ въ Житомірѣ, кажется, письмоводителемъ стряпчаго. Однажды въ «Искрѣ» появился фельетонъ, озаглавленный: «Разговоръ Чемодана Ивановича съ Самоваромъ Никифоровичемъ». Въ Чемоданѣ Ивановичѣ узнавали губернатора, въ Самоварѣ Никифоровичѣ — купца Журавлева. Разговоръ касался взятки при сдачѣ почтовой гоньбы. Пошли толки. Положеніе губернатора пошатнулось. Однажды въ клубѣ онъ увидѣлъ въ билліардной Арепу и, вѣроят-

но, желая вырвать у него покаянное отреченіе, сразу подошелъ къ нему и сказалъ:

— Вы, молодой человѣкъ... Я слышалъ... Распустили грязную сплетню.

Арепа вытянулся и, прикидываясь испуганнымъ, дрожа и заикаясь, сказалъ:

— Смѣю спросить, ваше-ство... что̀ именно?

Генералъ ободрился. При разговорѣ присутствовали посѣтители, чиновники, виднѣлся даже синій жандармскій мундиръ...

— Ну, тамъ... — продолжалъ губернаторъ съ величавымъ пренебреженіемъ, — будто съ Журавлева... какихъ-то тамъ пять тысячъ...

— Клевета-съ, ваше-ство, — говорилъ Арепа, и его фигура изображала самое жалкое раболѣпіе... — Враги, ваше-ство... хотятъ меня погубить въ вашихъ глазахъ...

И вдругъ, выпрямившись, онъ прибавилъ:

— Десять тысячъ, ваше-ство... Я говорилъ: десять тысячъ...

Губернатора чуть не хватилъ ударъ, и вскорѣ онъ «по домашнимъ обстоятельствамъ» подалъ въ отставку...

Такъ разсказывали эту исторію обыватели. Фактъ состоялъ въ томъ, что губернаторъ послѣ корреспонденціи ушелъ, а обличитель остался живъ, и теперь, пріѣхавъ на время къ отцу, наслаждался въ родномъ городѣ своей славой...

Онъ промелькнулъ метеоромъ и исчезъ, оставивъ по себѣ великое почтеніе къ званію корреспондента. Свалить губернатора — это не шутка. Братъ мой былъ тоже корреспондентъ. И хотя ни одного губернатора еще не сва-

лилъ, но всѣ знали, что это именно его перо сотрясаетъ время отъ времени нашъ мірокъ, волнуя то чиновниковъ, то ночную стражу, то офицерство. На него обращали вниманіе. Его приглашали на вечера, солидные обыватели брали его подъ руку и, уведя въ сторонку, разсыпались въ похвалахъ его «таланту» и просили продернуть того или другого.

Мудрено ли, что нѣкоторое время братъ мой плавалъ въ атмосферѣ этой «извѣстности», не замѣчая, что вращается въ пустомъ пространствѣ и что его потрясающія корреспонденціи производятъ безплодное волненіе, ничего никуда не подвигающее...

Во мнѣ эти «литературные успѣхи» брата оставили особый слѣдъ. Они какъ будто перекинули живой мостикъ между литературой и будничной жизнью: при мнѣ слова были брошены на бумагу и вернулись изъ столицы напечатанными.

Уже раньше, прочитавъ книгу, я сравнивалъ порой прочитанную книгу съ впечатлѣніями самой жизни, и меня занималъ вопросъ: почему въ книгѣ всегда какъ будто «иначе». У брата было тоже иначе. Когда первое преклоненіе передъ печатной строкой прошло, — я опять чувствовалъ это, какъ недостатокъ, и мнѣ стало интересно искать такихъ словъ, которыя бы всего ближе подходили къ явленіямъ жизни. Все, что меня поражало, я старался перелить въ слова, которыя бы схватывали внутренній характеръ явленія... На главной нашей улицѣ стояла маленькая избушка, нижніе вѣнцы которой подгнили и осѣли. Стѣ-

ны ея стали ниже человѣческаго роста... Проходя мимо нея, я говорилъ себѣ: она нахмуренная... нахлобученная... прижмурившаяся... обиженная... печальная... И когда изъ нея, нагнувшись, выходилъ пьяненькій чиновникъ Красускій, я искалъ словъ для чиновника...

Это входило у меня въ привычку. Когда же, послѣ Тургенева и другихъ русскихъ писателей, я прочелъ Диккенса и «Исторію одного города» Щедрина, — мнѣ показалось, что юмористическая манера должна какъ разъ охватить и внѣшнія явленія окружающей жизни, и ихъ внутренній характеръ. Чиновниковъ, учителей, Степана Яковлевича, Дидонуса я сталъ переживать то въ диккенсовскихъ, то въ щедринскихъ персонажахъ.

Выходило все-таки «не то»... И странно: порой, когда я не дѣлалъ намѣренныхъ усилій, въ умѣ пробѣгали стихи и риѳмы, мелькали какіе-то періоды, плавные и красивые. Но они пробѣгали непроизвольно и не захватывали ничего изъ жизни. Форма какъ будто рождалась особо отъ содержанія и упархивала, когда я старался охватить ею что-нибудь опредѣленное.

Только во снѣ я читалъ иной разъ собственные стихи или разсказы. Они были уже напечатаны, и въ нихъ было все, что мнѣ было нужно: нашъ городокъ, застава, улицы, лавки, чиновники, учителя, торговцы, вечернія гулянія. Все было живое, и надъ всѣмъ было что-то еще, уже не отъ этой дѣйствительности, что освѣщало будничныя картины не будничнымъ свѣтомъ. Я съ восхищеніемъ перечитывалъ страницу за страницей.

Но... когда просыпался, — все улетало, какъ стая птицъ, испуганныхъ приближеніемъ охотника. А тѣ концы, которые мнѣ удавалось порой задержать въ памяти, оказывались совершенно плохи: въ стихахъ не было размѣра, въ прозѣ часто недоставало даже грамматическаго смысла, а слова стояли съ не своимъ, чуждымъ значеніемъ.

Это опять было броженіе въ пустотѣ безъ откликовъ. Толчокъ ему далъ Авдіевъ и отчасти корреспонденціи брата. Авдіевъ уѣхалъ. Вкусъ корреспонденцій притуплялся.

Запрещеніе гимназистамъ посѣщать клубъ было, кажется, ихъ единственнымъ практическимъ результатомъ. Впрочемъ, однажды въ самомъ центрѣ города у моста починили фонарь. Нѣсколько разъ въ темные вечера въ честь гласности горѣлъ огонекъ. Это было всетаки торжество. Каждый, кто проходилъ мимо этого фонаря глухою ночью, — думалъ: «А! пробралъ ихъ трубниковскій корреспондентъ».

Но скоро и этотъ одинокій огонекъ погасъ.

XXX

ДУХЪ ВРЕМЕНИ ВЪ ГАРНОМЪ ЛУГѢ

Изолированные факты отдѣльной жизни сами по себѣ далеко не опредѣляютъ и не уясняютъ душевнаго роста. То, что разлито кругомъ, что проникаетъ однимъ общимъ тономъ многоголосый хоръ жизни, — невольно незамѣтно просачивается въ каждую душу и за-

ливаетъ ее, подхватываетъ, уноситъ своимъ потокомъ. Оглядываясь назадъ, можно отмѣтить вѣхами только начало наводненія. Потомъ это уже сплошное ровное теченіе, въ которомъ давно исчезли первые отдѣльные ручьи.

Настроеніе или, какъ тогда говорили, «духъ времени», просачиваясь во всѣ уголки жизни, заглянулъ и въ Гарный Лугъ.

Въ одно время здѣсь собралась группа молодежи. Тутъ былъ, во-первыхъ, сынъ капитана, молодой артиллерійскій офицеръ. Мы помнили его еще кадетомъ, потомъ юнкеромъ артиллерійскаго училища. Года два онъ не пріѣзжалъ, а потомъ явился новоиспеченнымъ поручикомъ, въ свѣжемъ съ иголочки мундирѣ, въ блестящихъ эполетахъ и самъ весь свѣжій, радостно сіяющій новизной своего положенія, какими-то обѣщаніями на порогѣ новой жизни.

Затѣмъ мой братъ, еще недавно плохо учившійся гимназистъ, теперь явился въ качествѣ «писателя». Капитанъ не то въ шутку, не то по незнанію литературныхъ отношеній, называлъ его «редакторомъ» и такъ, не безъ гордости, рекомендовалъ сосѣдямъ.

Но еще большее почтеніе питалъ онъ къ кіевскому студенту, Брониславу Янковскому. Отецъ его недавно поселился въ Гарномъ Лугѣ, арендуя сосѣднія земли. Это былъ человѣкъ стараго закала, отличный хозяинъ, очень авторитетный въ семьѣ. Студентъ съ нимъ не особенно ладилъ и больше тяготѣлъ къ семьѣ капитана. Каждый день чуть не съ утра, въ очкахъ, съ книгой и зонтикомъ подъ мыш-

кой, онъ приходилъ къ намъ и оставался до вечера, серьезный, сосредоточенный, молчаливый. Оживлялся онъ только во время споровъ.

Эта маленькая группа молодежи сразу заняла въ усадьбѣ центральное положеніе. Когда теперь я оглядываюсь на тогдашнія впечатлѣнія, то мнѣ кажется, будто эти молодые люди, еще недавно казавшіеся совершенно заурядными, теперь вдругъ засіяли и заблистали, точно эти года покрыли ихъ блестящимъ лакомъ.

Двоюродный братъ былъ еще недавно веселымъ мальчикомъ въ кургузомъ и некрасивомъ юнкерскомъ мундирѣ. Теперь онъ артиллерійскій офицеръ, говоритъ объ ученыхъ книгахъ и умныхъ людяхъ, которыхъ называютъ «личностями», и имѣетъ собственнаго деньщика, съ которымъ собирается установить особыя «не рутинно-начальственныя» отношенія.

Янковскій былъ, правда, первымъ ученикомъ въ нашей гимназіи, но... мы никогда не преклонялись передъ первыми учениками и медалистами. Теперь онъ студентъ, «подающій блестящія надежды». «Голова», — говорилъ о немъ капитанъ почтительно. — «Будущій Пироговъ, по меньшей мѣрѣ».

У капитана были три дочери, двѣ изъ нихъ уже невѣсты. Старшая — веселая, недурная собой хохотушка, хорошо играла на фортепіано и любила танцы. Средняя — смуглая, некрасивая, съ большими задумчивыми и печальными глазами. Женскихъ гимназій тогда почти не

было, и дѣвушки учились у гувернантокъ чему-нибудь и какъ-нибудь. Теперь молодежь принялась ихъ «развивать». Со старшей дѣло шло не особенно успѣшно; средняя жадно накинулась на новыя книги, которыя, впрочемъ, бѣдняжка безъ подготовки понимала съ трудомъ. Студентъ обратилъ на нее особенное вниманіе. Нерѣдко ихъ можно было видѣть вдвоемъ. Студентъ поучалъ, дѣвушка слушала. Иногда студентъ шагалъ вокругъ клумбы передъ домомъ и, держа въ рукахъ свѣже-сорванный цвѣтокъ, объяснялъ его устройство съ важнымъ спокойствіемъ молодого профессора. Если бы это сдѣлалъ кто-нибудь другой, — капитанъ поднялъ бы цѣлую бурю. Студентъ безжалостно вытаскивалъ съ корнями лучшіе цвѣты, и капитанъ только провожалъ ихъ невольными вздохами. Однажды на деревнѣ пришлось сдѣлать перевязку запущенной раны на рукѣ жницы. Студентъ промывалъ и перевязывалъ, дѣвушка благоговѣйно подавала бинты и корпіи. Когда то же самое дѣлалъ фельдшеръ, — и, вѣроятно дѣлалъ лучше, — это выходило далеко не такъ интересно. У студента было интересно. Походило даже на священнодѣйствіе.

У капитана была давняя слабость къ «наукѣ» и «литературѣ». Теперь онъ гордился, что подъ соломенной крышей его усадьбы есть и «литература» (мой братъ), и «наука» (студентъ), и вообще — умная новая молодежь. Его огорчало только, что умная молодежь какъ будто не признаетъ его, и жизнь ея идетъ особой струей, къ которой ему трудно примкнуть.

Правда, его разсказы о гарнолужскомъ панствѣ пользовались успѣхомъ и вызывали комментарій объ «отжившемъ сословіи». Но вотъ однажды, послѣ анекдотовъ о панахъ, послѣдовалъ веселый разсказъ о мужикѣ.

Относился онъ ко времени «эмансипаціи». Крестьянъ только что освободили. Былъ праздникъ. Мужики нарядными толпами шли изъ церкви и съ базара; много было пьяныхъ. Капитанъ съ женой и дѣтьми въ коляскѣ возвращался изъ костела. Вдругъ лошади стали. Что такое? Оказалось, что на дорогѣ, раскинувшись поперекъ въ самой безпечной позѣ, лежалъ одинъ изъ новыхъ «свободныхъ гражданъ». Кучеръ кричитъ: «Пошелъ съ дороги, такой-сякой! Паны ѣдутъ». Свободный гражданинъ приподнимаетъ пьяную голову и отвѣчаетъ, что теперь воля, что онъ хочетъ вотъ такъ себѣ лежать на дорогѣ, а на пановъ ему... И онъ выразился самымъ дерзкимъ и неприличнымъ образомъ.

Капитана это, разумѣется, взорвало, но вдругъ его мысли приняли юмористическое направленіе. А! Дорога для всѣхъ! Теперь воля! Хорошо! Пусть такъ. Онъ приказалъ женѣ и дочерямъ отвернуться и, ставъ надъ пьянымъ, продѣлалъ то, что нѣкогда Гулливеръ продѣлалъ надъ лилипутами. «Панская шутка» вызвала веселье среди празднично-настроеннаго народа, собравшагося вокругъ этой сценки и ожидавшаго, какъ-то панъ выйдетъ изъ щекотливаго положенія. «Свободный гражданинъ», озадаченный и огорченный, только

поворачивалъ лицо, сплевывалъ и говорилъ съ укоризной заплетающимся языкомъ:

— Э! Пане, пане! Не робить бо кепства...

И затѣмъ, вдругъ собравшись съ силами, быстро пополозъ подъ общій хохотъ съ дороги въ канаву.

Этотъ разсказъ мы слышали много разъ и каждый разъ онъ казался намъ очень смѣшнымъ. Теперь, еще не досказавъ до конца, капитанъ почувствовалъ, что не попадаетъ въ настроеніе. Закончилъ онъ уже, видимо, не въ ударѣ. Всѣ молчали. Сынъ, весь покраснѣвъ и виновато глядя на студента, сказалъ:

— Папа... Вѣдь это... поруганіе личности.

— Д-да, — прибавилъ «редакторъ»: — униженіе человѣческаго достоинства.

Студентъ молча, съ обычнымъ серьезнымъ видомъ и сжатыми губами, глядѣвшій въ синія очки, не сказалъ ни слова, но... всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Это было внушительнѣе всякаго осужденія.

Въ комнатѣ водворилось неловкое, тягостное молчаніе. Жена капитана смотрѣла на него испуганнымъ взглядомъ. Дочери сидѣли потупясь и ожидая грозы. Капитанъ тоже всталъ, хлопнулъ дверью и черезъ минуту со двора донесся его звонкій голосъ: онъ неистово ругалъ перваго попавшаго на глаза работника.

Скоро, однако, умный и лукавый старикъ нашелъ средство примириться съ «новымъ направленіемъ». Начались религіозные споры, и въ капитанской усадьбѣ рѣзко обозначались два настроенія. Женщины — моя мать и жена

капитана — были на одной сторонѣ, мой старшій братъ, офицеръ и студентъ — на другой.

Я рѣшительно примкнулъ къ женщинамъ; младшіе братья и сестры составляли публику.

Особенно памятенъ мнѣ одинъ такой споръ. Рѣчь коснулась знаменитой въ свое время полемики между Пуше и Пастеромъ. Первый отстаивалъ самозарожденіе микроорганизмовъ, второй критиковалъ и опровергалъ его опыты. Писаревъ со своимъ молодымъ задоромъ накинулся на Пастера. Самозарожденіе было нужно: оно кидало мостъ между міромъ организмовъ и мертвой природой, расширяло предѣлы эволюціонной теоріи и, какъ тогда казалось, доставляло побѣду матеріализму.

Писарева я тогда еще не читалъ, о Дарвинѣ у меня почти только и было воспоминаніе изъ разговоровъ отца: старый чудакъ, которому почему-то хочется доказать, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны. И оба теперь стучались въ дверь, которую я еще въ дѣтствѣ заперъ наглухо своимъ обѣтомъ: никогда не отступать отъ «вѣры». Споръ велся шумно и страстно. Ну, хорошо: микроорганизмы зародились въ водѣ или, по Геккелю, на неизмѣримой глубинѣ океана. А вода, а океанъ откуда? Изъ облаковъ? А облака? Изъ водорода и кислорода. А водородъ и кислородъ?

Въ серединѣ спора со двора вошелъ капитанъ. Нѣкоторое время онъ молча слушалъ, затѣмъ... неожиданно для обѣихъ сторонъ, —примкнулъ къ «матеріалистамъ».

— Га! — сказалъ онъ рѣшительно: — я давно говорю, что пора бросить эти бабьи

сказки. Философія и наука что-нибудь значатъ... А священное писаніе? Его писали люди, не имѣвшіе понятія о наукѣ. Вотъ, напримѣръ, Іисусъ Навинъ... «Стой, солнце, и не движись, луна»...

Я вдругъ вспомнилъ далекій день моего дѣтства. Капитанъ опять стоялъ среди комнаты, высокій, сѣдой, красивый въ своемъ одушевленіи, и развивалъ тѣ же соображенія о мірахъ, солнцахъ, планетахъ, «круговращеніи естества» и пылинкѣ Навинѣ, который, не зная астрономіи, останавливаетъ все мірозданіе. Я вспомнилъ также отца съ его увѣренностью и смѣхомъ...

Молодежь радостно встрѣтила новаго союзника. Артиллеристъ прибавилъ, что ядро, остановленное въ своемъ полетѣ, развиваетъ огромную теплоту. При остановкѣ земли, — даже алмазы мгновенно обратились бы въ пары. Міръ съ трескомъ распылился бы въ междупланетномъ пространствѣ. И все изъ-за слова одного человѣка въ незамѣтномъ уголкѣ міра.

Вечеръ закончился торжествомъ «матеріализма». Капитанъ затронулъ воображеніе. Сбитые съ позиціи, мы молчали, а старикъ, довольный тѣмъ, что его приняла философія и наука, — изощрялся въ сарказмахъ и анекдотахъ.

Было поздно, когда студентъ сталъ прощаться. Молодежь съ дѣвицами его провожала. Они удалились веселой гурьбой по переулку, смѣясь, перебивая другъ друга, дѣлясь новыми аргументами, радостно упраздняя Бога и безсмертіе. И долго этотъ шумливый комокъ дви-

гался, удаляясь по спящей улицѣ, сопровождаемый лаемъ деревенскихъ собакъ.

Я не пошелъ съ ними. Мое самолюбіе было оскорблено: меня третировали, какъ мальчика. Кромѣ того, я былъ взволнованъ и задѣтъ самой сущностью спора, и теперь, расхаживая вокругъ клумбы, на которой чуть свѣтились цвѣты ранней осени, вспоминалъ аргументы отца и придумывалъ новые.

Ночь была тихая, звѣздная. Изъ-за стараго магазина еще не поднялась луна, но очертанія остроконечной крыши и силуэты тополей, казалось, плавали въ загорающемся сіяніи. Младшій братъ и Саня уже спали на сѣновалѣ. Я прошелъ туда же, нашелъ въ темнотѣ лѣстницу и поднялся къ нимъ, стараясь потише шуршать душистымъ сѣномъ. Было темно, только въ одномъ мѣстѣ свѣтъ вливался черезъ прорѣху въ соломенной крышѣ. Я улегся подъ ней, уставившись въ клокъ ночного неба, усѣяннаго звѣздами. Одна изъ нихъ, самая большая, пока я думалъ, передвинулась съ одной стороны прорѣхи къ другой, точно проплыла по синему пруду. И я ясно представилъ себѣ огромный сводъ, тоже тихо совершающій все вращательное движеніе. Вѣрнѣе, это движется земля. Одну землю остановить легче, чѣмъ весь этотъ сводъ. Но... все-таки трудно. Правда, Богъ всемогущъ. Онъ могъ остановить землю и приказать, чтобы не было отъ этого дурныхъ послѣдствій. И даже еще иначе. Солнце зашло, а въ вышинѣ все еще играютъ его лучи... Если свѣтлое облако, какъ экранъ, отразило эти лучи на земло, Іисусу Навину было

свѣтло еще часъ-другой... И, значитъ, цѣль его молитвы достигнута.

А въ прорѣхѣ появлялись новыя звѣзды и опять проплывали, точно по синему пруду... Я вспомнилъ звѣздную ночь, когда я просилъ себѣ крыльевъ... Вспомнилъ также спокойную вѣру отца... Мой міръ въ этотъ вечеръ все-таки остался на своихъ устояхъ, но теперешнее мое звѣздное небо было уже не то, что въ тотъ вечеръ. Воображеніе охватывало его теперь иначе. А воображеніе и творитъ, и подтачиваетъ вѣру часто гораздо сильнѣе, чѣмъ логика.

Тѣмъ не менѣе, на слѣдующій день я кинулся въ полемику уже съ космографическими соображеніями, и споры закипѣли съ новой силой.

Такъ шло дѣло до конца каникулъ. Капитанъ остался вѣрнымъ союзникомъ «матеріалистовъ», и порой его кощунственныя шутки заходили довольно далеко. Однако, по мѣрѣ того, какъ вечера становились дольше и темнѣе, его задоръ нѣсколько остывалъ.

Однажды засидѣлись поздно. Снаружи въ открытыя окна глядѣла темная мглистая ночь, въ которой шелестѣла листва, и чувствовалось на небѣ безформенное движеніе облаковъ. Въ комнатѣ тревожно и часто звонилъ невидимый сверчокъ.

Въ этотъ вечеръ капитанъ нѣсколько перехватилъ въ своемъ острословіи. Жена была имъ недовольна; кажется, и онъ былъ недоволенъ собою. Лицо его какъ-то увяло, усы опустились книзу.

— Ну, будетъ, — сказала тетка. — Пора спать.

Капитанъ тяжело поднялся съ мѣста и, окинувъ взглядомъ своихъ союзниковъ, сказалъ неожиданно:

— Э! Такъ-то оно такъ. И наука, и все такое... А все-таки, знаете, стану ложиться въ постель, — перекрещусь на всякій случай. Какъ-то спокойнѣе... Что нѣтъ тамъ ничего, — это вѣрно... Ну, а вдругъ *оно* есть...

Подъ конецъ онъ спохватился и придалъ голосу полуюмористическую нотку. Но жена простодушно пояснила:

— Эхъ, старый! Кощунствуетъ цѣлый вечеръ, а потомъ крестится, вздыхаетъ, боится темноты и будитъ меня, чтобы я его перекрестила...

— Ну, ну! — остановилъ ее недовольный мужъ.

Этотъ маленькій эпизодъ доставилъ мнѣ минуту ироническаго торжества, возстановивъ воспоминаніе о вѣрѣ отца и легкомысленномъ отрицаніи капитана. Но все же основы моего міровоззрѣнія вздрагивали. И не столько отъ прямой полемики, сколько подъ косвеннымъ вліяніемъ какого-то особаго вѣянія отъ новаго міросозерцанія.

Я все еще не зналъ ни Писарева, ни Дарвина, ни физіологіи и ловилъ только отрывки, вылетавшіе, какъ искры, изъ разсужденій и споровъ старшей молодежи. Борьба за свободу ирландцевъ противъ англичанъ не имѣла успѣха потому, что ирландцы питаются картофелемъ, а англичане — ростбифами. Это изъ

Бокля. Между тѣмъ мѣшокъ картофеля прибавляетъ меньше крови, чѣмъ одинъ фунтъ мяса. Это, кажется, изъ Бюхнера. Тэнъ объясняетъ сильныя страсти шекспировскихъ героевъ, ихъ пламенные монологи и неистово грубыя ругательства тѣмъ, что предки Шекспира англо-саксы набивали животы сырыми ростбифами и пивомъ... «Мысль, — говоритъ Фохтъ, — есть выдѣленіе мозга, какъ желчь есть выдѣленіе печени». «Матерія» и «сила», простѣйшій атомъ и его механическія свойства, слагаясь, даютъ все, что мы чувствуемъ, какъ душевные процессы. Разложите на составныя части вдохновенный порывъ, — остается такое-то количество атомовъ съ ихъ тяготѣніемъ и ничего больше... Человѣкъ — машина и химическій препаратъ вмѣстѣ. Такъ его и слѣдуетъ изучать. «Дана нервная дама», говоритъ Сѣченовъ въ одномъ этюдѣ, — и разсматриваетъ ее, какъ простой препаратъ.

Все это на меня производило впечатлѣніе блестящихъ холодныхъ снѣжинокъ, падающихъ на голое тѣло. Я чувствовалъ, что эти отдѣльныя блестки, разрозненныя, случайно вырывавшіяся въ жару случайныхъ споровъ, — свѣтятся какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, рѣзкимъ, холоднымъ, но идущимъ изъ общаго источника.

XXXI

ПОТЕРЯННЫЙ АРГУМЕНТЪ

Мы вернулись въ Ровно; въ гимназіи давно шли уроки, но гимназическая жизнь отступила для меня на второй планъ. На первомъ было два мотива. Я былъ влюбленъ и отстаивалъ свою вѣру. Ложась спать, въ тѣ промежуточные часы передъ сномъ, которые прежде я отдавалъ буйному полету фантазіи въ страны рыцарей и казачества, — теперь я вспоминалъ милыя черты или продолжалъ гарнолужскіе споры, подыскивая аргументы въ пользу безсмертія души. Іисусъ Навинъ и формальная сторона религіи незамѣтно теряли для меня прежнее значеніе...

Юная особа, плѣнившая впервые мое сердце, каждый день ѣздила съ сестрой и братомъ въ маленькой таратайкѣ на уроки. Я отлично изучилъ время ихъ проѣзда, стукъ колесъ по шоссе и звяканіе бубенцовъ. Къ тому времени, когда имъ предстояло возвращаться, я, будто случайно, выходилъ къ своимъ воротамъ или на мостъ. Когда мнѣ удавалось увидѣть розовое личико съ каштановымъ локономъ, выбивающимся изъ-подъ шляпки, уловить взглядъ, поклонъ, благосклонную улыбку, это разливало радостное сіяніе на весь мой остальной день.

Однажды бубенчики прогремѣли въ необычное время. Таратайка промелькнула мимо нашихъ воротъ такъ быстро, что я не разглядѣлъ издали фигуры сидѣвшихъ, но по знако-

мому сладкому замиранію сердца былъ убѣжденъ, что это проѣхала *она.* Вскорѣ телѣжка вернулась пустая. Это значило, что сестры остались гдѣ-нибудь на вечерѣ и будутъ возвращаться обратно часовъ въ десять.

Послѣ 9 часовъ я вышелъ изъ дома и сталъ прохаживаться. Была поздняя осень. Вода въ прудахъ отяжелѣла и потемнѣла, точно въ ожиданіи морозовъ. Ночь была ясная, свѣжая, прохладный воздухъ звонокъ и чутокъ. Я былъ весь охваченъ своимъ чувствомъ и своими мыслями. Чувство летѣло навстрѣчу знакомой маленькой телѣжкѣ, а мысль искала доказательствъ бытія Божія и безсмертія души.

Время шло; сказывалась усталость. Послѣднія лавки были заперты, уличное движеніе стихло. Таратайка съ долговязымъ кучеромъ давно проѣхала по направленію къ предмѣстью Волѣ, но назадъ еще не возвращалась. Я ходилъ вдоль рѣчки, не удаляясь отъ моста, по которому она должна была проѣхать. Потомъ остановился и сталъ глядѣть на темную рѣчку. По ней тихо проплыли какія-то бѣлыя птицы, — не то гуси, не то молодые лебеди, — обмѣниваясь осторожнымъ невнятнымъ клектаніемъ, и мои мысли шли, какъ эти темныя струи съ бѣлыми птицами... Казалось, вотъ-вотъ я найду то, что мнѣ нужно.

Вдругъ до моего сознанія долетѣлъ чуть внятный звукъ, будто гдѣ-то далеко ударили ложечкой по стакану. Я зналъ его: это — отголосокъ бубенчиковъ. *Она* уже выѣхала, но еще далеко: таратайка пробирается сѣтью узенькихъ переулковъ въ предмѣстіи. Я успѣю

дойти до моста, перейти его и стать въ тѣни угловой лавки. А пока... еще немного додумать.

Мысль, точно подъ вліяніемъ толчка, заработала вдругъ ярко, быстро и сильно. Я остановился, прислушиваясь къ внутренней работѣ мозга. Да, несомнѣнно, это складывается «неопровержимое» доказательство безсмертія. Аргументы стройно вытягивались положеніе за положеніемъ, неразрывною цѣпью. Еще немного, и матеріализмъ (какимъ я зналъ его въ нашей полемикѣ) — рушится. Меня охватывала радость перваго самостоятельнаго творчества и открытія. Надо остановиться, уйти куда-нибудь подальше, въ ту сторону, куда поплыли птицы, бѣлѣвшія на поворотѣ между ивами, и додумать до конца. Но ноги сами собой торопливо несли меня вдоль рѣчки, къ шоссе и къ мосту. Звонъ бубенцовъ уже вылился на шоссе и приближался съ неожиданной быстротой, заполняя своими растущими трелями чуткій воздухъ ночи... Успѣю или не успѣю? Я торопился, ловя слухомъ тарахтаніе колесъ, а мыслью — свои доказательства... Черезъ минуту я былъ на мосту, но телѣжка уже гремѣла по деревянной настилкѣ. Обѣ сестры съ удивленіемъ оглянулись на одинокую и, вѣроятно, очень глупую фигуру, неизвѣстно зачѣмъ застывшую въ лунномъ свѣтѣ на серединѣ моста. Онѣ меня не могли не узнать, но я не успѣлъ даже поклониться, потому что въ это самое мгновеніе жадно хваталъ обрывки разлетѣвшагося силлогизма. Стройный рядъ посылокъ и почти готоваго заключенія

снялся, какъ стая вспугнутыхъ птицъ, и улеталъ въ спящій сумракъ, вслѣдъ за телѣжкой. Звонъ бубенцовъ убѣжалъ въ конецъ улицы и остановился въ ея перспективѣ, недалеко отъ заставы. Двѣ фигурки чуть мелькнули, какъ тѣни, у подъѣзда, и все исчезло. Осталась пустота передъ глазами, пустота въ сердцѣ, пустота въ головѣ: «неопровержимое доказательство» улетѣло. Я вернулся на прежнее мѣсто, глядѣлъ на воду, искалъ глазами лебедей, но и они уже затерялись гдѣ-то въ тѣни, какъ мои мысли... На душѣ было ощущеніе важной утраты, раскаяніе, сожалѣніе. И было тускло, какъ на улицѣ, на которой нечего было ждать въ этотъ вечеръ...

Ночью я долго искалъ исчезнувшую мысль, но она не вернулась...

Вѣроятно, именно въ этотъ періодъ я молился на площади, на статую Мадонны... Мнѣ все еще казалось, что я остаюсь вѣренъ своему давнему обѣту, но, какъ это часто бываетъ, самыми сильными аргументами являлись не тѣ, которые выступали въ полемикѣ въ качествѣ прямыхъ возраженій. Гораздо сильнѣе, хотя незамѣтно, дѣйствовало измѣненіе умственнаго горизонта, занимаемаго шагъ за шагомъ какъ будто нейтральными фактами, образами, пріемами мысли. Потомъ приходило воображеніе, охватывало ихъ, и составъ моего міра измѣнялся. Наивный ужасъ передъ Дарвиномъ испарился какъ-то незамѣтно, положенія эволюціонной теоріи такъ же незамѣтно вростали въ понятія. Какъ-то въ это время случилось мнѣ прочитать «Подводный камень» забытаго

теперь романиста Авдіева. Почему-то я прочелъ его не весь, и содержаніе его вспоминается мнѣ тускло. Но одно мѣсто осталось въ памяти. Жена хорошаго человѣка заинтересовывается пріятелемъ мужа, атеистомъ. И мужъ, и она — люди вѣрующіе. Простая, искренняя вѣра освѣщаетъ ихъ жизненную дорогу, утѣшаетъ, побуждаетъ къ добру... Но и атеистъ тоже хорошій человѣкъ, способный на самопожертвованіе. Идти суровой дорогой борьбы безъ надежды на награду въ будущей жизни, безъ опоры въ высшей силѣ, безъ утѣшенія... съ гордой увѣренностью въ своей правотѣ... Она не можетъ отказать этому міросозерцанію въ своего рода красотѣ и величіи...

Это мѣсто романа меня поразило. Значитъ, можно не вѣрить по-иному, чѣмъ капитанъ, который кощунствуетъ вечеромъ и крестится ночью «на всякій случай»... Что, если бы отецъ встрѣтился *съ такимъ* человѣкомъ. Сталъ ли бы онъ смѣяться тѣмъ же смѣхомъ снисходительнаго превосходства?..

Въ такомъ настроеніи я встрѣтился съ Авдіевымъ. Онъ никогда не затрагивалъ религіозныхъ вопросовъ, но годъ общенія съ нимъ сразу вдвинулъ въ мой умъ множество образовъ и идей... За героемъ «Подводнаго камня» пришелъ тургеневскій Базаровъ. Въ его «отрицаніи» мнѣ чуялась уже та самая спокойная непосредственность и увѣренность, какія были въ вѣрѣ отца...

И опять новая «вѣха» отмѣчаетъ поступательное движеніе прилива.

XXXII

ОТКЛОНЕННАЯ ИСПОВѢДЬ

Я былъ, если не ошибаюсь, въ шестомъ классѣ. Въ гимназіи случилась шалость, помнится, довольно скверная. Сочувствія она ни въ комъ не вызывала, но виновныхъ, по обыкновенію, не выдали. Начальство вдругъ сдѣлало распоряженіе, чтобы ученики старшихъ классовъ исповѣдывались непремѣнно у законоучителя. Это удивило и огорчило многихъ. Обыкновенно для помощи гимназическому священнику приглашался священникъ Барановичъ, человѣкъ глубоко вѣрующій, чистый сердцемъ и добрый. Гимназисты шли больше къ нему, и въ то время, какъ около аналоя протоіерея бывало почти пусто, къ Барановичу тѣснились и дожидались очереди...

Теперь выбора не было. Старшимъ приходилось поневолѣ идти къ законоучителю. Затѣмъ случилось, что тотчасъ послѣ перваго дня исповѣди виновники шалости были раскрыты. Священникъ наложилъ на нихъ эпитимью и лишилъ причастія, но еще до начала службы три ученика были водворены въ карцеръ. Имъ грозило исключеніе.

Это произвело въ нашей средѣ сильное впечатлѣніе. Явилось подозрѣніе, что законоучитель выдалъ тайну исповѣди.

На слѣдующій день предстояло исповѣдываться шестому и седьмому классамъ. Идя въ церковь, я догналъ на Гимназической улицѣ рыжаго Сучкова.

— Слышалъ? — спросилъ онъ у меня. Онъ былъ взволнованъ, и я сразу понялъ, что̀ такъ занимаетъ его.

— Да, — отвѣтилъ я. — Но можно ли быть увѣреннымъ, что это именно протоіерей?..

— Положимъ. А можно ли быть увѣреннымъ, что это не онъ?

Я представилъ себѣ непривлекательно-умное лицо священника обрусителя... Шалость дрянная... Протоіерей больше чиновникъ и педагогъ и политикъ, чѣмъ вѣрующій пастырь, для котораго святыня таинства стояла бы выше всѣхъ соображеній... Да, кажется, онъ *могъ бы* это сдѣлать.

— Я... не увѣренъ, — отвѣтилъ я на вопросъ Сучкова.

— Я... тоже. А можно ли раскрывать душу, когда... нѣтъ даже такой увѣренности? Я не могу.

— Я тоже... Но тогда?

Возникалъ тяжелый вопросъ: въ священникѣ для насъ уже не было святыни, и обратить вынужденную исповѣдь въ простую формальность, въ родѣ отвѣта на урокѣ, не казалось труднымъ. Но какъ же быть съ причастіемъ? Къ этому обряду мы отнеслись хотя и не безъ сомнѣній, но съ уваженіемъ, и намъ было больно осквернить его ложью. Между тѣмъ не подойти съ другими — значило обратить вниманіе инспектора и надзирателей. Мы рѣшили, однако, пойти на серьезный рискъ. Это была своеобразная дань недавней святынѣ...

Никогда, кажется, въ жизни я не приступалъ къ исповѣди съ такимъ волненіемъ. Это было передъ вечерней. Въ церкви желтые огни свѣчей какъ бы спорили съ сумерками, расплывавшимися въ тонкой мглѣ отъ ладана. Справа за аналоемъ сидѣлъ отецъ Крюковскій. У него была больная печень, и желчное страданіе виднѣлось во взглядѣ его маленькихъ глазъ, которыми онъ внимательно окидывалъ подходившихъ. А невдалекѣ высокій и блѣдный, съ добрымъ скуластымъ лицомъ, на которомъ теплилось простодушное умиленіе, другой священникъ, Барановичъ, принималъ малышей, накрывая ихъ эпитрахилью, и тотчасъ же наклонялся съ видомъ торжественнаго и добраго вниманія.

Какъ я завидовалъ въ эту минуту малышамъ, и какъ мнѣ хотѣлось подойти къ этому доброму великану и излить передъ нимъ все настроеніе данной минуты, вплоть до своего намѣренія солгать на исповѣди.

Но меня уже ждалъ законоучитель. Онъ отпустилъ одного исповѣдника и смотрѣлъ на кучку старшихъ учениковъ, которые какъ-то сжимались подъ его взглядомъ. Никто не выступалъ. Глаза его остановились на мнѣ; я вышелъ изъ ряда.

Лицо у меня горѣло, голосъ дрожалъ, на глаза просились слезы. Протоіерея удивило это настроеніе, и онъ, кажется, приготовился услышать какія-нибудь необыкновенныя признанія. Когда онъ накрылъ мою склоненную голову, — обычное волненіе исповѣди пробѣжало въ моей душѣ. «Сказать, признаться?»

Но это было мгновеніе. Я встрѣтился съ его взглядомъ изъ-подъ эпитрахили. Въ немъ не было ничего, кромѣ внимательной настороженности духовнаго «начальника». Я отвѣчалъ формально на его вопросы, но мое волненіе при этихъ краткихъ отвѣтахъ его озадачивало. Онъ тщательно перебралъ весь перечень грѣховъ. Я отвѣчалъ, по большей части, отрицаніемъ; «грѣховъ» оказывалось очень мало, и онъ рѣшилъ, что волненіе мое объясняется душевнымъ потрясеніемъ отъ благоговѣнія къ таинству.

«Разрѣшеніе» онъ произнесъ смягченнымъ голосомъ. «Эпитиміи не налагаю. Помолись по усердію... и за меня грѣшнаго», — прибавилъ онъ вдругъ, и эта послѣдняя фраза вновь кинула мнѣ краску въ лицо и вызвала на глаза слезы отъ горькаго сознанія вынужденнаго лицемѣрія.

На слѣдующій день, когда всѣ подходили къ причастію подъ внимательными взглядами инспектора и надзирателей, мы съ Сучковымъ замѣшались въ толпу, обошли причащавшихся не безъ опасности быть замѣченными и вышли изъ церкви...

Это было какъ бы прощаніе. Съ этихъ поръ религіозные экстазы сплывали съ души, и религіозные вопросы постепенно уступали мѣсто другимъ. Не то, чтобы я рѣшилъ для себя основныя проблемы о существованіи Бога и о безсмертіи. Окончательной формулы я не нашелъ, но самая проблема теряла свою остроту, и я пересталъ искать. Мой умственный горизонтъ заполнялся новыми фактами, понятіями,

вопросами реальнаго міра. И все это было такъ ярко и толпилось такъ заманчиво и такъ, повидимому, безконечно... И столько въ этомъ было жизни, глубины, наконецъ, столько невѣдомаго и тайно-манящаго, что для другихъ вопросовъ не оставалось мѣста. Они перекрывались фактами жизни, какъ небесная синева перекрывается быстро несущимися, свѣтлыми, громоздящимися другъ на друга облаками, развертывающими все новые образы, комбинаціи и формы... А высоты, казалось, и въ нихъ достаточно...

Къ концу гимназическаго курса я опять стоялъ въ раздуміи о себѣ и о мірѣ. И опять мнѣ показалось, что я охватываю взглядомъ *весь* мой теперешній міръ и уже не нахожу въ немъ мѣста для «піэтизма». Я гордо говорилъ себѣ, что никогда ни лицемѣріе, ни малодушіе не заставитъ меня измѣнить «твердой правдѣ», не вынудятъ искать праздныхъ утѣшеній и блуждать во мглѣ призрачныхъ, не подлежащихъ рѣшенію вопросовъ...

Это продолжалось многіе годы, пока... яркія облака не сдвинулись, вновь измѣняя еще разъ міровую декорацію, и изъ-за нихъ не выглянула опять безконечность, загадочно ровная, заманчивая и дразнящая старыми загадками сфинкса въ новыхъ формахъ... И тогда я убѣдился, что эти вопросы были только отодвинуты, а не рѣшены въ томъ или другомъ смыслѣ . . . .

. . . .

XXXIII

ЧѢМЪ БЫТЬ?

Я былъ въ послѣднемъ классѣ, когда на квартирѣ, которую содержала моя мать, жили два брата Конахевичи — Людвигъ и Игнатій. Они были православные, несмотря на неправославное имя старшаго. Не обращая вниманія на насмѣшки священника Крюковскаго, Конахевичъ не отказывался отъ своего имени, и на вопросы въ классѣ упрямо отвѣчалъ: «Людвигъ. Меня такъ окрестили».

Это былъ юноша уже на возрастѣ, запоздавшій въ гимназіи. Небольшого роста, коренастый, съ круглымъ лбомъ и кривыми ногами, онъ напоминалъ гунна, и его порой называли гунномъ. Меня заинтересовала въ немъ какая-то особенная манера превосходства, съ которой онъ относился къ малышамъ, товарищамъ по классу. Кромѣ того онъ говорилъ намеками, будто храня что-то недосказанное про себя.

Однажды, когда всѣ въ квартирѣ улеглись, и темнота комнаты наполнилась тихимъ дыханіемъ сна, — я долго не спалъ и ворочался на своей постели. Я думалъ о томъ, куда идти по окончаніи гимназіи. Университетъ былъ закрытъ, у матери средствъ не было, чтобы мнѣ готовиться еще годъ на аттестатъ зрѣлости...

— Вы не спите? — тихо окликнулъ меня Конахевичъ.

— Не сплю.

— Думаете? О чемъ?

— У меня есть о чемъ подумать.

— Да, вы кончаете курсъ... Выбираете карьеру?..

Въ его голосѣ послышалась нотка ироніи.

— Да, именно, — отвѣтилъ я.

Онъ помолчалъ съ полминуты, какъ бы прислушиваясь къ дыханію спящихъ товарищей, и потомъ сказалъ, понизивъ голосъ:

— Счастливый вы человѣкъ...

— Это почему?

— У васъ маленькія желанія и маленькія задачи. Потому вы всего достигнете въ жизни: окончите курсъ, поступите на службу, женитесь... И жизнь ваша покатится по ровной, гладкой дорогѣ...

— А ваша? — спросилъ я, невольно улыбаясь въ темнотѣ.

— Моя? — Опять съ его кровати пронесся глубокій вздохъ, бурный и печальный.

— Мнѣ суждена другая доля... Меня манитъ недостижимое. Жизнь моя пройдетъ бурно... Уничтожая все на своемъ пути, принося страданія всѣмъ, кого роковая судьба свяжетъ со мною. И прежде всего тѣхъ, кого я люблю.

— Не понимаю, — сказалъ я наивно. — Зачѣмъ же вы выбираете карьеру, связанную съ такими неудобствами?..

Конахевичъ горько усмѣхнулся и сѣлъ на своей кровати.

— Вашъ вопросъ показываетъ, что вы, въ своемъ счастливомъ невѣдѣніи, не можете даже понять натуры, подобной моей. Карьера?.. Это только счастливцевъ, какъ вы, ждетъ карьера, въ родѣ гладкаго шоссе, обставленнаго

столбами... Мой путь?.. Пустынныя скалы... пропасти... обрывы... блудящіе огни... Черная туча, въ которой ничего не видно, но она несетъ громы... Вы въ Бога вѣрите?

Что-то помѣшало мнѣ пуститься въ откровенности, и я отвѣтилъ кратко:

— Да, вѣрю.

— А я, — мрачно сказалъ Конахевичъ, — давно утратилъ дѣтскую вѣру...

Мнѣ было интересно узнать, что скрывается въ этой мглѣ съ мрачнымъ невѣріемъ, бурей и громами... Но въ это время на одной изъ кроватей послышалось движеніе, и раздался голосъ младшаго Конахевича. Это былъ мальчикъ не особенно способный, но усидчивый и серьезный. Старшій былъ прежде его кумиромъ. Теперь онъ догналъ его, и оба были въ одномъ классѣ.

— Ахъ, Людвигъ, Людвигъ, — сказалъ онъ укоризненно. — Опять говоришь глупости, а алгебру на завтра, вѣрно, не выучилъ... Тучи, громы, а завтра получишь единицу.

— Врешь, — отвѣтилъ старшій сердито. — Знаю лучше тебя...

— Знаешь? — скептически возразилъ Игнатій. — Когда же ты выучилъ? Въ четверти опять будутъ двойки. Даже непріятно ѣхать съ тобой домой: что скажешь старикамъ?

Людвигъ демонстративно захрапѣлъ, а Игнатій продолжалъ ворочаться на постели и ворчать.

— И насчетъ Бога врешь!.. Вчера стоялъ на колѣняхъ и молился. Думаешь, я не видѣлъ?

О, Господи! Начитался этого Словацкаго. Лучше бы выучилъ биномъ.

Потомъ и онъ смолкъ. Тогда Людвигъ опять высунулъ голову изъ-подъ одѣяла и тихо сказалъ мнѣ:

— Вы надо мной смѣетесь?..

— Чуть-чуть, — отвѣтилъ я.

— Вы умнѣе, чѣмъ я думалъ. Я хотѣлъ посмѣяться надъ вами...

— Благодарю васъ.

На утро онъ немного стыдился и косилъ глаза, но затѣмъ скоро вернулся къ своему величаво-загадочному, байроническому тону. Онъ продолжалъ тяготѣть ко мнѣ, и часто мы прогуливались втроемъ. Третій былъ нѣкто Кордецкій.

Это былъ очень красивый юноша съ пепельными волосами, матовымъ лицомъ и выразительными сѣрыми глазами. Онъ недавно перешелъ въ нашу гимназію изъ Бѣлой Церкви, и въ своемъ классѣ у него товарищей не было. На перемѣнахъ онъ ходилъ одинокій, задумчивый. Брови у него были какъ-то приподняты, отчего на лбу сдвигались скорбныя морщины, а на красивомъ лбу лежалъ меланхолическій нимбъ.

Не помню, какъ произошло наше знакомство. Меня онъ интересовалъ, какъ и Конахевичъ, и вскорѣ мы стали часто ходить вмѣстѣ, хотя они оба недолюбливали другъ друга...

Вскорѣ отъ Кордецкаго я тоже услышалъ туманные намеки. Конахевича угнетало мрачное будущее. Кордецкаго томило ужасное прошлое... Если бы я узналъ все, то отшатнулся

бы отъ него съ отвращеніемъ и ужасомъ. Впрочемъ, и теперь еще не поздно. Мнѣ слѣдуетъ его оставить на произволъ судьбы, хотя я единственный человѣкъ, котораго онъ любитъ...

— Знаете, — сказалъ онъ однажды, когда мы были только вдвоемъ, — я ужасный подлецъ... послѣдній негодяй... преступникъ...

Брови его приподнялись, морщина на лбу углубилась, но мнѣ показалось, что слова «подлецъ» и «преступникъ» онъ произнесъ съ какимъ-то особеннымъ вкусомъ, какъ будто смакуя и гордясь этимъ званіемъ.

Однажды послѣ каникулъ онъ явился особенно мрачный и отчасти приподнялъ завѣсу надъ бездной своей порочности: въ его угрюмо-покаянныхъ намекахъ выступало юное существо... дитя природы... дѣвушка изъ бѣдной семьи. Обожала его. Онъ ее погубилъ... Этимъ лѣтомъ, ночью... въ глубокомъ пруду... и т. д.

Я слушалъ все это совершенно спокойно, главнымъ образомъ потому, что не вѣрилъ ни одному слову, а ту долю его меланхоліи, которая дѣйствительно слышалась въ его голосѣ, — приписывалъ предстоящей переэкзаменовкѣ по французскому языку...

— Если, вдобавокъ, я завтра срѣжусь, — прибавилъ онъ мрачно, отдавая мнѣ запечатанный конвертъ, — то вы... пошлите это письмо...

— Къ ней? — спросилъ я невинно. Онъ посмотрѣлъ на меня быстро и подозрительно и сказалъ съ досадой:

— *Она* — въ могилѣ.

— Почему же вы не пошлете письмо сами?

— Завтра вы узнаете, — почему.

На утро я пошелъ въ гимназію, чтобы узнать объ участи Кордецкаго. У Конахевича, увы! — тоже была переэкзаменовка по другому предмету. Кордецкій срѣзался первый. Онъ вышелъ изъ класса и печально пожалъ мнѣ руку. Выраженіе его лица было простое и искренно огорченное. Мы вышли изъ коридора, и во дворѣ я все-таки не удержался: вынулъ конвертъ.

— Посылать?..

Онъ взялъ его у меня изъ рукъ, швырнулъ въ сторону и сказалъ, слегка покраснѣвъ:

— Я вамъ вчера показался большимъ дуракомъ?.. Вамъ было смѣшно?

— Было немножко, — отвѣтилъ я, — хотя дуракомъ вы мнѣ не казались...

— Не глупъ... знаю самъ. Но чортъ его знаетъ: неисправимый фразёръ.

И мнѣ показалось, что слово «фразёръ» онъ онъ опять произнесъ съ такимъ же вкусомъ и особаго рода самоуслажденіемъ, какъ недавно произносилъ слово «подлецъ»...

Въ это время выходная дверь на блокѣ хлопнула, и по мосткамъ застучали частые шаги. Насъ нагонялъ Конахевичъ, стуча каблуками такъ энергично, будто каждымъ ударомъ мрачный юноша вколачивалъ кого-то въ землю. Глаза Кордецкаго сверкнули лукавой искрой.

— Что, батенька? Тоже срѣзались?

— Срѣзали, п-подлецы, — сказалъ Конахевичъ съ натискомъ. — Но я отомщу... Отомщу ужасно.

Кордецкій насмѣшливо посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Ну, Конахевичъ. Я — фразёръ, а вы вдесятеро.

— Фразёръ? Что такое фразёръ? — спросилъ Конахевичъ быстро. Кордецкій усмѣхнулся и пожалъ плечами. Онъ гордился словомъ, котораго Конахевичъ даже не понимаетъ.

— Я имѣю передъ вами то преимущество, — сказалъ онъ, и опять скорбный нимбъ легъ на его челѣ, — что, по крайней мѣрѣ, сознаю, что я такое...

У молодости есть особое, почти прирожденное чувство отталкиванія отъ избитыхъ дорогъ и застывающихъ формъ. На порогѣ жизни молодость какъ будто упирается, колеблясь ступить на проторенныя тропинки, какъ бы жалѣя разстаться съ неосуществленными возможностями. Литература часто раздуваетъ эту искру, какъ вѣтеръ раздуваетъ тлѣющій костеръ. И цѣлыя поколѣнія переживаютъ лихорадку отрицанія дѣйствительной жизни, которая грозитъ затянуть ихъ и обезличить.

Конахевичъ читалъ Словацкаго. Кордецкій зналъ наизусть «Героя нашего времени» и имѣлъ нѣкоторое понятіе о «Донъ-Жуанѣ». Оба они были романтики. Пусть преступникъ, но не обыкновенный обыватель. Байроновскій Лара тоже преступникъ. Пусть фразёръ. Рудинъ тоже фразёръ. Это не мѣшаетъ стоять на нѣкоторой высотѣ надъ средой, которая даже не знаетъ, кто такой Лара и что значитъ фразёръ.

Но въ сущности и романтизмъ, и печоринство уже выдохлись въ тогдашней молодежи.

Ея воображеніемъ завладѣли образы, выдвигаемые тогдашней «новой» литературой, стремившейся по своему отвѣтить на дѣйствительные вопросы жизни.

У обществъ бываютъ свои настроенія и предчувствія. Такое настроеніе, смутное, но широко охватывающее всѣхъ, — и даетъ то, что принято называть «духомъ времени». Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ великая реформа всколыхнула всю жизнь, но волна обновленія скоро начала отступать. То, что должно было пасть, не упало окончательно, что должно было возникнуть, не возникло вполнѣ. Жизнь повисла на мертвой точкѣ, и эта неопредѣленность кидала свою тѣнь на общее настроеніе. Дорога, на которую страна такъ радостно выступала въ началѣ десятилѣтія, упиралась въ неопредѣленность. Невольно чувствовался впереди кризисъ, неизбѣжность потрясеній и героическихъ усилій.

Въ наличности не было силъ для разрѣшенія кризиса. Оставалась надежда на будущее, на что-то новое, что придетъ съ этимъ будущимъ, и прежде всего на «новаго человѣка», котораго должны выдвинуть молодыя поколѣнія.

Молодежь стала предметомъ особаго вниманія и надеждъ, и вотъ что покрывало такимъ свѣжимъ блестящимъ лакомъ недавнихъ юнкеровъ, гимназистовъ и студентовъ. Поручикъ въ свѣженькомъ мундирѣ казался много интереснѣе полковника или генерала, а студентъ юридическаго факультета интереснѣе готоваго прокурора. Тѣ — люди, уже захваченные колесами стараго механизма, а изъ этихъ могутъ

еще выйти Гоши или Дантоны... Въ туманахъ близкаго, какъ казалось, будущаго начинали роиться образы «новаго человѣка», «передового человѣка», «героя».

Въ дѣйствительной жизни этихъ необыкновенныхъ героевъ еще не было: «почувствовать» ихъ, созерцать творческимъ воображеніемъ было невозможно. Приходилось не создавать, а выдумывать, живость изображенія замѣнять одушевленіемъ ожиданія и вѣры. Поэтому первостепенные художники за эти задачи не брались. Первый планъ художественной литературы все еще занимали Лаврецкіе и Рудины съ ихъ меланхолически отрицательнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности и туманными предчувствіями. Тургеневъ въ «Накунунѣ» геніально отмѣтилъ это ожиданіе, но «героя» все-таки увелъ за границу. Изъ русской дѣйствительности попрежнему брались отрицательные типы, и даже Добролюбовъ только спрашивалъ съ горечью: «Когда же придетъ настоящій день»?.. Зато второй планъ художественной литературы съ половины шестидесятыхъ годовъ заполняется величаво-мглистыми очертаніями героевъ-великановъ... И это было на обѣихъ сторонахъ: герои прогрессивной беллетристики несли разрушеніе старому міру. Художники консерваторы звали своихъ героевъ на его защиту... Будущее кидало впереди себя свою тѣнь, и мглистые образы сражались въ воздухѣ задолго еще до того времени, когда борьба назрѣла въ самой жизни.

Среди этой литературы выдѣлялись «Знаменія времени» Мордовцева и «Шагъ за шагомъ»

Омулевскаго («Что дѣлать» Чернышевскаго я прочелъ гораздо позже). Мордовцевъ былъ писатель не вполнѣ искренній и сильно «себѣ на умѣ». Молодежь восхищалась его «Историческими движеніями русскаго народа», не замѣчая, что книга кончается чуть не апоѳеозомъ государства, у подножія котораго, какъ вокругъ могучаго утеса, бьются безсильныя народныя волны. Онъ приводилъ въ восхищеніе «областниковъ» и «украинофиловъ» и могъ внезапно разразиться яркой и эффектной статьей, въ которой доказывалъ, что «централизація» — законъ жизни, а областная литература обречена на умираніе. Свой романъ онъ началъ эффектнымъ бредомъ больного. Въ картинахъ этого бреда ловились намеки на казнь Каракозова. Это кидало на весь романъ неуловимый для цензора, но ясно ощутимый покровъ «революціонности». Можно было подумать, что автору и его героямъ выходъ изъ современнаго положенія ясенъ, и если бы не цензура, то они бы его, конечно, указали... Романъ имѣлъ въ то время огромный успѣхъ. Его зачитывали, комментировали, разгадывали намеки, которые, навѣрное, оставались загадкой для самого автора. Въ качествѣ грядущей революціонной силы въ туманѣ рисовались... какія-то, кажется, уральскія артели...

Омулевскій былъ гораздо искреннѣе и проще. Отъ его романа вѣяло молодой вѣрой и какой-то особенной бодростью. Слабохарактерный, спившійся, погибавшій, онъ какъ бы раздваивался въ своемъ произведеніи: себя онъ вывелъ въ лицѣ доктора, мрачнаго меланхо-

лика, страдающаго запоемъ, безнадежно загубленнаго уже мракомъ окружающихъ условій, но благословляющаго своего молодого друга Свѣтлова на новую жизнь и борьбу. Въ Свѣтловѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ уже самая фамилія, — воплощена вѣра въ будущее. Онъ бодръ, силенъ, свѣтелъ. Все ему удается, всѣ преклоняются передъ его знаніями, характеромъ, особенной удачливостью.

Онъ живетъ въ сибирской глуши (кажется, въ ссылкѣ), работаетъ въ столичныхъ журналахъ и въ то же время проникаетъ въ таинственныя глубины народной жизни. Пріятели у него — раскольники, умные крестьяне, рабочіе. Они понимаютъ его, онъ понимаетъ ихъ, и изъ этого союза растетъ что-то конспиративное и великое. Все, что видно снаружи изъ его дѣятельности, — только средство. А цѣль?..

Объ этомъ спрашиваетъ молодая женщина, «пробужденная имъ къ сознательной жизни». Онъ все откроетъ ей, когда придетъ время... Наконецъ, однажды, прощаясь съ нею передъ отъѣздомъ въ столицу, гдѣ его уже ждетъ какое-то важное общественное дѣло, — онъ наклоняется къ ней и шопотомъ произноситъ одно слово... Она блѣднѣетъ. Она не въ силахъ вынести гнетущей тайны. Она заболѣваетъ и въ бреду часто называетъ его имя, имя героя и будущаго мученика.

Слово, которое герои Мордовцева закутывали эзоповскими намеками и шарадами, а Свѣтловъ шепнулъ на ухо любящей женщинѣ,

— было, конечно, «революція». Это оно стояло впереди, какъ туча, издали поблескивая своими молніями, на горизонтѣ общества, вышедшаго изъ крѣпостного строя и остановленнаго на пути къ всестороннему раскрѣпощенію... Какъ это будетъ?.. Когда будетъ? Это было неясно. Будетъ какъ-то... Будетъ скоро. Сдѣлаютъ это новые люди изъ «молодежи». А за ними изъ невѣдомыхъ деревень, изъ лѣсовъ, изъ нѣдръ раскола и «общины» двинется загадочный и никому неизвѣстный «народъ»...

Много въ этомъ было наивнаго, и революціонные планы даже серьезныхъ людей того времени кажутся теперь совершенно ребяческими. Однако, «духъ времени» шелъ неуклонно своимъ путемъ. Обѣ стороны литературы указывали впередъ на загадочную тучу: консерваторы — со страхомъ, прогрессисты — съ надеждой. Инстинктъ молодежи все больше удерживалъ ее отъ проторенныхъ дорогъ, сопротивленіе «принятію жизни» росло. Поколѣніе за поколѣніемъ выходили изъ «толстовскихъ» гимназій и, точно въ кипящій потокъ, кидались въ бурную университетскую полосу. Кто успѣвалъ пройти ее, тотъ болѣе или менѣе сливался съ жизнью. Изъ недавнихъ протестантовъ выходили прокуроры, инженеры, управляющіе, часто съ улыбкой вспоминавшіе о своихъ «молодыхъ увлеченіяхъ». А на ихъ мѣстѣ уже кипѣли другіе, для которыхъ настала своеобразная очередь этой повинности...

Съ «Знаменіями времени» и «Шагъ за шагомъ» я познакомился тоже на каникулахъ въ Гарномъ Лугѣ. Читали громко, и даже ста-

рики — капитанъ съ женой — слушали съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ повѣствованія о «новой молодежи». Такъ какъ это отчасти совпадало съ религіозной полемикой, то сначала я къ этой литературѣ отнесся скептически. Авдѣевъ на мой вопросъ о Писаревѣ отозвался, какъ о задорномъ мальчишкѣ. Бѣлинскій и особенно Добролюбовъ оставались для меня высшими авторитетами, а Тургенева я любилъ фанатично. Его герои были живые люди, у Мордовцева по сравненію съ ними выходили деревяшки. Одинъ изъ нихъ, носящій кличку «Точеная голова», подаетъ «барышнѣ» стулъ. Барышня обижается: значитъ, ее не считаютъ равнымъ человѣкомъ. Герой объясняетъ: его поступокъ — разумно-эгоистиченъ. Барышня упадетъ въ обморокъ, и ему же придется возиться съ нею. Одна изъ героинь рекомендуетъ себя: я переросла Вѣру Павловну (изъ «Что дѣлать»). Все это казалось мнѣ неестественно и дѣланно. Свѣтловъ Омулевскаго съ его отвлеченной удачливостью тоже порой напоминалъ хорошо вычищенный тазъ, а постоянное любованіе имъ автора давало сильный привкусъ антихудожественности. Вообще, это были не лица, какъ у Тургенева, Писемскаго, Гончарова, а личности, съ прибавленіемъ ходячаго эпитета: «свѣтлыя личности».

Они не овладѣвали поэтому моимъ воображеніемъ, хотя какой-то особый духъ, просачивавшійся въ этой литературѣ, все-таки оказывалъ свое вліяніе. Положительное было надуманно и туманно. Отрицаніе — живо и дѣйствительно.

Когда вслѣдъ за этими романами мы прочли «Одинъ въ полѣ не воинъ», переведенный Благосвѣтловымъ въ «Дѣлѣ», — впечатлѣніе было огромное. Вообще этотъ нѣмецкій писатель сразу овладѣлъ умами тогдашней молодежи. Его герои были уже «лица», а не «личности», а условія ихъ борьбы взяты изъ несомнѣнной дѣйствительности. И такъ же, какъ прежде по русскимъ захолустьямъ бродили Чайльдъ-Гарольды, Амалатъ-беки и Печорины, — теперь стали десятками появляться шпильгагенскіе Лео и Рахметовы Чернышевскаго. Были даже «Лео на рахметовской подкладкѣ»...

Къ концу гимназическаго курса въ моей душѣ начало складываться изъ всего этого броженія нѣкоторое, правда, довольно туманное представленіе о томъ, чѣмъ мнѣ быть за гранью гимназіи и нашего города. Реалистическая литература внесла сюда свою долю: изъ реакціи романтизму я отвергъ по отношенію къ себѣ всякія преувеличенно героическія иллюзіи. Образъ Лео я призналъ не по плечу. Я имъ восхищался, но моимъ воображеніемъ завладѣлъ другой шпильгагенскій герой изъ «Между молотомъ и наковальней». Онъ легче мыслился въ Россіи... Гдѣ-то у насъ происходятъ важныя событія. Въ нихъ принимаетъ дѣятельное участіе молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, небольшого роста, съ умнымъ выраженіемъ лица и твердымъ взглядомъ. Онъ отчасти напоминаетъ меня, но только отчасти (своимъ лицомъ я былъ крайне недоволенъ и въ воображеніи произвелъ въ немъ нѣкоторыя поправки). Вслѣдствіе неудачи первой любви,

онъ отказался отъ «личнаго счастья» (правда, не безъ возможности когда-нибудь неожиданнаго счастливаго поворота судьбы). Онъ не герой, широкой извѣстностью не пользуется, но когда онъ входитъ въ общество людей, преданныхъ важному и опасному дѣлу, — то, на вопросъ незнающихъ его, знающіе отвѣчаютъ: «Это — NN... человѣкъ умный, на него можно положиться»... Порой его положеніе становилось опасно, или онъ устаетъ отъ трудной работы... Тогда онъ исчезаетъ куда-то въ глушь. У него, какъ у шпильгагенскаго героя, есть какая-то мастерская, которую онъ предоставилъ своимъ «друзьямъ изъ народа». Тутъ онъ становится за станокъ на-ряду съ ними, а по вечерамъ они читаютъ, и онъ говоритъ имъ о томъ, что затѣвается тамъ, далеко въ столицахъ. Они этому сочувствуютъ и въ свою очередь дѣлятся тѣмъ, что зрѣетъ въ глубинѣ народной мудрости. Лица у нихъ умныя, но... національности у нихъ нѣтъ, и, несмотря на усилія моего воображенія, они отчасти похожи на нѣмецкихъ рабочихъ 1848 года...

Туманные образы Амалатъ-бековъ, Чайльдъ-Гарольдовъ, Печориныхъ и Демоновъ были, въ сущности, очень безвредны: непосредственно съ таинственно-мрачныхъ высотъ они поступали на службу. Конахевичъ сталъ желѣзнодорожнымъ чиновникомъ, Кордецкій успѣшно служилъ по акцизу, и изъ погубителя невинныхъ существъ превратился въ отличнаго, нѣсколько даже сантиментальнаго семьянина.

Судьба русскихъ Лео и Рахметовыхъ часто

бывала иная. Но я забѣгаю впередъ... Объ этомъ придется еще много говорить въ дальнѣйшихъ очеркахъ «моего современника».

XXXIV

ПОСЛѢДНІЙ ГОДЪ ВЪ ГИМНАЗІИ

Этотъ годъ прошелъ для меня въ особомъ настроеніи.

Каникулы были на исходѣ, когда «окончившіе» уѣзжали — одни въ Кіевъ, другіе — въ Петербургъ. Среди нихъ былъ и Сучковъ. Въ Житомірѣ мы учились въ одномъ классѣ. Потомъ онъ обогналъ меня на годъ, и мысль, что и я могъ бы уже быть свободнымъ, выступала для меня съ какой-то особенной, раздражающей ясностью.

Я проводилъ его за заставу. Въ штатскомъ платьѣ, съ чемоданомъ въ ногахъ, съ новенькимъ саквояжемъ черезъ плечо, онъ сидѣлъ въ перекладной, которая уносила его въ незнакомую даль. На шоссе, за тюрьмой, мы разстались, и я долго еще слѣдилъ за клубкомъ пыли, который катился пятнышкомъ по дорогѣ. Мнѣ страстно хотѣлось самому на волю... Ѣхать вотъ такъ же все впередъ и впередъ, куда-то на просторъ, къ новой жизни. А тамъ что-то неясное, но великолѣпное. И странно: изъ всего этого великолѣпія прежде всего передо мной выступала маленькая комнатка гдѣ-то очень высоко... Изъ окна видны крыши

и небо. На полу стоитъ мой чемоданъ, на стѣнкѣ виситъ такой же, какъ у Сучкова, новенькій саквояжъ. Это значитъ, что я пріѣхалъ, и вотъ-вотъ уйду куда-то. Куда? Въ новую жизнь!

Клубокъ пыли исчезъ. Я повернулся къ городу. Онъ лежалъ въ своей лощинѣ, тихій, сонный и... ненавистный. Надъ нимъ носилась та же легкая пелена изъ пыли, дыма и тумана, мѣстами сверкали клочки заросшаго пруда, и старый инвалидъ дремалъ въ обычной позѣ, когда я проходилъ черезъ заставу. Вдобавокъ, около пруда, на узкой деревянной кладочкѣ, передо мной вдругъ выросла огромная фигура Степана Яковлевича, ставшаго уже директоромъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ высоты своего роста и сказалъ сурово:

— Хотите обновить карцеръ?

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Что нужно этому человѣку? Страха передъ нимъ давно уже не было въ моей душѣ. Я сознавалъ, что онъ вовсе не грозенъ и не золъ, пожалуй, даже по своему добродушенъ. Но за что же онъ накинулся?

Толстый палецъ потянулся къ моей груди. Двѣ среднихъ пуговицы мундира не были застегнуты.

— Только-то? — подумалъ я и, застегивая пуговицы, невольно повелъ плечами. Онъ внимательно и строго посмотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— Откуда вы идете?

— Я... провожалъ Сучкова...

— Ну... такъ что же? — спросилъ онъ

опять не совсѣмъ кстати, озадаченный, вѣроятно, выраженіемъ моего лица.

— Ничего, Степанъ Яковлевичъ, — отвѣтилъ я деревянно.

Директоръ посмотрѣлъ на меня, какъ будто подыскивая предлогъ для вспышки, чтобы встряхнуть мою невоспріимчивость къ авторитету, но ничего не придумалъ и пошелъ своей дорогой.

А я съ тоской посмотрѣлъ вокругъ. Сучковъ несется уже далеко... Подъѣзжаетъ къ станціи. Расписывается въ книгѣ: «студентъ Технологическаго института»!.. Даетъ на чай ямщику. Садится опять, и колокольчикъ заводитъ свою загадочную болтовню... А передо мною все тотъ же прудъ, заросшій зеленой ряской... Прогалины знойно и неподвижно отражаютъ небо и солнечный свѣтъ... Ряска кое-гдѣ шевелится, — это подъ ней проплываютъ головастики и лягушки... Изъ камышей выплылъ тяжело скучающій лебедь. Баба стучитъ валькомъ по мокрому бѣлью... Степанъ Яковлевичъ сейчасъ грозилъ мнѣ карцеромъ... И все это еще на цѣлый годъ! Тоска, тоска!..

Годъ этотъ тянулся для меня вяло и скучно, и я хорошо понималъ брата, который, разъ выскочивъ изъ этой колеи, не могъ и не стремился опять попасть въ нее. Передо мной конецъ близко. Я, конечно, долженъ кончить во что бы то ни стало...

Директоръ продолжалъ присматриваться ко мнѣ подозрительнымъ, но мало понимающимъ взглядомъ. Однажды онъ остановилъ меня при выходѣ изъ церкви.

— Отчего вы не молитесь? — спросилъ онъ. — Прежде вы молились. Теперь стоите, какъ столбъ.

Я поднялъ на него глаза, и въ нихъ, вѣроятно, опять было озадачившее его выраженіе. Что мнѣ сказать въ отвѣтъ? Начать молиться по приказу, подъ упирающимися въ спину начальственными взглядами?

— Не знаю, — отвѣтилъ я кратко.

На ученической квартирѣ, которую послѣ смерти отца содержала моя мать, я былъ «старшимъ». Въ этотъ годъ одну комнату занималъ у насъ юноша Подгурскій, сынъ богатаго помѣщика, готовившійся къ поступленію въ одинъ изъ высшихъ классовъ. Однажды директоръ. посѣтивъ квартиру, зашелъ въ комнату Подгурскаго въ его отсутствіи и повелъ въ воздухѣ носомъ.

— Онъ... куритъ? — спросилъ онъ у меня.

— Не знаю, — отвѣтилъ я.

— Вы старшій?

— Да, но онъ еще не ученикъ.

— Это все равно... Вы *должны* узнать. Понимаете?

— Хорошо, Степанъ Яковлевичъ, я спрошу у него, — сказалъ я съ невиннымъ видомъ.

На монументальномъ лицѣ директора вспыхнулъ гнѣвъ. Онъ считалъ, что я, какъ старшій по квартирѣ, обязанъ секретно оказывать ему содѣйствіе въ надзорѣ за будущимъ ученикомъ: выслѣдить, разыскать табакъ и потомъ доложить. Въ моемъ отвѣтѣ онъ увидѣлъ насмѣшку, но, кажется, тутъ даже и насмѣшки не было. Просто я мало думалъ о томъ, какое

дѣйствіе произведутъ на него мои слова, и уже *могъ быть разсѣяннымъ* въ присутствіи грознаго начальства. Это было, пожалуй, инстинктивное неуваженіе, которое теперь квалифицировали бы, какъ «вредный образъ мыслей». Но въ то время «чтеніе въ сердцахъ» еще не было въ ходу даже въ гимназіяхъ, совѣты требовали «проступковъ», а мое настроеніе было неуловимо.

Я думаю, многіе изъ окончившихъ испытываютъ и теперь въ большей или меньшей степени это настроеніе «послѣдняго года». Образованіе должно имѣть свой культъ, подымающій отдѣльныя знанія на высоту общаго смысла. Наша система усердно барабанитъ по отдѣльнымъ клавишамъ. Разрозненныхъ звуковъ до скуки много, общая мелодія отсутствуетъ... Страхъ, поддерживающій дисциплину, улетучивается съ годами и привычкой. Внутренней дисциплины и уваженія къ школьному строю нѣтъ, а жизнь уже заглядываетъ и манитъ изъ-за близкой грани...

Настроеніе довольно опасное... Одинъ разъ оно прорвалось у меня неожиданно и бурно.

Шелъ какой-то урокъ, для котораго два класса собирались вмѣстѣ. Въ классѣ была тоскливая тишина напряженнаго полувниманія, въ которомъ чувствуется глухая борьба съ одолѣвающей дремотой, — идеалъ классной дисциплины. Я сидѣлъ ровно, вытянувшись и, по обыкновенію, думая о чемъ-то постороннемъ, какъ вдругъ сидѣвшій рядомъ со мной товарищъ толкнулъ меня локтемъ и указалъ на дверь. Въ стеклѣ виднѣлся поднятый кверху хо-

холокъ Дитяткевича. Угадывалась фигура любознательнаго надзирателя на корточкахъ, у замочной скважины. Во мнѣ вдругъ завозился какой-то злобный бѣсенокъ. Я всталъ на своемъ мѣстѣ, невидномъ Дидонусу изъ-за угла классной доски, и попросился выйти. Получивъ разрѣшеніе, я прошелъ у стѣны и рванулъ дверь такъ рѣзко, что раскрылись сразу обѣ половинки. Передъ восхищеннымъ классомъ предстала фигура Дитяткевича на корточкахъ, съ торчащимъ кверху хохолкомъ и испуганно выпученными глазами. Въ классѣ поднялся смѣхъ. Учитель въ изумленіи оглянулся и тоже засмѣялся. А я, какъ ни въ чемъ не бывало, прошелъ въ коридоръ.

Это былъ пятый урокъ. Другіе классы и учителя разошлись раньше, и въ коридорахъ было почти пусто, когда нашъ классъ тоже шумно двинулся къ выходу... Навстрѣчу намъ, торопливо ковыляя кривыми ножками, показался Дитяткевичъ. Бѣдняга сильно страдалъ отъ насмѣшекъ: его кокъ, щегольскіе галстучки, неудачныя ухаживанія давали пищу анекдотамъ, — а молодежь въ такихъ случаяхъ безжалостна и жестока... Теперь бѣдный надзиратель чувствовалъ себя въ экстренно смѣшномъ положеніи. Онъ былъ красенъ. Маленькіе глазки тревожно бѣгали и сверкали. Растолкавъ учениковъ, онъ подошелъ ко мнѣ и взялъ за бортъ шинели.

— Вы остаетесь безъ обѣда.

— По чьему распоряженію? — спросилъ я довольно спокойно.

Дитяткевичъ гордо выпрямился и сказалъ:

— Я оставляю васъ собственной властью.

— По правиламъ вы на это не имѣете права, — возразилъ я. — Вы можете только пожаловаться инспектору, но... На что же собственно вы будете жаловаться?..

— Тамъ ужъ я знаю, на что... А пока оставайтесь.

Я пожалъ плечами.

— Я вышелъ изъ класса съ разрѣшенія учителя и... не могъ знать, что это будетъ вамъ неудобно.

Ученики разсмѣялись. Это окончательно вывело бѣднягу надзирателя изъ равновѣсія. Онъ забылся и, обругавшись, какъ извозчикъ, рванулъ меня за пальто, стараясь силой вывести изъ кучки товарищей.

Во мнѣ вдругъ поднялось что-то неожиданное и захватывающее. Рѣзко оттолкнувъ его руку, я назвалъ его шпіономъ и идіотомъ. Товарищи во-время разъединили насъ, иначе сцена могла закончиться еще безобразнѣе. Въ первый разъ въ жизни во мнѣ поднялась волна отцовской вспыльчивости, которой я не сознавалъ въ себѣ до тѣхъ поръ. Въ маленькой фигуркѣ съ зелеными глазами я будто видѣлъ олицетвореніе всего, что давило и угнетало всѣхъ насъ въ эти годы, и сознаніе, что мы стоимъ другъ противъ друга съ открытымъ вызовомъ, доставляло странно щекочущее наслажденіе...

Это столкновеніе сразу стало гимназическимъ событіемъ. Матери я ничего не говорилъ, чтобы не огорчать ее, но чувствовалъ, что дѣло можетъ стать серьезнымъ. Вечеромъ

ко мнѣ пришелъ одинъ изъ товарищей, старшій годами, съ которымъ мы были очень близки. Это былъ превосходный малый, туговатый на ученье, но съ большимъ житейскимъ смысломъ. Онъ сѣлъ на кровати и, печально помотавъ головой, сказалъ:

— Эхъ, Карла, Карла (это была моя гимназическая кличка)! Вотъ, до чего доводитъ остроуміе... Я обошелъ нѣкоторыхъ учителей, чтобы предупредить... Они говорятъ, что дѣло твое плохо.

— Ну, и пусть, — отвѣтилъ я упрямо, хотя сердце у меня сжалось при воспоминаніи о матери. И все же я чувствовалъ, что если бы опять Дитяткевичъ схватилъ меня за бортъ, я бы отвѣтилъ тѣмъ же.

Дѣло кончилось благополучно. Показанія учениковъ были въ мою пользу, но особенно поддержалъ меня сторожъ Савелій, философски, съ колокольчикомъ подъ мышкой, наблюдавшій всю сцену. Впрочемъ, онъ показалъ только правду: Дитяткевичъ первый обругалъ меня и рванулъ за шинель. Меня посадили въ карцеръ, Дитяткевичу сдѣлали замѣчаніе. Тогда еще ученикъ могъ быть болѣе правымъ, чѣмъ «начальство»...

XXXV

ПОСЛѢДНІЙ ЭКЗАМЕНЪ. СВОБОДА

Часовъ въ пять чуднаго лѣтняго утра въ концѣ іюня 1870 года, съ книжками Филаретовскаго катехизиса и церковной исторіей, я шелъ за городъ къ грабовой рощѣ. Въ этотъ

день былъ экзаменъ по Закону Божію, и это былъ уже послѣдній.

Настроеніе мое было тягостно и непріятно. Я уже усталъ отъ экзаменовъ. Вчера легъ поздно, всталъ сегодня очень рано, еще до восхода солнца. Глаза невольно слипались, мозгъ дремалъ, и я пришелъ сюда въ надеждѣ, что чистый утренній вѣтеръ на этомъ холмѣ разгонитъ дремоту. Взойдя на возвышеніе, я залюбовался широкой далью. Городъ лежалъ внизу, какъ на ладони. По утрамъ его часто затягивало туманами отъ прудовъ, и теперь туманная пелена разрывалась, обнаруживая то крышу, то клокъ зелени, то бѣлую стѣну... Статуя Мадонны точно плавала въ воздухѣ, а далеко за городомъ чуть виднѣлись поля, деревни, полосы лѣсовъ... Нѣсколько минутъ я не могъ оторваться отъ этого зрѣлища, которому незамѣтное движеніе тумановъ придавало особую жизнь... Мнѣ казалось, что я еще въ первый разъ настоящимъ образомъ вижу природу и начинаю улавливать ея внутреннее содержаніе, но... глядѣть было некогда. Я долженъ былъ заучивать сухое перечисленіе догматовъ, соборовъ и ересей, въ которыхъ не было даже отдаленной связи съ красотой этого изумительнаго міра... Это дѣлало меня несчастнымъ. Счастье въ эту минуту представлялось мнѣ въ видѣ возможности стоять здѣсь же, на этомъ холмѣ, съ свободнымъ настроеніемъ, глядѣть на чудную красоту міра, ловить то странное выраженіе, которое мелькаетъ, какъ дразнящая тайна природы, въ тихомъ движеніи ея свѣта и тѣней.

Я далъ себѣ слово, какъ только выдержу экзаменъ, тотчасъ же придти опять сюда, стать на этомъ самомъ мѣстѣ, глядѣть на этотъ пейзажъ и уловить, наконецъ, его выраженіе... А затѣмъ... глубоко заснуть подъ деревомъ, которое шумѣло рядомъ своей темнозеленой листвой.

Я еще зубрилъ «Законъ Божій», когда до меня долетѣлъ переливчатый звонъ гимназическаго колокола, въ послѣдній разъ призывавшій меня въ гимназію. Ну, будь, что будетъ! Книга закрыта, и черезъ четверть часа я входилъ уже во дворъ гимназіи.

А черезъ часъ выбѣжалъ оттуда, охваченный новымъ чувствомъ облегченія, свободы, счастья! Какъ случилось, что я выдержалъ и притомъ выдержалъ «отлично» по предмету, о которомъ, въ сущности, не имѣлъ понятія, — теперь уже не помню. Знаю только, что, выдержавъ, какъ сумасшедшій, забѣжалъ домой, къ матери, радостно обнялъ ее и, швырнувъ ненужныя книги, побѣжалъ за городъ.

Раннее утро кончилось, его свѣжесть исчезла, тумана не было, только надъ прудами еще тянулись чуть замѣтныя сизыя струйки. Тургеневъ говоритъ, что въ первый разъ уже заграницей, гдѣ-то подъ Берлиномъ онъ сознательно наслаждался природой и пѣньемъ жаворонка. Это странно, но это правда. Это не значитъ, что онъ не чувствовалъ природу ранѣе. Но наступаетъ моментъ, когда это свое чувство человѣкъ сознательно наблюдаетъ въ себѣ, какъ особое душевное явленіе. И это бываетъ поздно, а у иныхъ людей, быть мо-

жетъ, не наступаетъ никогда. Въ ту минуту я тоже, быть можетъ, въ первый разъ *такъ* смотрѣлъ на природу и такъ полно давалъ себѣ отчетъ въ своемъ ощущенiи. И въ первый разъ эта заканчивающаяся симфонiя утра показалась мнѣ стройной, одухотворенной и цѣльной. Что-то «отходило», какъ отходитъ вечерня при пѣнiи «Свѣте тихiй». Въ природѣ я чувствовалъ именно «священнодѣйствiе», полное гармонiи и смысла.

Спать подъ деревомъ мнѣ совершенно не хотѣлось. Я опять ринулся, какъ сумасшедшiй, съ холма и понесся къ гимназiи, откуда одинъ за другимъ выходили отэкзаменовавшiеся товарищи. По Закону Божiю, да еще на послѣднемъ экзаменѣ, «рѣзать» было не принято. Выдерживали всѣ, и городишко, казалось, былъ заполненъ нашей опьяняющей радостью. Свобода, свобода!

Это ощущенiе было такъ сильно и такъ странно, что мы просто не знали, что съ нимъ дѣлать и куда его пристроить. Цѣлой группой мы рѣшили снести его къ «чехамъ», въ новооткрытую пивную... Крѣпкое чешское пиво всѣмъ намъ казалось горько и отвратительно, но... еще вчера мы не имѣли права входить сюда и потому пошли сегодня. Мы сидѣли за столами, глубокомысленно тянули изъ кружекъ и старались подавить невольныя гримасы...

Черезъ нѣсколько дней, получивъ аттестаты, мы рѣшили сообща отпраздновать нашу свободу. И праздникъ былъ опять въ родѣ горькаго пива. Мы собрались въ большой комнатѣ

виноторговца Вайнтрауба, куда доступъ ученикамъ былъ воспрещенъ подъ страхомъ исключенія, и пригласили учителей. Учителя «по-товарищески» пили съ нами, варили жжонку, пьянѣли, цѣловались. Жжонка казалась отвратительно крѣпкой, но... мы пили ее вмѣстѣ съ учителями, хлопая ихъ дружески по плечамъ, и это было ново, необычно, какъ будто нужно и пріятно... Поздно ночью кто-то потребовалъ музыку. Юркій факторъ-еврей поднялъ музыкантовъ, а на разсвѣтѣ мы ходили по спящему и темному еще городу, сопровождаемые кларнетомъ, флейтой, двумя-тремя скрипками и турецкимъ барабаномъ. Музыка тревожила тишь спящихъ улицъ. Мы кричали «ура», качали учителей и... чувствовали, что все это какъ-то нехорошо, ненастояще и фальшиво.

А между тѣмъ, что же дѣлать съ этимъ не дающимъ покоя новымъ ощущеніемъ свободы?

На слѣдующій день, съ тяжелой головой и съ сквернымъ чувствомъ на душѣ, я шелъ купаться и зашелъ за однимъ изъ товарищей, жившимъ въ казенномъ зданіи, сосѣднемъ съ гимназіей. Когда я подымался по лѣстницѣ, одна изъ дверей открылась и навстрѣчу мнѣ спустился молодой еще человѣкъ съ умнымъ лицомъ и окладистой небольшой бородкой. Мнѣ запомнился очень выпуклый лобъ и серьезный упорный взглядъ. Лицо было новое, очевидно «не ровенское». Когда онъ сошелъ съ лѣстницы, дверь вверху открылась, и на площадкѣ показался учитель исторіи, Андру-

скій. Наклоняясь съ перилъ, онъ крикнулъ:

— Драгомановъ! Постойте, еще два слова!

Незнакомый господинъ поднялся наверхъ, и когда я спустился съ лѣстницы, незнакомца уже не было.

Драгомановъ, Драгомановъ! Я вспомнилъ эту фамилію изъ сочиненій Добролюбова. Въ полемику по поводу пироговскаго инцидента вмѣшался студентъ Драгомановъ, причемъ въ своихъ статьяхъ, направленныхъ противъ Добролюбова, довольно безцеремонно раскрылъ его инціалы. Неужели этотъ господинъ съ крутымъ лбомъ и такимъ умнымъ взглядомъ, — тотъ самый «студентъ Драгомановъ»?

На полевой дорожкѣ, которая вела къ рѣкѣ, меня обогналъ Андрускій. Объ этомъ учителѣ я говорилъ: онъ преподавалъ сухо и скучновато, но пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный, твердый и справедливый. Вчера онъ только показался въ началѣ нашего вечера, ничего не пилъ и рано исчезъ. Теперь онъ шелъ съ полотенцемъ черезъ плечо, бодрый, свѣжо одѣтый и самъ свѣжій. Я остановился и по ученически снялъ передъ учителемъ фуражку, но онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку. Я опять почувствовалъ въ этомъ новую черту моего новаго положенія.

— Вы купаться? — спросилъ онъ.

— Да.

— Идемъ вмѣстѣ.

Мы пошли на то самое мѣсто, гдѣ Дитяткевичъ устраивалъ свои засады на учениковъ. Была своя новая прелесть и въ этомъ обстоятельствѣ.

— Съ кѣмъ вы разговаривали на лѣстницѣ? — рѣшился я спросить дорогой.

— Съ Драгомановымъ.

— Это... Тотъ самый?

— Да, писатель и профессоръ. Мы съ нимъ товарищи по университету.

Онъ не зналъ, что для меня «тотъ самый» значило противникъ Добролюбова. Я его себѣ представлялъ иначе. Этотъ казался умнымъ и пріятнымъ. А то обстоятельство, что человѣкъ, о которомъ (хотя и не особенно лестно) отозвался Добролюбовъ, теперь появился на нашемъ горизонтѣ, — казалось мнѣ чудомъ изъ того новаго міра, куда я готовлюсь вступить. Послѣ купанья Андрускій у своихъ дверей задержалъ мою руку и сказалъ:

— У меня самоваръ и газета съ отчетомъ объ интересномъ дѣлѣ. Хотите зайти?

Я охотно зашелъ въ холостую квартиру учителя. На столѣ стоялъ самоваръ. Андрускій заварилъ чай, покрылъ чайникъ чистой салфеткой, и протянулъ мнѣ номеръ «Голоса».

— Не прочтете ли громко? Вотъ тутъ.

Это былъ отчетъ по нечаевскому процессу. Я ничего тогда не зналъ объ этомъ дѣлѣ и началъ читать довольно безразлично. Но постепенно меня охватило непонятное одушевленіе. Въ номерѣ говорилось о типографіи Ткачева и Дементьевой и приводилась прокламація Нечаева къ студенчеству... «Мы сидѣли тогда по угламъ, понуривъ унылыя головы, со сквернымъ выраженіемъ на озлобленныхъ лицахъ...» «Развивъ наши мозги на деньги народа, вскормленные хлѣбомъ, забран-

нымъ съ его поля, — станемъ ли мы въ ряды его гонителей?..» Въ прокламаціи развивалась мысль, что интересы учащейся молодежи и народа одни. «У насъ есть товарищи, у которыхъ нѣтъ правъ, положеніе которыхъ самое худшее въ Европѣ, и ожесточеніе которыхъ тѣмъ сильнѣе, что не имѣетъ исхода»...

Когда я кончилъ читать, умные глаза Андрускаго глядѣли на меня черезъ столъ. Замѣтивъ почти опьяняющее впечатлѣніе, которое произвело на меня чтеніе, онъ просто и очень объективно изложилъ мнѣ суть дѣла, идеи Нечаева, убійство Иванова въ Петровскомъ паркѣ... Затѣмъ сказалъ, что въ студенческомъ мірѣ, куда мнѣ придется скоро окунуться, я встрѣчусь съ тѣмъ же броженіемъ и долженъ хорошо разбираться во всемъ...

Все это опять падало на дѣвственную душу, какъ холодныя снѣжинки на голое тѣло... Убійство Иванова казалось мнѣ рѣзкимъ диссонансомъ. «Можетъ быть, неправда?..» Но надъ всѣмъ преобладала мысль: значитъ и у насъ есть *это*... Что именно?.. Студенчество, умное и серьезное, «съ озлобленными лицами» думающее тяжкія думы о безправіи всего народа... А при упоминаніи о «генералахъ Тимашевыхъ и Треповыхъ» въ памяти всталъ Безакъ. . . . .

. . . .

Въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ, когда я прогуливался по шоссе, все время нося съ собой новое ощущеніе свободы, — изъ су-

мрачной и пыльной мглы, въ которой двигались гуляющіе обыватели, передо мною вынырнули двѣ фигуры: одинъ изъ моихъ товарищей, Леонтòвичъ, шелъ подъ руку съ высокимъ молодымъ человѣкомъ въ синихъ очкахъ и мягкой широкополой шляпѣ на длинныхъ волосахъ. Фигура была, очевидно, не ровенская.

— Кіевскій студентъ Піотровскій, — отрекомендовалъ незнакомца мой товарищъ. — А это тоже будущій студентъ такой-то.

Піотровскій крѣпко пожалъ мнѣ руку и пригласилъ насъ обоихъ къ себѣ, въ номеръ гостинницы. Въ углу этого номера стояли двѣ пачки какихъ-то бумагъ, обвязанныхъ веревками и обернутыхъ газетными листами. Леонтòвичъ съ почтеніемъ взглянулъ на эти связки и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Это... онѣ?

— Да, — съ важностью кивнулъ студентъ.

— Знаешь... это въ углу стояли запрещенныя книжки, — сказалъ мнѣ Леонтòвичъ уже на улицѣ. — Піотровскаго послали... Понимаешь... Очень опасное порученіе...

Это былъ первый «агитаторъ», котораго я увидѣлъ въ своей жизни. Онъ прожилъ въ городѣ нѣсколько дней, ходилъ по вечерамъ гулять на шоссе, привлекая вниманіе своимъ студенческимъ видомъ, очками, панамой, длинными волосами и плэдомъ. Я иной разъ ходилъ съ нимъ, ожидая откровеній. Но студентъ молчалъ или говорилъ глубокомысленные пустяки...

Когда онъ уѣхалъ, въ городѣ осталось нѣсколько таинственно розданныхъ, довольно невинныхъ украинскихъ брошюръ, а въ моей душѣ — двойственное ощущеніе. Мнѣ казалось, что Піотровскій малый пустой и надутый ненужною важностью. Но это таилось гдѣ-то въ глубинѣ моего сознанія и робѣло пробиться наружу, гдѣ все-таки царило наивное благоговѣніе: такой важный, въ очкахъ и съ такимъ опаснымъ порученіемъ...

Наконецъ, наступила счастливая минута, когда и я покидалъ тихій городокъ, оставшійся позади въ своей лощинѣ. А передо мной разстилалась далекая лента шоссе, и на горизонтѣ клубились неясныя очертанія: полосы лѣсовъ, новыя дороги, дальніе города, невѣдомая новая жизнь...

Въ первомъ изданіи «Вaписокъ» Т-ва «Задруча» на этомъ мѣстѣ кончался 1-ый томъ.

ОТЪ АВТОРА

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ читатель перваго тома «Исторіи моего современника» разстался съ его героемъ, и много событій залегло между этимъ новымъ прошлымъ и настоящимъ. Въ этомъ отдаленіи отъ предмета разсказа есть свои неудобства, но есть также и хорошія стороны. Въ туманныхъ даляхъ исчезаетъ, быть можетъ, много подробностей, которыя когда-то выступали на первый планъ, въ болѣе близкой перспективѣ. Но зато самая перспектива расширяется. То, что сохраняется въ памяти, выступаетъ на болѣе широкомъ горизонтѣ, въ новыхъ отношеніяхъ.

Первый томъ я закончилъ въ 1905 году, при первыхъ взрывахъ русской революціи. Теперь, когда она достигла своихъ поворотныхъ пунктовъ, я съ особеннымъ интересомъ обращаю взглядъ воспоминанія на далекій путь прошлаго, «пыльный и туманный», на которомъ виднѣется фигура «моего современника». Быть можетъ и читатель захочетъ взглянуть съ нѣ-

которымъ участіемъ на эту уже знакомую фигуру и при этомъ подумаетъ, сколько было предчувствій у этого поколѣнія, чья сознательная жизнь начиналась среди борьбы съ ушедшимъ наконецъ строемъ, а заканчивается среди обломковъ этого строя, застилающихъ горизонтъ будущаго. И сколько еще это будущее должно захватить изъ крушенія старыхъ ошибокъ и трудно искоренимыхъ привычекъ!

ПЕРВЫЕ СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ

XXXVI

ВЪ РОЗОВОМЪ ТУМАНѢ

Это настроеніе началось для меня еще въ Ровно, въ то утро, когда почталіонъ подалъ мнѣ пакетъ со штемпелемъ Технологическаго института, адресованный на мое имя. Съ бьющимся сердцемъ я вскрылъ его и вынулъ печатный бланкъ, съ вписанной наверху моей фамиліей. Директоръ Технологическаго института Ермаковъ извѣщалъ такого-то, что онъ принятъ на первый курсъ и обязанъ явиться къ 15-му августа.

Когда послѣ этого я оглянулся кругомъ, то мнѣ показалось, что за эти нѣсколько минутъ прошли цѣлыя сутки: до прихода почталіона было вчера, теперь наступило новое сегодня. Я точно проспалъ ночь и проснулся не только другимъ, но немножко и въ другомъ мірѣ. Это ощущеніе исходило отъ плотной сѣрой бумаги съ печатнымъ текстомъ и подписью Ермакова. И когда я несся послѣ этого по улицамъ, то мнѣ казалось, что и дома, и заборы, и встрѣчные обыватели тоже смотрѣли

на меня иначе. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ и они въ первый разъ съ сотворенія міра видятъ... *студента такого-то.*

Съ «извѣщеніемъ» я не разставался нѣсколько дней. Порой наединѣ я вынималъ его и перечитывалъ каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ, точно это былъ не сухой офиціальный бланкъ, а поэма. И въ самомъ дѣлѣ — поэма: разрывъ со старымъ міромъ, призывъ къ чему-то новому, желанному и свѣтлому... Зоветъ «директоръ Ермаковъ». Съ этой фамиліей связывалось въ моемъ воображеніи что-то очень твердое, почти гранитное (вѣроятно, отъ сибирскаго Ермака) и вмѣстѣ — недосягаемо возвышенное и умное. И этотъ Ермаковъ ждетъ меня къ 15-му августа. Я нуженъ ему для выполненія его высокаго назначенія...

Настроеніе было глупое, и я, конечно, сознавалъ, что оно глупо: самая подпись Ермакова была печатная. Такія извѣщенія самъ онъ даже не подписываетъ, а ихъ сотнями разсылаетъ канцелярія. Я зналъ это, но это знаніе не измѣняло настроенія. *Зналъ* я по умному, а *чувствовалъ* по глупому. Въ то самое время, какъ я внушалъ себѣ эти трезвыя истины, — ротъ у меня невольно раскрывался до ушей. И я долженъ былъ отворачиваться, чтобы люди не видѣли этой idiотской улыбки и не угадали бы по ней, что меня зоветъ Ермаковъ, которому я лично необходимъ къ пятнадцатому августа...

Съ юношескимъ эгоизмомъ я какъ-то совсѣмъ не принималъ участія въ заботахъ ма-

тери о моемъ снаряженіи. Она закладывала гдѣ-то свою пенсіонную книжку, продавала какія-то вещи, просила, гдѣ могла, взаймы и, наконецъ, сколотила что-то около двухсотъ рублей. Послѣ этого происходили долгія совѣщанія съ портнымъ Шимкомъ.

Портной Шимко былъ небольшого роста, коренастый еврей, съ широкомъ лицомъ, на которомъ тонкія губы и заостренный носъ производили впечатлѣніе почти утрюмаго комизма. Пока былъ живъ отецъ, мы всегда смѣялись надъ Шимкомъ, изощряя свое остроуміе надъ его наружностью и надъ его предполагаемыми плутнями. Когда отецъ умеръ и мать осталась безъ средствъ, — онъ явился къ ней, критически обслѣдовалъ состояніе нашихъ костюмовъ и сказалъ серьезно:

— Ну, пора шить одну шинель и два мундира.

— Ты знаешь, Шимко, что у меня теперь нѣтъ денегъ, и что̀ еще будетъ, я не знаю, — грустно отвѣтила мать.

— Ну, — возразилъ Шимко, — у васъ нѣтъ денегъ, но есть дѣти... Развѣ это не деньги?..

И онъ опять работалъ на насъ, не заикаясь о срокахъ уплаты и никогда не торгуясь, какъ это бывало прежде.

Теперь онъ развернулъ свою дѣятельность у насъ на квартирѣ. Освѣдомившись, желаю ли я, чтобы онъ шилъ «по самой послѣдней модѣ» и узнавъ, что послѣднюю моду я презираю, онъ даже крякнулъ отъ удовольствія и далъ полную волю своей творческой фантазіи. Онъ мочилъ и парилъ матеріалы, снималъ мѣрки, кроилъ, примѣрялъ, шилъ и, наконецъ,

изъ его рукъ я вышелъ экипированнымъ не особенно щеголевато, но за то дешево. Онъ сшилъ мнѣ лѣтній костюмъ изъ какой-то очень прочной и жесткой матеріи съ желтыми миніатюрными букетцами по коричневому полю. Кромѣ того онъ сшилъ еще пальто. Мнѣ смутно казалось, что прочная матерія съ букетами даетъ идею скорѣе объ обивкѣ мебели, чѣмъ о костюмѣ для столицы, а пальто походитъ на испанскій плащъ или альмавиву... Но на этотъ счетъ я былъ неприхотливъ и беззаботенъ. Оставивъ въ сторонѣ моду, я чувствовалъ себя одѣтымъ съ иголочки, «довольно просто, но со вкусомъ».

Увы! впослѣдствіи этотъ полетъ творческой фантазіи честнаго Шимка доставилъ мнѣ не мало горькихъ и непріятныхъ минутъ...

На каникулы пріѣхалъ Сушковъ, уже годъ прожившій въ столицѣ, и, конечно, я закидалъ его вопросами. Онъ почему-то былъ скупъ на разсказы, но все же я узналъ, что институтъ, это — совсѣмъ не то, что гимназія, профессора нимало не похожи на учителей, а студенты — не гимназисты. Полная свобода... Никто не слѣдитъ за посѣщеніемъ лекцій... И есть среди студентовъ замѣчательныя личности. Иного примешь за профессора. А какіе споры! О какихъ предметахъ! Нужно много прочитать и подготовиться, чтобы только понять, о чемъ идетъ рѣчь...

Вскользь и какъ бы мимоходомъ онъ сообщилъ мнѣ, что остался по разнымъ причинамъ на первомъ курсѣ, и, значитъ, мы опять будемъ идти вмѣстѣ.

Въ серединѣ этихъ каникулъ мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, но мнѣ казалось, что я далеко переросъ окружающій меня мірокъ. Вотъ онъ весь тутъ, точно на плоской тарелкѣ, волнующійся въ предѣлахъ отъ тюрьмы до почты, знакомый, прозаическій и постылый. Въ одинъ изъ послѣднихъ моихъ вечеровъ, когда я прощальнымъ взглядомъ смотрѣлъ на гуляющую по шоссейной улицѣ публику, — передо мной вдругъ вынырнуло изъ сумерекъ лицо чиновника Михаловскаго, котораго я считалъ когда-то «извѣстнымъ поэтомъ». Въ зубахъ у него была большая сигара, и ея огонекъ, вспыхнувъ, освѣтилъ удивительно неинтересное, плоское лицо, съ выпуклыми ничего не выражающими глазами. Какъ еще недавно этотъ человѣкъ казался мнѣ окруженнымъ поэтическимъ ореоломъ. И какъ много другихъ казались высшими существами, только потому, что они были взрослые, а я былъ мальчикъ. Теперь я выросъ, а тѣсный мірокъ сузился и умалился... Прежніе умники казались или глупыми, или слишкомъ обыкновенными... Кого теперь поставить на высоту, передъ кѣмъ или передъ чѣмъ преклониться? Гдѣ здѣсь люди, которые знаютъ и могутъ указать высшее въ жизни, къ чему стремится молодая душа?.. Кто изъ нихъ хотя бы только думаетъ объ этомъ высшемъ, ищетъ его, тоскуетъ, мечтаетъ... Никто, никто!

Во мнѣ сложилось заносчивое убѣжденіе, что я едва ли не самый умный въ этомъ городѣ. Мѣрка у меня была такая: я могу понять всѣхъ людей, мелькающихъ передо мною

въ этомъ потокѣ, колышущемся, какъ вода въ тарелкѣ, отъ шлагбаума до почты и обратно. Я знаю все, что они знаютъ изъ того, что нужно знать всякому. А они и не догадываются, какія мысли о нихъ и какія мечты бродятъ въ моей головѣ.

Я былъ глупъ. Впослѣдствіи, когда самъ я сталъ умнѣе, я легко находилъ людей выше себя въ самыхъ глухихъ закоулкахъ жизни. Но въ ту минуту я, кажется, мѣрялъ все одною только мѣркой «литературнаго развитія».

Впрочемъ, нужно сказать, что по отношенію къ другому міру, который ждалъ меня тамъ, за рубежомъ 15-го августа, я не былъ заносчивъ. Наоборотъ, я готовился къ нему съ искреннимъ убѣжденіемъ, что передъ нимъ я малъ, тусклъ и ничтоженъ. Правда, во мнѣ жила надежда, что и тамъ, въ этомъ свѣтломъ потокѣ могучей и полной жизни, я пойду тоже впередъ, выровняюсь съ одними, стану обгонять другихъ... Но если бы кто-нибудь пожелалъ убѣдить меня, что между этимъ міркомъ, который я покидалъ, и тѣмъ заманчивымъ міромъ, куда стремился, нѣтъ качественнаго различія, что «великое студенчество» есть только простая сумма изъ единицъ по большей части такихъ же тусклыхъ и такъ же мало интересныхъ, какъ и я въ данную минуту, — я бы не повѣрилъ и даже, вѣроятно, обидѣлся бы за свою мечту...

XXXVII

ДОРОГОЙ Я ЗНАКОМЛЮСЬ СЪ «СВѢТЛОЙ ЛИЧНОСТЬЮ

Мать и одинъ изъ ея братьевъ, жившій недалеко, — провожали меня до Бердичева, откуда начинался желѣзнодорожный путь. Онъ лежалъ на Кіевъ, Курскъ, Орелъ, Тулу и Москву.

Третій звонокъ. Я горячо обнялся съ матерью, которая затѣмъ спрятала заплаканное лицо на груди дяди, и сѣлъ въ вагонъ. Рѣзкій свистокъ, вспугнувшій непривычную публику, потомъ толчокъ, отъ котораго въ вагонѣ упало нѣсколько человѣкъ. Потомъ оттолчка, лязгъ, громыханіе (тогда въ поѣздахъ все еще не было слажено, какъ теперь) — и вокзалъ съ платформой поплылъ назадъ. Фигуры матери и дяди исчезли. Я сѣлъ на свое мѣсто и постарался скрыть отъ сосѣдей невольныя слезы...

Прямыхъ сообщеній тогда не было, каждая дорога дѣйствовала самостоятельно. Поѣздъ изъ Кіева на Курскъ ушелъ раньше, чѣмъ нашъ пришелъ въ Кіевъ, и, въ ожиданіи слѣдующаго, мнѣ пришлось переночевать въ «Софійскомъ Подворьи». На утро я вышелъ изъ своего номера и остановился на площади, ошеломленный и растерянный отъ шума и движенія большого города. Въ такомъ положеніи меня застали двѣ ровенскія «учительши»: Завилейская и Комарова. Онѣ радушно поздоровались и пригласили меня пройти вмѣстѣ съ ними осмотрѣть соборъ, а послѣ того позвали къ

себѣ, въ номерахъ того же подворья, пить чай. Мнѣ очень хотѣлось принять это милое приглашеніе, но изъ застѣнчивости я отказался, о чемъ очень жалѣлъ въ то самое время, какъ отказывался. Прежде, чѣмъ разстаться со мной, эти молодыя дамы осмотрѣли меня критическимъ взглядомъ, и одна сказала:

— Слушайте. Когда пріѣдете въ Петербургъ, закажите себѣ другой костюмъ... Этотъ, знаете, для столицы не годится.

— Да-да, — подхватила другая. — Сшейте себѣ приличную пару... И тоже пальто. А то у васъ какая-то мантилья. Теперь носятъ узкія, въ обтяжку... И много короче.

— Шляпу можете оставить... Она идетъ къ вашимъ курчавымъ волосамъ.

Онѣ ушли, весело переговариваясь и радушно кивая мнѣ головами. А я остался съ жуткой тоской одиночества въ сердцѣ и непріятнымъ сознаніемъ, что мой «немодный, но простой и изящный» костюмъ привлекаетъ ироническое вниманіе...

Слѣдующее утро опять застигло меня въ вагонѣ между Кіевомъ и Курскомъ. Съ вечера я какъ-то незамѣтно заснулъ, и теперь взглядъ мой прежде всего упалъ на выразительную надпись на стѣнѣ вагона: «Остерегайтесь воровъ». О томъ же предостерегали меня усиленно мать и дядя, и, проснувшись, я прежде всего схватился за сумку. Она была тутъ, но я сразу почувствовалъ себя окруженнымъ вѣроятными заговорщиками, старающимися проникнуть въ мою сокровищницу. Я сѣлъ на скамейку и оглянулся кругомъ «пытливо-про-

ницательнымъ» взглядомъ: конечно, я сразу угадаю, отъ кого именно слѣдуетъ ждать здѣсь опасности...

Поѣздъ стоялъ у какой-то станціи и былъ весь пронизанъ веселыми лучами солнца. Народу было не очень много, большинство еще спало въ растяжку на скамьяхъ, на верхнихъ полкахъ, иные прямо на полу, подъ скамьями. Съ одного конца вагона несся живой и нервный говоръ на еврейскомъ жаргонѣ. Ближе, у окна, за спинкой слѣдующей скамьи сидѣли двое молодыхъ людей и о чемъ-то тихо разговаривали, почти соткнувшись головами...

Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ рыжее, полинялое пальто. Когда я зашевелился на своемъ мѣстѣ, онъ повернулъ въ мою сторону лицо, широкое, нѣсколько угреватое, съ маленькими зеленоватыми глазами, и потомъ заговорилъ съ товарищемъ еще тише. «Вотъ этого нужно остерегаться», — рѣшилъ я про себя, и только послѣ того взглянулъ на своего ближайшаго сосѣда.

Это былъ господинъ въ сѣромъ пальто и клеенчатой фуражкѣ, какія тогда были въ большомъ ходу. Онъ, кажется, сѣлъ на этой станціи и, повидимому, смотрѣлъ на меня, пока я просыпался. Возраста онъ былъ неопредѣленнаго. Сначала показался мнѣ совсѣмъ юношей, но затѣмъ я увидѣлъ, что это впечатлѣніе ошибочно: морщины около глазъ, желтизна и одутловатость лица говорили не то о солидныхъ годахъ, не то о преждевременномъ увяданіи. Его маленькіе каріе глазки ходили по всей моей фигурѣ съ выраженіемъ вкрадчи-

вой ласки, какъ будто онъ собирался сейчасъ же заговорить со мною и выразить мнѣ чувство невольной симпатіи. Я, пожалуй, готовъ былъ съ своей стороны высказать полную взаимность, но въ это время взглядъ мой остановился на новой и болѣе интересной фигурѣ.

Это былъ молодой офицеръ въ золотыхъ очкахъ и въ сѣрой шинели изъ простого солдатскаго сукна. Солдатскія шинели съ офицерскими погонами были тогда въ ходу у либерально настроенной военной молодежи милютинской школы. Такихъ фигуръ съ демократически-военнымъ отпечаткомъ было тогда не мало, и вообще среди офицерства было болѣе «интеллигенціи». Въ глухихъ мѣстечкахъ они часто завѣдывали прекрасно составленными «баталіонными библіотеками» и даже «руководили чтеніемъ» мѣстной молодежи...

Лицо у офицера было серьезное и симпатичное. На крючкѣ около него висѣла шашка, а на небольшомъ чемоданчикѣ лежала пачка газетъ. Онъ только что отложилъ одинъ прочитанный номеръ и закурилъ папиросу, пуская дымъ въ открытое окно...

Около него было свободное мѣсто, и я подумалъ, какъ хорошо было бы устроиться въ близкомъ сосѣдствѣ съ этимъ пріятнымъ офицеромъ. Но мнѣ мѣшала застѣнчивость: это мое внезапное переселеніе можетъ показаться страннымъ, пожалуй, даже подозрительнымъ.

Пока я колебался, дверь вагона открылась, и къ намъ вошелъ новый пассажиръ. Это былъ господинъ среднихъ лѣтъ, одѣтый съ изящной простотой, въ золотыхъ очкахъ и

коричневыхъ перчаткахъ. Живые каріе глаза весело и немного насмѣшливо глядѣли изъ золотой оправы. Подъ русыми мягкими усами ютилась, какъ у одного изъ героевъ Омулевскаго, особая «интеллигентная складка».

Мнѣ страстно захотѣлось, чтобы онъ сѣлъ рядомъ со мною. Но онъ только скользнулъ взглядомъ по моей неинтересной фигурѣ и тотчасъ же указалъ носильщику на уголъ рядомъ съ офицеромъ. «Родственныя интеллигентныя натуры» — формулировалъ я въ умѣ...

Носильщикъ поставилъ чемоданъ на свободное мѣсто. Господинъ раскрылъ кошелекъ и, вынувъ пальцами въ перчаткахъ маленькую серебряную монетку, подалъ ее черезъ плечо носильщику. Тотъ взялъ, разочарованно посмотрѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но, видимо, не посмѣлъ и вышелъ. Господинъ обратился къ офицеру:

— Я васъ не стѣсню? Ба! счастливая встрѣча! Не узнаете?

Офицеръ повернулся къ нему, присмотрѣлся и сказалъ:

— Если не ошибаюсь... господинъ Негри?

— Именно-съ. Теодоръ Михайловичъ Негри. Артистъ-декламаторъ. Встрѣчались въ N... Не безпокойтесь, пожалуйста, мѣста довольно. Что это у васъ, какая куча газетъ? А, «Голосъ»... полный отчетъ о нечаевскомъ процессѣ? Да, интересное дѣльце... Очень интересное... — прибавилъ онъ, усаживаясь. — Послѣ декабристовъ, пожалуй, еще первое...

— Были еще петрашевцы...

— Да, но вѣдь это было раздуто правительствомъ. Невинный кружокъ... Вы позволите?

— Пожалуйста.

Господинъ взялъ номеръ газеты и, раскрывая ее, сказалъ черезъ минуту:

— Обратили вы вниманіе на крылатое слово въ рѣчи Спасовича, которымъ онъ окрестилъ нашу братію... ин-тел-ли-гентный проле-таріатъ... Очень мѣтко. Неправда ли?..

Офицеръ кивнулъ головой и отвѣтилъ что-то, улыбнувшись. Я насторожился, ожидая дальнѣйшаго разговора этихъ двухъ симпатичныхъ людей, которые такъ сразу нашли другъ друга въ безразличной толпѣ. «Точно члены одного ордена», — опять нашелъ я литературную формулу. Уголокъ вагона, гдѣ они сидѣли, казался мнѣ освѣщеннымъ островкомъ среди тусклаго, неинтереснаго, можетъ-быть, даже враждебнаго міра. Какъ хотѣлось бы мнѣ прибиться и самому къ этому островку... Но это, конечно, только несбыточная мечта. Можетъ быть, когда-нибудь, современемъ, когда я стану умнѣе и интереснѣе, я тоже сумѣю подходить къ такимъ людямъ открыто и просто, съ первыхъ же словъ давать имъ понять: «я тоже вашъ».

Вагонъ давно мчался, громыхая на стыкахъ рельсовъ и лязгая цѣпями. Господинъ Негри и офицеръ, молча, читали газеты, обмѣниваясь изрѣдка короткими, тихими замѣчаніями. Евреи продолжали говорить нервно и быстро на своемъ жаргонѣ, а мой сосѣдъ въ клеенчатомъ картузѣ давно познакомился со мною и говорилъ, говорилъ долго, мѣрно, ласково и неин-

тересно. Я слушалъ краемъ уха, боясь проронить что-нибудь изъ «обмѣна мыслей» въ углу, а мой сосѣдъ, между тѣмъ, выражалъ мнѣ свои симпатіи. Я, повидимому, новичокъ, неправда ли? Ѣду изъ глухого города въ столицу? Онъ совѣтуетъ мнѣ очень остерегаться: вагоны кишатъ карманщиками, а я, конечно, везу съ собой деньги? Вотъ самъ онъ, такъ ничего не боится. Во-первыхъ, онъ очень опытенъ. А во-вторыхъ, у него, кромѣ билета, только «рупь тридцать копѣекъ»... Вотъ здѣсь, въ кошелькѣ...

Онъ, смѣясь, раскрывалъ свой кошелекъ и выворачивалъ его наизнанку. Я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на этотъ пріемъ, который онъ повторялъ зачѣмъ-то нѣсколько разъ, и мнѣ было совѣстно, что я какъ-то не могу удѣлять его разсказамъ достаточно вниманія... Онъ казался мнѣ доброжелательнымъ и симпатичнымъ, но удивительно неинтереснымъ... Вѣки мои тяжелѣли. Я чувствовалъ, что его глаза опять съ ласковой симпатіей заглядываютъ въ мое лицо, но мои глаза невольно слипались, моргали все рѣже и открывались труднѣе... Я прислонился спиной къ стѣнкѣ и начиналъ засыпать, чувствуя въ то же время, что мой благорасположенный сосѣдъ склоняетъ голову мнѣ на плечо и тоже довѣрчиво засыпаетъ у меня на груди...

Черезъ нѣсколько минутъ я сладко спалъ, охваченный ощущеніемъ грѣющей тѣсноты и чьего-то тяжелаго благорасположенія... А еще черезъ нѣсколько минутъ проснулся отъ ощущенія какой-то перемѣны...

Сразу я не могъ сообразить, что именно происходитъ. Мой сосѣдъ, дѣйствительно, лежалъ головой на моей груди, въ странной и, повидимому, неудобной для него позѣ, а прямо противъ меня на скамейкѣ (я едва могъ этому вѣрить) сидѣлъ господинъ Негри, упершись локтями въ колѣнки и глядя на насъ обоихъ своими живыми, умными и смѣющимися глазами. Нѣсколько заинтересованныхъ чѣмъ-то пассажировъ окружали насъ и тоже улыбались...

Я покраснѣлъ и двинулся на своемъ мѣстѣ, но господинъ Негри сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я не шевелился и, указывая на моего ласковаго сосѣда, — продекламировалъ:

— На зарѣ ты ее не буди!
На зарѣ она сладко такъ спитъ...

Среди окружавшихъ насъ пассажировъ послышался смѣхъ, и я почувствовалъ, что грѣющая тяжесть сразу облегчилась, и хотя ласковый сосѣдъ даже всхрапнулъ въ эту минуту довольно натурально, но я сознавалъ ясно, что онъ не спитъ, а только дѣлаетъ видъ, что не слышитъ безцеремонныхъ насмѣшекъ. Мнѣ стало жаль его... Въ это время послышался заглушенный грохотомъ свистокъ, и поѣздъ загромыхалъ рѣже, очевидно, подходя къ станціи. Господинъ въ клеенчатой фуражкѣ рѣзко очнулся, протеръ глаза и всталъ.

— Станція? — сказалъ онъ встревоженно.

— Д-да-съ, станція, неизвѣстно еще какая, — невинно отвѣтилъ господинъ Негри. — Но вамъ, ко-неч-но, здѣсь выходить? Неправда ли?..

— Да, да, здѣсь, — забормоталъ ласковый господинъ и потянулся за своимъ тощимъ узелкомъ...

Поѣздъ жестоко стукалъ буферами, подползая къ дебаркадеру. Господинъ Негри положилъ руку на рукавъ незнакомца и сказалъ:

— Одну минуточку, господинъ. Молодой человѣкъ, — обратился онъ ко мнѣ, — все ли у васъ въ порядкѣ?

Мнѣ все стало ясно, и я схватился за свою сумку такъ порывисто, что кругомъ послышался смѣхъ. Сумка была тутъ, и на днѣ ея лежалъ кошелекъ... Я вздохнулъ съ облегченіемъ...

Господинъ въ клеенчатомъ картузѣ быстро вышелъ изъ вагона, сопровождаемый частью насмѣшливыми, частью враждебными замѣчаніями. Когда поѣздъ двинулся дальше, — онъ стоялъ на краю платформы и, поровнявшись съ нами, погрозилъ въ окно кулакомъ...

Нѣкоторое время послѣ этого въ вагонѣ шли разсказы о разныхъ случаяхъ воровства. Потомъ пассажиры разошлись по мѣстамъ, а господинъ Негри остался со мною.

— Ну, поздравляю васъ, юноша, — сказалъ онъ мнѣ съ усмѣшкой. — Вы отдѣлались довольно дешево. Вы имѣли дѣло съ несомнѣннымъ профессіональнымъ жуликомъ. Замѣтили вы, что онъ нѣсколько разъ показывалъ вамъ свой кошелекъ? Это пріемъ... Такіе, извините, пижоны, какъ вы... то-есть я хочу сказать новички, въ первый разъ ѣдущіе по желѣзнымъ дорогамъ изъ глубокой провинціи,

— при каждомъ напоминаніи о кошелькѣ, сейчасъ хватаются за сумку или за карманъ, гдѣ у нихъ деньги... Вы, я замѣтилъ, брались за сумку... Вотъ онъ и прильнулъ къ вамъ... И если бы я не разбудилъ васъ... Ну, ну, пустяки. За что же тутъ благодарить?..

Я сильно покраснѣлъ и мнѣ было досадно, что проклятая застѣнчивость мѣшала мнѣ какъ слѣдуетъ выразить мои чувства. Хорошія, настоящія слова въ такихъ случаяхъ приходили мнѣ на умъ тогда, когда уже были сказаны другія, сбивчивыя, тусклыя, не настоящія... Во всякомъ случаѣ, мнѣ было необыкновенно пріятно чувствовать себя обязаннымъ такому замѣчательному человѣку.

Мечта моя сбылась наяву. Поѣздъ мчался дальше, а я сидѣлъ рядомъ съ господиномъ Негри, и мы тихо разговаривали. Онъ сразу угадалъ, что я въ этомъ году окончилъ гимназію и ѣду въ столицу. Куда? Въ Технологическій? Это онъ одобрилъ: отъ прогресса техническихъ знаній зависитъ будущее страны... Кромѣ того... рабочій вопросъ на очереди. Когда я признался, что въ техническое заведеніе поступаю временно и поневолѣ, какъ «реалистъ», а затѣмъ надѣюсь перейти въ университетъ, — въ его глазахъ проступило насмѣшливое выраженіе...

— Сразу, значитъ, на проторенную дорожку? Въ чиновники? Нѣтъ? А куда же? Въ адвокаты?.. Гмъ... Это еще лучше... Куши, значитъ, хотите огребать?.. Правильно-съ, молодой человѣкъ, очень правильно. Адвокаты, дѣйствительно... народъ благополучный...

Я попытался оправдаться. Вѣдь, вотъ Спасовичъ и другіе... Въ нечаевскомъ процессѣ... И защищали даромъ.

— А, вотъ что! Ну, простите, когда такъ. Если васъ влечетъ эта сторона, дѣло десятое-съ... Только все-таки лучше бросьте эту идею. Ораторомъ вамъ не сдѣлаться, потому что у васъ отвратительный акцентъ. Не русскій и не малорусскій, а новороссійскій, мѣстечковый... Съ такимъ «прононсомъ» говорить рѣчи и волновать сердца трудно-съ.

— А вотъ опять-таки... Спасовичъ, — защищался я робко.

— Ну, батюшка! То — Спасовичъ. Не всѣмъ быть Спасовичами... А впрочемъ, что-жъ... давай вамъ Богъ...

Поѣздъ летѣлъ, быстро пожирая пространство, и мнѣ казалось, что такъ же быстро онъ пожираетъ время. Еще немного, и обаятельная сказка кончится... Мнѣ придется навсегда разстаться съ этимъ человѣкомъ, уже завоевавшимъ мое сердце...

Негри поднялся.

— Ну, юноша, мы еще поговоримъ съ вами, — сказалъ онъ. — До Курска еще порядочно.

— Мнѣ только до Ворожбы, — отвѣтилъ я упавшимъ голосомъ.

— Это почему? — спросилъ онъ.

— Въ Сумахъ у меня дядя, къ которому я долженъ заѣхать по дорогѣ. Въ Ворожбѣ я найму лошадей.

Въ лицѣ г-на Негри мелькнуло оживленіе. Онъ опять сѣлъ на мѣсто, посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ раздумьемъ и сказалъ:

— Знаете... Вѣдь, это счастливое совпаденіе. Мнѣ вѣдь тоже нужно въ Сумы... Я дамъ тамъ концертъ. Вашъ дядя человѣкъ съ положеніемъ? Давно живетъ въ Сумахъ?

— Судебный слѣдователь... Живетъ лѣтъ пять.

Онъ опять подумалъ и сказалъ:

— Положительно намъ по пути. Ѣдемъ вмѣстѣ. Кстати, вамъ и лошади обойдутся дешевле. Но, позвольте. Вы мнѣ сказали все о себѣ, а я вамъ еще не представился. Теодоръ Михайловичъ Негри. Артистъ-декламаторъ, прибавлю — довольно извѣстный въ провинціи... Что? Вы разочарованы? Говорите правду. Думаете: скоморохъ, балаганщикъ, кривляющійся на подмосткахъ для потѣхи публики.

Онъ ласково положилъ мягкую ладонь на мою руку и сказалъ тихо задушевнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, юноша. Вы ошибаетесь. Не скоморохъ, а артистъ — и человѣкъ идеи! Подмостки для меня каѳедра, декламація проповѣдь. Я несу въ невѣжественную массу Никитина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Петефи, Гюго. Я бужу въ толпѣ чувства, которыя безъ меня спали бы глубокимъ сномъ. И когда съ высоты подмостковъ звуки моего голоса... какъ набатный колоколъ... кидаютъ ихъ въ дрожь... какъ электрическая искра, зажигаютъ эти нетронутыя простыя сердца...

Говорилъ онъ тихо, задушевно, только для меня, но все же сосѣдъ въ рыжемъ пальто повернулъ къ намъ свое лицо съ любопытными глазами. Негри сразу оборвалъ рѣчь, помол-

чалъ и затѣмъ, протягивая мнѣ руку, — сказалъ:

— Итакъ, значитъ: ѣдемъ?

Я отвѣтилъ ему молчаливымъ взглядомъ, въ которомъ, вѣроятно, онъ могъ прочитать благодарное восхищеніе. Когда я теперь вспоминаю эту минуту, то мнѣ кажется, что нашъ вагонъ несся по какимъ-то лучезарнымъ полямъ, залитымъ яркимъ свѣтомъ, а кругомъ меня стоялъ золотистый туманъ, и въ немъ плавалъ восхитительный образъ Теодора Негри, артиста-декламатора... проповѣдника... «новаго человѣка»...

— Станція Ворожба... Десять минутъ...

Я захватилъ свой чемоданчикъ. Негри попрощался съ офицеромъ. Пассажиръ въ рыжемъ пальто съ утинымъ носомъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но я, подхваченный вихремъ восторга, не обратилъ на него вниманія и выскочилъ изъ вагона. Негри, въ сопровожденіи носильщика, вышелъ вслѣдъ за мною, кивнулъ носильщику на мой чемоданъ и, взявъ меня подъ руку, повелъ въ залъ 1-го класса. Мнѣ было неловко, но онъ усадилъ меня за столъ такъ мягко и такъ властно, что я не посмѣлъ сопротивляться.

— Карту, — сказалъ онъ лакею.

Я почувствовалъ себя въ затрудненіи, когда лакей во фракѣ и нитяныхъ перчаткахъ подалъ карту. Трата «на обѣдъ въ первомъ классѣ» казалась мнѣ непростительной роскошью. Впрочемъ, глаза мои уткнулись въ «борщъ — 30 копѣекъ». Это было сносно. Негри велѣлъ себѣ подать рюмку водки, рюмку коньяку и

третью рюмку пустую. Затѣмъ икры и осетрины... Въ пустой рюмкѣ онъ смѣшалъ коньякъ съ водкой и аппетитно выпилъ.

Публика прошумѣла около буфета и схлынула. Поѣздъ свиснулъ, громыхнулъ и умчался. Остался пустой залъ съ скромнымъ буфетомъ и мы двое. Въ открытую дверь виднѣлся немощеный дворикъ, скромныя желѣзнодорожныя постройки и поля съ новымъ заманчивымъ просторомъ. Слышался звонъ бубенцовъ и виднѣлись костистыя лошади, запряженныя по-русски.

Негри обтеръ усы салфеткой и поманилъ лакея. Боясь, чтобы онъ не заплатилъ и моихъ тридцати копѣекъ, я торопливо схватился за кошелекъ. Негри, улыбаясь, посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Вы хотите? Ну, что-жъ, хорошо? Въ Сумахъ сочтемся. Лучше всего, когда въ дорогѣ ведетъ расходъ кто-нибудь одинъ. Пріучайтесь, юноша, пріучайтесь. За меня рупь пятьдесятъ, вашихъ тридцать... Гривенникъ ему на чай. Позови, братецъ, ямщика.

Вошелъ ямщикъ въ кафтанѣ, съ очень короткой таліей и въ очень грязныхъ сапогахъ, и почтительно остановился. Негри посмотрѣлъ на него смѣющимися глазами и сказалъ:

— Здравствуй, другъ Павло. Какъ поживаешь?

— Я Герасимъ, — отвѣтилъ ямщикъ съ удивленіемъ.

— Да, да, Герасимъ... Я забылъ. Павло другой.

— Вы меня знаете, ваше благородіе? — спросилъ ямщикъ простодушно.

— Конечно, знаю. И знаю, у кого ты служишь.

И, повернувшись ко мнѣ, онъ сказалъ, весело играя карими глазами:

— Хозяинъ его — человѣкъ популярный, но... — прибавилъ онъ тише: — страшный кулакъ. Это вѣдь про вашего хозяина есть стихи:

Чи рыба, чи ракъ, —
Кандыба дуракъ.
Чи ракъ, чи рыба,
Все дурень Кандыба.
Чи такъ, чи сякъ,
Все Кандыба дуракъ.

— Что? Неправда? — повернулся онъ къ ямщику.

— Въ аккуратъ, — отвѣтилъ тотъ съ простодушнымъ удивленіемъ и растерянно оглянулся на лакеевъ и буфетчиковъ. Тѣ смѣялись выходкамъ затѣйливаго господина.

— Ну, Герасимъ, поѣдемъ въ Сумы. Что возьмешь?

— Цѣна извѣстная. Три цѣлковыхъ.

— Два съ полтиной, двадцать на чай. Хозяину скажи: везъ господина Негри, артиста. Онъ знаетъ. Ну, бери чемоданы.

Ямщикъ опять безпомощно оглянулся и покорно взялъ наши вещи...

Минутъ черезъ двадцать крыша вокзала и верхушка водокачки едва виднѣлись за неровностью степи, а гдѣ-то очень далеко надъ горизонтомъ бѣжалъ клубокъ бѣлаго пара. Негри

съ наслажденіемъ вдохнулъ свѣжій воздухъ и сказалъ:

— Спасибо, сторона родная, за твой врачующій просторъ!.. Вы, конечно, этого еще не понимаете? Вамъ врачующій просторъ не нуженъ. А Некрасова любите?

— Очень.

— И знаете?

— Знаю изъ Некрасова много...

— Прочтите-ка что-нибудь.

Я оглянулся кругомъ. Поля были почти убраны, но кое-гдѣ лежали еще кресты сноповъ, розовѣли загоны гречи и по дорогѣ ползли нагруженные возы. Изъ-за бугра выдѣлялись соломенныя крыши деревеньки. Я началъ читать:

— Межъ высокихъ хлѣбовъ затерялося
Небогатое наше село...

Негри сначала слегка поморщился, но потомъ сталъ внимательно слушать. Послѣднюю строфу онъ вдругъ выхватилъ у меня и закончилъ самъ. Мнѣ показалось это такъ, точно онъ схватилъ всю тихую поэзію этихъ полей, и шорохи вѣтра въ жнивьяхъ, и звонъ гдѣ-то въ лощинѣ оттачиваемой косы — и перевелъ все это въ задушевную гармонію некрасовскаго стиха. Отъ ощущенія щемящей, счастливой грусти, на глазахъ у меня проступили слезы.

Онъ взглянулъ искоса и сказалъ:

— А, у васъ есть чувство. Читаете вы, положимъ, еще неважно. Но можете, пожалуй, при

нѣкоторой выучкѣ прочесть прилично. А Шевченко?

— Еще хуже, — отвѣтилъ я.

— Попробуйте.

Я прочелъ что-то неувѣренно и сбиваясь, такъ какъ совсѣмъ не владѣлъ украинскимъ выговоромъ. Онъ опять поморщился и сказалъ:

— Н-да... Это ужъ совсѣмъ плохо... А Некрасова вы чувствуете. Да, да... Съ Некрасовымъ могло бы сойти, — прибавилъ онъ про себя.

Стало темнѣть. Надъ полями стояли тишина и угасаніе. Незамѣтно зажигались одна за другой яркія звѣзды. На горизонтѣ долго лежала свѣтлая полоса, потомъ и она расплылась. Мы ѣхали молча. Скоро пріѣдемъ и разстанемся. Мнѣ было жаль терять время на молчаніе...

— Скажите, пожалуйста, — заговорилъ я робко...

— Что такое, юноша?

— Вы вотъ разговаривали съ этимъ молодымъ офицеромъ о нечаевскомъ процессѣ...

— Да, да... Вы слушали?

— Слышалъ кое-что. И мнѣ хочется спросить: зачѣмъ они убили Иванова?

— Такъ было нужно, — сказалъ Негри жестко.

— Но, вѣдь, Ивановъ былъ честный человѣкъ... всѣ говорятъ, что онъ не былъ доносчикомъ.

— Да... и хорошій былъ... а такъ было нужно, — отрѣзалъ Негри категорично и смолкъ...

«Онъ, вѣроятно, знаетъ больше, чѣмъ напечатано въ газетахъ... Можетъ быть, онъ тоже участвовалъ въ этихъ дѣлахъ... И онъ, и тотъ молодой офицеръ»...

Ночь наполнялась для меня туманными и таинственными образами. Хотя я все-таки не понималъ, зачѣмъ «это» было нужно, и не могъ согласиться, что это могло быть нужно, но разспрашивать дальше не посмѣлъ.

Гдѣ-то вдали замелькали неясные огоньки. Должно быть, городъ. Еще полчаса, и конецъ пути. Мнѣ это было такъ непріятно, точно я ѣхалъ съ любимой дѣвушкой... Негри, какъ бы угадавъ мои мысли, повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Слушайте, юноша! Вы не могли бы остаться въ Сумахъ на нѣсколько дней?

И, не ожидая отвѣта, сказалъ живо:

— Знаете, мы бы съ вами вмѣстѣ выступили въ концертѣ...

Я удивился, почти испугался. Я? Въ концертѣ, передъ публикой на подмосткахъ... Это невозможно! Но Негри находилъ, что это пустяки. Онъ все обдумалъ. Въ моемъ чтеніи есть все-таки чувство. Дня въ два, пока напечатаютъ афиши, онъ меня «поставитъ». Фракъ для меня можно достать на прокатъ. Мой дядя постарается заинтересовать публику, раздастъ между судейскими билеты... Вѣдь, это будетъ чудесно.

Не знаю, что бы изъ этого вышло и сумѣлъ ли бы я при другихъ обстоятельствахъ отказать этому «замѣчательному человѣку», силь-

но овладѣвшему моей волей, но у меня было мало времени: пятнадцатое близко, а мнѣ еще нужно остановиться въ Москвѣ, чтобы повидаться съ сестрой, нанять въ Петербургѣ комнату...

— Жаль, жаль, — сказалъ Негри разочарованно. — Ну, а въ томъ, что я у васъ теперь попрошу, вы уже мнѣ, навѣрное, не откажете?..

— Что только могу, — отвѣтилъ я горячо.

— Это вы можете: ночь мы переночуемъ вмѣстѣ въ гостинницѣ, а дядю вы разыщите завтра утромъ. Скажу вамъ правду: мнѣ просто жаль разставаться съ вами...

— О, конечно... — заговорилъ я, сбиваясь... — Я тоже... Вы не знаете... я... мнѣ...

Я окончательно сконфузился и смолкъ.

Въ Сумы мы пріѣхали поздно и остановились въ плохонькой «гостинницѣ съ номерами». Я кое-какъ устроился на стульяхъ, которые нѣсколько разъ разъѣзжались подо мною. Но и сонъ, и частое просыпаніе отъ безпокойнаго ложа были пріятны. Я проектировалъ въ умѣ письмо къ матери: она можетъ быть спокойна на мой счетъ. Я сумѣю найти то, что мнѣ нужно. Мнѣ везетъ: вотъ я уже познакомился съ замѣчательнымъ, необыкновеннымъ человѣкомъ!

Когда я проснулся, Негри, умытый и свѣжій, сидѣлъ за столомъ и что-то писалъ.

— А, вы проснулись!.. Ну, вставайте, будемъ пить чай. А я пока вотъ тутъ окончу маленькое дѣло.

Я живо умылся и былъ готовъ въ пять минутъ. Негри позвонилъ. Вошелъ какой-то человѣкъ и остановился у двери.

— На, вотъ, братецъ, и скажи, чтобы поскорѣе прислали корректуру. Понялъ?

— Такъ точно... Приказали, чтобы задатокъ.

— Ступай! — сказалъ Негри повелительно и обратился ко мнѣ. — Ну-съ. Я узналъ, гдѣ живетъ вашъ дядя. Недалеко. Сколько времени вы у него пробудете?

— Не болѣе двухъ дней.

— Такъ. Ну, мы, конечно, еще увидимся... Сегодняшній день вы проведете въ родственныхъ объятіяхъ, а завтра утромъ заходите сюда. Непремѣнно! Тогда мы сведемъ съ вами и наши маленькіе счеты. Ты все еще здѣсь? — повернулся онъ къ типографскому разсыльному, который неподвижно стоялъ у дверной притолки.

— Такъ точно... Приказали, чтобы задатокъ... — повторилъ онъ тономъ автомата. По лицу Негри прошла красивая нервная гримаса.

— Вотъ, не угодно ли! — сказалъ онъ брезгливо: — вѣчная прелюдія ко всякому концерту... Изнанка жизни бродячаго артиста. Знаете что... Я хочу взять съ васъ маленькій залогъ въ удостовѣреніе, что вы еще меня навѣстите: вы тамъ платили въ буфетѣ... и потомъ за лошадей. Продолжимъ до завтра эти наши общіе расходы. Дайте вотъ этому разбойнику два рубля.

Я торопливо отдалъ деньги.

— Спасибо. А теперь ступайте къ дядѣ, а я пойду по дѣламъ. Нуженъ залъ... полицейское разрѣшеніе, ну и такъ далѣе... Неужто вы не останетесь хотя бы для того, чтобы послушать вашего пріятеля, артиста Теодора Негри? Нельзя? Ну, Богъ съ вами, Богъ съ вами... Итакъ — до завтра!

Дядя ждалъ меня еще вчера, по письму матери, и нѣсколько безпокоился. Выслушавъ мой разсказъ о счастливой встрѣчѣ, онъ комически приподнялъ брови и сказалъ:

— Денегъ взаймы просилъ?

Я покраснѣлъ отъ обиды за моего новаго друга.

— Дядя! — сказалъ я съ упрекомъ: — вы не знаете, что это за человѣкъ... Артистъ, проповѣдникъ... Это единственная у насъ сторона общественной проповѣди...

— Сколько занялъ? — спросилъ онъ опять, но, замѣтивъ мое огорченіе, сказалъ: — ну, ну... Богъ съ тобой. Послушаемъ твоего артиста...

Этотъ мой дядя былъ когда-то весельчакъ и остроумецъ. Теперь онъ былъ въ чахоткѣ, но въ глазахъ его все еще по временамъ загорался огонекъ юмора. Я очень любилъ его, но всетаки онъ былъ только мой дядя, а Теодоръ Негри, артистъ-декламаторъ и проповѣдникъ, стоялъ неизмѣримо выше его суда и его насмѣшекъ.

На слѣдующее утро я побѣжалъ въ номера, точно на любовное свиданіе. Въ коридорѣ, впереди меня, шелъ мальчишка-половой, неся въ обѣихъ рукахъ подносы съ графинами, рюм-

ками и закусками. Остановившись около одного номера, онъ осторожно отдавилъ ногой дверь, и я увидѣлъ внутренность комнаты. Сквозь густые клубы табачнаго дыма виднѣлась за столомъ какая-то веселая компанія. Особенно бросилась мнѣ въ глаза фигура какого-то молодого богатыря съ широкимъ лицомъ, краснымъ, какъ сырое мясо, въ шелковой косовороткѣ, съ массивной золотой цѣпочкой поперекъ груди, отъ одного кармана косоворотки къ другому. Изъ закуреннаго номера несся шумный и, кажется, пьяный говоръ, крики, смѣхъ. Повидимому, компанія заканчивала позднимъ утромъ ночь, проведенную за картами.

Господина Негри въ нашемъ общемъ номерѣ не было. Половой мальчишка, увидѣвъ меня въ открытую дверь, вошелъ въ комнату, махнулъ зачѣмъ-то салфеткой по столу и сказалъ:

— Чичасъ доложу. Они у акцизнаго. Приказали, чтобы вамъ непремѣнно дожидаться, не уходить.

И скрылся.

Черезъ минуту дверь отворилась, и вошелъ господинъ Негри. Лицо у него было не то нѣсколько помятое, не то печальное. Онъ молча подошелъ ко мнѣ, сильно и какъ-то многозначительно сжалъ мою руку и нѣсколько секундъ пытливо глядѣлъ мнѣ въ лицо. Потомъ, оставивъ мою руку, сдѣлалъ два, три шага и сѣлъ къ столу, положивъ голову на руки. Меня охватило непонятное волненіе... Въ напряженную и торжественную тишину этой ми-

нуты ворвался шумъ изъ сосѣдняго номера... Тамъ смѣялись. Стучали, звали кого-то...

Лицо господина Негри повернулось ко мнѣ съ выраженіемъ сарказма и душевной боли...

— Хороши? — спросилъ онъ.

Я ничего не отвѣтилъ; я не думалъ объ этой компаніи и не составилъ о ней опредѣленнаго мнѣнія, очевидно, отъ недостатка наблюдательности. А господинъ Негри думалъ и составилъ.

— Что дѣлаютъ? — спросилъ онъ съ сдержаннымъ гнѣвомъ и печалью. И тотчасъ отвѣтилъ коротко и выразительно:

— Грра-бятъ...

Послѣдовала пауза, полная для меня жуткаго, электризующаго напряженія.

Затѣмъ г-нъ Негри сталъ ронять въ тишину фразу за фразой, отчетливыя, тихія, точно раскаленныя...

— И вотъ! Они веселятся. Пируютъ... Слышите? Слышите вы?..

— ...А я!..

— ...За мою проповѣдь... За мою честную проповѣдь... О!..

Онъ глухо застоналъ и, рѣзко повернувшись ко мнѣ, заговорилъ еще тише и еще отчетливѣе, какъ будто стремясь запечатлѣть во мнѣ важную и горькую тайну.

— Зачѣмъ скрывать истину? Знаете ли вы, мой милый, чистый юноша, въ какомъ я положеніи? Денегъ — ни гроша! Кредитъ!.. Боже! Какой кредитъ странствующему проповѣднику на Руси?.. За афиши, которыя я заказалъ тогда при васъ... надо заплатить впередъ; иначе типографщикъ... Кул-лакъ и

эксплу-ататоръ... ихъ не выпуститъ. Значитъ: концерта моего не будетъ. Завтра меня, артиста-проповѣдника, вышвырнутъ изъ этого жалкаго номера, какъ саб-баку... А вы... вы еще...

Сердце у меня упало. Все кругомъ такъ ужасно и такъ преступно. Еще секунда, и я узнаю о своей долѣ участія въ этомъ общемъ преступленіи...

Но глаза господина Негри смотрѣли на меня изъ золотой оправы съ мягкой лаской.

— Вы вчера спрашивали: «З-зачѣмъ? И нужно ли было это дѣлать?» (Я понялъ, что рѣчь шла о Нечаевѣ и Ивановѣ). Да! Нужно!.. Все, понимаете: *все* можно и *все* нужно въ этой странѣ, гдѣ такіе вотъ субъ-ек-ты (большимъ пальцемъ онъ ткнулъ назадъ черезъ плечо) хохочутъ сытымъ, утробнымъ смѣхомъ, а такимъ, какъ мы съ вами, остается только плакать... да, плакать крро-вавыми слезами.

Онъ опять уронилъ голову на руки и смолкъ. Плечи его чуть-чуть вздрагивали... Неужели онъ... господинъ Негри, котораго вчера я видѣлъ такимъ великолѣпнымъ, — плачетъ? Я стоялъ, затаивъ дыханіе, потрясенный, ошеломленный. А изъ-за двери «грабителей», дѣйствительно, слышались опять крики и смѣхъ...

Я робко подошелъ къ г-ну Негри и сказалъ:

— Теодоръ Михайловичъ. Я... простите меня, но я... не могу... Если бы вы согласились взять у меня, сколько нужно на эти афиши и прочее... Вотъ тутъ... у меня...

И я протягивалъ ему свой тощій кошелекъ.

Негри поднялъ голову и снизу вверхъ посмотрѣлъ на меня влажнымъ, растроганнымъ взглядомъ.

— Вы... вы сдѣлаете это?.. Но нѣтъ, нѣтъ... Я не могу, не долженъ...

Кошелекъ былъ у него въ рукахъ. Онъ раскрылъ и сталъ перечислять его содержимое такимъ тономъ, точно читалъ трогательную надгробную надпись:

— Багажная квитанція... Записка съ адресомъ, вѣроятно, товарищей въ Петербургѣ... десять... двадцать... тридцать пять, пятьдесятъ...

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на меня и продолжалъ тѣмъ же умиленнымъ тономъ, не спуская глазъ съ моего лица.

— Гдѣ-нибудь еще... вѣроятно... любящая рука матери зашила въ сумочку сотню-другую рублей... И это все... И все-таки этотъ юноша, самъ пролетарій, протягиваетъ руку помощи такому же пролетарію-артисту... О, спасибо, спасибо вамъ!... Не за деньги, конечно, я еще не знаю, смогу ли ихъ взять, а за ту чистую вѣру въ человѣка, которая...

Онъ заморгалъ глазами и вытеръ что-то подъ золотыми очками кончикомъ тонкаго платка. Затѣмъ, перемѣнивъ тонъ, сказалъ:

— Однако, постойте... Если уже вы хотите, то... денежныя дѣла такъ не дѣлаются. Садитесь. Вотъ такъ. Давайте выяснимъ: сколько же у васъ всѣхъ денегъ?

Я покраснѣлъ почти до боли въ лицѣ, чувствуя себя такъ, какъ будто я обманулъ довѣрившагося мнѣ замѣчательнаго человѣка.

— Тутъ... все, — сказалъ я съ усиліемъ.

Въ глазахъ г-на Негри мелькнуло быстрое и сложное выраженіе разочарованія, мгновеніе холоднаго блеска, какъ будто онъ дѣйствительно разсердился, потомъ — юмористическое удивленіе, потомъ просто недоумѣніе...

— Все? — переспросилъ онъ. — И съ этимъ вы ѣдете въ столицу? Значитъ, вамъ пришлютъ туда? Правда?

— Я найду уроки, — пробормоталъ я совсѣмъ виноватымъ голосомъ...

Онъ засмѣялся.

— Ну, это дѣло нелегкое. Вамъ придется испить горькую чашу... Ну, ничего, не краснѣйте, юноша. Я вижу, что ваши средства нѣсколько не соотвѣтствуютъ вашему доброму желанію... Тѣмъ болѣе спасибо... Но, конечно, намъ нужно разсчитать... Постойте: до Курска... до Ту-улы... до Москвы... до Петербурга... Я, значитъ, возьму у васъ десять рублей на афиши... и потомъ еще... Ну, хорошо, хорошо: еще пять рублей... Вы всетаки меня спасаете... Концертъ состоится. Деньги у меня будутъ. Вашъ петербургскій адресъ?.. Впрочемъ, что жъ я. Конечно, можно адресовать въ институтъ. Я даже самъ, вѣроятно, скоро буду въ Петербургѣ и разыщу васъ, мой милый юноша. И тогда, быть можетъ, вы, въ свою очередь, не оттолкнете руку помощи скромнаго бродяги-артиста... Да? Вѣдь, правда: вы мнѣ не откажете въ этомъ?.. Ну, а пока...

Онъ всталъ со стула и взялъ мою руку. Не выпуская ея, онъ отклонился нѣсколько

назадъ, смотря мнѣ въ лицо съ какой-то внезапно явившейся мыслью, и сказалъ:

— Еще, дорогой мой, маленькая просьба: своему дядѣ вы лучше не говорите ничего о... о нашихъ отношеніяхъ. Эти люди съ сердцемъ, охлажденнымъ житейской прозой... Поймутъ ли они...

— Конечно, — сказалъ я съ убѣжденіемъ.

— Ну, вотъ.

Дверь нашего номера скрипнула. Въ ней показалась глупая рожа полового.

— Господинъ акцизный... — началъ онъ, но Негри сдѣлалъ болѣзненную гримасу и сказалъ гнѣвно страдающимъ голосомъ:

— Знаю, зна-аю... Провалитесь вы всѣ съ вашими акцизными...

Малый исчезъ, а господинъ Негри опять обратился ко мнѣ и заговорилъ тономъ, который такъ легко проникалъ въ мою душу:

— Ну, пора разстаться... Но повѣрьте мнѣ, юноша... Да, да, я знаю: вы мнѣ повѣрите... Теодоръ Негри вѣчный жидъ, цыганъ, бродяга. Но онъ не забудетъ, что на его пути, на суровомъ пути странствующаго проповѣдника, судьба послала ему встрѣчу съ чистымъ юношей... довѣрчивымъ... съ неохлажденной, отзывчивой душой. Прощайте же... прощайте!

Господинъ Негри крѣпко обнялъ меня. Я почувствовалъ прикосновеніе его мягкихъ усовъ, а затѣмъ его губы прижались къ моей щекѣ. Я не успѣлъ отвѣтить на это объятіе, какъ онъ меня выпустилъ и быстро исчезъ, оставивъ одного въ пустомъ номерѣ. Было тихо. Только изъ комнаты «грабителей» вырва-

лась, будто въ мгновенно открытую дверь, волна особенно шумнаго ликованія, хохота, криковъ...

На улицахъ мало знакомаго города было сѣро и скучно. Печально моросилъ дождикъ, по небу ползли сѣрыя клочья тумана, мостовая облипла жидкою, скользкою грязью. Но на душѣ у меня, какъ будто, играла музыка, немного печальная, но еще болѣе торжественная... Какой замѣчательный человѣкъ!.. «Что дѣлаютъ?.. Грраббятъ!» О, какъ онъ сказалъ это! И какъ одной фразой охарактеризовалъ эту пошлую компанію, которую я видѣлъ въ накуренномъ грязномъ номерѣ, среди табачнаго дыма... Этотъ молодой человѣкъ съ самодовольною, красною рожей... Вѣроятно, это и есть акцизный? Конечно... вчера половой говорилъ, что занятъ только одинъ номеръ, и именно господиномъ акцизнымъ... И сегодня онъ опять приходилъ отъ господина акцизнаго... Зачѣмъ? Что общаго у этого пошляка съ странствующимъ проповѣдникомъ? Совершенно понятна болѣзненная гримаса господина Негри при одномъ упоминаніи объ этомъ субъектѣ. Навѣрное, беретъ взятки... И щеголяетъ въ золотой цѣпи... «А я за мою проповѣдь... за мою честную проповѣдь»... Куда онъ ушелъ, попрощавшись со мною? Съ кѣмъ теперь говоритъ?.. Кого это «грабители» встрѣтили такимъ ликованіемъ послѣ того, какъ мы распрощались?.. «На моемъ пути, на суровомъ пути странствующаго проповѣдника... судьба послала мнѣ чистаго юношу»... Неужели онъ говорилъ это обо мнѣ? Что я такое

для него?.. Неинтересный, мало развитой, въ смѣшной альмавивѣ... И на меня же глядѣли его умные глаза, глядѣли *снизу вверхъ* съ такой глубокой печалью... О, господинъ Негри, милый, красивый, умный господинъ Негри! Артистъ, декламаторъ, интеллигентный пролетарій, странствующій проповѣдникъ... Неужели, о неужели я никогда не увижу васъ болѣе!

При этой мысли глаза мои становились влажны...

А между тѣмъ, если читатель подумаетъ, что мой современникъ былъ такъ безнадежно глупъ, какъ можетъ показаться по описанному здѣсь его настроенію, то онъ, пожалуй, ошибется. Этотъ застѣнчивый молодой человѣкъ не былъ лишенъ даже въ эти минуты нѣкоторой наблюдательности... Въ то самое время, когда въ душѣ его звучала торжественная симфонія, онъ все-таки замѣчалъ, что на улицахъ грязно и скучно, а по мостовой дребезжитъ какая-то обмызганная пролетка. Правда, образъ г-на Негри плавалъ передъ нимъ въ золотистомъ туманѣ, обаятельный и блестящій, властно занимая солнечную сторону его сознанія. Но наряду съ нимъ, въ сѣрой и скучной тѣни, выступалъ и другой образъ, тусклый, но все же довольно отчетливый. Стоило только выпустить его на солнечную сторону, и онъ обрисовался бы не менѣе рельефно, чѣмъ его великолѣпный двойникъ. *Этотъ* господинъ Негри ѣхалъ въ Курскъ, вѣроятно, послѣ какихъ-то неудачъ, съ неопредѣленными планами. Онъ свернулъ въ Сумы, собственно, для меня... Я платилъ за его обѣдъ, за лошадей, за номеръ,

за афиши. Въ его глазахъ мелькнуло разочарованіе при подсчетѣ моихъ капиталовъ... Онъ думалъ, что у меня больше. Онъ «нарочно» говорилъ, что *надо было* убить Иванова. Самъ онъ ничего объ этомъ не знаетъ... Наконецъ... положительно *онъ* вышелъ ко мнѣ изъ номера «грабителей» и опять ушелъ къ нимъ. И, можетъ быть, продолжаетъ теперь игру на взятыя у меня деньги и спуститъ ихъ этому молодцу съ красной рожей до послѣдней копѣйки... А у меня едва ли останется десять рублей, когда я пріѣду въ Петербургъ...

Но я слишкомъ грубо и рѣзко обрисовалъ этотъ второй образъ. Тогда онъ только пытался возникнуть въ моемъ сознаніи — легкій, воздушный и такой робкій, что исчезалъ при каждомъ движеніи своего великолѣпнаго двойника. Когда же онъ дѣлалъ попытки перейти изъ тѣни на солнечную сторону, то мнѣ дѣлалось обидно и больно. Я только что разстался съ живымъ господиномъ Негри... Неужели придется разстаться и съ воспоминаніемъ?.. Нѣтъ, нѣтъ! Тутъ великолѣпный господинъ Негри произносилъ для меня одну изъ своихъ фразъ, отъ которыхъ жутко замирало сердце, — и презрѣнный двойникъ расплывался въ туманѣ.

Однимъ словомъ, я и тутъ *зналъ* господина Негри по умному, но *чувствовалъ его* по глупому, съ преклоненіемъ, съ желаніемъ *только такого* господина Негри... И онъ оставался для меня именно такимъ... И *такой* онъ продолжалъ владѣть мною. И если бы судьба вскорѣ опять свела насъ вмѣстѣ, и онъ опять

сказалъ бы нѣсколько такихъ же потрясающихъ фразъ, и опять посмотрѣлъ бы снизу вверхъ страдающими печальными глазами, — я, вѣроятно, пошелъ бы за нимъ всюду, куда бы онъ позвалъ меня, не слушая робкаго предостерегающаго шепота его двойника.

И долго потомъ, уже въ Петербургѣ, въ тяжелыя минуты жизни, печальныя и тусклыя, какъ эта уличная слякоть, — образъ великолѣпнаго г-на Негри, артиста-декламатора, выплывалъ передо мною изъ розоваго тумана во всемъ своемъ обаяніи. Мнѣ казалось, вотъ онъ откроетъ дверь, войдетъ, посмотритъ сквозь золотыя очки своими живыми глазами и скажетъ:

— Вотъ и я. Бродяга и цыганъ... Разыскалъ васъ, зная, что вамъ очень трудно. А вы, признайтесь, юноша, сомнѣвались?..

Дядя опять шутя сталъ разспрашивать «о моемъ артистѣ», но, замѣтивъ мое настроеніе, оставилъ эту тему. Вмѣсто того онъ произвелъ основательную ревизію моимъ денежнымъ и инымъ рессурсамъ. Результаты оказались довольно печальными. Самъ онъ былъ небогатъ и боленъ. Въ его когда-то веселыхъ черныхъ глазахъ отражалась теперь неустанная и тяжелая забота о дѣтяхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ пополнилъ брешь, нанесенную декламаторомъ въ моихъ финансахъ, и, кромѣ того, снабдилъ еще меня своею черною парой. Онъ былъ очень высокъ, и его сюртукъ полами покрывалъ мои пятки. Дядя расхохотался и сказалъ:

— Ничего, ничего... Въ Петербургѣ позовешь портного и передѣлаешь. А то ты, чортъ зна-

етъ, на что похожъ въ этомъ своемъ костюмѣ.

Подъ вечеръ, когда я уѣзжалъ изъ города на лошадяхъ Кандыбы, — надъ Сумами опять ползли облака, поливая мелкимъ дождикомъ скучныя, грязныя улицы. На столбахъ и заборахъ мелькали большіе листы, на которыхъ я могъ разобрать крупныя надписи:

Теодоръ Негри. Артистъ-декламаторъ.

Ихъ поливалъ мелкій дождь, и я съ грустью думалъ, что погода помѣшаетъ концерту моего замѣчательнаго друга.

XXXVIII

Я ПОПАДАЮ ВЪ РАЗБОЙНИЧІЙ ВЕРТЕПЪ

И въ дорогѣ, подъ шарканье бубенцовъ, и въ поѣздѣ до Курска мнѣ было очень скучно.

Въ Курскѣ, въ вагонъ, гдѣ я усѣлся, вошли двое знакомыхъ уже мнѣ пассажировъ: господинъ съ утинымъ носомъ и его товарищъ. Они прямо направились ко мнѣ и поздоровались, назвавъ себя. Господинъ съ утинымъ носомъ оказался Зубаревскимъ, студентомъ-технологомъ третьяго курса (наружность и фамилія другого какъ-то совсѣмъ исчезли изъ моей памяти). Они провели эти два или три дня по дѣламъ въ Курскѣ... Остановятся еще въ Москвѣ. Я сдѣлалъ видъ, что вѣрю всему, но, въ сущности, мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ съ такой незамѣчательной наружностью и такъ одѣтый могъ быть дѣй-

ствительно студентомъ. Впрочемъ, я теперь человѣкъ опытный, и меня провести нелегко. На предложеніе остановиться въ Москвѣ вмѣстѣ въ Кокоревской гостинницѣ я отвѣтилъ вѣжливымъ отказомъ: мнѣ нужно остановиться гдѣ-нибудь около Екатерининскаго института. Тамъ у меня сестра...

На старомъ курскомъ вокзалѣ въ Москвѣ я пожалѣлъ объ этомъ. Когда съ чемоданчикомъ въ рукахъ я очутился на дебаркадерѣ, — вокругъ меня образовался сразу вихрь криковъ, нахальныхъ рожъ, приподнятыхъ фуражекъ, звонкихъ зазыванiй. Хватали за полы моей злополучной мантильи, вырывали изъ рукъ чемоданъ, заглядывали въ глаза, дышали въ лицо разными преимущественно винными запахами, кажется — насмѣхались... Гдѣ-то вдали мелькнула фигура Зубаревскаго и его товарища. Они казались мнѣ теперь пріятными. У Зубаревскаго, въ сущности, добрые глаза, и лицо очень неглупое. Пожалуй, онъ, можетъ быть, и студентъ. И ужъ во всякомъ случаѣ не грабитель. Я рванулся за нимъ, но его уже не было. А надъ самымъ моимъ ухомъ слышался сиповатый, мягкій голосъ:

— Домниковскіе номера-съ... Всего сорокъ копѣекъ. Извозчика не требуется. Вещи донесу самъ...

Я усталъ бороться и отдался на волю судьбы.

Чернобородый субъектъ, довольно мрачнаго полу-монашескаго вида взялъ у меня чемоданъ, взвалилъ себѣ на плечи и пошелъ впередъ, энергично прокладывая путь въ толпѣ. Онъ двинулся такъ быстро, что я сразу отсталъ и

уже прощался со своимъ чемоданомъ; но на подъѣздѣ черномазый ожидалъ меня, и мы пошли рядомъ по улицамъ Москвы.

Шли довольно долго. Прошли «Балканъ», потомъ углубились въ какіе-то переулки. Я уже думалъ взять перваго попавшагося извозчика и ѣхать въ Кокоревскіе номера, какъ мой провожатый остановился передъ двухъэтажнымъ домомъ. Переулокъ былъ узкій и грязный. Вверху сумрачное небо, внизу мокрая мостовая. На стѣнѣ дома большими буквами было написано: «Домниковскіе номера для пріѣзжающихъ». Надпись была, кажется, сдѣлана сажей и потекла отъ дождя, разведя по грязной стѣнѣ траурныя полосы. Хотя было еще рано, но ворота оказались запертыми. Провожатый дернулъ ручку звонка. Раздался дребезжащій, унылый звонъ и вслѣдъ за нимъ хриплый собачій лай. Толстая баба отперла калитку, впустила насъ и тотчасъ же заперла опять.

Въ маленькомъ квадратномъ дворикѣ было грязно и печально. Я еще первый разъ въ жизни очутился въ такомъ дворѣ, и мнѣ казалось, что я, дѣйствительно, на днѣ колодца. На одной стѣнѣ опять виднѣлась расплывшаяся надпись — «номера», и мы вошли въ низкую дверь, показавшуюся мнѣ входомъ въ пещеру. Ходъ былъ черезъ кухню. Небольшимъ коридорчикомъ чернобородый провелъ меня въ заднюю комнату и сказалъ:

— Здѣся. Сорокъ копѣекъ въ сутки. Прикажете самоварчикъ?

Когда онъ вышелъ, — я оглянулся въ своемъ новомъ помѣщеніи. Комната была узкая, съ

однимъ окномъ, засиженнымъ мухами. Темный потолокъ, темныя обои, темное небо, на дворѣ сумерки. Окно было низко. Я подошелъ и попробовалъ тихонько открыть его. Тотчасъ же изъ какой-то темной сарайной двери показалась собачья морда и раздался лай, хриплый и сердитый.

Итакъ, — рѣшилъ я про себя, — похоже, что я въ ловушкѣ. Дворъ запертъ, у окна собака. Да если бы и удалось вырваться на дворъ, — все равно идти некуда. Подслѣпыя окна глядѣли со стѣнъ въ этотъ колодецъ таинственно и зловѣще...

Въ коридорѣ послышалась возня, заставившая меня насторожиться. Кто-то рвался куда-то, кто-то другой не пускалъ. Жидкая переборка шаталась и вздрагивала.

— П-пусти... Тебѣ гов-во-рятъ! — съ усиліемъ говорилъ сиплый мужской голосъ. — Агафья... Агашъ... кто здѣсь хозяинъ?.. Одолѣли вы меня съ Ермишкой, съ разбойникомъ... душегубы, анафемы!

Онъ рванулся, и неровные быстрые шаги застучали по коридору. Моя дверь внезапно раскрылась, и на порогѣ появился мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, въ разстегнутомъ мѣховомъ полукафтанчикѣ и разорванной косовороткѣ. Нанковые легкіе штаны и опорки на босу ногу дополняли костюмъ незнакомца. Глаза у него были дикіе, бѣгающіе, какъ будто испуганные, сѣдоватые жидкіе волосы торчали врозь, борода сбилась въ одну сторону. Онъ схватился за косякъ двери, чтобы не упасть, и, тяжело

перевалившись въ мою комнату, подошелъ ко мнѣ вплоть и заговорилъ, дыша запахомъ перегару и горячки.

— Слышалъ ты?.. Будь свидѣтель. Не пущаютъ... Разбойники, душегубы онѣ съ Ермишкой. Нѣ-ѣтъ, врешь... мамонишь, концы хоронишь...

Онъ прищурилъ одинъ глазъ, лукаво мигнулъ мнѣ и сказалъ:

— Я самъ съ усамъ... Я имъ, душегубамъ, не потатчикъ... Я... до сам-мого царя...

Въ коридорѣ стукнула дверь. Должно быть, на помощь баба призвала Ермишку. Пьяный насторожился и, наклонясь ко мнѣ, заговорилъ таинственно, торопливо и тихо:

— Молчи ужо. Дай мнѣ скорѣя двугривенной, хорошо будетъ, небось... А съ ихъ, подлецовъ, вычти потомъ. Я хозяинъ, въ обиду не дамъ. Э-эхъ ты, мил-л-ай! Молоденькій какой...

Поддавшись его испуганной торопливости, я наскоро далъ ему двугривенный. Онъ жадно схватилъ его и сунулъ въ ротъ. Какъ разъ во время, потому что въ комнату уже входилъ чернобородый и толстая баба. Незнакомецъ не оказывалъ теперь сопротивленія и только съ порога кивнулъ мнѣ многозначительно и обѣщающе... Скоро возня стихла гдѣ-то въ дальнемъ концѣ. Слышались только неразборчивое ворчаніе, вздохи... чей-то плачъ...

Чернобородый съ сурово-угрюмымъ видомъ внесъ сначала подносъ съ чайникомъ и стаканомъ, потомъ небольшой самоваръ и тарелку съ французской булкой. Все это онъ дѣлалъ

молча. не глядя на меня, и такъ же молча вышелъ.

Мое положенiе стало передо мной съ ужасающей ясностью. Можно ли сомнѣваться? Я попалъ въ одинъ изъ вертеповъ, въ родѣ притона «на бойкомъ мѣстѣ» въ драмѣ Островскаго. Только не въ лѣсу, а на какомъ-то Московскомъ Балканѣ, хуже всякаго лѣса. Они, очевидно, только затѣмъ и выходятъ на вокзалы, чтобы заманивать неопытныхъ юношей, одѣтыхъ такъ выразительно, какъ меня нарядилъ портной Шимко. Квартиры кругомъ, очевидно, нежилыя... Только въ одномъ окнѣ движется тусклый огонекъ... Тамъ, вѣроятно, члены той же шайки. У окна сторожитъ свирѣпый Церберъ. Ворота на запорѣ...

Воображенiе мое разрабатывало дальше эту мрачную тему. Въ одномъ изъ членовъ шайки, очевидно, не погасла еще искра совѣсти... Но онъ заливаетъ ее виномъ, и только въ пьяномъ видѣ грозитъ товарищамъ разоблаченiями и старается предупредить несчастныя жертвы... Онъ такъ таинственно порывался что-то сказать мнѣ, такъ многозначительно мигалъ отъ порога. Обѣщалъ что-то?.. Ясно: онъ обѣщалъ мнѣ помощь. Можетъ быть, этому доброму, раскаявшемуся преступнику удастся какъ-нибудь обмануть ихъ бдительность, привести людей и спасти меня въ послѣднюю роковую минуту... Это иногда бывало... Но... удастся ли?..

Мнѣ только казалось странно, что и чернобородый разбойникъ, и толстая мегера, увидя пьянаго, какъ будто плакали. Да, положитель-

но, я помню заплаканное бабье лицо. Что жъ. И это легко объяснить. Она — женщина... Ей, можетъ быть, стало жаль моей молодости. У нея, вѣроятно, былъ сынъ... Онъ умеръ, но теперь былъ бы моихъ лѣтъ. Такая чувствительность у закоренѣлыхъ разбойницъ тоже бываетъ. Я, кажется, читалъ объ этомъ въ какомъ-то страшномъ разсказѣ... Но это, въ концѣ концовъ, не помогаетъ невиннымъ жертвамъ. Такія счастливыя развязки бываютъ только въ романахъ... а меня окружаетъ теперь суровая дѣйствительность...

На столѣ стоитъ самоваръ и лежитъ пятикопѣечная булка. Чай, конечно, отравленъ соннымъ порошкомъ. Я снялъ чайникъ, вылилъ содержимое въ грязное ведро, всполоснулъ нѣсколько разъ и заварилъ своего чаю. На блюдцѣ лежало нѣсколько кусочковъ сахару. Я лизнулъ опять языкомъ: вкусъ странный, какъ будто металлическій. Мышьякъ, вѣдь, тоже похожъ на сахаръ. Ну, хорошо, пусть думаютъ, что я усыпленъ или отравленъ. А я, между тѣмъ, напьюсь крѣпкаго чаю и не засну всю ночь... Можетъ быть, найду какое-нибудь средство спасенія... И, во всякомъ случаѣ, дорого отдамъ свою жизнь...

Не надо сидѣть спиной къ двери. Я попробовалъ перейти на другой стулъ, у стѣны, но онъ сразу подогнулся подо мной: одна ножка была отломана. Я попрежнему приставилъ его къ стѣнѣ и пересѣлъ со своимъ стаканомъ на кровать.

Я былъ сильно голоденъ. Чай показался мнѣ превосходнымъ, булка тоже. «Можетъ, въ по-

слѣдній разъ въ жизни», подумалъ я печально и налилъ другой стаканъ. Хорошо бы еще одну булку... Я постучалъ.

Вошла мегера. Глаза у нея все были заплаканы. Отъ угрызенія своей мрачной совѣсти она, повидимому, не могла глядѣть на меня и отворачивала лицо. Я попросилъ принести еще хлѣба, она ушла, не сказавъ ни слова, и такъ же молча принесла черезъ нѣсколько минутъ двѣ булки. За ними она, кажется, выходила со двора.

Вскорѣ послѣ ея ухода сильно лаяла собака и металась, лязгая цѣпью...

Напившись чаю, я попробовалъ запереть дверь, но задвижка не входила во втулку.

Время тянулось медленно. Самоваръ допѣлъ свою жалобную пѣсенку и смолкъ. Гдѣ-то, въ другомъ концѣ квартиры, шелъ тревожный разговоръ, раза два хлопали двери, одинъ разъ опять сильно лаяла собака. Потомъ все стихло...

Я рѣшилъ, что можно немного прилечь. Вѣдь, прилечь не значитъ еще заснуть. Наоборотъ, въ такомъ положеніи воображеніе работаетъ еще лучше. Я придумаю какой-нибудь выходъ.

Что-то жесткое сразу проступило изъ-подъ тонкаго тюфяка. Засунувъ руку, я нащупалъ... ту самую ножку, которой не доставало у стула. Очевидно, кто-то здѣсь уже переживалъ тѣ же чувства, что и я, и, вѣроятно, вооружился ножкой для защиты. Какая судьба постигла этого моего предшественника? Можетъ быть, та же самая, которая ждетъ и меня черезъ два-три часа... Когда *это* случится?

Конечно, передъ утромъ, когда бываетъ самый крѣпкій сонъ... Во всякомъ случаѣ, я благодаренъ невѣдомому товарищу за его предсмертную выдумку... Вмѣстѣ съ клопами, которые сразу произвели на меня жесточайшую атаку, — это жесткое орудіе защиты, конечно, не дастъ мнѣ заснуть...

Свѣчу я не гасилъ. Она нагорала и потрескивала жалобно и печально. Было тихо. Гдѣ-то тутъ за стѣнами катится шумная жизнь столицы, гремятъ извозчики, снуетъ публика... Отдаленный свистокъ, — точно изъ другого міра. Это на курскомъ вокзалѣ. Пришелъ поѣздъ, валитъ пріѣзжая толпа... Разъѣзжаются по гостинницамъ... Въ кокоревское подворье, куда звалъ меня студентъ Зубаревскій и гдѣ теперь онъ спитъ на хорошей постели, безъ клоповъ, безъ ножки подъ тюфякомъ, въ безопасности и комфортѣ. А гдѣ-то еще ближе (мнѣ сказалъ это чернобородый) большое зданіе института... Въ дортуарѣ ряды чистыхъ кроватей. Въ одной спитъ моя сестренка... Чувствуетъ ли она, что я тутъ, близко, въ этомъ вертепѣ, въ смертельной опасности? Можетъ быть, чувствуетъ и мечется по своей подушкѣ и всхлипываетъ во снѣ, произнося мое имя... На глаза у меня просятся слезы...

Ужасно неудобно съ этой ножкой, но — пусть! Не время думать объ удобствахъ... Рахметовъ спалъ на полѣньяхъ дровъ... Кто-то еще, — не помню, кто именно... Спать я ни въ какомъ случаѣ не стану... При первомъ подозрительномъ шорохѣ въ коридорѣ я схвачу эту ножку, вотъ такъ, и удержу ее около

себя... Они войдутъ вонъ тамъ, въ эту дверь... Я вижу ихъ отлично. Впереди — зловѣщая физіономія чернобородаго. Изъ-за его плечъ — другая, незнакомая еще мрачнѣе... Они думаютъ, что я усыпленъ, но я гляжу сквозь прищуренныя рѣсницы и крѣпко сжимаю ножку въ рукѣ... Подходятъ, трусливо крадучись. Я сразу вскакиваю на ноги. А, не ожидали? Быстрый, какъ молнія, ударъ... Чернобородый падаетъ... Борьба... долгая, глухая, неясная... я, кажется, обезсиливаю... навалились какія-то рожи... Но тутъ приходитъ помощь... Раскаявшійся пьяница вваливается со свѣтомъ, съ шумомъ, съ людьми... Я спасенъ. Ужасная ночь миновала... Свѣтъ дня и солнца. Полиція, протоколы, любопытные люди разспрашиваютъ меня... Да, это я раскрылъ разбойничій вертепъ, въ которомъ погибло уже много наивныхъ провинціаловъ.

Въ темномъ подвалѣ, охраняемомъ злющимъ церберомъ, находятъ груду человѣческихъ костей... Ужасаются, мотаютъ головами... пишутъ въ газетахъ. Сестра, мать, Теодоръ Негри читаютъ. Сначала пугаются, потомъ, конечно, — радость... Все хорошо. Мнѣ наперебой предлагаютъ работу. Три часа въ день. Сорокъ пять рублей въ мѣсяцъ. Я богатъ, могу еще посылать матери. Перехожу съ курса на курсъ... Въ технологическомъ... въ университетѣ... еще гдѣ-то. Вообще — все отлично...

Все такъ отлично, что я сладко сплю, несмотря на клоповъ и на деревянную ножку подъ бокомъ, одѣтый, въ разбойничьемъ вертепѣ...

Когда я проснулся, точно отъ внезапнаго толчка, первой моей мыслью было: живъ ли я.

Я былъ живъ, ночь уже прошла. Въ комнатѣ было свѣтло. Лучъ солнца, перебравшись черезъ крыши, заигралъ вверху на стѣнѣ, и желтоватые разсѣянные лучи попали на дно двора-колодца. У стола стоялъ чернобородый, позванивая убираемой посудой.

— Такъ и спали ночь, не раздѣмши, — сказалъ онъ печально и прибавилъ, потупясь:

— Побезпокоили васъ вчерась... Низнините...

— Кто это былъ, пьяный? — спросилъ я, рѣзво подымаясь на ноги съ ощущеніемъ необыкновеннаго благополучія...

Чернобородый глубоко вздохнулъ.

— Грѣхи! И сказать стыдно. *Самъ* это, хозяинъ здѣшній. Закрутилъ, что станешь дѣлать. Запираемъ, да нешто углядишь. Вчерась вотъ, вышелъ я. Хозяйку вы за булкой послали. Думали, спитъ онъ. Сама въ ворота, а онъ тихонечко за нею... Собака взлаяла. Оглянулась она, а онъ — что ты думаешь: деретъ по улицѣ, не догонишь... И опять пьяной... Господи, помилуй насъ грѣшныхъ. И откуль денегъ добылъ, удивительное дѣло.

Я вспомнилъ свой двугривенный и покраснѣлъ. Чернобородый уставилъ посуду на подносѣ и опять обратилъ ко мнѣ унылое лицо.

— А я вотъ купеческій братъ считаюсь. Хозяинъ, значитъ, братъ мнѣ приходится. Ну, теперича хожу у нихъ за номерного. Что станешь дѣлать. Кабы достатки. А то сами, чай,

видите: нѣшто это номера! Ведешь хорошаго господина съ вокзалу — самому совѣстно въ глаза поглядѣть.

Онъ скорбно помоталъ головой и прибавилъ:

— А вѣдь жили-то какъ въ своемъ мѣстѣ! Купцы были настоящіе. Сама-то Агафья Парѳеновна пойдетъ, бывало, въ бархатномъ салопѣ въ церковь — прямо графиня! Теперь слезой вся изошла. И я съ нею. Чего ни дѣлали: свѣчи угодникамъ ставили, молебствовали... А что? — спросилъ онъ вдругъ, мѣняя тонъ, — вамъ самоварчикъ-то нужно?

— Пожалуйста.

— А то, извините, можетъ, и съ нами бы попили. Дешевле, а самоваръ горячій. Сама пьетъ.

Мнѣ было такъ совѣстно передъ этими добрыми людьми, что я охотно согласился. Хозяйка сидѣла за самоваромъ въ маленькой, тѣсно заставленной спаленкѣ. У кіота печально теплилась лампадка, изъ-за полога слышался храпъ и кошмарное бормотаніе запойнаго хозяина. Глаза у женщины были красны, но лицо ея сегодня показалось мнѣ совсѣмъ другимъ. Оно еще носило слѣды былой красоты, и держалась она съ такимъ достоинствомъ, что, когда подавала мнѣ налитой стаканъ, я чувствовалъ потребность привстать и конфузливо раскланивался.

Чернобородый пилъ чай отдѣльно въ кухонкѣ, но это было такъ близко, что разговоръ у насъ шелъ общій. И когда они опять разсказали мнѣ исторію хозяйскаго запоя и разоре-

нія, — мнѣ стало такъ жаль ихъ обоихъ, что я принялся утѣшать ихъ и наговорилъ много глупостей. Конечно, ни иконы, ни знахари изъ замоскворѣчья тутъ не помогутъ. Поможетъ только наука. Я читалъ гдѣ-то, что теперь есть лѣчебницы для алкоголиковъ... Я ѣду въ Петербургъ, узнаю все это обстоятельно и непремѣнно имъ напишу... Наука, о, наука одна теперь дѣлаетъ чудеса...

— Ну, дай тебѣ Господи, за доброту за твою, — сказала бѣдная женщина, прощаясь со мной. Не знаю, повѣрила ли она въ спасительную силу науки, но мнѣ такъ хотѣлось оказать имъ эту маленькую услугу, что говорилъ я съ искреннимъ увлеченіемъ и вѣрой.

Чернобородому нужно было опять идти къ поѣзду, и онъ взялся указать мнѣ дорогу къ институту. Былъ праздникъ. Гудѣли колокола, — протяжно, низко, печально... И мнѣ казалось, что вся Москва похожа на заплаканную разорившуюся рыхлую хозяйку моихъ номеровъ, и что она этими колоколами вопитъ, разливаясь слезами о какихъ-то лучшихъ дняхъ, когда она ходила въ бархатныхъ салонахъ...

Короткое свиданіе съ сестрой не разсѣяло этого впечатлѣнія. Мы сидѣли въ огромномъ залѣ съ колоннами. Я чувствовалъ, какъ что-то рвется навстрѣчу этой родной маленькой фигуркѣ въ институтскомъ платьѣ, и что-то другое сдерживаетъ и холодитъ эти порывы... Сестру скоро позвали, а когда я вышелъ изъ института, то къ печально перекликающемуся хору колоколовъ присоединился еще Иванъ

Великій... Онъ бухалъ съ размѣренно-важною скорбью, и казалось, какая-то неизбывная печаль кружитъ и плаваетъ надъ Москвой...

Отъ всего этого вѣяло такой тоской, что я остановился на Самотекѣ, совершенно не зная, что мнѣ съ собой дѣлать. Къ счастью, мнѣ вспомнились мои спутники — Зубаревскій съ товарищемъ. Времени до поѣзда оставалось еще довольно. Я пошелъ по улицамъ, разспрашивая дорогу, и вскорѣ былъ у «Кокоревскаго подворья».

Оба студента были въ номерѣ, гдѣ-то очень высоко, чуть не на чердакѣ. Когда я вошелъ, они немного смѣшались; они были заняты упаковкой въ чемоданъ какихъ-то книгъ. Увидѣвъ меня, Зубаревскій радушно протянулъ руку.

— Отлично, что зашли. Хотите чаю? Вотъ самоваръ на столѣ, наливайте сами... Мы тутъ, какъ видите, разбираемся съ кое-какой литературой. Съ этимъ вотъ вы не знакомы?

Онъ протянулъ мнѣ книгу, кажется, «Азбуку соціальныхъ наукъ» Флеровскаго. Я не имѣлъ о ней понятія.

— А Лассаля знаете? Нѣтъ? Значитъ, у васъ тамъ еще и не слыхали о соціализмѣ.

Это слово я слышалъ въ первый разъ. Одно мнѣ теперь было совершенно ясно: какъ я былъ непроницателенъ и глупъ, сомнѣваясь въ Зубаревскомъ. Теперь, наоборотъ, все въ немъ казалось мнѣ необыкновенно привлекательнымъ: и некрасивое лицо, и безпечныя манеры добродушнаго русскаго бурша, и даже рыжій сюртукъ изъ толстаго грубаго трико...

Оба студента долго, съ товарищескимъ участіемъ, разсказывали мнѣ о Петербургѣ и давали совѣты, гдѣ остановиться на первое время. Потомъ мы распрощались, какъ добрые знакомые, и я вышелъ ободренный, хотя московскіе колокола продолжали вызванивать свою тягучую, неизбывную печаль...

XXXIX

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ!

Странно: въ теченіе этихъ двухъ-трехъ дней я нѣсколько разъ имѣлъ случай убѣдиться въ своей глупости. Меня чуть не обокралъ субъектъ въ клеенчатой фуражкѣ въ то самое время, какъ я подозрѣвалъ и остерегался Зубаревскаго... Господинъ Негри... впрочемъ, и теперь фигура господина Негри стояла въ памяти во всемъ обаятельномъ блескѣ, оттѣсняя своего тусклаго реальнаго двойника, и я ловилъ себя на томъ, что порой мои губы невольно складываются въ «интеллигентную складку»... Затѣмъ, добродушнѣйшіе простые люди изъ Домниковскаго переулка показались мнѣ бандитами. Наконецъ, считая себя въ опасной ловушкѣ, — я позорно заснулъ...

Все это, повидимому, должно было сильно сбавить у меня самоувѣренности. Но вышло наоборотъ. Отправляясь опять на вокзалъ, — я чувствовалъ себя такъ, какъ будто дѣйствительно пережилъ всѣ эти опасности и вышелъ побѣдителемъ, единственно благодаря своей опытности и необыкновенной находчивости.

На вокзалѣ среди толкотни, криковъ и движенія я опять ходилъ въ розовомъ туманѣ. У кассы мнѣ попался, между прочимъ, одинъ изъ товарищей, ровенцевъ, Корженевскій. Онъ окончилъ годомъ раньше, былъ на кондиціи, и теперь ѣхалъ съ заработанными деньгами въ Петербургъ. Бѣдняга совершенно растерялся въ сутолокѣ, пугливо оглядывался по сторонамъ и его лѣвая рука судорожно держалась за сумку.

— Господи! — подумалъ я, — вѣдь и я былъ такой еще два-три дня назадъ... — И я тотчасъ взялъ его подъ свое покровительство, отдалъ его вещи на храненіе провожавшему меня «купеческому брату», пока мы ждали очереди у кассы, и вообще держалъ себя такъ увѣренно и развязно, что бѣдняга ни на шагъ не отставалъ отъ меня, держась за мое пальто, какъ за якорь спасенія. Съ «купеческимъ братомъ» я попрощался за руку, какъ со старымъ знакомымъ, а когда затѣмъ мы усѣлись въ плотно набитомъ вагонѣ, я чувствовалъ себя такъ, точно Корженевскій — еще недавній я въ вагонѣ подъ Кіевомъ, а я — его великодушный покровитель въ родѣ великолѣпнаго г-на Негри...

Тогда пассажирскіе поѣзда изъ Москвы въ Петербургъ ходили ровно сутки, и, выѣхавъ изъ Москвы подъ вечеръ, въ сумерки слѣдующаго дня мы съ Корженевскимъ вышли изъ вокзала на Николаевскую площадь.

Сердце у меня затрепетало отъ радости. Петербургъ! Здѣсь сосредоточено было все, что я считалъ лучшимъ въ жизни, потому что от-

сюда исходила вся русская литература, настоящая родина моей души... Это было время, когда лѣто недавно еще уступило мѣсто осени. На неопредѣленно свѣтломъ вечернемъ фонѣ неба грузно и какъ-то мечтательно рисовались массивы домовъ, а внизу уже бѣжали, какъ свѣтлыя четки, ряды фонарныхъ огоньковъ, которые въ это время обыкновенно начинаютъ опять зажигать послѣ лѣтнихъ ночей... Они кажутся такими яркими, свѣжими, молодыми. Точно послѣ каникулъ впервые выходятъ на работу, еще не особенно нужную, потому что воздухъ еще полонъ мечтательными отблесками, бьющими кверху откуда-то изъ-за горизонта... И этотъ веселый блескъ фонарей подъ свѣжимъ блистаніемъ неба, и грохотъ, и звонъ конки, и гдѣ-то потухающая заря, и особенный крѣпкій запахъ моря, несшійся на площадь съ западнымъ вѣтромъ, — все это удивительно гармонировало съ моимъ настроеніемъ.

Мы стояли на главномъ подъѣздѣ, выжидая, пока разрѣдится безпорядочная туча экипажей, и я всѣмъ существомъ впивалъ въ себя ощущеніе Петербурга. Итакъ, я — тотъ самый, что когда-то въ первый разъ съ замирающимъ сердцемъ подходилъ «одинъ» къ воротамъ пансіона, — теперь стою у порога великаго города. Вонъ тамъ, налѣво — устье широкой, какъ рѣка, улицы...

Это, конечно, Невскій... Я зналъ это, такъ какъ все подробно разспросилъ у Сушкова и много разъ представлялъ себѣ первую минуту, когда его увижу. Вотъ, значитъ, гдѣ гулялъ когда-то гоголевскій поручикъ Пироговъ... А

гдѣ-то еще, въ этой спутанной громадѣ домовъ, жилъ Бѣлинскій, думалъ и работалъ Добролюбовъ. Здѣсь коченѣющей рукой онъ написалъ: «Милый другъ, я умираю оттого, что былъ я честенъ»... Здѣсь и теперь живетъ Некрасовъ, и, значитъ, я дышу съ нимъ однимъ воздухомъ. Здѣсь, наконецъ, ждетъ меня директоръ Ермаковъ и новая, совсѣмъ новая заманчивая жизнь студента. Все это было красиво, мечтательно, свѣжо, и, какъ ряды этихъ фонарей, уходило въ таинственно мерцающую перспективу, наполненную невѣдомой неясной, кипучей жизнью... И фонари, вздрагивая огоньками подъ вѣтромъ, казалось, жили и играли, и говорили мнѣ что-то обаятельно-ласковое, обѣщающее...

Я останавливаюсь на этой минутѣ съ такой подробностью потому, во-первыхъ, что она на вѣки запечатлѣлась въ моей памяти, какъ одна изъ вѣхъ, отличающихъ уходящія дали жизни. А, во-вторыхъ, еще и потому, что тѣ же фонари впослѣдствіи заговорили моей душѣ другимъ языкомъ и даже... этой же мечтательной игрой своихъ огоньковъ впослѣдствіи погнали меня изъ Петербурга...

Въ ту минуту я былъ счастливъ сознаніемъ молодости, здоровья, силы и ожиданій. Когда извозчики разъѣзжались, я пустился по площади въ сопровожденіи скромнаго прислужника изъ номеровъ въ домѣ Фредерикса[1], который несъ наши чемоданы, и Корженевскаго, который буквально держался за мой рукавъ.

[1] Кажется, впрочемъ, тогда онъ назывался иначе.

Только небольшой и, въ сущности, совершенно незначительный случай нѣсколько нарушилъ мое восторженное настроеніе. У самаго подъѣзда скромныхъ номеровъ, пріютившихся на задахъ великолѣпной «Сѣверной Гостинницы», я увидѣлъ въ окнѣ подвальной лавочки аппетитные караваи свѣжаго хлѣба. Спустившись туда, я спросилъ... французскую булку. Бородатый широкомордый пекарь, отрѣзавшій кому-то полъ-каравая, смѣрилъ меня холодно-насмѣшливымъ взглядомъ и сказалъ:

— Французскихъ булочекъ не имѣемъ-съ... Продаемъ русскій хлѣбецъ...

И онъ самъ, и два его молодца при этомъ посмотрѣли на меня такъ насмѣшливо, что... я сразу почувствовалъ себя точно выкинутымъ изъ Петербурга въ далекій глухой городишко съ заплеснѣвѣвшими прудами... И ярче всего мнѣ припомнился портной Шимко, такъ какъ несомнѣнно, что отчасти его творчеству я былъ обязанъ этими удивленно насмѣшливыми взглядами...

Но, это такой пустякъ!.. Какъ бы то ни было, я — въ Петербургѣ!..

XL

Я КИДАЮ ЯКОРЬ ВЪ СЕМЕНОВСКОМЪ ПОЛКУ

Я проснулся рано, кажется, отъ нестерпимаго восторга. Мой спутникъ еще спалъ. Я подошелъ босикомъ къ окну и выглянулъ на

улицу. Лиговка тогда представляла еще каналъ или, вѣрнѣе, гнилую канавку, черезъ которую на близкихъ разстояніяхъ были кинуты мостки. Небо было пасмурное, сѣрое. Такъ и надо: не даромъ же его сравниваютъ съ сѣрой солдатскою шинелью... Вотъ оно. Дѣйствительно, похоже. На верхушку Знаменской церкви надвигалась отъ Невскаго ползучая мгла. Превосходно. Вѣдь, это опять много разъ описанные «петербургскіе туманы». Все такъ! Я, несомнѣнно, въ Петербургѣ.

На столикѣ въ нашемъ номерѣ лежала небольшая книжонка съ планомъ города. Я жадно схватилъ ее и, неодѣтый, сталъ изучать улицы, по которымъ намъ нужно будетъ идти, чтобы разыскать ровенскихъ товарищей: Семеновскій полкъ, Малый Царскосельскій проспектъ, д. № 4, кв. 8. Когда Корженевскій всталъ, и мы напились чаю, я очень увѣренно повелъ его по Невскому проспекту. Онъ удивлялся, не довѣрялъ мнѣ и все останавливался, боясь «заблудиться».

— Послушайте, вотъ вы говорили — будетъ Аничковъ мостъ съ лошадьми. Гдѣ же они? Никакихъ лошадей нѣтъ.

— Вотъ и лошади, а это вотъ Александринскій театръ. Видите? А за нимъ мы свернемъ налѣво, по Садовой... Вотъ это публичная библіотека.

— Послушайте, — опять сомнѣвался онъ, — вотъ вы говорите — будетъ Сѣнная площадь... Идемъ, идемъ, а площади нѣту.

Но и площадь оказалась на мѣстѣ, что, правду сказать, и во мнѣ вызывало нѣкоторое ра-

достное удивленіе. Въ началѣ Обуховскаго проспекта, на Сѣнной стоялъ вагонъ конки. Онъ только-что пришелъ, и кучеръ переводилъ лошадей съ задняго конца на передній. Во мнѣ созрѣла дерзновенная рѣшимость сѣсть на верхушку. Не столько отъ того, что мои провинціальныя ноги уже чувствовали непривычную каменную мостовую, сколько для познанія всякаго рода петербургскихъ вещей, какъ сказалъ бы Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Корженевскій опять усомнился.

— Послушайте, что вы! Посмотрите: никто не садится... — говорилъ онъ тихо, останавливая меня за пальто. Но я отчаянно отмахнулся и сталъ подыматься по лѣсенкѣ.

Оба мы въ эту минуту немного напоминали г-на Голядкина изъ «Двойника» Достоевскаго, когда этотъ бѣдняга подымался на лѣстницу доктора Крестьяна Ивановича Рутеншпица. Корженевскій былъ Голядкинъ робкій и сомнѣвающійся въ своемъ правѣ, а я — Голядкинъ горделивый, увѣрявшій себя, что мы, «какъ и всѣ», не лишены права ѣхать на имперіалѣ этой великолѣпной конки.

Вагонъ тронулся. Направо — надпись: «институтъ инженеровъ путей сообщенія». Кто туда поступилъ изъ нашихъ? Кажется — никто. Мостъ. Фонтанка. Мы оба привстали и, вытягивая шеи, слѣдимъ за невиданнымъ зрѣлищемъ: подъ мостъ втягивалась барка, груженая дровами. Дальше — длинное зданіе «Константиновскаго военнаго училища». Сюда поступили два брата Заботины и Завердяевъ... А вотъ налѣво длинное зданіе съ красновато-

желтыми стѣнами. Сидѣвшій съ нами рядомъ молодой человѣкъ въ синей блузѣ, очкахъ, высокихъ сапогахъ и шапкѣ съ зеленымъ околышемъ, поднялся и быстро сошелъ по лѣсенкѣ. «Смотрите, смотрите! Это Технологическій институтъ...» Широкій фасадъ на углу двухъ улицъ. Положительно, зданія имѣютъ свою физіономію. Какая умная физіономія! Похожа... на что?.. На то, какъ я представлялъ себѣ директора Ермакова. Величаво и серьезно. У подъѣзда виднѣлись входящія, выходящія, останавливающіяся фигуры. Нашъ недавній сосѣдъ шелъ, точно домой, здороваясь и весело переговариваясь на ходу.

— Вотъ типичный студентъ, — сказалъ я Корженевскому. — И какая умная физіономія.

Впослѣдствіи я съ нимъ познакомился. Увы! еще разъ пришлось убѣдиться въ своей непроницательности. Юноша, дѣйствительно, былъ очень типиченъ и очень недалекъ.

Однако, оглядываясь на институтъ и пяля глаза по сторонамъ, я зазѣвался. Вагонъ, тихо погромыхивая, миновалъ роту за ротой и поровнялся съ небольшой часовенкой на углу двухъ улицъ... Я поднялся.

— Господинъ кондукторъ, это не Малый Царскосельскій? — спросилъ я съ тревогой.

— Онъ самый.

Я, какъ сумасшедшій, кинулся внизъ, увлекая встревоженнаго Корженевскаго... Часовенка осталась уже назади... Повернувшись къ ней лицомъ, я соскочилъ съ площадки вагона. Кто-то, будто, прихватилъ меня за пятки

и кинулъ на грязную мостовую. А вагонъ уплывалъ дальше, точно корабль, съ котораго человѣкъ упалъ въ море, и на задней площадкѣ я видѣлъ испуганное лицо моего спутника...

Кондукторъ позвонилъ и спустилъ бѣднягу не особенно любезно, пояснивъ, что прыгать надо впередъ.

Итакъ, — вотъ это уголъ Малаго и Большого Царскосельскихъ[1]. Часовня. Такъ. Она прописана въ запискѣ. Домъ номеръ второй... Мелочная лавочка... Домъ четвертый. Все такъ. Квартира 8, по этой вотъ лѣстницѣ...

— Ну, что! Видите, привелъ! — похвастался я передъ Корженевскимъ, который все-таки имѣлъ такой видъ, точно не вѣрилъ, что все это предпріятіе можетъ кончиться благополучно. Правду сказать, и мнѣ казалось все это маленькимъ чудомъ: недѣли три назадъ, въ Ровно, на мосту Сучковъ набросалъ въ моей записной книжечкѣ нѣсколько линій и цифръ. И теперь это все разворачивалось съ такой точностью вотъ въ эту часовенку, лавочку, дома съ тѣми самыми номерами... И черезъ минуту у насъ окажется свой человѣкъ, землякъ и товарищъ среди этого шумно-грохочущаго человѣческаго океана... А что, если мы позвонимъ, откроется дверь, и чужіе люди скажутъ намъ, что мы ошиблись? Никакого Гриневецкаго нѣтъ. А есть только все чужое, равнодушное, незнакомое. Вотъ только дернуть за звонокъ... Пожалуй, еще разсердятся...

---

[1] Теперь Забалканскій проспектъ.

Дверь открылась. Молодая горничная, которую мы приняли за «барышню», не разсердилась и не удивилась, а равнодушно отвѣтила, что Гриневецкій, Мирославъ Ивановичъ, живетъ здѣсь, но его нѣту дома. «Войдите, может скоро будутъ».

Въ просторной, но очень безпорядочно обставленной комнатѣ, куда мы вошли, было двое молодыхъ людей. Одинъ сидѣлъ на стулѣ. Далеко протянувъ ноги и закинувъ голову такъ, что видѣлся конецъ носа, онъ безпорядочно и неумѣло тренькалъ на гитарѣ. Другой у окна крутилъ папиросу, коси глаза на какую-то толстую книгу.

Нашъ приходъ не произвелъ на нихъ особаго впечатлѣнія. Гитаристъ еще нѣкоторое время перебиралъ струны, потомъ поднялся.

— Вы, вѣрно, Мирочкѣ будете ты-ывариши? — спросилъ онъ. Лицо у него было почти мѣдно-красное, не совсѣмъ чистое, и говорилъ онъ съ какимъ-то своеобразнымъ акцентомъ на *ы*, точно выдавливая слова.

— Да, мы изъ Ровно.

— Гы-ыварилъ онъ. Ды вотъ укрутило ево. Сами ждемъ.

— Шата-атся... долго что-то, — буркнулъ читающій и опять уткнулся въ книгу. Лицо послѣдняго показалось мнѣ необыкновенно интеллигентнымъ и серьезнымъ: крупныя черты, тонкіе усики надъ полными губами, раздвоенная бородка и темные густые волосы, закрывавшіе лицо, когда онъ наклонялся надъ книгой. Тогда дымъ проходилъ черезъ эти волосы, и мнѣ почему-то вспомнилось некрасовское:

«студентъ не будетъ посыпать твоихъ листовъ золой табачной». — «Настоящій, серьезный», — подумалъ я почтительно.

— Будемъ знакомы, — сказалъ молодой человѣкъ, тренькавшій на гитарѣ. — Никулинъ, Ардальонъ. Студентъ-технологъ.

— Веселитскій, — сказалъ пріятной грудной октавой другой.

Раздался опять звонокъ, и въ комнату вошелъ Гриневецкій. Это былъ высокій красавецъ, съ золотисто-русыми волосами, падавшими ему на плечи, и большими сѣрыми глазами. Въ бѣлой ризѣ онъ могъ бы сойти за Архангела въ какой-нибудь мистеріи. Такимъ, какъ теперь, въ пледѣ, небрежно кинутомъ на плечи, — онъ походилъ на нѣмецкаго художника временъ романтизма. Въ гимназіи онъ шелъ двумя классами впереди меня и считался звѣздой. Я смотрѣлъ на него снизу вверхъ, и теперь меня тронуло открытое радушіе, съ какимъ онъ насъ встрѣтилъ. Впрочемъ, радостное оживленіе тотчасъ же сошло съ его лица, и на немъ проступила забота. Скинувъ пледъ, онъ швырнулъ на постель какой-то свертокъ и зашагалъ по комнатѣ. Ступалъ онъ тихо, не стуча, а какъ-то шлепая по полу пятками. Приглядѣвшись, я убѣдился въ печальной истинѣ: каблуковъ въ сапогахъ вовсе не было, и на полу оставались сырые слѣды.

— Ну-съ, слѣ-ды-вательно, Мирочка? — протянулъ Ардальонъ Никулинъ, глядя на Гриневецкаго вопросительно.

— Слѣдовательно, ни черта! — сердито отвѣтилъ Гриневецкій.

— Ы-ыд-нако?

— Полтора, вотъ тебѣ и однако.

Ардальонъ громко и язвительно фыркнулъ...

— Пх-хы-ы... — исто-орія. Ды ты-ба, чудакъ, объяснилъ ему: вѣдь, только весной выкупили за восемь...

— Онъ говоритъ: поносите еще лѣто, и полтинника не дамъ.

— Резонъ, — спокойно сказалъ Веселитскій. Онъ все читалъ, какъ будто не интересуясь ни разговоромъ, ни послѣдствіями неудачи. А я почтительно догадался, что Гриневецкій, навѣрное, ходилъ въ кассу ссудъ, носилъ что-нибудь закладывать. Ожиданія обмануты, и теперь они въ безвыходномъ положеніи. Конечно. Можетъ ли быть иначе: студенты, интеллигентные пролетаріи! Еще это, кажется, называется «богема»... Въ Парижѣ есть Латинскій кварталъ... Тамъ тоже наука и нищета живутъ, какъ родныя сестры... Что, если бы...

Я посмотрѣлъ на моихъ новыхъ знакомыхъ. Сносно одѣтъ былъ только Никулинъ. Веселитскій былъ безъ сюртука, одинъ рукавъ рубахи не застегнутъ, карманы широкихъ брюкъ надорвались и оттопырились. Я подумалъ, что съ моей стороны, можетъ быть, не было бы дерзостью мечтать о томъ, чтобы примкнуть къ ихъ коммунѣ.

Дѣло это сладилось какъ-то само собой, легко и просто. Компанія, дѣйствительно, переживала кризисъ. Въ комнатѣ имъ уже отказали. Она была для нихъ слишкомъ дорога и роскошна. Въ томъ же домѣ освободилось подъ самой

крышей помѣщеніе какъ разъ для четверыхъ, и оно можетъ быть названо великолѣпнымъ литературнымъ словомъ «мансарда». За прежнюю квартиру осталось четыре рубля, а у компаніи ни копѣйки, ни чаю, ни сахару. Гриневецкій заходилъ къ Сушкову, на его прежнюю квартиру, въ четвертую роту, но онъ еще не пріѣхалъ.

Мои семнадцать рублей оказались цѣлымъ богатствомъ. Черезъ полчаса у нихъ весело кипѣлъ самоваръ, на столѣ былъ бѣлый хлѣбъ и колбаса, а подъ вечеръ мы перевезли наши чемоданы прямо въ «мансарду». Корженевскій къ намъ не примкнулъ. Побѣдивъ свою робость и разспросивъ, какъ это дѣлается, — онъ пустился по Семеновскому полку, читалъ билетики, осторожно подымался по лѣстницамъ, робко звонилъ, вѣжливо торговался и къ вечеру уже нанялъ себѣ дешевую и удобную комнату.

— А-аста-рожный молодой человѣкъ, — сказалъ Ардальонъ, — блы-ыгаразумный. Уклонился отъ зла и сотворилъ благо...

— Што-шъ, — серьезно подчеркнулъ Веселитскій. — И вѣрно... Съ нами тутъ тоже, братецъ... добра не наживешь.

И онъ махнулъ рукой. Мнѣ очень понравилась эта самообличительная фраза и серьезный тонъ, какимъ она была сказана... Но по существу я, конечно, былъ съ нею не согласенъ и чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Можно ли такъ сразу устроиться лучше.

Низкая комната, раздѣленная надвое деревянной переборкой. Небольшія квадратныя ок-

на. Уголъ потолка скошенъ, такъ какъ комната подъ крышей.

Мои новые товарищи давно легли, а я стоялъ у окна и смотрѣлъ... Таинственная мутная тьма. Безпорядочные огни; гдѣ-то надъ трубой высокой тонкой красный огонь, гдѣ-то свистокъ паровоза, и цѣпочка огней бѣжитъ по равнинѣ... Что окажется днемъ въ этомъ туманномъ хаосѣ изъ темноты, огней и тумана? Конечно, что-то превосходное, необычайное, неожиданное.

Спать мнѣ опять не хотѣлось. Сонъ вытѣснялся почти восторженной радостью. Я въ Петербургѣ, въ Семеновскомъ полку, въ «мансардѣ» подъ крышей, съ тремя товарищами-студентами... Я подсѣлъ къ деревянному простому столу и сталъ писать письмо брату. Мнѣ хотѣлось отсюда, съ этой великолѣпной «мансарды», закинуть въ далекій бѣдный городишко переполнявшія меня чувства. «Да, мнѣ везетъ необычайно. Сразу же я успѣлъ устроиться среди интеллигентныхъ пролетаріевъ, живущихъ, какъ птицы небесныя. Мои новые товарищи — народъ великолѣпный. Гриневецкаго ты помнишь, только между теперешнимъ Гриневецкимъ и тѣмъ, какого мы знали въ Ровно, отношеніе такое же, какъ между скромнымъ гимназистомъ и типичнымъ студентомъ. Онъ возмужалъ и развернулся. Никулинъ — не особенно привлекателенъ по наружности, но очень своеобразенъ. Превосходный знатокъ философіи. Цитируетъ Льюиса, а передъ Куно-Фишеромъ преклоняется. Но, кажется, самый замѣчательный изъ этой ком-

паніи — Василій Ивановичъ Веселитскій. Онъ костромичъ, сынъ священника, изъ семинаровъ. Въ немъ чувствуется разночинецъ, типъ Помяловскаго, только безъ болѣзненной рефлексіи, уравновѣшенный, спокойный, увѣренный. Говоритъ мало, съ костромскимъ акцентомъ на а (шата́-атся, гуля-атъ), серьезно и вѣско. Другіе называютъ его Васькой и слегка надъ нимъ посмѣиваются. Онъ относится къ этому философски, и мнѣ чувствуется въ немъ еще невысказавшаяся, крупная сила, которой суждено когда-нибудь проявиться чѣмъ-нибудь поразительнымъ. Онъ постоянно читаетъ, почти не отрываясь отъ книги. Когда мы переносились въ свою новую комнату, — онъ предоставилъ намъ всѣ хлопоты, а самъ захватилъ только книги, и мы его застали уже у подоконника, опять за чтеніемъ. Крутитъ и муслитъ папиросу, а глаза скошены на раскрытыя страницы. Точно онъ вѣкъ живетъ здѣсь и читаетъ. И знаешь, что именно онъ читаетъ такъ внимательно? Я заглянулъ, когда онъ ненадолго вышелъ въ другую комнату. Представь: календарь Германа Гоппе. Раскрыто было на отдѣлѣ «Статистика. Пространство и народонаселеніе». И въ другой разъ: «Санитарныя условія Петербурга». Тутъ же лежитъ толстая книга «Уложеніе о наказаніяхъ». Почитаетъ одну, отодвинетъ, заглянетъ въ другую. Углубится, обдумаетъ что-то и опять придвинетъ первую. Очевидно находитъ какія-то непонятныя связи между санитарнымъ состояніемъ Петербурга и уложеніемъ о наказаніяхъ. И, конечно, такія связи есть. Очевидно, этотъ

своеобразный умъ идетъ какими-то своими оригинальными путями»...

Кончилъ я поздно. И когда потушилъ свѣчу, то долго еще улыбался въ темнотѣ, подъ храпъ товарищей. Громче всѣхъ храпѣлъ Ардальонъ. За нимъ Веселитскій подхрапывалъ какъ-то особенно солидно, пріятно.

Утро было только продолженіемъ того же восторженнаго настроенія. Въ квадратныя окошки искоса и игриво заглядывало солнце, и улица вся оглашалась разнообразными и очень музыкальными криками. Тогда петербургскія улицы были гораздо пѣвучѣе, чѣмъ теперь. Звонкій женскій голосъ пѣлъ: «клюква яг-года, клюква!» Мужской баритонъ: «Точить ножи, ножницы, бритвы править!» Солидная низкая октава тянула что-то длинное и, какъ будто, печальное, кончавшееся словами: «Що-отки половыя». Наконецъ, горловой голосъ татарина кидалъ кверху, точно орлиный клекотъ: «Хал-лятъ, хал-лятъ!»

А когда по улицѣ громоздко проѣзжали тяжелые возы, то нашъ домъ весь вздрагивалъ мелкою дрожью и чуть-чуть позванивали стекла. Я знаю: вѣдь, это Петербургъ, городъ, построенный на зыбкихъ болотахъ.

Изъ окна характерный видъ петербургской окраины — крыши, пустыри, дворы, заводскія трубы. Надъ деревянными домишками высились каменныя громады, виднѣлись полукруглые резервуары газоваго завода, скучные фасады фабрикъ. Далѣе у горизонта лежала полоса деревьевъ, и на солнцѣ среди нихъ свер-

кали стѣны церквей. Это было Волково кладбище.

Мнѣ казалось, что все это — и пѣвучіе крики разносчиковъ, и заводскіе гудки, и торопливые свистки паровозовъ на вѣткѣ, соединяющей Николаевскую дорогу съ Царскосельской, — имѣетъ какое-то отношеніе къ моему пріѣзду... Все, какъ будто, радуется вмѣстѣ со мною.

XLI

Я УВЛЕКАЮСЬ ТЕХНОЛОГІЕЙ

Зданіе института кишѣло, какъ муравейникъ, хотя лекціи еще не начинались.

Въ то время выпускъ за выпускомъ кончали реалисты и все это хлынуло въ техническія заведенія. Центръ тяжести студенческой жизни замѣтно перетягивался съ Васильевскаго острова къ Измайловскому и Семеновскому полкамъ. Въ одинъ Технологическій институтъ въ тотъ годъ поступило на первый курсъ полторы тысячи человѣкъ, и вся эта масса еще до 15-го августа наполнила коридоры, канцеляріи, чертежныя. Земляки назначали здѣсь первыя свиданія, встрѣчались послѣ каникулъ прежніе товарищи, получали письма, записывали адреса, брали въ канцеляріи виды на жительство, занимали мѣста въ чертежныхъ.

Студенческая толпа того времени совершенно не походила на нынѣшнюю. Формы не было. Костюмы были самые разнообразные, но преобладали высокіе сапоги и сѣрыя или синія

блузы съ ременными кушаками. Блузы бывали щегольскія, съ расшитыми карманами, въ которыхъ утопали золотыя цѣпочки, и ихъ перехватывали широкіе спортсмэнскіе пояса. Но большей частью это были блузы простыя, покупаемыя по 60 или 75 копѣекъ въ Александровскомъ рынкѣ, подпоясанныя узкими ремешками. Такъ какъ институтъ былъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, то къ этому костюму студенты прибавляли порой фуражки съ зелеными околышами.

Но и безъ этой фуражки студента-технолога можно было узнать на улицѣ. Общій видъ этой студенческой толпы былъ демократическій. Много длинныхъ шевелюръ, очковъ и пледовъ. Надъ всей этой пестротой лицъ, фигуръ, костюмовъ зарисовывался, какъ будто, общій типъ, и я съ радостью ловилъ въ немъ странно-знакомыя черты... Крѣпкій и грубоватый заводскій рабочій, съ интеллигентнымъ лицомъ и «печатью мысли». Тотъ самый идеальный молодой человѣкъ, какого я выдумалъ послѣ чтенія Шпильгагена. Герой изъ «Между молотомъ и наковальней», съ высотъ культуры сходящій въ рабочую среду... Связь двухъ міровъ, рабочій интеллигентъ или интеллигентный рабочій.

Я шелъ съ Гриневецкимъ по коридору, и глаза у меня разбѣгались, восторженно ловя детали этого новаго міра. Гриневецкаго окликнули. Ему протягивалъ руку высокій блондинъ, съ крупными чертами лица и съ ухватками добродушнаго медвѣдя; его сѣрая блуза носила слѣды замытыхъ масляныхъ пятенъ.

Онъ крѣпко потрясъ руку Гриневецкаго и сказалъ:

— Здравствуйте. Ну, что, какъ живется? Что дѣлали на каникулахъ?

Гриневецкій слегка покраснѣлъ. Они были вмѣстѣ на первомъ курсѣ. Теперь этотъ русый богатырь перешелъ уже на третій.

— Ничего... — отвѣтилъ Гриневецкій и спросилъ въ свою очередь: — а вы?

— Я ѣздилъ на паровозѣ въ Полѣсье, съ балластными поѣздами... Для практики.

— Трудно?

— Ничего. Я здоровъ. Сначала кочегаромъ, потомъ помощникомъ машиниста. Интересно.

Около насъ образовался кружокъ. Другіе тоже были на разныхъ «практикахъ»: простыми рабочими, табельщиками, монтерами. «Хожденія въ народъ» съ политическими цѣлями тогда еще не было. Студентовъ принимали охотно, покровительствовали имъ, ничтожныя жалованья увеличивали умѣренными «наградами». Возвращались студенты съ большимъ запасомъ впечатлѣній и съ небольшими деньгами на первое время. Я жадно прислушивался къ этимъ разсказамъ, отъ которыхъ на меня вѣяло трезвою бодростью и вмѣстѣ — отголосками моей мечты.

Все огромное зданіе казалось приспособленнымъ къ выработкѣ именно этого интеллектуальнаго типа, создавало его атмосферу и обстановку. На стѣнахъ таблицы съ чертежами и элементами машинъ. Огромные винты, вычерченные по точно вычисленнымъ кривымъ, рычаги, кривошипы, валы, маховыя колеса,

эксцентрики. Изъ цифръ рождаются линіи, изъ линій возникаютъ формы. Вотъ онѣ уже окрашиваются въ цвѣта чугуна, желѣза и мѣди, облекаются своей металлической плотью, выстраиваются молчаливыми моделями... Воображеніе невольно бѣжитъ дальше, туда, гдѣ онѣ грохочутъ на фабрикахъ, летятъ по рельсамъ. Тяжко и размѣренно дышатъ паровики, взадъ и впередъ движутся поршни, дребезжатъ зубчатки, вѣтеръ летитъ отъ маховыхъ колесъ, поѣзда мчатся по безконечнымъ равнинамъ... И около этой стихіи движутся люди, — сотни тысячъ, огромный невѣдомый рабочій народъ, загадочнымъ обликомъ котораго заинтересована вся литература...

Все это, конечно, не въ такихъ точныхъ понятіяхъ, общо и смутно, но сильно овладѣвало моимъ воображеніемъ. Огромное зданіе, наполненное говоромъ и шумомъ, смѣхомъ и гуломъ разговоровъ, казалось мнѣ тоже чѣмъ-то въ родѣ интеллектуальной фабрики, вырабатывающей новаго человѣка для новой жизни. Образъ адвоката на каѳедрѣ, въ черномъ фракѣ, съ выразительными жестами обращающагося къ судьямъ, — какъ-то сразу поблѣднѣлъ въ моихъ глазахъ по сравненію съ колоритной фигурой «технолога». Почему, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ стать непремѣнно адвокатомъ? Развѣ все, что я здѣсь вижу, чувствую, угадываю, — не интереснѣе? Развѣ не поэма — этотъ переходъ отвлеченной математической формулы въ тяжелую машину, покорную движенію человѣческой воли?.. Тяжкая работа скованной металломъ стихіи... Власть ума надъ безмыслен-

ной силой природы и... неясное, но заманчивое участіе въ стихійной жизни милліонной рабочей массы.

Ни «хожденія въ народъ», ни готовыхъ народническихъ программъ тогда еще не было. Это стихійно носилось въ воздухѣ, возникая изъ общей интеллектуальной атмосферы того поколѣнія.

По коридорамъ, а затѣмъ черезъ дворикъ, гдѣ дымила труба и бойко вылетали шипящія струйки бѣлаго пара, Гриневецкій провелъ меня въ мастерскія. Здѣсь работали студенты и простые рабочіе, подъ руководствомъ мастеровъ. Студенты выбирали мѣста и записывались, переговариваясь съ знакомыми по прошлому году сосѣдями. Пахло машиннымъ масломъ, вертѣлись валы, волнуясь, бѣжали въ воздухѣ безконечные ремни, легко повизгивалъ супортъ токарнаго станка. Въ тискахъ виднѣлись красиво выпиливаемыя гайки, металлическія формы, возникающія изъ безформенныхъ обрубковъ.

Гриневецкій и тутъ встрѣтилъ знакомыхъ. Пока онъ разговаривалъ съ ними, я стоялъ въ мастерской, слѣдя за ея своеобразной жизнью. Подъ слитное жужжаніе шкивовъ и движеніе ремней, мое подвижное воображеніе уносилось далеко отъ данной минуты... Еще нѣсколько лѣтъ... Я овладѣю техникой, выработаюсь въ такого же умнаго и крѣпкаго рабочаго, какъ этотъ полѣсскій практикантъ. Живу въ рабочей казармѣ, среди простыхъ, суровыхъ, но добрыхъ людей. Въ свободные часы читаю имъ умныя книги, говорю о наукѣ, о какомъ-то, теперь еще и для меня неясномъ, но луч-

шемъ устройствѣ жизни. Всѣ должны быть равны, всѣ братья... Подходитъ моя рабочая очередь. Я надѣваю кожаную куртку и становлюсь на площадку паровоза. Перевожу рычагъ. Клокочетъ паръ, стучатъ и лязгаютъ буфера, тяжело ворочаются колеса. Быстрѣе, быстрѣе. Огромный тяжкій поѣздъ, съ сотнями людей, везущихъ куда-то свои радости и горе, свои надежды и стремленія, летитъ на встрѣчу буйному вѣтру, поглощая пространство... Гулкій свистокъ кричитъ «прочь съ дороги» всему, что можетъ быть еще тамъ, впереди... Мелькаютъ мимо разноцвѣтные сигнальные огоньки, столбы, мостики, будки... Деревья, точно скошенныя, валятся назадъ, огоньки деревень вспыхиваютъ по сторонамъ и проваливаются въ сумеречную тьму...

Маленькая станція. Остановка. Дебаркадеръ, освѣщенный фонарями. Машинистъ заботливо осматриваетъ паровозъ, смотритъ манометръ, пробуетъ рычаги. Публика прохаживается въ ожиданіи звонка. Къ паровозу подходитъ нарядная дама объ руку съ важнымъ господиномъ. Это, конечно, она, пренебрегшая тихой, но глубокой любовью скромнаго гимназиста. Съ выраженіемъ празднаго мимолетнаго интереса она заглядываетъ въ будку паровоза... Что-то въ лицѣ загорѣлаго человѣка въ кожаной курткѣ привлекаетъ вниманіе дамы, будитъ неясныя воспоминанія... Но приглядываться некогда. Звонокъ. Они уходятъ. Поѣздъ опять ныряетъ въ темноту ночи. Изъ окна перваго класса задумчиво смотритъ женское лицо. *Она* и не подозрѣваетъ, что ихъ

жизнь, надежды, счастіе — въ рукахъ этого человѣка въ кожаной курткѣ, тамъ, въ головѣ поѣзда, у пышущей огнемъ топки паровоза. Она можетъ спать спокойно. Машинистъ зорко смотритъ впередъ, на далекіе сигнальные огни, и твердой рукой держитъ рычагъ. Вонъ впереди туманное зарево. Огни... Какой-то городъ. Тутъ ихъ дороги расходятся. Она пойдетъ своимъ широкимъ путемъ, къ свѣтлымъ вершинамъ жизни. Его путь не туда... Онъ понесется дальше, въ тьму и ненастье, все впередъ и впередъ, навстрѣчу невѣдомой новой жизни... И свѣтятъ ему тамъ, впереди, лишь скромные огоньки убогихъ избъ, гдѣ живутъ въ нуждѣ и горѣ простые и темные люди...

Гриневецкому пришлось сильно дернуть меня за рукавъ, чтобы вернуть къ дѣйствительности изъ дальняго путешествія на паровозѣ. Когда мы вернулись опять въ главный корпусъ, — въ одномъ изъ музеевъ меня поразила новая сцена. Высокій молодой человѣкъ, въ черномъ сюртукѣ и золотыхъ очкахъ, стоялъ среди группы заинтересованныхъ студентовъ и, держа руку на головкѣ какого-то цилиндрическаго чугуннаго сооруженія, — разсказывалъ объ его устройствѣ и дѣйствіи. Видъ у него былъ совершенно профессорскій, и я очень удивился, узнавъ, что это только студентъ четвертаго курса. Онъ изобрѣлъ какую-то печку съ спеціальными техническими цѣлями. Модель ея была изготовлена въ мастерскихъ, и вскорѣ предстояла демонстрація новаго изобрѣтенія...

— Первый поясъ, — говорилъ молодой ученый, глядя безстрастнымъ взглядомъ куда-то

поверхъ головъ своихъ слушателей, — соотвѣтствуетъ зонѣ подготовленія въ доменной печи... Онъ доходитъ отъ колосниковъ вотъ сюда, приблизительно до одной трети. Второй — зона возстановленія. Здѣсь, какъ извѣстно, углекислота, дѣйствуя на раскаленный уголь...

Я ничего не понималъ въ этой лекціи, но красивая, чисто интеллигентная фигура лектора, съ тонкими чертами и необыкновенно выразительными черными глазами на блѣдномъ лицѣ, въ свою очередь, завладѣвала моимъ воображеніемъ. Въ идеальномъ образѣ моего современника наскоро производились нѣкоторыя усовершенствованія по новому плану. Что, если бы черезъ нѣсколько лѣтъ онъ... вотъ такъ же, какъ этотъ молодой человѣкъ съ одухотвореннымъ лицомъ творца-изобрѣтателя... Но дальнѣйшій полетъ фантазіи наткнулся тотчасъ же на явную несообразность. Черезъ нѣсколько лѣтъ... Точнѣе — черезъ четыре года... Нѣтъ, совершенно невѣроятно. Такіе люди, очевидно, созданы изъ другого тѣста. А мы въ своей гимназіи надъ гніющими прудами учились кое-какъ, безъ одушевленія, безъ искренняго стремленія къ знанію... Я опять казался себѣ такимъ маленькимъ и тусклымъ...

Уходилъ я въ этотъ первый день изъ института съ самымъ возвышеннымъ представленіемъ о студенчествѣ и съ самымъ печальнымъ о себѣ. У самаго выхода я столкнулся съ юношей моего возраста, очевидно, тоже новичкомъ. Онъ былъ моего роста, безусый и одѣтъ

смѣшно, какъ и я. На немъ была сѣрая шинель, на которой гимназическія пуговицы были спороты и замѣнены черными кожаными. Наши взгляды какъ-то значительно встрѣтились. Казалось, мы оба, какъ въ зеркалѣ, увидѣли другъ въ другѣ свое отраженіе и оно намъ обоимъ не нравилось. «И этотъ тоже... студентъ!» прочиталъ я собственную мысль въ его недружелюбномъ взглядѣ.

Нѣтъ, никогда мнѣ, кажется, не сдѣлаться настоящимъ студентомъ, — думалъ я уныло. Гриневецкій тоже какъ-то померкъ: встрѣчи съ бывшими товарищами напомнили ему о двухъ напрасно ушедшихъ годахъ. На улицѣ моросилъ тонкій пронизывающій дождикъ. Утромъ было тепло, и я вышелъ безъ пальто, въ одномъ лѣтнемъ костюмѣ, работы почтеннаго ровенскаго Шимка. Пиджачекъ букетиками промокъ и облипъ на мнѣ, какъ тряпка. Я проклиналъ его. Мнѣ вспомнились патетическія слова Гейне о нанковыхъ панталонахъ... «Молодой человѣкъ сидитъ и спокойно пьетъ кофе, а между тѣмъ, въ широкомъ, отдаленномъ Китаѣ растетъ и цвѣтетъ его гибель. Тамъ она прядется и ткется и, несмотря на высокую стѣну, находитъ дорогу къ молодому человѣку. Онъ принимаетъ ее за пару нанковыхъ панталонъ, беззаботно надѣваетъ и дѣлается несчастнымъ». Такъ и я беззаботно надѣлъ въ Ровно этотъ костюмъ, и съ тѣхъ поръ всѣ замѣчаютъ прежде всего, что я смѣшонъ. Точно онъ сшитъ съ заклятіемъ: дѣлать изъ своего обладателя мокрую курицу, мѣшать превращенію жалкаго ровенскаго гимназиста

во взрослаго и «типичнаго» петербургскаго студента...

Въ этотъ или одинъ изъ ближайшихъ дней мы съ Гриневецкимъ шли въ Александровскій рынокъ за какими-то покупками. Теплый дождь опять поливалъ насъ на первой ротѣ, на Фонтанкѣ, на Вознесенскомъ. Я опять чувствовалъ себя мокрой курицей, когда навстрѣчу намъ попался Зубаревскій. Я полюбилъ эту фигуру и встрѣчалъ его, точно родного. Онъ былъ все въ томъ же заношенномъ, рыжемъ пальтишкѣ. Оно тоже обмокло, и тоже облипло на плечахъ, а съ некрасиво обвисшихъ полей его шляпенки стекали капли дождя. Но онъ не замѣчалъ этого. Онъ весь былъ поглощенъ разговоромъ съ какимъ-то товарищемъ, и оба они шли подъ дождемъ такъ царственно беззаботно, точно не было ни дождя, ни шлепающихъ лужъ, ни облипшихъ пальтишекъ, ни смѣшныхъ промокшихъ шляпенокъ. Я радостно поздоровался съ нимъ и нѣкоторое время съ восхищеніемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ... Вѣдь, вотъ и онъ плохо одѣтъ и нисколько не подходитъ къ эстетическому типу студента. Но, очевидно, совершенно свободенъ отъ угнетающаго меня чувства. Почему это? Потому, что онъ совсѣмъ не думаетъ о внѣшности, а думаетъ о другомъ, о внутреннемъ, о важномъ... Значитъ, и мнѣ нужно забыть о внѣшности и думать только о важномъ, добиваться того, что составляетъ лучшую сущность этой новой жизни.

Около одной лавченки или даже, кажется, лотка Гриневецкій остановился и сказалъ:

— Знаешь что: купи себѣ технологическую фуражку.

Мы купили ее за полтинникъ. Торговецъ завернулъ въ бумагу мою мокрую шляпу, а я надѣлъ на голову фуражку съ зеленымъ околышемъ. «Не надо бы и этого», — подумалъ я про себя, но не устоялъ противъ соблазна: видно все-таки, что и я принадлежу къ великой корпораціи, а тамъ — какъ кому угодно. Потомъ мы купили еще удобную и дешевую сѣрую блузу, кажется, за 75 копѣекъ. Послѣ этого я уже не помню, чтобы меня тяготилъ вопросъ о костюмѣ...

XLII

ЛЕГКОЕ УВЛЕЧЕНІЕ ВЪ СТОРОНУ

До начала серьезныхъ занятій пріѣзжая молодежь цѣлыми стадами бродила по Петербургу. Знакомились со столицей, разыскивали товарищей, причемъ каждая встрѣча за гранью привычной жизни казалась особенно интересной и значительной... Заходили во дворы-колодцы, поднимались по лѣстницамъ, врывались въ меблированныя комнаты, наполняя ихъ шумомъ и преувеличенной развязностью новичковъ, подражающихъ опытнымъ старожиламъ. Толкались по панелямъ освѣщенныхъ улицъ, завязывали случайныя знакомства, кое-гдѣ нарывались на легкіе скандалы и съ гордостью разсказывали объ этомъ другъ другу...

Однажды громкимъ стукомъ въ двери запертаго номера (въ знаменитомъ домѣ Яковлева на Садовой), — гдѣ жилъ товарищъ Заруцкій, — мы заставили открыть ихъ. Заруцкій открылъ, неодѣтый, немного сконфуженный и испуганный. Потомъ всѣ дружно расхохотались: у ширмы, загораживавшей постель, стояла пара женскихъ ботинокъ... Черезъ четверть часа номерной подалъ самоваръ, принесъ булокъ, и вся компанія, шумно переговариваясь, пила чай, который разливала наскоро одѣвшаяся случайная хозяйка съ улицы...

Это была грязь и безстыдство, но безстыдство какое-то непосредственное, открытое, почти безгрѣшное. Въ немъ не было еще рефлексіи, оно скользило, не затрогивая совѣсти. Тогда не было, или почти не было ни такъ называемаго «полового вопроса» въ литературѣ, ни анкетъ по этому вопросу среди учащейся молодежи. Взрослые, по большей части, говорили съ юношами объ этихъ предметахъ просто, какъ объ обычныхъ житейскихъ дѣлахъ, а нѣкоторые учителя совершали съ только что окончившими гимназистами самыя рискованныя экскурсіи. Еще недавно этимъ юношамъ нельзя было курить. Это воспрещалось гимназическими правилами. Теперь учитель либерально протягивалъ юношѣ портсигаръ... Гимназическое правило исчезло. Другого въ глазахъ «средняго мущины» не было... И юноши спѣшили пользоваться свободой... Самое большее, что у насъ было — это инстинктивная стыдливость, безсознательный остатокъ семейныхъ вліяній...

Только впослѣдствіи, когда въ студенческую среду хлынуло такъ-называемое «движеніе», оно, наряду съ общественной нравственностью, затронуло и расшевелило смежные вопросы личной морали.

Роковой вопросъ не рѣшенъ, конечно, и теперь. Но онъ поставленъ. Явился стыдъ, рефлексія, сомнѣніе въ правѣ. И это, конечно, большой шагъ впередъ...

. . . .

Въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ цѣлой компаніей мы отправились въ танцклассъ господина Марцинкевича. Это почтенное учрежденіе, хотя подъ другимъ названіемъ, существуетъ, кажется, и въ настоящее время на томъ же мѣстѣ, на углу Гороховой и Фонтанки. Подъѣздъ его, освѣщенный электричествомъ, такъ же торжественно обтянутъ полосатымъ тикомъ.

За входъ брали тогда дешево, что-то около 30 копѣекъ, но тщательно слѣдили, чтобы костюмы «гостей» были приличны. Впрочемъ, приличіе понималось довольно широко. Для студентовъ дѣлалось исключеніе. Не допускали, помнится, только высокихъ сапогъ...

Мы пришли еще сравнительно рано. По ярко освѣщеннымъ заламъ бродили великолѣпныя, какъ мнѣ показалось, дамы, и я былъ очень удивленъ, когда одна изъ нихъ безъ церемоніи усѣлась на колѣни къ незнакомому Гриневецкому. Это была совсѣмъ еще молоденькая блондинка, съ шрамомъ на лицѣ, который прида-

валъ странную оригинальность ея почти дѣтскимъ чертамъ.

Манеры у нея были, точно у красиво-ласковой кошечки, она слегка картавила и безъ церемоніи звала «красавчика студента» къ себѣ на Большую Гребецкую.

Гости начали съѣзжаться, становилось шумнѣе. Къ намъ подошелъ и, поздоровавшись съ Гриневецкимъ, усѣлся рядомъ на стулѣ молодой человѣкъ, одѣтый съ небрежнымъ изяществомъ. Съ Гриневецкимъ онъ заговорилъ по-польски, съ пѣвучимъ варшавскимъ акцентомъ. Въ тѣ годы въ Технологическомъ институтѣ было много студентовъ-варшавянъ. Въ аудиторіяхъ то и дѣло перелетали звонкія польскія фразы, выдѣлявшіяся на фонѣ русскаго говора, какъ и «культурныя» фигуры поляковъ на сѣромъ фонѣ русскаго студенчества. Они лучше одѣвались, и въ ихъ манерахъ сквозилъ особенный варшавскій шикъ, пренебрежительно щеголеватый. Подошедшій къ намъ студентъ являлся даже нѣсколько преувеличеннымъ выраженіемъ этого варшавскаго типа. У него была лѣнивая походка, черные волосы съ проборомъ à la capoul красивыми кольцами спускались на лобъ. Легкая полупрезрительная улыбка какъ будто застыла на губахъ, въ уголкѣ которыхъ онъ держалъ большую сильно накуренную сигару... Онъ тотчасъ заговорилъ съ дѣвушкой. Самъ не сказавъ ни одного грубаго слова, онъ очень комично вызывалъ ее на двусмысленности и даже не смѣялся, а только поощрялъ ее съ ласковымъ пренебреженіемъ. Отъ нечего дѣлать, онъ игралъ съ нею, какъ

съ занятной кошкой или комнатной собачонкой. Но вдругъ, среди разговора, вскинулъ пенснэ и заинтересованно повернулся къ дверямъ.

Въ залъ входила новая пара. Какой-то плотный господинъ въ штатскомъ велъ подъ руку молоденькую дѣвушку. Въ немъ можно было угадать не то крупнаго коммерсанта, не то виднаго чиновника, привыкшаго властовать и приказывать. Лысый черепъ, крупная нижняя челюсть, толстая красная шея, сильно нафабренные усы и выраженіе грубой надменности въ лицѣ придавали этой крупной банальной фигурѣ что-то непріятное, но вмѣстѣ дѣлали ее раздражающе замѣтной. Его дама была одѣта съ бьющей въ глаза роскошью. На ней было свѣтло-розовое шелковое платье, съ бѣлой мѣховой оторочкой кругомъ глубокаго декольте. Прекрасное лицо полу-ребенка, каштановые волнистые волосы, слегка надменное выраженіе, — все показалось мнѣ обаятельно-чистымъ, свѣжимъ и невиннымъ. Въ груди шевельнулось что-то, — смутное сходство, волнующее воспоминаніе. Я наклонился къ Гриневецкому и сказалъ тихо:

— Послушай, Мирочка... Здѣсь, значитъ, бываютъ и порядочныя женщины.

Полякъ, сидѣвшій по другую сторону Гриневецкаго, поправилъ пенснэ и комично приподнялъ бровь.

— Неофитъ? — тихо спросилъ онъ у Гриневецкаго. — A to dopiero smieszny facetus z tego pana (какой смѣшной господинъ).

Но тотчасъ же, очень вѣжливо повернувшись прямо ко мнѣ, сказалъ:

— Это, если вамъ угодно знать, — Галька изъ Влодавы. Я зналъ ее еще въ крулевствѣ. Галька, Галечка, Галина!

И, глядя въ упоръ на подходившую къ намъ пару, — онъ сказалъ, не повышая и не понижая голоса:

— Знаете, зачѣмъ она сюда явилась? Чтобы показать своего... вотъ этого... И чтобы вотъ такія бѣдняжки (онъ съ презрительной безцеремонностью взялъ за подбородокъ свою молоденькую собесѣдницу) завидовали ея шелковому платью... А? Что, неправду я говорю?..

— Ишь... фигуряетъ, — съ нескрываемой завистью сказала дѣвушка...

Господинъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ. Красивая головка его дамы вскинулась еще надменнѣе...

И они прошли дальше, привлекая общее вниманіе...

Въ этомъ вниманіи, повидимому, было что-то особенное, вызывавшее легкое безпокойство. Господинъ, поворачивая назадъ, что-то шепнулъ своей дамѣ. Она «покраснѣла» и чуть замѣтно кивнула головой... Повидимому, они рѣшили уѣхать...

Когда они поравнялись опять съ нашими стульями, студентъ вынулъ изо рта сигару, посмотрѣлъ на нее, какъ будто, съ сожалѣніемъ и вдругъ неожиданнымъ движеніемъ бросилъ передъ собой, какъ бы не замѣчая проходящихъ. Дама испуганно вскрикнула. Мелькнувъ въ воздухѣ, сигара ударилась въ приподнятый вѣеръ. Горячая зола просыпалась на обнаженное плечо и за корсажъ. Дама вы-

дернула свою руку изъ-подъ руки кавалера и побѣжала въ уборную.

Все это сдѣлалось такъ быстро, что ея кавалеръ не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ оглянулся съ недоумѣніемъ на смѣющихся кругомъ гостей и потомъ повернулся къ студенту... Молодой человѣкъ сидѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало, все въ той же позѣ, съ протянутыми впередъ ногами и даже заложилъ руки въ карманы. Господинъ посмотрѣлъ на него съ тупо-недоумѣлымъ бѣшенствомъ... Мгновеніе казалось, что этотъ грузный человѣкъ обрушится на своего изящнаго некрупнаго противника. Но вдругъ онъ повернулся и пошелъ навстрѣчу дамѣ, которая вышла изъ уборной, закрывая платкомъ заплаканное лицо. Онъ подалъ ей руку, и они прошли по залу, среди наглаго хохота, свиста, циничныхъ замѣчаній и ругательствъ... Въ залу вбѣжалъ полный господинъ во фракѣ, самъ Марцинкевичъ или его управляющій, и, тревожно оглядываясь, говорилъ:

— Господа, господа... Пожалуйста, у насъ приличное заведеніе... Скандаловъ дѣлать нельзя... Господа, прошу покорно...

Съ эстрады, по его знаку, грянулъ ритурнель... Танцоры кинулись приглашать дамъ и занимать мѣста. Публика отхлынула къ танцующимъ, и черезъ минуту въ залѣ начался бѣшеный, невообразимый шабашъ. Наемные канканеры сразу и, вѣроятно, нарочно взяли самый разнузданный темпъ. Взлетали кверху ноги и извивались туловища, подымались кверху и вѣяли въ воздухѣ юбки. Мужчины, нару-

мяненныя женщины, красивыя дѣвушки, почти подростки бѣшено кружились, налетали другъ на друга съ циническимъ хохотомъ. Хлестали по воздуху отвратительныя взвизгиванія, дрожало пламя лампъ, звенѣли стеклянныя подвѣски канделябръ, оркестръ скакалъ въ изступленномъ бѣшенствѣ, подхлестывая изступленныхъ людей. Съ лѣстницы входили полицейскіе, встрѣченные хохотомъ, свистками, мяуканіемъ. Оскорбленный студентомъ господинъ шелъ вмѣстѣ съ ними, оглядываясь по сторонамъ и впиваясь въ толпу гнѣвно выпученными глазами. Между тѣмъ, въ сосѣдней залѣ закипалъ новый скандалъ. Какой-то невзрачный господинъ, похожій на простого русскаго приказчика, выпившій и верткій, какъ обезьяна, кинулъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ въ цилиндръ высокаго, прямого, какъ палка, господина, который одиноко фланировалъ по заламъ, держа цилиндръ назади. Монеты громко звякнули, а когда господинъ рѣзко повернулся, онѣ покатились по полу. Для г-на Марцинкевича выдался тревожный вечеръ. Опять смѣхъ, крики, свистки...

Мы, нѣсколько новичковъ, инстинктивно собрались около Гриневецкаго, который оглядывался съ характерной озабоченностью въ выразительно выпуклыхъ глазахъ.

— Пойдемъ, господа... Будетъ огромный скандалъ. А этотъ франтъ, Лазовскій, чортъ бы его побралъ, сидѣлъ съ нами...

Мы торопливо спустились внизъ, когда наверху появилась фигура Лазовскаго. Тамъ, въ залахъ, его разыскивали, а онъ стоялъ на пло-

щадкѣ, такой же щеголеватый и презрительно спокойный. Не торопясь, онъ раскуривалъ сигару отъ спички, которую ему почтительно подалъ официантъ. Закуривъ, онъ сталъ тихо спускаться по ступенямъ, между тѣмъ, какъ швейцаръ торопливо снималъ съ вѣшалки его пальто.

Безконечный дождь тихо моросилъ съ мутнаго неба, закрытаго мглистымъ заревомъ фонарей. Къ освѣщенному подъѣзду подкатывали рысаки и извозчики. Щеголеватые господа подавали руки дамамъ, которыя, поддерживая шлейфы, соскакивали съ пролетокъ и быстро вбѣгали въ переднюю. Подходили студенты, мелкіе чиновники, приказчики, дѣвушки съ улицы. Все поглощалось освѣщеннымъ вестибюлемъ и подымалось на лѣстницу въ залъ, гдѣ гремѣла музыка, чтобы заглушить и потопить разыгравшіеся скандалы.

Для меня на первое время все это было слишкомъ сильно. Въ душѣ стояла какая-то муть. Наглая музыка. Обиліе женщинъ. Ихъ цинизмъ и открытая доступность. Вихрь канкана... Жуть смутнаго воспоминанія, печаль о женскомъ образѣ, застилаемая ядовитой мглой чувственныхъ впечатлѣній, — все это еще кружилось въ душѣ, какъ темный илъ на днѣ омута... Потомъ всего яснѣе и устойчивѣе сталъ выдѣляться изъ этого хаоса образъ Лазовскаго, съ его красиво-сдержанной наглостью и спокойнымъ цинизмомъ. Лицо съ черными кудрями на лбу и холоднымъ взглядомъ, будто, вырѣзалось среди слякотной тьмы, и предательское воображеніе уже пыталось на-

кинуть на него покровъ идеализирующаго романтизма... Конечно, это было жестоко. Въ моей памяти встало на мгновеніе молодое женское лицо, искаженное стыдомъ, обидой и физической болью... Но почему онъ сдѣлалъ это? Гдѣ-то тамъ, у себя, онъ встрѣчалъ эту дѣвушку. Былъ влюбленъ... Мечталъ? Разстался, мечтая? И теперь встрѣчаетъ ее подъ руку съ этимъ наглецомъ, русскимъ чиновникомъ. Вотъ почему онъ бросилъ сигару. Любовь, выродившаяся въ гнѣвное презрѣніе. И какъ удивительно-красиво онъ это сдѣлалъ! Безъ преднамѣренности, безъ приготовленія, безъ размышленія. Мысль, какъ молнія, и движеніе, какъ молнія. И что за самообладаніе, когда этотъ сильный человѣкъ повернулся къ нему. Ни одного жеста, ни движенія бровью. Спокойная внутренняя сила, не нуждающаяся во внѣшнемъ проявленіи. Почему этотъ человѣкъ его не ударилъ? Легко могъ ударить, смять, исковеркать. Но студентъ былъ увѣренъ, что не ударитъ, и этой увѣренностью окружилъ себя, точно магическимъ кругомъ...

И... нужно признаться. Это было недолго, но все же было, воображеніемъ моего современника овладѣлъ на время образъ танцъ-класснаго мефистофеля, съ такой красивой небрежностью устраивающаго скандалы... Разумѣется, не просто скандалы, а скандалы съ романической или тенденціозной подкладкой...

Мой современникъ стоялъ на раздорожьи съ воображеніемъ, богатымъ отъ природы и развитымъ преждевременнымъ чтеніемъ. Никто еще, кажется, не обращалъ достаточно вни-

манія на это вліяніе литературы. Своей критикой и своими летучими образами она разрушаетъ въ поколѣніяхъ душевную цѣльность, созданную въ данныхъ условіяхъ. И лишенныя старой цѣльности, молодыя души ищутъ другой, новой, стремятся сложиться по новому, еще только угадываемому будущему типу. А въ это время молодая душа легко порывается вслѣдъ за всякой, поражающей ее чужой непосредственностью и силой...

Впрочемъ, это маленькое отвлеченіе въ сторону было не особенно опасно. Оно держалось на разстояніи отъ Семеновскаго моста до Малаго Царскосельскаго проспекта. На чердачкѣ номеръ 12 оно погасло. Мой современникъ не гордъ. Онъ не приписываетъ этого ни своей добродѣтели, ни твердости нравственныхъ правилъ. Обстоятельства, въ которыхъ онъ начиналъ свою столичную жизнь, уже сами по себѣ были неблагопріятны для мелькнувшаго передъ нимъ «типа». И среди нихъ, кто знаетъ, не слѣдуетъ ли поставить на первомъ планѣ не разъ уже упомянутое искусство ровенскаго портного. Чѣмъ-чѣмъ, а психологіей танцкласснаго Чайльдъ-Гарольда очень трудно было проникнуться, чувствуя себя въ костюмѣ такого замѣчательнаго покроя...

XLIII

ЧЕРДАКЪ № 12, ЕГО ХОЗЯЕВА И ЖИЛЬЦЫ

Впослѣдствіи, когда розовый туманъ, застилавшій мои глупые глаза, разсѣялся, смѣнившись ощущеніемъ разочарованія и безвкусицы, нѣсколько прочныхъ симпатичныхъ образовъ все-таки остались въ памяти отъ этого года. Въ числѣ ихъ я храню благодарное воспоминаніе о нашей мансардѣ вообще и объ ея хозяевахъ: Ѳедорѣ Максимовичѣ и Маврѣ Максимовнѣ Цывенкахъ, въ частности.

Онъ былъ типичный николаевскій солдатъ съ характерными николаевскими усами, переходившими у самыхъ ушей въ бакены. Когда, собираясь на ежедневную службу въ «ланбартъ» на Казанской, онъ надѣвалъ свой долгополый мундиръ съ тугимъ воротникомъ, то лицо его краснѣло, а усы щетинились необыкновенно сердито, даже грозно. Но это впечатлѣніе было обманчиво. Въ сущности, это былъ молчаливый добрякъ, совершенно подчинившійся своей супругѣ.

Мавра Максимовна была «изъ шпитонокъ». Въ раннемъ дѣтствѣ изъ воспитательнаго дома она была отдана въ финскую деревню, въ которой и усвоила на всю жизнь характерный русско-финскій жаргонъ. Ѳедоръ Максимовичъ у нея каждый день уходил*а* въ должность, а кошка лака*лъ* молоко и выскакива*лъ* на крышу. Это придавало ея рѣчи наивно-дѣтскій оттѣнокъ, да и вся она была похожа на тол-

стаго крупнаго ребенка. Человѣкъ служивый и пенсіонеръ, Ѳедоръ Максимовичъ, будучи уже въ почтенномъ возрастѣ, взялъ безродную сиротку «за красоту», и жизнь ихъ текла необыкновенно мирно. Онъ называлъ ее не иначе, какъ Мавра Максимовна и обращался на вы, а она звала его попросту Цывенко или «мой Цывенко» и говорила ему ты. Онъ съ утра наряжался, принималъ строгій видъ и уходилъ на службу, а она приступала къ стряпнѣ. Стряпня, впрочемъ, не занимала много времени: Мавра Максимовна раза два въ недѣлю варила въ большомъ горшкѣ кусокъ мяса съ костью, и этотъ наваръ служилъ на нѣсколько дней, превращаясь то въ щи, то въ супъ, то въ лапшовникъ. Отъ него въ квартирѣ стоялъ густой характерный запахъ капусты и свѣчного сала. Затѣмъ въ маленькой комнаткѣ хозяевъ начинала стучать машинка. И стучала долго, ровно, съ короткими перерывами, въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Это Мавра Максимовна прирабатывала вдобавокъ къ пенсіи и жалованью мужа шитьемъ больничныхъ балахоновъ по 6 копѣекъ за штуку. Въ серединѣ дня по всей квартирѣ разносился запахъ цикорнаго кофе; заходила какая-нибудь сосѣдка, чтобы за чашкой сообщить послѣднія новости нашей лѣстницы. Потомъ опять начинался стукъ машинки. Часовъ въ шесть Мавра Максимовна откладывала работу и собирала обѣдъ въ той же комнаткѣ. Когда раздавался звонокъ, ея круглое лицо озарялось такой радостью, точно ея Цывенко возвращался изъ опаснаго далекаго путешествія. Они обѣдали,

отдыхали полчаса за пологомъ, а потомъ садились за работу уже вмѣстѣ. Она продолжала сметывать балахоны, а онъ, вооруживъ вздернутый кверху носъ роговыми очками, ковырялъ толстой иглой штаны изъ необыкновенно грубаго богаделеннаго сукна... Потомъ пили чай и играли въ дурачки. Въ это только время мы и слышали иногда голосъ Цывенка: это бывало какое-то радостное курлыканіе, когда ему удавалось выиграть. Но онъ больше проигрывалъ, и потому чаще слышались звонкія, наивно радостныя восклицанія Мавры Максимовны. Мы смѣялись, что Цывенко все еще влюбленъ въ свою моложавую толстуху. Фактически онъ подчинялся ей вполнѣ и безпрекословно, какъ послушный ребенокъ, но она съ безсознательнымъ женскимъ лукавствомъ дѣлала видъ, что онъ ея грозный повелитель, и что она его боится.

— Вотъ, ужо... какъ прикажетъ мой Цывенко, — говаривала она совершенно серьезно...

Дѣтей у нихъ не было, и это являлось постояннымъ источникомъ общей ихъ печали. Неизрасходованный запасъ материнства свѣтился на лицѣ Мавры Максимовны трогательнымъ выраженіемъ жалости и грусти. Она изливала его на мужа, на кота Ваську и даже на насъ, ея случайныхъ жильцовъ. Порой у Мавры Максимовны бывали заплаканы глаза, а у Ѳедора Максимовича сдвигались необыкновенно длинныя и густыя брови. Мы знали, что это значитъ: мы долго не платимъ денегъ за квартиру и супругъ-повелитель находилъ,

что намъ надо бы отказать. За то когда, при первой возможности, мы уплачивали все или хоть часть долга, лицо Мавры Максимовны озарялось гордымъ торжествомъ, а Цывенко нѣсколько дней сконфуженно и виновато косилъ глаза.

Ходъ въ нашу комнату былъ черезъ кухню и маленькую спаленку хозяевъ, служившую и столовой, и мастерской, и гостиной. Ложились они рано, а мы часто приходили и уходили поздно. На звонокъ подымался Ѳедоръ Максимовичъ. Кажется, даже не давая себѣ труда проснуться, онъ отодвигалъ задвижку входныхъ дверей и ложился опять. Пробравшись черезъ темную и тѣсно заставленную кухонку, мы проходили затѣмъ мимо спящихъ супруговъ. У большого кіота теплилась лампадка, кидая свѣтъ на широкое супружеское ложе, задернутое занавѣской, такъ что были видны только головы. Съ краю виднѣлось щетинистое лицо Цывенка, дальше улыбалось во снѣ круглое, какъ луна, лицо Мавры Максимовны... И мнѣ всегда казалось, что это дѣйствительно лежатъ два ребенка, чистые сердцемъ и совершенно чуждые шумно-грохочущей и сложной жизни большого города.

Иной разъ входная дверь въ кухонку при открываніи оказывала нѣкоторое сопротивленіе. Приходилось открывать ее съ усиліемъ и постепенно, чтобы не нанести увѣчья еще одному жильцу Цывенковъ. Это былъ «художникъ» Кузьма Ивановичъ, тоже изъ шпитонцевъ, существо очень жалкое, тщедушное, съ разбитой грудью и слезящимися глазами. Онъ

жилъ, собственно, на большомъ сундукѣ, помѣщавшемся между печкой и дверью, и тогда, раскидавшись, упирался ногами въ дверь. На сундукѣ онъ ночью спалъ, а днемъ устраивалъ мастерскую. Работа его состояла въ раскрашиванiи ламповыхъ абажуровъ. Для этого онъ разводилъ на блюдечкѣ акварельныя краски, бралъ лѣвой рукой абажуръ и механически поворачивалъ его около оси. А правая рука такъ же механически кидала въ разныхъ мѣстахъ мазки кисти. Такъ онъ послѣдовательно бралъ на кисть розовую, красную, потомъ зеленую и коричневую краски, и въ нѣсколько оборотовъ на абажурѣ изъ безпорядочныхъ пятенъ образовывался красивый вѣночекъ. Кузьма Ивановичъ отодвигалъ абажуръ, смотрѣлъ на него слезящимися слабѣющими глазами, и на его желтомъ лицѣ мелькало мгновенное выраженiе художественнаго удовлетворенiя... Затѣмъ онъ бралъ другой абажуръ и задумывался: какой теперь пустить колеръ и какiе вывести цвѣты, — опять розу, или пустить незабудочекъ съ фiалкой...

Когда я порой слѣдилъ за его работой и удивлялся ея быстротѣ и точности, на лицѣ Кузьмы Ивановича являлась улыбка тихаго довольства.

— Нѣтъ... что же-съ, помилуйте, — говорилъ онъ скромно, — такъ ли еще мы работали?.. Глаза слабѣютъ-съ. Слеза бьетъ.

Онъ былъ тоже изъ «шпитонцевъ», и Маврѣ Максимовнѣ приходился «молочнымъ братомъ», а такое братство у этого своеобразнаго петербургскаго сословiя замѣняетъ всякiя иныя

степени родства. Жилецъ онъ, конечно, былъ не особенно выгодный и его держали именно «по родственному». Считалось, что онъ платитъ только «за уголъ», но Мавра Максимовна понемногу прикармливала его, какъ будто тайно отъ Цывенка. Послѣднiй дѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ.

Иной разъ въ праздникъ Цывенки устраивали игру «въ короли», въ которой порой участвовалъ я или Васька Веселитскiй. Приглашали также и Кузьму Ивановича. Онъ покорно выползалъ изъ своего угла, съ видомъ человѣка, стыдящагося собственнаго существованiя, запахивался, извинялся, бралъ дрожащими руками карты. Но игра, видимо, доставляла ему только страданiе. Особенно, когда ему начинало везти... Однажды, сдѣлавшись «королемъ», онъ сконфузился такъ сильно и мучительно, что Мавра Максимовна его пожалѣла:

— Эхъ, ты, бѣдовая... Ну, иди, иди, Богъ съ тобой: король! Пропустите его, Каролинъ Ивановичъ. Видишь: стыдится она.

Каролиномъ Ивановичемъ добрая женщина прозвала меня послѣ напрасныхъ попытокъ заучить мое трудное имя и отчество... Я посторонился, и злополучный «король» проскользнулъ въ свой уголокъ...

— А какой человѣкъ была, — съ безцеремонной жалостью произнесла Мавра Максимовна. — Все водочка-матушка... Все онъ, проклятый... Ну, давайте теперь въ свои козыри... Никуда ты, Коля, не годишься. Даже въ карты играть.

Мнѣ этотъ бѣдняга казался интереснымъ. Отъ него несло Достоевскимъ. Мнѣ казалось, что если бы Кузьму Ивановича вызвать на откровенность, то онъ могъ бы разсказать что-то глубоко-печальное и значительное. Но онъ сообщалъ только отрывочныя свѣдѣнія, лишенныя всякой связи и значенія...

— А у насъ, — говорилъ онъ, поворачивая въ рукахъ абажуръ, — на такой-то мануфактурѣ мастеръ былъ... Такъ у него, позвольте сказать, носъ былъ красный... Вотъ до какой степени: карминъ съ баканомъ-съ... Ей-Богу не вру-съ... хе-хе-хе... съ добавленіемъ берлинской лазури...

Онъ начиналъ тихо смѣяться, но даже смѣяться не умѣлъ. Смѣхъ переходилъ въ хрипоту и кашель...

— Эхъ, Кузя, Кузя, — говорила иногда Мавра Максимовна, — гдѣ пропадалъ три дня?

— На Петербургской сторонѣ-съ, — покорно отвѣчалъ Кузя, откашлявшись.

— Въ части, небось, ночевалъ?

— Въ части-съ, Мавра Максимовна. На другой день отпустили-съ... Меня потому что знаютъ-съ...

Однажды, придя съ лекцій, я засталъ Кузьму Ивановича въ необычномъ настроеніи. Онъ былъ «выпивши», держался развязно и съ какимъ-то особеннымъ самодовольствомъ. Говорилъ много, не кашляя и не запахивая сюртучишка, хвастая своими талантами и успѣхами. Цывенка снисходительно хлопалъ по плечу, но не скрывалъ отъ него, что онъ «Маврушѣ не пара». Около Мавры Максимов-

ны ходилъ пѣтушкомъ, подбоченясь и многозначительно подмигивая. Цывенко немного хмурился, но не говорилъ ничего. Мавра Максимовна покатывалась отъ смѣху...

Вечеромъ того же дня я возвращался отъ Сушкова. Было темно и ненастно. Фонари стояли въ мглистыхъ нимбахъ, лужи шевелились на свѣту, какъ живыя, отъ капель дождя. Самой серединой нашей улицы шелъ пьяный человѣкъ, пѣлъ какую-то финскую пѣсню... Я узналъ въ немъ нашего Кузьму Ивановича...

Сзади послышался грохотъ колесъ. Кучеръ рявкнулъ «берегись», но пьяненькій Кузьма Ивановичъ только откачнулся и, ставъ въ позу, громко на всю улицу продекламировалъ:

Дур-ракъ ѣдетъ на скотинѣ,
Умница пѣшкомъ идетъ...

«Дуракъ, ѣхавшій на скотинѣ», тотчасъ соскочилъ съ пролетки и, схвативъ художника за шиворотъ, крикнулъ городового. Напрасно я и еще какой-то проходившій студентъ просили этого господина отпустить бѣднягу, указывая, что, вѣдь, онъ пьянъ и не зналъ, кого оскорбляетъ. Господинъ не отвѣчалъ, даже не глядѣлъ на насъ. Отъ часовенки бѣжалъ, придерживая саблю, полицейскій, явились два дворника. И господинъ далъ свою карточку (при видѣ которой полицейскій вытянулся, точно въ столбнякѣ) и сѣлъ на лихача. Скоро грохотъ колесъ затихъ въ концѣ переулка, а Кузьму Ивановича повлекли, несмотря на наше заступничество, въ участокъ.

Съ этихъ поръ художника мы уже болѣе не видѣли... Мавра Максимовна плакала и посылала Цывенка за справками... Послѣ многихъ хлопотъ и вечернихъ хожденій по разнымъ мѣстамъ, Цывенко принесъ печальное извѣстіе. Художникъ отъ неизвѣстной причины въ участкѣ умеръ, и уже похороненъ въ безыменной могилѣ, на Волковомъ...

— Били его, вѣрно, не иначе, — всхлипывая, говорила Мавра Максимовна, — они, вѣдь, полицейскіе, извѣстно, дураки... не понимающіе... А ему, Кузѣ, много ли и надо. Слабая была... чисто цыпленокъ...

И она по дѣтски утирала слезы оборотными сторонами своихъ пухлыхъ рукъ... Цывенко снесъ въ магазинъ нѣсколько оставшихся абажуровъ, и на полученныя деньги супруги заказали панихиду въ сосѣдней церкви Миронія на Обводномъ.

«Уголъ» опустѣлъ. Но тѣнь художника, казалось, еще нѣкоторое время витала въ квартиркѣ, и по вечерамъ я такъ же осторожно открывалъ дверь, чтобы не задѣть Кузьму Ивановича на его сундукѣ... Къ моимъ воспоминаніямъ о немъ присоединялось что-то въ родѣ угрызеній совѣсти... Я не сдѣлалъ чего-то, что нужно было сдѣлать. Перебирая съ Веселитскимъ весь этотъ эпизодъ, мы пришли къ заключенію, что ничего я сдѣлать не могъ. Но что-то все-таки оставалось... Чего-то хотѣлось заднимъ числомъ. Въ воображеніи рисовалась кучка молодежи, въ родѣ тѣхъ кіевскихъ студентовъ, громившихъ полицію, о которыхъ ходили легендарные разсказы еще у

насъ, въ гимназіи... Хотѣлось силы... Свистки, тревога, свалка, заступничество, побѣда... И въ этомъ опять участвуетъ знакомая фигура моего современника, усовершенствованная еще въ новомъ жанрѣ...

Была въ нашей квартиркѣ, кромѣ злополучнаго художника, и еще одна тѣнь, принимавшая для меня живыя, почти ощутительныя формы. Года за два до насъ половину нашей комнаты за перегородкой занималъ какой-то рабочій. Отъ него Цывенкамъ осталась клѣтка съ канарейкой. Канарейка у нихъ издохла, а клѣтка висѣла надъ окномъ, и каждый разъ, когда Мавра Максимовна замѣчала ее, она сообщала что-нибудь о бывшемъ жильцѣ...

— Чюдачокъ тоже была, — говорила она съ тихой улыбкой, какъ и при воспоминаніи о Кузѣ. — Ну, не пьяница. Нѣтъ. Капли въ ротъ не брала... И не буянила она, какъ покойникъ Кузя, царство небесное... Только и знала: придетъ съ работы, сейчасъ кинареечку кормить... Клѣточку чистить... — И вотъ чюдное дѣло, Каролинъ Иванычъ, — какъ эта кинареечка его зналъ; свиснетъ онъ, дверку откроетъ, она ему на плечо... Чивикъ, чивикъ... Черезъ книжки пропалъ она...

— Какъ черезъ книжки, Мавра Максимовна?

— Книжки много читалъ.

— Такъ что же. Съ ума, что ли, сошелъ?

— Нѣ-ѣтъ... Глупый я баба. Не умѣю разсказать тебѣ. Цывенко у меня умный, на войнѣ была... А тоже этого дѣла не понимаетъ: за что пропала нашъ Павла Карповичъ... А только вѣрно, что за книжки.

— Почему же вы такъ думаете, Мавра Максимовна? Вѣдь, вотъ и у насъ книжки.

— То у васъ. Ваша служба такой. Вы студенты. А его служба: работалъ бы на заводѣ, жалованіе хорошее получалъ... Пришелъ домой, выспался... Какъ другіе изъ ихняго брата. Ну, правда: пьютъ они, заводскіе всѣ, шибко. Ругаются, дерутся...

— Вотъ видите. Развѣ это лучше книжекъ?

— Поди ты... Да... Читала все... Товарищей такихъ же нашелъ. Придутъ, начнутъ читать. Потомъ спорить, кричать... Что вы, я имъ говорю, кричите всѣ вдругъ. Нехорошо это. Еще драка выйдетъ... Смѣются... Не выйдетъ у насъ драка... Мы это объ томъ, чтобы всѣмъ жить въ согласіи... И чтобы, говоритъ, не было богатыхъ и бѣдныхъ. Всѣхъ, говоритъ, надо поровнять... Эко! я ей говорю: умные вы. Какъ же вы поровняете? Это вотъ у моего Цывенка есть шуба хорошая. Въ ланбартѣ по случаю куплена, а все три красныхъ отдана. Легкое дѣло! А у тебя вонъ пальтишка, вѣтромъ подбитая. Ты у моего Цывенка шубу-то и отнимешь?.. — Зачѣмъ, — говоритъ, отнимать, когда у всѣхъ шубы будутъ... Кому надо — бери... — Откуль возьмете вы? — На казенный счетъ, — говоритъ... Да вы, — я говорю, — сейчасъ все растащите...

Она заливается такимъ веселымъ смѣхомъ, что на щекахъ у нея проступаютъ ямки, и все грузное тѣло ходитъ ходуномъ...

— Ну, а онъ что же? — спрашиваю я, глубоко заинтересованный простодушнымъ разсказомъ.

— Да что жъ она... Ничего не понимаетъ, какъ все одно ребенокъ... Когда все будетъ обчее, говоритъ, никто воровать не станетъ. Зачѣмъ свое воровать?.. Вотъ видишь ты: свое! А откуль оно свое-то возьмется у васъ?.. Читала, читала и дочитался...

Она понижаетъ голосъ и говоритъ съ выраженіемъ наивнаго испута:

— Взяли его на заводѣ... Домой зайти не дозволили. Пришли сюда, на квартеру. Испугался я до смерти. Цывенко на службу ушла. Одна я... Рылись, рылись, все въ книжки смотрѣли... Одёжа, брюки, сапоги двое, — это имъ не надо, а все книжки смотрѣлъ... Такъ и не видѣли мы больше нашего Павлушу. Посылала я Цывенку своего: поди, Цывенко, опроси... Потомъ ужъ сама не рада...

— Что же, — сказали?

— Что вы, говорятъ, господинъ Цывенко... вѣрный слуга, а объ такихъ людяхъ интересуетесь... Такого человѣка надо въ каменный столбъ замуровать, разъ въ недѣлю спрашивать: живой ли еще... Вотъ, Каролинъ Ивановичъ, за книжки-то что бываетъ...

Этотъ простодушный разсказъ произвелъ на меня яркое впечатлѣніе. Я, конечно, зналъ кое-что объ ученіяхъ утопистовъ, но отрывочно и неточно. Формулы Фурье и Сенъ-Симона были только формулы, которыя я путалъ въ памяти. Но вотъ, здѣсь, въ этой самой комнатѣ жилъ простой рабочій, который обсуждалъ эти же вопросы съ такими же простыми рабочими. Значитъ, это не въ однѣхъ книжкахъ.

Мавра Максимовна смѣется по глупости, а въ сущности невѣдомый рабочій философъ правъ. Это такъ просто: если бы сдѣлать всѣ богатства общими, конечно, никто бы воровать не сталъ... И эти вопросы обсуждаются уже даже въ средѣ рабочихъ...

Я, конечно, не вѣрилъ, что его замуровали живьемъ... Сослали куда-нибудь... Ну, что жъ... Гдѣ-нибудь въ ссылкѣ онъ, можетъ быть, въ эту самую минуту обсуждаетъ тѣ же вопросы... Какъ жаль, что я не засталъ его здѣсь...

Но — все это еще впереди, и мнѣ предстоитъ еще много подобныхъ встрѣчъ... Вѣдь, я — въ Петербургѣ!

СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ

XLIV

БОГЕМА

Читатель уже вѣроятно замѣтилъ изъ предыдущаго, что мой современникъ былъ особенно воспріимчивъ къ воздѣйствію литературныхъ мотивовъ и типовъ. Жизнь маленькаго городишка, будничная, однообразная, не подходившая подъ литературныя категоріи, казалась ему чѣмъ-то случайнымъ, «не настоящимъ». За то все, имѣвшее отношеніе къ міру, освѣщаемому литературой, облекалось въ его глазахъ нѣсколько фантастическимъ и потому заманчивымъ свѣтомъ.

Розовый туманъ продолжалъ заволакивать мои первыя петербургскія впечатлѣнія. Мнѣ здѣсь нравилось все, — даже петербургское небо, потому что я заранѣе зналъ его по описаніямъ, даже скучныя кирпичныя стѣны, загораживавшія это небо, потому, что онѣ были знакомы по Достоевскому... Мнѣ нравилась даже необезпеченность и перспектива голода... Это, вѣдь, тоже встрѣчается въ описаніяхъ студенческой жизни, а я глядѣлъ на жизнь сквозь призму литературы.

Читатель помнитъ, вѣроятно, эффектную фигуру Теодора Негри, артиста-декламатора, который на пути къ Петербургу съумѣлъ отчеканить фразу: «Что дѣлаютъ?.. грра-бятъ!» — такъ выразительно и сильно, что кошелекъ моего современника сразу значительно облегчился въ его пользу. Этотъ эпизодъ явился какъ бы нѣкоторымъ предзнаменованіемъ: реальная жизнь по своему отвѣчала на мои литературныя представленія о ней, и мнѣ, конечно, предстояли разочарованія...

Наша маленькая компанія, поселившаяся въ мансардѣ № 4 по Малому Царскосельскому проспекту, составилась окончательно изъ трехъ человѣкъ: я, Гриневецкій и Веселитскій. Прежній ихъ сожитель, Никулинъ, счелъ болѣе благоразумнымъ отъ насъ отдѣлиться, продолжая, впрочемъ, часто посѣщать нашъ чердачекъ, а мы, втроемъ, составили нѣчто въ родѣ дружеской артели «нищихъ студентовъ».

Въ отношеніи занятій вначалѣ мы съ Гриневецкимъ были одушевлены самыми лучшими намѣреніями и усердно посѣщали лекціи. Во мнѣ что-то дрогнуло, когда на каѳедрѣ передъ огромной затихшей аудиторіей, среди которой затерялась и моя скромная фигура, появился въ первый разъ человѣкъ въ черномъ сюртукѣ. «Профессоръ, профессоръ»... Это былъ Макаровъ, читавшій начертательную геометрію. Небольшая сухощавая фигура, съ тонкимъ нервнымъ лицомъ и сосредоточеннымъ взглядомъ. Читалъ онъ стоя, къ доскѣ подходилъ лишь въ случаяхъ, когда требовался болѣе или менѣе сложный чертежъ. По боль-

шей части онъ довольствовался движеніемъ рукъ въ пространствѣ. Большимъ и указательнымъ пальцемъ лѣвой руки онъ держалъ какъ бы крѣпко зажатую «математическую точку», а правой проводилъ отъ нея мысленныя линіи, проектируя ихъ на воображаемыя плоскости. О немъ говорили, будто онъ вымѣрялъ циркулемъ фигуру своей жены, и «по эпюрамъ» скроилъ ей бальное платье, которое первые петербургскіе портные признали образцовымъ произведеніемъ. Этотъ анекдотъ меня заинтересовалъ. Если — думалъ я, — посредствомъ этихъ проекцій и вычисленій можно возсоздать такую тонкую вещь, какъ изящная фигура прекрасной женщины, то, очевидно, математическія науки не такъ ужъ сухи и отвлеченны, какъ казались мнѣ въ гимназіи, и я жадно слѣдилъ за тонкими пальцами Макарова и за полетами воображаемой точки. Казалось, я вижу въ воздухѣ даже ея слѣды, какъ тончайшія паутинки...

Уже изъ этого читатель можетъ заключить, что «технологія» не была моимъ призваніемъ. Чистая математика давалась мнѣ съ трудомъ, и мнѣ приходилось принуждать себя къ вниманію. За то съ истиннымъ увлеченіемъ я посѣщалъ чертежную... Здѣсь, рядомъ со мною, на томъ же столѣ положилъ свою доску юноша въ сѣромъ пальто съ черными пуговицами, котораго я сразу не взлюбилъ за то, что онъ показался мнѣ моимъ собственнымъ отраженіемъ, — такой же волосатый и такой же, казалось мнѣ, мало интересный. Обнаружилась еще одна черта сходства: оба мы чер-

тили усердно, быстро и красиво, и къ обоимъ съ одинаковымъ удовольствіемъ подходилъ благообразный сѣдой преподаватель черченія.

Какъ бы то ни было, пока все нравилось мнѣ и въ институтѣ, и на нашемъ чердакѣ, и я долго мирился даже съ голоданіемъ. День мы съ Гриневецкимъ начинали лекціями, добросовѣстно слѣдя и записывая. На второй или третьей перемѣнѣ мы сходили въ швейцарскую, куда къ этому времени приносили почту. Мелькала слабая надежда: нѣтъ ли кому повѣстки? Но швейцаръ, толстый и равнодушный, произносилъ неизмѣнно:

— Вамъ, г. Гриневецкій, ничего... И вамъ тоже-съ...

— Можетъ, Веселитскому?

— Тоже ничего-съ.

Гриневецкій вздыхалъ, шелъ въ раздѣвальную и съ задумчивымъ видомъ натягивалъ пальто. Забота о дневномъ пропитаніи какъ-то просто, точно по уговору, легла на его плечи. У него были обширныя знакомства въ извѣстной части студенчества. Все это былъ народъ нѣсколько безпечный относительно науки и собственнаго будущаго, смѣнявшій хроническія голодовки широкимъ размахомъ хоть разъ въ мѣсяцъ, при полученіи изъ дому денегъ. Многихъ изъ этихъ «отличныхъ малыхъ» не знали въ лицо институтскіе швейцары, но за то любой маркеръ въ предѣлахъ Семеновскаго и Измайловскаго полковъ могъ дать точнѣйшія свѣдѣнія, кто изъ нихъ, гдѣ и съ кѣмъ кутитъ въ данное время.

— Господинъ Симанскій сыграли у насъ двѣ-

надцать партій, пили пиво, разорвали сукно... Нынѣ они при деньгахъ... Отправились отсюда въ «Бѣлую Лебедь» съ компаніей...

Гриневецкій меланхолически шагалъ въ «Бѣлую Лебедь», гдѣ его появленіе встрѣчалось шумнымъ восторгомъ. Его обнимали, угощали пивомъ, котораго онъ не любилъ, и предлагали сыграть партію на бильярдѣ. Онъ отвѣчалъ на привѣтствія, обмѣнивался остротами, ходилъ вокругъ бильярда съ длиннымъ кіемъ на плечѣ и высматривалъ своими красивыми глазами на выкатѣ, какого шара слѣдуетъ уложить въ среднюю или уголъ. Высокій, красивый, съ безпечно заломленной технологической фуражкой, онъ имѣлъ видъ беззаботнаго бурша. Но мысль о товарищахъ, голодающихъ въ мансардѣ на Маломъ Царскосельскомъ проспектѣ, ни на минуту не покидала его. Какія бы заманчивыя перспективы ни предлагали ему въ кутящей компаніи, онъ все отклонялъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, бралъ взаймы два-три двугривенныхъ и усталыми длинными ногами шагалъ на нашъ чердачекъ, гдѣ въ сумеркахъ мы съ Веселитскимъ томились въ голодномъ ожиданіи. Мы уже знали его звонокъ. Онъ входилъ въ комнату, снималъ пледъ и молча кидалъ на столъ монету. Лицо у него было усталое и недовольное: еще ушелъ безтолковый день, еще пропало нѣсколько лекцій, а «новая жизнь», которую онъ долженъ непремѣнно начать, отодвигалась вдаль. Болѣли ноги отъ ходьбы по трактирамъ и круженія вокругъ бильярда. Выпито нѣсколько стакановъ пива, но голоденъ онъ былъ также, какъ и мы.

Я весело вскакивалъ съ кровати, накидывалъ пледъ и бѣжалъ въ знакомую колбасную на Клинскомъ проспектѣ.

Здѣсь, уже не спрашивая, мнѣ отвѣшивали какой-то сомнительной колбасы съ чеснокомъ на четырнадцать копѣекъ. Мы подозрѣвали, что она дѣлается изъ конины, и потому дешевле всѣхъ остальныхъ сортовъ. Но это насъ не смущало. На шесть копѣекъ я бралъ въ сосѣдней пекарнѣ четыре фунта самаго чернаго кислаго хлѣба. Это былъ нашъ обычный обѣдъ. Если что оставалось отъ мирочкиной добычи, то на остатокъ мы покупали щепотку сквернаго лавочнаго чаю съ запахомъ вѣника и четверку сахара, который употребляли, конечно, въ прикуску. Если перепадалъ случайный заработокъ въ видѣ, напримѣръ, переписки лекцій, и у насъ заводилось нѣсколько рублей, режимъ все-таки не мѣнялся. Отдавали два-три рубля за квартиру, остальное уходило на товарищескую взаимность. Кто-нибудь изъ недавнихъ кредиторовъ Гриневецкаго забѣгалъ на нашъ чердачекъ, озабоченно оглядывался и говорилъ:

— Здравствуйте, господа. А гдѣ же Гриневецкій? Нѣту? А, чортъ возьми! Понимаете: второй день не обѣдаю... Ну, прощайте.

И у Мирочки къ повседневной заботѣ о нашей маленькой артели присоединялась новая забота: онъ принималъ экстренныя мѣры, пускалъ въ ходъ порой самыя неожиданныя финансовыя комбинаціи, приводилъ недавнихъ богачей къ себѣ, поилъ лавочнымъ чаемъ, кормилъ четырнадцатикопѣечной колбасой и по-

рой даже, для утѣшенія въ горестяхъ, ухитрялся еще свести бѣдствующихъ въ «Бѣлую Лебедь». Это былъ небольшой деревянный трактирчикъ въ сосѣднемъ съ нами Безымянномъ переулкѣ, — заведеніе самаго скромнаго вида, съ измызганными обоями, насквозь пропахшее пивомъ. Одинъ бильярдъ помѣщался въ мезонинѣ. Сукно его, многократно разорванное и тщательно заштопанное, придавало ему видъ уважающей себя «опрятной бѣдности».

Все это вначалѣ казалось мнѣ интереснымъ: походило на жизнь «студенческой богемы»... Но... насъ начинало втягивать и кружить особое теченіе студенческой жизни. Въ этой добродушной компаніи всегда легче было «сыграть партію» и выпить пива, чѣмъ пообѣдать или достать лекціи. Про каждаго изъ участниковъ съ одинаковымъ правомъ можно было сказать, что его «увлекаютъ дурные товарищи». Ивановъ радостно врывался къ Сидорову какъ разъ въ такую минуту, когда тотъ съ серьезными намѣреніями раскрывалъ записки по механикѣ или химіи. Оказывалось, что «старики» прислали, наконецъ, Иванову деньги, и потому вполнѣ своевременно идти въ «Золотой Якорь». Въ свою очередь Сидоровъ звалъ туда же Иванова какъ-разъ въ ту минуту, когда тотъ рѣшился «начать новую жизнь». Никто тутъ другъ съ другомъ строго не считался, угощалъ тотъ, кто въ данную минуту былъ при деньгахъ... Это былъ истинный коммунизмъ веселаго бездѣлья.

Въ концѣ-концовъ, — кто находилъ силы, тотъ послѣ года или двухъ съ ужасомъ вы-

вался изъ этого заколдованнаго круга, переѣзжалъ въ другую часть города, переводился въ другое заведеніе. За иными пріѣзжали изъ провинціи родители и увозили сынковъ въ Москву, Кіевъ или Варшаву, только бы подальше отъ «Золотого Якоря», «Бѣлаго Лебедя» и превосходныхъ товарищей. Кто не находилъ для этого силы или у кого не было провидѣнія въ видѣ заботливыхъ родителей, тотъ кружился до конца, порой очень печальнаго...

Неудобства этого строя жизни я сталъ чувствовать лишь постепенно. Нужно было время, чтобы розовый туманъ разсѣялся... А когда это случилось, печальная истина выступила ясно: годъ былъ потерянъ...

XLV

МОЙ ИДЕАЛЬНЫЙ ДРУГЪ

Но пока — всѣ эти разочарованія были еще впереди, а сейчасъ ново и прекрасно въ моей жизни было то, что я студентъ, хотя и не «настоящій»... Въ моемъ воображеніи роились неясные образы... Среди нихъ, понятно, первое мѣсто занималъ идеальный образъ «настоящаго студента»... Я жадно вглядывался въ кипучую молодую среду.

Въ первомъ томѣ я уже говорилъ о близкомъ моемъ товарищѣ, Тучковѣ... Онъ уѣхалъ въ Петербургъ годомъ раньше меня, и я ждалъ, что этотъ годъ произведетъ въ немъ огромную перемѣну... Но этого не оказалось... Онъ былъ тотъ же добрый малый, котораго я про-

сто любилъ съ дѣтства. Гриневецкій былъ значительно старше насъ обоихъ и въ Петербургѣ жилъ уже третій годъ. Съ своей эффектной наружностью и пледомъ онъ показался мнѣ сначала настоящимъ буршемъ. Скоро, однако, я разглядѣлъ въ немъ знакомыя черты нашего «ровенца», и тоже привязался къ нему, но безъ иллюзій, попросту, такъ сказать, «на равной ногѣ».

Еще меньше импонировалъ мнѣ Ардаліонъ Никулинъ... Онъ держалъ себя важно и считалъ себя знатокомъ философіи, но все движеніе человѣческой мысли представлялось ему въ довольно своеобразномъ видѣ. Каждый послѣдующій мыслитель заушалъ и ниспровергалъ всѣхъ предъидущихъ и въ этомъ своеобразномъ спортѣ для Ардаліона заключалась вся исторія философіи и литературы... Я какъ-то упомянулъ о Бѣлинскомъ. Ардаліонъ только фыркнулъ... — Что такое Бѣлинскій? Онъ преклонялся передъ Пушкинымъ. Но Писаревъ вотъ какъ раздѣлалъ Пушкина... По башкѣ и къ чорту (онъ говорилъ «пы-башкѣ»). — Этимъ самымъ онъ ниспровергъ и Бѣлинскаго. Долгое время Ардаліонъ считалъ величайшимъ философомъ Куно-Фишера. Но насталъ день, когда онъ принесъ въ нашу мансарду поразительное извѣстіе: явился новый мыслитель, нѣмецъ Іоганъ Шерръ, написавшій «Комедію всемірной исторіи».

— Понимаете: всѣ эти основатели религій, реформаторы, благодѣтели человѣчества, революціонеры, ученые, философы... Всѣ, понимаете, — комедіанты, больше ничего...

— А какъ же Куно-Фишеръ? — спросилъ кто-то лукаво.

— Ды что тамъ!.. Самаго Куно-Фишера пыбашкѣ!.. — И онъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

Изъ всей нашей ближайшей компаніи одинъ Василій Ивановичъ Веселитскій продолжалъ занимать мое воображеніе. Все въ немъ мнѣ нравилось и импонировало: длинные волосы, острая бородка, обрамлявшая полныя щеки, чуть замѣтная улыбка превосходства, подергивавшая подъ тонкими усами красивыя полныя губы, и особенно молчаливая сдержанность, полная, какъ мнѣ казалось, особеннаго глубокаго смысла. Я уже говорилъ, какъ онъ сосредоточенно и углубленно штудировалъ статистическую часть календаря Гоппе параллельно съ уложеніемъ о наказаніяхъ. Однажды въ первый мѣсяцъ нашего сожительства, возвратившись домой, мы съ Гриневецкимъ и Никулинымъ застали Веселитскаго склонившимся надъ книгой. Сквозь опустившіеся густые волосы проходилъ дымъ папиросы, но Василій Ивановичъ былъ такъ погруженъ въ чтеніе, что не слышалъ, какъ мы вошли... Будь я художникъ, я непремѣнно попытался бы взять эту великолѣпную фигуру моделью для картины «занимающійся студентъ». Но Ардаліонъ прыснулъ, ударилъ себя объ полу и сказалъ съ сиплымъ смѣхомъ:

— Васька!.. Да, вѣдь, онъ, братцы, ей Богу дрыхнетъ... И папиросу не потушилъ... Васька, сгоришь, смотри!..

Веселитскій поднялъ голову и посмотрѣлъ на

него съ видомъ презрительнаго спокойствія, а я рѣшилъ, что Ардаліонъ просто циникъ, не способный понять Веселитскаго...

И я немного гордился, что я-то его понимаю.

Петербургскія сумерки... Мелкій дождикъ или туманъ съ моря застилаетъ куполы церквей, расползается по улицамъ, поглощая тусклые огоньки фонарей. Я быстро бѣгу изъ института или изъ публичной библіотеки, куда сталъ усердно ходить съ нѣкоторыхъ поръ, совершенно забываясь подъ шипѣніе газа и шелестъ переворачиваемыхъ страницъ. Когда закрывали библіотеку, я отправлялся домой, мѣряя быстрыми шагами Садовую, Обуховскій и Царскосельскій. Вагонъ конно-желѣзной дороги или дребезжащая щапинская каретка были для насъ недоступной роскошью. Шелъ я быстро и однимъ духомъ взлеталъ по грязной и вонючей лѣстницѣ... Дверь, обитая черной клеенкой. Тусклый фонарикъ освѣщаетъ мѣдную дощечку съ надписью «Федоръ Максимовичъ Цывенко». Я дома. Въ нашей комнатѣ темно, Мирочки нѣтъ. Веселитскій изъ экономіи не зажигаетъ огня. Въ темной комнатѣ стоитъ тихій рокотъ гитары и свѣтятся два кошачьихъ глаза. Котъ Мавры Максимовны очень любитъ музыку. Веселитскій наигрываетъ персидскій маршъ, арію изъ Травіаты, какую-нибудь заунывную волжскую пѣсню. Изъ-за стѣны несется приглушенный говоръ и пьяное пѣніе. Въ сосѣдней квартирѣ поселился недавно студентъ костромичъ, Ванька Розовъ, товарищъ Веселитскаго. Онъ интересенъ тѣмъ, что состоитъ корректоромъ типографіи «Рус-

скаго міра», газеты Комарова и Черняева. Однажды зайдя къ нему, я увидѣлъ тайну изготовленія книги: Ванька Розовъ, рябой, въ красной косовороткѣ и очкахъ надъ корректурнымъ листомъ казался мнѣ чуть не Гуттенбергомъ. Каждыя двѣ недѣли, въ дни полученія жалованія у него происходили пирушки, — шумъ, крики, пьяныя пѣсни. Однажды Веселитскій вернулся оттуда нѣсколько помятый. Замѣтивъ мой вопросительный и удивленный взглядъ, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Пропадаютъ ребята... Обратился съ словомъ убѣжденія. — Онъ опять улыбнулся и махнулъ рукой... — Куда тутъ! Чуть шею не накостыляли... Главное дѣло, К., Пашку мнѣ жалко, Горицкаго... Звѣзда нашей семинаріи... Геніальная, братъ, голова пропадаетъ...

Онъ ложился рядомъ со мной на постели и начиналъ разсказывать о нравахъ духовной среды, о гибнущихъ силахъ... Я слушалъ съ затаеннымъ дыханіемъ: все это для меня ново, и все изъ литературы — отголоски «Бурсы». Печаль Васьки о Пашкѣ Горицкомъ — еще глубже привязываетъ меня къ моему сожителю и другу.

XLVI

ДѢВИЦА НАСТЯ — ИДЕАЛЬНЫЙ ДРУГЪ ПАДАЕТЪ СЪ ПЬЕДЕСТАЛА

На третій кажется мѣсяцъ Василій Ивановичъ разбогатѣлъ. Ему прислали во-первыхъ совершенно новую черную пару, сшитую ко-

стромскимъ портнымъ и нѣсколько паръ бѣлья, а черезъ нѣсколько дней толстый швейцаръ технологическаго института съ благосклонной улыбкой подалъ Гриневецкому повѣстку:

— Василію Ивановичу Веселитскому. Возьмете?

Лицо Мирочки просіяло, — повѣстка была на семьдесятъ пять рублей, цѣлое богатство! Наша мансарда точно просвѣтлѣла. Въ послѣднее время Мавра Максимовна часто плакала. Мы задолжали за квартиру и между супругами происходила драма: Цывенко повидимому настаивалъ на строгихъ мѣрахъ, а доброй женщинѣ было жалко прогонять нашу бѣдствующую компанію. Теперь Василій Ивановичъ сталъ сразу героемъ дня. Узнавъ объ этомъ, Ардаліонъ фыркнулъ по своему и сказалъ:

— Ну, братцы, теперь смотрите... Идите кто-нибудь съ нимъ въ почтамтъ... А то стреканетъ къ пріятелю на Бронную — только его и видѣли. Я его знаю...

Веселитскій отвѣтилъ молчаливо презрительнымъ взглядомъ, а во мнѣ закипѣло прямо негодованіе. На слѣдующее утро, когда Гриневецкій заговорилъ объ этомъ предостереженіи Никулина, я возсталъ противъ недовѣрія къ товарищу съ такимъ негодованіемъ, что Мирочка, хотя и съ колебаніемъ, уступилъ, Василій Ивановичъ, торжественно облачившись въ новую черную пару, отправился въ почтамтъ одинъ, унося съ собой наше довѣріе и наши надежды. Мирочка ушелъ въ институтъ, а я на этотъ разъ остался дома за чтеніемъ Флеровскаго.

Я просидѣлъ такимъ образомъ часа полтора, когда раздался звонокъ. Но вмѣсто Василія Ивановича Мавра Максимовна впустила въ комнату незнакомую мнѣ особу женскаго пола. Это была дѣвушка лѣтъ около 30, съ очень живыми черными глазами и замѣтными усиками. Одѣта она была съ нѣкоторымъ щегольствомъ профессіональной модистки, и манеры у нея были очень бойкія. Оглядѣвъ комнату, она сказала:

— Что? Еще не пришелъ?

— Кого вамъ угодно? — спросилъ я, сразу сконфузившись.

Она сняла шляпу, положила ее на столъ, заперла нашу дверь передъ самымъ носомъ заинтересованной Мавры Максимовны и усѣлась безцеремонно на стулъ.

— Мнѣ Василія Ивановича... Я подожду...

Въ нашей комнатѣ наступило молчаніе. Я старался читать, но это удавалось мнѣ плохо. Все время я чувствовалъ на себѣ взглядъ черныхъ бойкихъ глазъ незнакомки. Самая тишина комнаты меня томила. Тикали часы, изъ кухни несся стукъ горшковъ и возня хозяйки.

— Ахъ ты, Господи, тоска какая, — сказала вдругъ незнакомка. Я густо покраснѣлъ. Я почувствовалъ въ этомъ восклицаніи упрекъ: если бы я былъ «настоящимъ студентомъ», а не мальчикомъ, то сумѣлъ бы занять гостью, и намъ обоимъ было бы интересно... Но я не зналъ, что сказать, и краска заливала мое лицо.

Вдругъ дѣвушка поднялась, прошла легкими шагами черезъ комнату, и я ощутилъ съ изум-

леніемъ и испугомъ, что ея руки ерошатъ мои волосы, а колѣни касаются моихъ колѣнъ.

— Какой кудрявенькій, — сказала она. — Мой Знаменскій такой же былъ. Я — Настя. Слыхали про меня, небось. Меня технологи знаютъ... Да что вы, такъ все и будете читать?

И, взявъ у меня изъ рукъ книгу, она швырнула ее на кушетку.

— Давайте разговаривать! Да вы не робѣйте. Что это у васъ... Карандашъ и бумага? Хорошо. Я вамъ сейчасъ напишу записку. Я, вѣдь, тоже умѣю писать. Недаромъ со студентомъ четыре года жила.

Она взяла карандашъ, помуслила его, придвинула къ себѣ бумагу и наклонилась надъ ней, забавно сморщивъ свои густыя черныя брови.

Я ранѣе слышалъ кое-что про эту Настю. Она жила со студентомъ Знаменскимъ на правахъ «свободной любви». Въ прошломъ году Знаменскій окончилъ курсъ, получилъ мѣсто и уѣхалъ, бросивъ Настю такъ же беззаботно, какъ и сошелся съ ней. Говорили, что она теперь свободна, и многіе непрочь были занять мѣсто Знаменскаго, тѣмъ болѣе, что Настя ему «почти ничего не стоила». Она была прекрасная работница-портниха, и они жили съ Знаменскимъ по товарищески. Теперь эта интересная особа сидѣла рядомъ, комично наморщивъ брови, и писала мнѣ какую-то записку...

Я былъ, конечно, заинтересованъ... Но вотъ, послѣ значительныхъ усилій, дѣвушка кончи-

ла, и протянула листокъ, устремивъ на меня лукавый взглядъ живыхъ черныхъ глазъ.

Я взялъ и прямо оторопѣлъ: на листкѣ неровнымъ неумѣлымъ почеркомъ, почти каракулями, но все-таки довольно разборчиво, была написана откровенно скабрезная фраза. Очевидно, за четыре года безпечный студентъ только этому и постарался выучить свою сожительницу. Это уже совершенно не соотвѣтствовало моимъ литературнымъ представленіямъ, и видъ у меня былъ, вѣроятно, очень глупый. Настя захохотала, откинувъ голову, вырвала изъ моихъ рукъ листокъ, разорвала его и бросила въ уголъ, сказавъ серьезно:

— Прочитаетъ еще кто-нибудь, нехорошо...

Въ это время опять раздался звонокъ и въ комнату вошелъ Гриневецкій. Настя свободно поздоровалась съ нимъ и сказала:

— Здравствуйте! Я васъ знаю, вы Гриневецкій. Я пришла къ Василію Ивановичу. Мы встрѣтились съ нимъ у Тарасовскаго переулка. Онъ обѣщалъ одолжить мнѣ денегъ. Срокъ за квартиру, а у меня нѣтъ... Какъ вы думаете, — не обманетъ?

Гриневецкій съ озабоченнымъ видомъ почесалъ въ затылкѣ.

— Въ почтамтѣ давно уже выдача кончилась, — сказалъ онъ... — А его что-то нѣтъ...

Новый звонокъ. Вошли Ардаліонъ, Тучковъ и сожитель Тучкова Кулешевичъ, молодой человѣкъ, служившій на Варшавской желѣзной дорогѣ. Узнавъ, что Васьки нѣтъ, Ардаліонъ такъ и покатился:

— Эхъ вы! Головы съ мозгомъ! Отпустили одного. Болва-ны. Дубьё стоеросовое. А все вѣрно этотъ птенецъ зеленый...

Онъ грубо смазалъ меня рукой по лицу.

— Ну, да авось ничего! Я знаю, гдѣ его искать... На Броницкой, у пріятеля чиновника... Пойдемъ что ли со мной.

И они всѣ ушли, а я остался опять съ Настей. Прошло около часу томительнаго ожиданія. Неужели Ардаліонъ окажется правъ? Не можетъ быть, — думалъ я. Вдругъ опять раздался звонокъ, и въ нашу комнату ввалилась шумная ватага. Впереди, подталкиваемый Ардаліономъ, шелъ Василій Ивановичъ. Онъ, видимо, былъ сконфуженъ и отчасти пьянъ. Подъ мышками и въ карманахъ его пальто виднѣлись бутылки и свертки.

— Получите вотъ, — хохоталъ Ардаліонъ... — На Броницкой у портерной и поймали дружка...

Увидѣвъ Настю, Веселитскій немного сконфузился, но тотчасъ же подтянулся.

— А, Настасья Ивановна... Ну, вотъ отлично... Давайте закусимъ, самоварчикъ попросимъ... Кутить, такъ кутить. А ты, братецъ, — повернулся онъ ко мнѣ, — сбѣгай пожалуйста за хорошимъ чаемъ къ Шлякову... Ничего, что далеко...

Я побѣжалъ въ магазинъ за чаемъ, котораго у насъ не было. Вернувшись, я засталъ Настю и Веселитскаго вдвоемъ, остальные ушли въ «Бѣлую Лебедь» сыграть на бильярдѣ. Настасья Ивановна показалась мнѣ навеселѣ: глаза ея подернулись влагой, щеки разрумянились, она

покачивалась и пѣла какую-то пѣсню. Веселитскій отвелъ меня въ сторону и сказалъ, подавая кредитку:

— Сдѣлай одолженіе, братецъ... Ступай тоже въ «Бѣлую Лебедь».

Тамъ, однако, я не могъ избавиться отъ чувства неловкости и, поговоривъ съ Гриневецкимъ, мы рѣшили прекратить игру и вернуться всей компаніей домой къ самовару...

Тутъ я сразу замѣтилъ, что въ нашей мансардѣ произошло что-то нехорошее: Настасья Ивановна сидѣла въ отдаленномъ концѣ стола, а Васька помѣщался на стулѣ, на почтительномъ разстояніи и глядѣлъ на нее злобнымъ и язвительнымъ взглядомъ. Онъ опьянѣлъ совсѣмъ, весь какъ-то опустился, лицо одряблѣло. Настя, наоборотъ, казалась въ эту минуту совсѣмъ отрезвѣвшей. Она встрѣтила насъ пристальнымъ горячимъ взглядомъ изъ-подъ сдвинутыхъ черныхъ бровей.

— А, здравствуйте, господа студенты! Изволили вернуться, наконецъ? Что жъ такъ скоро?

Она вдругъ рѣзко поднялась и, опершись на столъ одной рукой въ энергичной и красивой позѣ, продолжала:

— Устроили засаду дѣвушкѣ. Подлецы вы, подлецы, а не студенты.

Губы ея съ черными усиками какъ-то жалко по-дѣтски дрогнули. И вдругъ ея глаза остановились на мнѣ.

— А, и этотъ кудрявенькій здѣсь. Тоже ловкій мальчикъ... Я и не оглянулась, какъ и онъ

тоже исчезъ. Знаетъ, что нужно пріятелю... Ахъ, какіе подлецы, какіе вы всѣ подлецы...

Ея голова упала на руки, и плечи вздрагивали отъ рыданій... Я повернулся къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Веселитскій. На этомъ мѣстѣ его уже не было: захвативъ пальто и фуражку, онъ быстро прошелъ черезъ комнаты хозяевъ и исчезъ. Ардаліонъ бросился за нимъ.

Не давая себѣ еще полнаго отчета въ томъ, что произошло, я въ свою очередь спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу. Фигура Ардаліона быстро исчезала въ туманѣ по направленію къ Броницкой, но Васька оказался гораздо ближе: въ нашемъ домѣ былъ грязный темный кабачекъ. Случайно заглянувъ въ его окно, я увидѣлъ за прилавкомъ женщину съ ребенкомъ на рукахъ, и тутъ же, на стулѣ, свѣсивъ голову, сидѣлъ Васька. Я толкнулъ дверь. Раздался дребезжащій звонокъ. Женщина со страхомъ подняла на меня глаза и, когда я подошелъ, сказала:

— Я думала, хозяинъ вернулся... Товарищъ вамъ это, что ли?.. Боюсь я его... Вишь ввалился... Лыка не вяжетъ, а требуетъ: наливай ему... Говоритъ несообразно...

Васька поднялъ голову и сказалъ, съ выраженіемъ необыкновенной язвительности въ голосѣ:

— Па-а-звольте. Кто далъ вамъ право разсуждать подобнымъ образомъ?.. Ни-и-капли логики...

Онъ попытался встать, но качнулся и опустился на грязный полъ.

Въ это время вошелъ и хозяинъ, дюжій мужчина мрачнаго вида. Окинувъ всю сцену привычнымъ взглядомъ, онъ сразу оріентировался въ положеніи и, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, сильной рукой поднялъ Ваську съ пола, подвелъ къ порогу и вытолкнулъ на улицу. Я поспѣлъ какъ разъ во время, чтобы Васька не расшибъ голову о фонарный столбъ, и повелъ его къ нашей лѣстницѣ. Онъ шелъ очень не твердо, и при тускломъ свѣтѣ фонаря лицо его подергивалось жалкими всхлипываніями. Вести пьянаго мнѣ было трудно, но въ это время подоспѣлъ Ардаліонъ. Прыснувъ по своему обыкновенію, онъ подхватилъ Ваську подъ другую руку, и мы доставили его наверхъ, гдѣ онъ тотчасъ же свалился и захрапѣлъ.

Настя все еще была у насъ и мирно разговаривала съ Тучковымъ и Гриневецкимъ. Теперь она попросила кого-нибудь проводить ее. Мы съ Тучковымъ одѣлись и вышли.

Былъ поздній вечеръ. Огни фонарей тускло мигали сквозь сѣтку дождя, который становился все сильнѣе.

Настасья Ивановна жила довольно близко вмѣстѣ съ матерью, но она не рѣшалась идти домой. Было поздно. Кромѣ того, на воздухѣ она вдругъ опьянѣла еще болѣе и боялась придти въ такомъ видѣ.

— Проводите меня лучше въ Тарасовскій переулокъ, къ подругѣ, — попросила она.

Подъ густымъ мелкимъ дождемъ мы пришли въ Тарасовскій переулокъ. Здѣсь, у перваго дома налѣво, Настя остановила насъ и, взойдя

на двѣ-три ступеньки подъѣзда съ навѣсомъ, повернулась къ намъ и протянула руку.

— Ну, теперь спасибо. Прощайте, господа. Не взыщите, что давеча обругала васъ нехорошими словами. Товарищъ вашъ крѣпко меня обидѣлъ...

Я попытался подняться на ступеньки, чтобы позвонить, но она помѣшала мнѣ и смѣясь оттолкнула назадъ.

— Я и сама сумѣю позвонить... А вы идите, идите, идите! Увидятъ меня съ вами, нехорошо. Подумаютъ, Богъ знаетъ гдѣ гуляла... Идите, идите, — повторяла она, пока мы не вышли изъ воротъ и повернули за близкій уголъ. Однако, пройдя нѣкоторое разстояніе, мы оба остановились и повернули назадъ: поведеніе Насти намъ показалось страннымъ. Дождь лилъ густо, шумя по водосточнымъ трубамъ. Тускло свѣтилъ фонарь. На подъѣздѣ виднѣлась одиноко сидящая женская фигура. Склонивъ голову на руки, Настя тихо плакала.

— Настасья Ивановна, голубушка. Да что съ вами? Почему вы не звоните? Неужто хотите ночевать на подъѣздѣ?

Она подняла лицо. Оно показалось мнѣ жалкимъ лицомъ обиженнаго ребенка.

— Не могу... Стыдно... Она тоже съ матерью живетъ, со старухой... Какъ тутъ придешь гадкая, пьяная... — И она заплакала еще сильнѣе.

Обсудивъ положеніе, мы рѣшили предложить Настасьѣ Ивановнѣ переночевать въ номерѣ гостинницы.

— Только одну не пустятъ, — сказала она. — Вдвоемъ тоже зазорно. Пойдемъ уже втроемъ, если вы такіе добренькіе...

Такъ какъ у насъ денегъ было мало, то условившись встрѣтиться на углу Четвертой роты, у «Золотого Орла», я быстро побѣжалъ домой. Васька спалъ, Гриневецкій тоже. Растолкавъ его, я объяснилъ, въ чемъ дѣло, и мы вдвоемъ произвели ревизію васькиныхъ капиталовъ. Результатъ оказался плачевный. Изъ семидесяти пяти рублей оставалось тридцать пять. Гриневецкій отдѣлилъ часть за квартиру Цывенкамъ, а часть взялъ для уплаты за номеръ.

На условленномъ мѣстѣ я засталъ Настю и Тучкова. Заспанный половой равнодушно открылъ передъ нами дверь и, все не просыпаясь, подалъ самоваръ. Что онъ думалъ при этомъ о нашей компаніи, — неизвѣстно. Вѣрнѣе всего, что ничего не думалъ. Дѣло привычное. Несомнѣнно, однако, что рѣдко въ этомъ номерѣ ночь проходила такъ безгрѣшно. Настя оказалась очень милой хозяйкой за чайнымъ столомъ. Она почти протрезвилась, и мы съ Тучковымъ отъ души хохотали, когда она изображала въ лицахъ любезные подходы пьянаго Василія Ивановича... Заснули мы часа въ четыре, а на утро разстались съ нашей гостьей добрыми пріятелями. Помню, что, проснувшись, я торопливо обулся, чтобы Настасья Ивановна не застала меня безъ сапогъ.

Я шелъ домой съ совершенно новымъ представленіемъ. Такую дѣвушку я видѣлъ еще въ первый разъ... Несомнѣнно, что она на-

писала мнѣ скабрезную фразу. Когда мы оставались одни въ комнатѣ, она безцеремонно ерошила мои волосы, прикасаясь своими колѣнями къ моимъ. Послѣ этого съ нею какъ будто все дозволено. И вдругъ — она же кидаетъ намъ въ лицо названіе подлецовъ, а мы стоимъ пристыженные, какъ школьники. Потомъ — эта трогательная одинокая фигура на подъѣздѣ, эти слезы отъ стыда и обиды. И, наконецъ, — ночь въ номерѣ гостинницы съ двумя молодыми людьми въ самой предосудительной обстановкѣ... Но здѣсь она сразу ставитъ себя такъ, что у насъ не прорывается вольнаго слова или жеста, точно мы въ обществѣ самой «приличной» изъ нашихъ знакомыхъ ровенскихъ дамъ...

Да, все относительно въ этомъ мірѣ! И нравственность тоже относительна. Бѣдная, милая Настенька. Четырехлѣтнее общеніе со студентомъ дало ей лишь настолько грамотности, чтобы написать скабрезную фразу... Кругъ нравственныхъ понятій, въ которомъ вращалась эта модистка, былъ довольно широкъ: въ него вошло многое, что я привыкъ до сихъ поръ считать недозволительнымъ для «порядочной женщины». Но она обвела себѣ этотъ кругъ твердой рукой и держалась въ немъ прочнѣе, чѣмъ многія приличныя дамы держатся въ своемъ... Во всякомъ случаѣ оба мы чувствовали, что она нравственнѣе и чище насъ всѣхъ...

— Славная Настенька, — такъ обобщили мы, разставаясь съ Тучковымъ, свои впечатлѣнія отъ этой необычной ночи.

Мнѣ предстояло однако разобраться въ другомъ тоже неожиданномъ впечатлѣніи. Дома я не засталъ Василія Ивановича. Гриневецкій еще спалъ, когда Васька исчезъ, оставивъ записку на мое имя. Въ ней онъ писалъ, что я обманулъ его лучшія чувства, ставъ на сторону какой-то шлюхи. Поэтому онъ прощается со мной навсегда...

Я не могъ теперь собрать въ одно цѣлое своихъ впечатлѣній... Настю я понялъ, и названіе «шлюха» меня прямо оскорбило. Но что же такое теперь самъ Василій Ивановичъ, передъ которымъ я преклонялся?.. Никулинъ, предупреждая насъ, былъ значитъ правъ?.. Васька просто пьяница, обманувшій товарищей, заманившій недостойнымъ образомъ дѣвушку... Вмѣсто сдержаннаго, молчаливаго, глубокомысленнаго Василія Ивановича, читавшаго календарь и уложеніе, — теперь передо мной выступало дряблое, пьяное лицо Васьки, котораго Ардальонъ ловитъ у одной портерной, а сидѣлецъ выталкиваетъ изъ другой...

Ахъ, читатель, — я знаю: вамъ покажется мой глубокомысленный другъ совершенно неинтереснымъ и не заслуживающимъ столь значительнаго мѣста въ моихъ воспоминаніяхъ... Но эта фигура съиграла значительную роль въ моемъ настроеніи того времени... Образъ великолѣпнаго Василія Ивановича съ трудомъ уходилъ изъ моей души, оставляя болящее пустое мѣсто, а отъ «циничнаго» хохота Ардаліона мнѣ было больно до слезъ.

Черезъ нѣсколько дней Василій Ивановичъ явился въ самомъ странномъ видѣ. На немъ

не было ни пальто, ни присланнаго изъ Костромы новаго платья. Все это они вдвоемъ съ чиновникомъ успѣли спустить. По какой то странной пьяной фантазіи Василій Ивановичъ выкупилъ черную пару моего дяди и теперь явился въ ней: онъ былъ не выше меня ростомъ, и потому жилетъ спускался значительно ниже таліи, а фалды сюртука били по пятамъ. Въ такомъ видѣ, очевидно разссорившись по пьяному дѣлу съ чиновникомъ, онъ пришелъ къ намъ съ Броницкой и тотчасъ же завалился спать...

Я въ сумеркахъ вернулся къ себѣ и услышалъ несшееся изъ за перегородки сопѣніе. Я догадался. Пройдя къ себѣ, я зажегъ лампу и, въ ожиданіи Гриневецкаго, сѣлъ за книгу. Черезъ нѣкоторое время сопѣніе затихло, а вскорѣ затѣмъ послышались глухіе стоны... Я нѣкоторое время старался не обращать на нихъ вниманія, но затѣмъ не выдержалъ и вошелъ съ лампой за перегородку. Василій Ивановичъ сидѣлъ на кровати, запустивъ руки въ волосы, и глухо стоналъ...

Черезъ полчаса состоялось примиреніе... Конечно — прежняго великолѣпнаго Василія Ивановича, предмета моего поклоненія, не стало... Передо мной былъ теперь слабый человѣкъ, жертва «бурсы» и духовнаго быта, но... я все еще любилъ его. И опять мы лежали рядомъ на кровати и опять нѣсколько осипшимъ съ перепоя, но пріятно рокочущимъ голосомъ онъ разсказывалъ мнѣ печальную исторію. Да, онъ тоже зараженъ этимъ ужаснымъ бытовымъ порокомъ своей среды... Онъ борется,

ему нужна нравственная поддержка (тутъ онъ горячо обнялъ меня)... Ему случалось уже допиваться до чертиковъ... «Маленькіе, понима-ашь, — говорилъ онъ своимъ костромскимъ говоромъ, протягивая окончанія, — маленькіе, ухастые... Ну, да это наплевать... Бываетъ страшнѣе...»

Голосъ его сталъ глуше, мнѣ показалось даже, что лицо поблѣднѣло:

— Быва-атъ, снится: иду будто по лѣстницѣ. Лѣстница широкая, освѣщенная, всякую пылинку видно... Подымаюсь съ трудомъ, потому знаю: на верхней площадкѣ ждетъ меня онъ... Блѣдный, глаза, какъ угли, и... понима-а-а-шь, какъ двѣ капли похожъ на меня...

— Ну, и что же?..

— Ну, иду... Радъ бы не идти, да онъ стоитъ на послѣдней ступенькѣ и тянетъ къ себѣ глазищами, дожидается. Подхожу вплоть, глаза въ глаза... И понима-ашь: вхожу я будто въ него или онъ въ меня входитъ... Такой это ужасъ, что кажется съ ума сойдешь...

Мнѣ становится жутко. Лампа притушена... Въ сумеркахъ мнѣ чудится страшно блѣдное лицо Васьки или его двойника, и меня охватываетъ страхъ за моего друга, упавшаго въ моемъ мнѣніи, слабаго, но все же какъ-то жутко дорогого мнѣ. Этотъ новый образъ, уже безъ ореола, — долго еще держится въ моемъ обманчивомъ воображеніи.

XLVII

ГОЛОДЪ

Компанія наша бѣдствовала. Незамѣтно, постепенно голодъ сказывался истощеніемъ: ноги ныли, лица блѣднѣли, движенія становились порой вялы, на лекціяхъ вниманіе притуплялось, надъ мозгомъ точно нависала какая-то завѣса.

Мы съ Гриневецкимъ пытались еще не отставать отъ курса и все-таки отстали... За этотъ годъ намъ довелось пообѣдать въ кухмистерской только пять разъ. Сначала самый запахъ горячихъ блюдъ, несшійся изъ трактировъ и кухмистерскихъ, страшно раздражалъ обоняніе и вызывалъ аппетитъ. Но современемъ это прошло, и запахъ жаренаго, мяса или жирныхъ щей сталъ вызывать прямо отвращеніе. Возвращаясь послѣ голоднаго дня изъ чертежной или публичной библіотеки, я мечталъ уже только о нашей колбасѣ, съ Клинскаго проспекта. Именно о ней и о черномъ полутора-копѣечномъ хлѣбѣ. Когда однажды, по какому то случаю намъ удалось послѣ долгаго промежутка пообѣдать въ кухмистерской Елены Павловны, то въ ту же ночь съ нами случилось что-то въ родѣ припадка холеры. Въ это время меня уже соблазняли только витрины кондитерскихъ съ выставкой конфектъ и пирожныхъ. Въ сущности это было медленное умираніе съ голоду, только растянутое на долгое время.

Но мы были молоды, обладали желѣзнымъ

здоровьемъ. Хотя всѣ впечатлѣнія божьяго міра мы воспринимали теперь точно сквозь какую то тусклую дымку, но все же это не мѣшало порой прорываться вспышкамъ яркаго оживленія, которыя потомъ смѣнялись реакціей и угнетеніемъ.

Вспоминаю одинъ случай. Я вышелъ изъ публичной библіотеки и направился домой. Мнѣ предстояло пройти Садовую, Обуховскій и Царскосельскій проспекты. Обыкновенно этотъ конецъ я проходилъ незамѣтно, но на этотъ разъ почувствовалъ приступъ слабости. Я вспомнилъ, что съ Гриневецкимъ однажды случилось то же: онъ зашелъ и ослабѣлъ. Въ карманѣ у него находилась случайно почтовая марка. Онъ беззаботно вошелъ въ первую мелочную лавку и, смѣясь, предложилъ купить у него марку. Лавочникъ оцѣнилъ ее въ пять копѣекъ и отвѣсилъ на эту сумму бѣлаго хлѣба. У меня въ этотъ день оказалась тоже семикопѣечная марка, и я рѣшилъ поступить, какъ Гриневецкій. Но у меня не было ни располагающей наружности Мирочки, ни его открытой веселой манеры. Поэтому, когда я вошелъ въ лавочку на Садовой и застѣнчиво предложилъ толстому купчинѣ купить у меня марку, онъ сначала смѣрилъ меня съ ногъ до головы презрительно испытующимъ взглядомъ, а потомъ, помолчавъ еще нѣсколько времени, сказалъ самымъ уничтожающимъ тономъ:

— Не надо-съ, не требуется, господинъ студентъ. Мы марочки покупаемъ въ государственномъ почтамтѣ-съ, а отнюдь не у голодныхъ студентовъ.

Изъ лавочки я уходилъ опутанный, точно сѣтями, взглядами прикащиковъ и публики, и въ моей памяти всплыла прочитанная гдѣ то, пламенная, полная ненависти цитата изъ Фурье о хищномъ паукѣ торгашѣ... Ненависть къ этому «пауку» такъ воодушевила меня, что я и не замѣтилъ, какъ прошелъ длинный путь до нашей мансарды.

XLVIII

ПАВЕЛЪ ГОРИЦКІЙ, НИГИЛИСТЪ

Я успѣлъ познакомиться съ компаніей Розова. Это были все Васькины земляки, костромскіе бурсаки, и все сплошь горькіе пьяницы. Среди нихъ мнѣ бросились въ глаза двѣ оригинальныя фигуры: Иванъ Колосовъ и Пашка Горицкій.

О Пашкѣ много разсказывалъ мнѣ Веселитскій. Это была звѣзда костромской семинаріи, и его прочили въ академію. Но въ послѣднемъ классѣ онъ написалъ какое-то сочиненіе, блестящее по изложенію, но проникнутое такимъ «духомъ», что о посылкѣ въ академію на казенный счетъ нельзя было и думать. Однако Горицкій рѣшилъ все-таки попасть въ академію. По словамъ Веселитскаго, онъ пѣшкомъ добрался до Кіева, блестяще выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ въ кіевскую духовную академію. Тогда онъ еще не пилъ, былъ вѣрующимъ

и опять обратилъ на себя вниманіе, какъ будущая звѣзда духовнаго просвѣщенія. Но затѣмъ увлекся современными «свѣтскими идеями», сталъ запоемъ читать журналы, изучилъ нѣмецкій языкъ, чтобы читать въ подлинникѣ нѣмецкихъ философовъ, Штрауса, Шлейермахера и Гегеля. Еще немного, и онъ сталъ «нигилистомъ»... Кипучее вино отрицанія легко и весело бродило въ головахъ среди остановившейся на переломѣ русской дѣйствительности, а съ тѣмъ вмѣстѣ — забурлило вино и въ прямомъ смыслѣ. Въ то время и въ литературѣ, и въ интеллигентныхъ кругахъ было въ ходу выраженіе: «пили, какъ Боги»...

— Понима-ашь, братецъ, — повѣствовалъ мнѣ Веселитскій, — отрѣшился нашъ Пашенька отъ всего: сжегъ все, чему поклонялся... Усумнился, понятно, и въ бытіи божіемъ... На диспутахъ выступалъ, какъ нѣкій демонъ отрицанія: и се не бѣ, и се не бѣ... Ну, понимаашь, духовные отцы живо выкурили. Имъ такихъ не надо.

Послѣ этого Горицкій попалъ сначала въ московскій, потомъ въ петербургскій университетъ. Въ это время онъ уже пилъ горькую.

Въ Москвѣ онъ попалъ на урокъ къ какому то высокопоставленному лицу. Баринъ былъ либеральный генералъ, жена «эсприфорка», и сначала все шло хорошо. Оригиналъ-семинаръ-студентъ, съ лицомъ мефистофеля и дьявольскимъ остроуміемъ, нравился и доставлялъ развлеченіе. Но однажды, когда онъ явился въ генеральское общество сильно навеселѣ и направилъ свое ядовитое остроуміе

противъ всей высокопоставленной компаніи, которую созвали, чтобы показать интереснаго нигилиста, — вышелъ скандалъ такой громкій, что Горицкому пришлось уѣхать изъ Москвы.

Колосовъ, его неразлучный спутникъ, былъ прямая противоположность Горицкаго: добродушнѣйшій великанъ, внушавшій однако невольное почтеніе и страхъ однимъ своимъ видомъ и богатырскимъ сложеніемъ, онъ былъ необыкновенно молчаливъ и, казалось, ставилъ задачей своей жизни оберегать пріятеля Пашку отъ послѣдствій его остроумія. Разсказывали, что однажды «для познанія всякаго рода вещей» пріятели забрались въ вертепы знаменитой тогда «Вяземской Лавры», находившейся на углу Сѣнной площади и Обуховскаго проспекта. Горицкій вступилъ въ бесѣду съ какой-то воровской компаніей. За бесѣдой подвыпили, и скоро язвительныя выходки Горицкаго вызвали столкновеніе. Только громадная сила Колосова спасла Пашку отъ крупныхъ непріятностей. Пріятели едва убрались изъ «Лавры» по добру по здорову...

Какъ-то послѣ одной «получки» по случаю имянинъ Розова наши сосѣди кутили всю ночь. Въ серединѣ слѣдующаго дня въ нашу комнату вошелъ Горицкій, котораго я уже видѣлъ мелькомъ нѣсколько разъ. Это былъ блондинъ небольшого роста, съ блѣднымъ лицомъ, острыми чертами, горбатымъ носомъ, и торчащей впередъ рыжеватой бородкой. Я сидѣлъ за столомъ и съ увлеченіемъ читалъ Шпильгагена. Онъ подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ заглавіе и сказалъ:

— А, Шпильгагенъ... Читай, младой вьюношъ, читай. Хар-р-о-шая книга. Возвышаетъ душу... Есть еще писатель Авербахъ (онъ такъ и произнесъ: «Авербахъ» на чисто великорусскій ладъ), такъ тотъ, братецъ, еще занятнѣе: у него все короли на высотахъ цѣлуются.

Онъ выразился гораздо грубѣе и рѣзче. Я покраснѣлъ отъ неожиданности и обиды за Шпильгагена.

— Ну, ну, вьюношъ, не обижайся, я вѣдь любя... Такой же когда-то былъ... А ты, можетъ, богъ дастъ, будешь такой же, какъ я. Не даромъ съ Васькой спознался, да еще, говорятъ, преклоняешься... Брось, братъ, не стоитъ: пустой малый, хоть и землякъ мнѣ. Положимъ, юности свойственно преклоненіе, и даже въ священномъ писаніи сказано: кому преклонюся!.. А ты отвѣтствуй: никому же... Нестоющее дѣло!.. Знаешь: спереди блаженъ мужъ, а сзади вскую шаташеся... Такъ ты, братецъ, на всѣхъ сразу заглядывай съ изнанки. И увидишь, что Васька большой ахтерщикъ...

Въ тонѣ его мнѣ послышалась подъ конецъ какая-то благожелательная, почти нѣжная нота. Съ этого дня Горицкій сталъ часто заходить къ намъ. Разъ даже, послѣ какой то пьяной свалки у Розова, онъ и Колосовъ попросились къ намъ ночевать. У насъ была широкая двуспальная кроватъ, на которой мы спали вмѣстѣ съ Гриневецкимъ, приставляя стулья. Теперь мы улеглись на ней вчетверомъ поперекъ. Я лежалъ рядомъ съ Горицкимъ. Подъ утро со мной случился точно кошмаръ:

я почувствовалъ, что какая-то тонкая сухая рука крѣпко сжимаетъ мое горло, а надъ самымъ моимъ лицомъ склонилось чье-то блѣдное лицо и горящіе глаза. Мнѣ не стоило большого труда скинуть съ себя пьянаго Горицкаго.

— Что вы это, Горицкій? Образумьтесь.

— Да ты-то кто? — спросилъ онъ, сдавленнымъ голосомъ.

Я назвалъ себя.

— Фу ты, навожденіе!.. Да воскреснетъ богъ... А вѣдь я подумалъ, — Сашка это Бѣлавинъ.

Проснулись другіе, въ томъ числѣ Колосовъ.

— Все вотъ эдакъ, — зѣвая сказалъ послѣдній своимъ густымъ, спокойнымъ басомъ. — И вѣдь замѣтьте, братцы: Бѣлавинъ первый пріятель, пока тверезы оба. А какъ который выпьетъ, такъ и ищетъ другого, чтобы непремѣнно истребить. И я-то дуракъ пьяный: положилъ чорта съ младенцемъ. Семъ-ка я рядомъ лягу. Меня, небось, не задушитъ.

— Ну, прости, пожалуйста... — сказалъ Горицкій и, придвинувшись ко мнѣ, такъ что на меня пахнуло горячешнымъ перегаромъ, вдругъ нѣжно поцѣловалъ меня.

Эта фигура возбудила во мнѣ особенный живой интересъ... Горицкій не подходилъ ни подъ одну извѣстную мнѣ литературную категорію, но отъ него вѣяло настоящимъ неподдѣльнымъ трагизмомъ. Въ этотъ годъ онъ долженъ былъ сдать послѣдніе экзамены по юридическому факультету. Когда подошло это время, Горицкій вдругъ исчезъ и не являлся на обычныя попойки у Розова. На мои вопросы

о немъ, мнѣ сказали, что «Пашка дьявольски зубритъ, чтобы сдать экзамены у Рѣдкина». Рѣдкинъ былъ превосходный профессоръ, но пользовался репутаціей большого чудака и самодура. Разсказывали, напримѣръ, что онъ очень не любилъ армянъ и всегда уменьшалъ имъ отмѣтки.

— Господинъ профессоръ, ей-Богу я не армянинъ, — сказалъ, отэкзаменовавшись, какой-то кавказецъ. Рѣдкинъ поднялъ глаза отъ журнала, гдѣ уже готовъ былъ поставить отмѣтку, и, ткнувъ пальцемъ по направленію къ носу студента, спросилъ совершенно серьезно:

— А это что?

— Грузынъ, ей-Богу грузынъ.

— А, это другое дѣло.

И Рѣдкинъ поставилъ въ журналѣ «отлично».

Во время какихъ-то бесѣдъ у Горицкаго произошли съ нимъ оригинальныя пререканія, о которыхъ въ одно время много разсказывали въ студенческихъ кружкахъ, передавая рѣченія Рѣдкина и язвительныя реплики Горицкаго. Рѣдкинъ былъ заинтересованъ, а это, говорили, тоже опасно: такихъ студентовъ онъ экзаменовалъ особенно внимательно и безпощадно. Горицкій не хотѣлъ ударить въ грязь лицомъ, пересталъ пить, и они втроемъ съ Колосовымъ и Бѣлавинымъ занимались дни и ночи. На бѣду въ это время изъ Костромы пріѣхалъ старый товарищъ по бурсѣ, оставшійся на родинѣ сельскимъ попомъ. Пріятели «разрѣшили вина и елея». Попикъ пріѣхалъ съ

деньгами и закутили такъ, что Горицкій на экзаменѣ съ похмѣлья стоялъ столбомъ и не отвѣтилъ ни на одинъ вопросъ.

Послѣ этого онъ явился къ намъ неестественно возбужденный и веселый. Плясалъ, сыпалъ каламбурами и остротами, довелъ Ардаліона до бѣлаго каленья разговорами о философахъ, спроваживающихъ другъ друга «пыбашкѣ», а простодушную Мавру Максимовну привелъ въ восторгъ душеспасительными разговорами...

Не помню, въ этотъ ли, или въ другой разъ онъ опять провелъ ночь въ нашей мансардѣ... Къ Гриневецкому пріѣхалъ знакомый съ родины, и онъ ночевалъ съ нимъ въ гостинницѣ. Васьки тоже не было, — опять сбѣжалъ на Броницкую, — и мы съ Горицкимъ ночевали вдвоемъ. Среди глубокой ночи, проснувшись, я увидѣлъ, что мѣсто Горицкаго пусто. Ночь была свѣтлая... Низкія и широкія окна нашего чердака рисовались на темной стѣнѣ свѣтлыми квадратами. Помнится, въ то время на небѣ стояла комета, и мы вечерами подолгу смотрѣли на нее. Теперь ея не было видно, но окно было залито туманнымъ блескомъ луны. Оглядѣвшись, я увидѣлъ на этомъ свѣтломъ четыреугольникѣ характерный силуэтъ Горицкаго съ его горбатымъ носомъ и острой бородой. Опершись подбородкомъ на руки, онъ сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ вдаль, туда, гдѣ, за рѣдкими домами, фабричными трубами и пустырями, грузной полосой темнѣли деревья Волкова кладбища. Мнѣ стало отчего-то жутко. Поднявшись съ постели, я подо-

шелъ къ окну и тихо положилъ ему руку на плечо. Онъ вздрогнулъ.

— А, это ты? Погляди-ка, братъ: э-вонъ тамъ, на кладбищѣ... мои косточки на мѣсяцѣ бѣлѣются...

Я взглянулъ: среди темныхъ купъ деревьевъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ на лунномъ свѣтѣ фосфорически ярко сверкали бѣлыя пятнышки... Были ли это стѣны церквей и колоколенъ, были ли это часовенки надъ могилами, но подъ вліяніемъ словъ Горицкаго, сказанныхъ съ выраженіемъ глубокой печали, эта даль показалась мнѣ фантастическимъ темнымъ полемъ съ бѣлѣющими кое-гдѣ костями. Сердце мое сжалось глубокой тоской и жалостью. Я сѣлъ рядомъ, опершись тоже на подоконникъ, и мы съ Горицкимъ долго сидѣли такъ, глядя въ смутную ночную даль, и разговаривали... О чемъ, — я не помню. Помню только, что мнѣ отъ всей души хотѣлось сказать Горицкому что-то ласковое и утѣшительное. Но что же я, юноша, почти мальчикъ, могъ сказать этому почти уже сгорѣвшему на жизненномъ огнѣ человѣку... И онъ повидимому тоже хотѣлъ сказать мальчику что-то доброе, предостерегающее. Но тоже не находилъ ничего убѣдительнаго...

Только долго спустя я осмыслилъ себѣ душевную трагедію этого погибшаго хорошаго и даровитаго человѣка и его поколѣнія. Жизнь была пересмотрѣна вся и вся отвергнута. Это было сначала ново и интересно, но скоро интересъ этого отрицанія былъ исчерпанъ до

дна. Однимъ отрицаніемъ, одною злобою противъ жизни —

...«сердце питаться устало,
Много въ ней правды, да радости мало»...

Тогда Некрасовъ уже написалъ эти строки, подслушавъ ихъ въ жизни «нигилистическаго» поколѣнія... Молодыя души искали чего нибудь, что могло примирить съ жизнью, — если не съ дѣйствительностью, такъ хоть съ ея возможностями... Съ трагедіей Базарова Тургеневъ прикончилъ случайною смертью. Въ своей трагической предсмертной исповѣди Базаровъ изливаетъ весь ядъ безнадежнаго скептицизма, съ которымъ жить все равно было нельзя. Какое-то бездорожье залегло передъ этимъ поколѣніемъ «мыслящихъ реалистовъ», мечтавшихъ о разумѣ, свободѣ и полнотѣ личности среди неразумной и несвободной жизни.

Все это я передумалъ и осмыслилъ позже, познакомившись съ другими «старыми студентами» того же поколѣнія.

А въ ту лунную ночь съ бродившей гдѣ-то кометой и съ галлюцинаціей погибшаго человѣка — мое сердце горѣло лишь жуткимъ сочувствіемъ и глубокой тоской... Я пытался говорить, что не все еще потеряно, что онъ конечно выдержитъ экзаменъ въ будущемъ году, и тому подобные пустяки.

— Нѣтъ, братецъ... Брось эту словесность... Тянуть еще годъ?.. Зачѣмъ? И главное, пойми, дружокъ: все, все это зачѣмъ? все вообще?.. Соломонъ былъ умный человѣкъ: суета суетъ и всяческая суета!.. А тутъ еще

вдобавокъ, — и суета-то пьяная... Такъ къ чему тянуть лямку?

Понятно, что на этотъ вопросъ, предложенный мальчику зрѣлымъ человѣкомъ, у мальчика не было готоваго отвѣта.

Вскорѣ Горицкій уѣхалъ изъ Петербурга, и я потерялъ его изъ виду. Впослѣдствіи я пытался узнать у костромичей, съ которыми меня сводила судьба, о дальнѣйшей участи Горицкаго. Свѣдѣнія были неопредѣленны и смутны. Вспоминали какого-то Горицкаго, бывшаго письмоводителемъ у одного изъ нотаріусовъ, своего товарища и пріятеля (можетъ быть того же вѣрнаго Колосова)... Говорили еще, что это былъ человѣкъ очень способный и дьявольски остроумный, но горькій пьяница...

И ничего больше я о Горицкомъ, котораго здѣсь называю настоящей фамиліей, не узналъ...

XLIX

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЪ ИКОНОЙ МЫ РАЗСТАЕМСЯ СЪ ВЕСЕЛИТСКИМЪ

Какъ-то ночью въ нашей маленькой квартиркѣ случилось необыкновенное происшествіе. Часовъ около трехъ на половинѣ хозяевъ, въ спаленкѣ, прилегавшей къ нашей комнатѣ, раздался страшный грохотъ, а затѣмъ послышались странные звуки, точно плачъ испуганнаго ребенка. Проснувшись и

наскоро натянувъ на себя кое-какую одежду, я выскочилъ въ комнату хозяевъ и сразу понялъ все.

Первое мѣсто среди незатѣйливой обстановки Цывенковъ принадлежало грузному большому кіоту съ иконой богоматери въ тяжелой кованной ризѣ за стекломъ. Передъ этой иконой горѣла неугасимая лампадка, и Мавра Максимовна никогда не забывала купить для нея масла. Теперь этотъ кіотъ лежалъ на полу съ разбитымъ вдребезги стекломъ. Лампадка упала, масло разлилось, и вздрагивавшій огонекъ не погасшаго фитиля кидалъ еще на эту картину разрушенія дрожащіе и невѣрные отблески.

Цывенко зажегъ лампу. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, но не забылъ надѣть на носъ толстыя роговыя очки. Курносое лицо съ толстыми усами и николаевскими бакенами было печально и мрачно, а изъ за занавѣски на двуспальной кровати виднѣлось круглое дѣтское лицо Мавры Максимовны. Оно было искажено страхомъ. Почти истерически всхлипывая, она говорила что-то торопливо, прерывисто и невнятно, и въ этомъ испуганномъ лепетѣ я разобралъ, что для обоихъ супруговъ это было не простое паденіе кіота, а указующее знаменіе со стороны Владычицы.

— Смерть это, смерть... Каролинъ Ивановичъ — голубчикъ, родная моя!.. Вы ученые, знаете: хорошо, какъ это мнѣ помереть... А какъ Цывенку мому, не дай Богъ... Что я тогда буду дѣлать сирота безродная на бѣломъ свѣтѣ?.. Охъ, смерть моя... Духу, духу нѣтъ.

И она судорожно хваталась за рубашку на груди...

Цывенко, молча убиравшій осколки стекла, вдругъ заворчалъ изъ подъ нависшихъ усовъ:

— А мнѣ что одному дѣлать на свѣтѣ... Не желаю я, не согласенъ... Никакимъ родомъ...

Онъ протестовалъ противъ кого-то угрюмо и дерзко, точно возражая на неправильное распоряженіе начальства. Мнѣ вспомнились Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, и я понялъ, что это потрясеніе, въ особенности при сырой комплексіи Мавры Максимовны и ея дѣтскомъ суевѣріи, прямо опасно. Подойдя къ кіоту, я сталъ съ дѣловымъ видомъ разсматривать веревку. Она была тонка, вся обволочена паутиной и очевидно сгнила. Мавра Максимовна со страхомъ слѣдила за мной...

— Послушайте, Федоръ Максимовичъ, — сказалъ я увѣренно. — Ну, какъ вамъ не стыдно? Давно ли вы мѣняли веревку?

— Да не мѣняли вовсе, — угрюмо отвѣтилъ онъ. — Какъ кіоту купилъ, съ тѣхъ поръ на ней и виситъ.

— Ну, а въ углу сыро, веревка и сгнила. Было бы настоящее чудо, если бы такой тяжелый кіотъ держался дольше на такой дрянной веревочкѣ. Посмотрите сами...

Лицо браваго Цывенка нѣсколько разгладилось, но толстуха попрежнему нервно всхлипывала и хваталась за грудь. Въ это время вошелъ и Гриневецкій. Мавра Максимовна очень благоволила къ нему... Она тоже была женщина, а у Мирочки было открытое лицо

и свѣтлые кудри херувима. Онъ принесъ стаканъ воды, сѣлъ на край постели и сталъ шутливо и ласково говорить съ ней... Если бы Владычица захотѣла дать знаменіе, то она оставила бы цѣлыми и крючекъ и веревку, и все-таки бы упала... Вотъ тогда было бы дѣйствительно чудо...

Цывенко совершенно убѣдился и, наклонивъ кіотъ, показалъ супругѣ тонкую, гнилую веревку. Взявъ въ другомъ мѣстѣ, онъ оторвалъ еще кусокъ и покачалъ головой:

— Грѣхи наши... Не догадались... Какъ еще держалась, въ самомъ дѣлѣ, удивительное дѣло! Милость Владычицы, что не зашибла никого...

Это естественное объясненіе разгоняло страхъ. Мавра Максимовна перестала всхлипывать, задыхаться и хвататься за грудь.

— Вотъ спасибо вамъ... Вы люди ученые, авось лучше знаете?.. — заговорила она, просвѣтлѣвъ... — Цывеночка мой, можетъ и правду помилуетъ Владычица? А?..

Ночные страхи улетали изъ спаленки этихъ простодушныхъ людей, и я уже праздновалъ побѣду, какъ вдругъ дверь отъ нашей комнаты внезапно раскрылась, и въ темномъ четыреугольникѣ появилась мрачная фигура Василія Ивановича.

Нужно сказать, что къ этому времени Василій Ивановичъ даже для меня окончательно опредѣлился, и я нашелъ, что самая «циничная» характеристика Ардаліона — только горькая правда. Между прочимъ онъ еще два раза ухитрялся получать деньги безъ нашего вѣдома

и каждый разъ прокучивалъ ихъ съ пріятелемъ чиновникомъ, послѣ чего приходилъ дѣлить съ нами нашу нужду.

Въ это утро онъ какъ разъ пришелъ послѣ такого случая. Пытался вновь разыграть драму, но оба мы съ Мирочкой отнеслись къ этой попыткѣ холодно.

— Ахтерщикъ, — припомнилось мнѣ замѣчаніе Горицкаго, и я весь день не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на глухіе стоны похмѣльнаго Васьки. Васька отсыпался весь день, былъ въ Katzen-Jammer'ѣ и дулся на своей постели, порой язвительно ворча про себя какія-то ехидныя замѣчанія по нашему адресу. Теперь онъ стоялъ въ темномъ четыреугольникѣ двери, освѣщенный лампой. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ и въ туфляхъ на босу ногу, задрапированный, какъ въ мантію, въ пестрое лоскутное одѣяло. Казалось, онъ нарочно принимаетъ величаво-зловѣщую позу. Лицо у него было дряблое, измятое, носъ обвисъ, углы губъ мрачно опущены книзу.

— Нѣтъ... Што ужъ тутъ обольщаться, — заговорилъ онъ замогильнымъ голосомъ, точно тѣнь отца Гамлета, — у насъ въ семьѣ былъ такой же случай: такъ же вотъ въ полночь какъ гр-ро-мыхнетъ, знаете ли, семейный кіотъ, а на утро хозяйка приказала долго жить... Бываютъ, я вамъ скажу, бываютъ таинственныя предзнаменованія... Много есть на свѣтѣ, другъ Горацію... Конешно есть люди, которые и въ Бога не вѣрятъ... — прибавилъ онъ, очевидно приноровляясь къ Цывенкамъ... Мавра Максимовна испуганно подня-

ла брови и вдругъ опять схватилась за грудь. Я задрожалъ отъ гнѣва и крикнулъ своему бывшему кумиру:

— Замолчи, болванъ!

Васька съ удивленіемъ взглянулъ на меня, но тотчасъ же повелъ плечомъ, задрапировался плотнѣе въ свою мантію и сказалъ:

— Што жъ, ругательство не доказательство. Хотите, Мавра Максимовна, вѣрьте, хотите нѣтъ, а я вамъ говорю: не къ добру это, нѣтъ-съ, не къ добру, не къ добру.

И, театрально повернувшись, онъ вышелъ, волоча за собой длинное одѣяло. Гриневецкій весело захохоталъ, и этотъ смѣхъ разсѣялъ опять испугъ Мавры Максимовны. Она повернулась къ двери и запальчиво сказала вдогонку:

— Не вѣрю я тебѣ, Василій Ивановичъ... Не правда. Они больше тебя знаютъ... Аны вишь ходятъ, учатся... А ты все дома отлеживаешься, да Ваську мово мучаешь...

И, повернувшись къ намъ, она заговорила горячо:

— Злой онъ, нехорошая... Пріучилъ Ваську мово гитару слушать. А теперь, гляжу, — что такое: какъ гитару заслышитъ, такъ куда попало и порскнетъ: намедни въ форточку выскочилъ... А это онъ Василій Ивановичъ, забавляется, Васеньку мово мучитъ: зажметъ голову, да и щиплетъ... — Что, скажешь: — неправда, что ли?

Цывенко повернулся къ двери, и усы его свирѣпо ощетинились. Но черезъ минуту — другую изъ нашей комнаты послышался храпъ

Васьки... А скоро и все успокоилось на нашемъ чердакѣ.

Я долго не могъ заснуть. Мнѣ было горько и обидно: какъ я могъ такъ долго обольщаться! Въ сущности я былъ юноша неглупый и нелишенный наблюдательности, но мое воображеніе легко подкупалось предвзятыми представленіями... Какъ прежде, въ случаѣ съ Теодоромъ Негри, — образъ Васьки для меня раздвоился. Гдѣ-то на заднемъ фонѣ сознанія рисовался Васька пьяница и сознательный обманщикъ, безчестно заманившій Настю, но я не *хотѣлъ*, чтобы этотъ образъ выступилъ на первый планъ, потому что — полюбилъ созданіе моего воображенія... А Васька, по какому-то инстинкту актера, угадывалъ мое настроеніе и игралъ соотвѣтственную роль. Только въ послѣднія недѣли сталъ явно сбиваться съ тона, то щеголялъ кощунствомъ, называя бога Тамерланомъ, то теперь говорилъ о «знаменіяхъ»...

На слѣдующій день произошла тяжелая сцена. Васька, засунувъ руки въ карманы, ходилъ размѣренными шагами изъ угла въ уголъ нашей комнаты, а я сидѣлъ за столомъ и высказывалъ ему горькую правду, мстя за свои прежнія увлеченія.

— Ты съ перваго дня игралъ роль, — говорилъ я... — Ты только прикидывался, что сопоставляешь статистику населенія съ законами... Ты лгалъ всѣмъ: и словами и молчаніемъ... Ты совсѣмъ не жалѣлъ Горицкаго, не обращался съ словомъ убѣжденія къ розовской компаніи, а напрашивался на выпивку, и тебя по дѣломъ прогнали въ шею...

Васька продолжалъ невозмутимо шагать изъ угла въ уголъ и съ поражавшимъ меня самодовольствомъ подавалъ реплики:

— Ну, што-жъ... Пусть актеръ... Всѣ люди до извѣстной степени актеры... Не обольщаюсь: не больно и уменъ... Сократъ сказалъ: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Не считаю себя умнѣе Сократа...

Эта неуязвимость совершенно вывела меня изъ себя, и я запальчиво продолжалъ:

— И никогда ты не напивался до чертиковъ, и никогда тебѣ не являлся твой двойникъ съ блѣднымъ лицомъ...

Тутъ Васька вдругъ повернулся и посмотрѣлъ на меня, какъ будто хотѣлъ что-то сказать... Теперь я думаю, что зеленыхъ ухастыхъ чертиковъ онъ дѣйствительно видѣлъ и что двойникъ съ горящими глазами ему дѣйствительно являлся. Но тогда я и этому уже не хотѣлъ вѣрить, такъ какъ отрицалъ прежняго Ваську всего безъ остатка...

Послѣ этого очевидно дальше жить вмѣстѣ стало невозможно. И дѣйствительно, вернувшись изъ института, мы уже не застали Ваську. Увязавъ въ узелъ подушку, лоскутное одѣяло, календарь Гоппе и гитару, онъ переселился на Броницкую.

Послѣ этого мы видали его только издали на Маломъ Царскосельскомъ, порой съ сожительницей чиновника, женщиной довольно пошлаго вида. Онъ помогалъ ей тащить какіе то кульки и какъ-то удивительно быстро окрасился подъ тонъ новой среды.

Помнится, Пасха въ этотъ годъ была довольно поздняя. Мы съ Тучковымъ рѣшили обойти въ пасхальную ночь нѣсколько церквей. Побывали у Исакія, потомъ прошли на окраины, къ Миронію и уже подъ утро возвращались къ себѣ. На углу Большого и Малаго Царскосельскаго проспектовъ у нашей часовенки, вдоль высокихъ тротуаровъ расположились цѣлой вереницей обыватели и обывательницы, выжидавшіе конца молебна и освященія пасхальныхъ яствъ. Мы шли вдоль тротуара, присматриваясь къ группамъ и прислушиваясь къ разговорамъ. Тутъ была простая публика нашей окраины съ ротъ, отъ московской заставы, съ Обводнаго, — больше женщины: лавочницы, кухарки, дворничихи, жены фабричныхъ и мастеровыхъ. Вдругъ Тучковъ дернулъ меня за руку:

— Посмотри, — сказалъ онъ.

У тумбочки, на откосѣ тротуара, рядомъ съ какой-то старой салопницей сидѣлъ Васька. Я едва узналъ его: онъ какъ-то сгорбился, имѣлъ смиренный и благочестивый видъ. Повидимому бѣдняга страдалъ флюсомъ: щека у него была подвязана, и концы платка смѣшно торчали за ушами. Онъ велъ тихую, очевидно поучительную бесѣду съ сосѣдями. Я разслышалъ какой-то текстъ изъ писанія.

— Здравствуйте, Василій Ивановичъ, — сказалъ я громко, остановившись у этой группы. Васька вздрогнулъ и, повернувшись черезъ плечо, не отвѣтилъ на привѣтствіе, повидимому замѣтивъ въ моемъ тонѣ насмѣшку. Наклонясь къ своимъ собесѣдницамъ, онъ заговорилъ, по-

низивъ голосъ, но такъ, что мы могли слышать:

— Ноньче, матушки мои, развелось много такого народу, что ужъ не вѣрятъ въ Бога и смѣются надъ обрядами святой православной церкви...

Новую роль, въ зависимости отъ новой среды Васька выдерживалъ великолѣпно. Трудно было повѣрить, что передъ нами — недавній студентъ, щеголявшій кощунствомъ и называвшій бога «какимъ-то Тамерланомъ», — фраза, выхваченная изъ какой-то запрещенной книжки.

Въ это утро я видѣлъ Василія Ивановича Веселитскаго въ послѣдній разъ.

L

Я РАЗОЧАРОВЫВАЮСЬ ВЪ ЕРМАКОВѢ И ПОСѢЩАЮ ПЕРВОЕ «ТАЙНОЕ СОБРАНІЕ»

Дѣла наши не поправлялись, настроеніе все больше тускнѣло. Розовый туманъ сползалъ со всего окружающаго, обнажая дѣйствительность, прозаическую и сѣрую. Гриневецкій тоже загрустилъ: третій годъ грозилъ уйти за первыми двумя, тогда какъ родители его были увѣрены, что сынъ уже на третьемъ курсѣ.

Приближался первый экзаменъ по высшей алгебрѣ. Гриневецкому онъ былъ не труденъ: математика давалась ему легко. Мнѣ было гораздо труднѣе. Вдобавокъ изъяны въ одеждѣ не позволяли мнѣ аккуратно посѣщать институтъ, и я пропустилъ одинъ срокъ чертежей.

Мы рѣшили съ Гриневецкимъ обратиться за пособіемъ въ кассу помощи студентамъ. Исправивъ съ помощью Тучкова или Ардаліона недостатки своего костюма и написавъ прошеніе, я отправился въ институтъ.

Въ этотъ день просителей принималъ самъ Ермаковъ. Это былъ человѣкъ довольно высокаго роста, съ крупными, выразительными чертами и блѣднымъ лицомъ нездороваго цвѣта, напоминавшій мнѣ описаніе Сперанскаго въ «Войнѣ и Мирѣ». Лицо его показалось мнѣ нѣсколько печальнымъ и какъ будто разочарованнымъ. Между нимъ и стоявшей за низкимъ барьеромъ тѣсной группой студентовъ залегла какъ будто легкая тѣнь взаимнаго нерасположенія. Принимая прошенія, онъ дѣлалъ вскользь короткія, угрюмыя замѣчанія. Наконецъ наступила моя очередь. Я стоялъ передъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, чье короткое извѣщеніе, полученное въ маленькомъ городишкѣ мѣсяцевъ десять назадъ, такъ радужно освѣтило тогда мою жизнь. Взявъ прошеніе, онъ окинулъ меня пытливымъ взглядомъ и спросилъ:

— Чертежи всѣ сданы?

Я смутился и отвѣтилъ:

— Не всѣ.

— Такъ и зналъ, — произнесъ Ермаковъ, кивнувъ головой, какъ бы подчеркивая свою проницательность. Я хотѣлъ сказать, что не сдалъ только за одинъ срокъ и что пособіе мнѣ нужно именно затѣмъ, чтобы наверстать потерянное время. Но я не сказалъ ничего. Ермаковъ уже обратился къ другому, а я ушелъ, оскорбленный. — «Такъ и зналъ»... Почему-же

онъ зналъ?.. Потому, что я плохо одѣтъ, блѣденъ и желтъ отъ голода?..

На душѣ залегъ горькій осадокъ новаго разочарованія. Я поднялся въ чертежную. За нашимъ столомъ мой двойникъ заканчивалъ великолѣпный чертежъ. Моей доски за этимъ столомъ уже не было. Институтъ былъ переполненъ, и сторожа убрали мою доску, очистивъ мѣсто другому.

Значитъ, и они формально зачислили меня въ разрядъ «плохихъ студентовъ». Понуривъ голову, я пошелъ внизъ. Здѣсь я замѣтилъ, что студенты разныхъ курсовъ входятъ въ какую-то аудиторію. Я послѣдовалъ за теченіемъ. Въ аудиторіи шла сходка. На столѣ стоялъ студентъ въ блузѣ — фигура демократическая и угловатая, — и дѣлалъ докладъ о результатахъ депутаціи къ Ермакову. Рѣчь шла, помнится, о требованіи передать кассу помощи въ руки самихъ студентовъ, такъ какъ теперь истинно нуждающимся получить трудно: пособіями пользуются «покорные телята», часто богатые барчуки. Докладчикъ говорилъ, упирая на о съ простонародными оборотами и въ аудиторіи то и дѣло раздавались сочувственныя восклицанія: «правда, правда». Между тѣмъ Ермаковъ наотрѣзъ отказался отстаивать въ совѣтѣ требованіе студентовъ.

— Онъ пересталъ понимать молодежь, — закончилъ ораторъ.

— Правда, правда! — шумно подтвердила аудиторія. — Нужно искать другіе пути!..

Я конечно примыкалъ всей душой къ этому рѣшенію и жадно ловилъ отголоски своего

настроенія въ шумѣ и восклицаніяхъ студенческой массы.

Подъ конецъ сходки ко мнѣ подошелъ Зубаревскій. Со времени нашей встрѣчи на желѣзной дорогѣ и послѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ, — я всякій разъ встрѣчалъ его съ какимъ-то особеннымъ душевнымъ облегченіемъ. Было что-то простое, хорошее и душевное въ этой невзрачной фигурѣ съ скуластымъ лицомъ и утинымъ носомъ. Я не подводилъ его ни подъ какую литературную категорію, а просто радовался при встрѣчахъ съ нимъ.

— Ну, что, какъ живется? — спросилъ онъ. — Вы что-то носъ повѣсили... Въ чемъ дѣло?

— Вообще плохо, — отвѣтилъ я, отворачиваясь. — Тоска!..

Онъ задержалъ мою руку, о чемъ-то подумалъ и затѣмъ сказалъ:

— Вы бывали на какихъ нибудь собраніяхъ?

— Да вотъ сейчасъ... — отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, я говорю не о сходкахъ... А бывали ли вы въ кружкахъ? Нѣтъ?.. Хотите побывать? Образуется тутъ одинъ кружокъ, люди хорошіе. Согласны? Ну, постойте немного, я вотъ тутъ переговорю.

Онъ кинулся вдогонку за какимъ-то студентомъ и, взявъ его подъ руку, сталъ ходить въ сторонѣ взадъ и впередъ по аудиторіи, о чемъ то разговаривая. Оба при этомъ посматривали на меня. Я съ нѣкоторымъ волненіемъ ждалъ результата: захотятъ ли они, умные, серьезные, принять меня. Я еще ощущалъ на себѣ пренебрежительный взглядъ Ермакова... Вотъ и мою доску убрали изъ чертежной... Я чув-

ствовалъ себя выбитымъ изъ колеи и несчастнымъ... Но собесѣдникъ Зубаревскаго, очевидно куда-то очень торопившійся, попрощался съ нимъ и привѣтливо кивнулъ мнѣ головой черезъ порѣдѣвшую толпу. Зубаревскій вернулся ко мнѣ.

— Дѣло устроено, — сказалъ онъ. — Приходите въ воскресеніе въ 13-ю роту Измайловскаго полка, домъ № 163-й, квартира такая то. Когда вамъ отворятъ, спросите меня или такого то (онъ назвалъ кажется Эндаурова). Если насъ и не будетъ, — все равно васъ пустятъ... Сходите, сходите... Народъ хорошій.

Я радостно направился домой. Была уже весна, сквозь быстро бѣгущія бѣлыя облака то и дѣло мелькали большія полосы яркаго синяго неба, въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть и особенное весеннее оживленіе. Но я всѣ эти дни былъ во власти той особенной весенней тоски, съ которой молодое сознаніе будто провожаетъ напрасно пролетающую жизнь. Эта тоска пришла со мною въ институтъ и съ особенной силой захватила въ чертежной. Кто-то открылъ тамъ два или три окна, и съ улицы неслось дребезжаніе экипажей, пѣвучіе крики разнощиковъ, суетливый шумъ быстро несущейся столичной жизни... А моя жизнь остановилась въ какомъ-то мрачномъ углу... Вотъ и моя доска убрана со стола...

Сначала сходка, потомъ приглашеніе на собраніе нѣсколько разсѣяли это настроеніе. Я предчувствовалъ что-то новое. Это будетъ не пьянство у Розова, не бильярдъ въ «Бѣлой Лебеди», не нигилистическая тоска Горицкаго.

что-то новое, точно предчувствіе новаго откровенія...

Подъ вечеръ въ воскресеніе я отправился въ 13-ю роту. Идти пришлось далеко. Съ моря надвинулись густыя облака, моросилъ дождикъ, огни тусклыхъ (кажется тогда еще масляныхъ) фонарей трепетали на подвижной поверхности тонкихъ лужицъ. При свѣтѣ одного изъ такихъ фонарей я нашелъ домъ № 163. Это былъ огромный, невзрачный домина, нелѣпо и грузно возвышавшійся надъ небольшими домишками въ глухой улицѣ, населенной служащими варшавской и петергофской дорогъ, мастеровыми съ заводовъ и студентами.

Я вошелъ въ ворота, поднялся на лѣстницу направо, на самый верхъ, въ пятый или шестой этажъ, и дернулъ звонокъ. За дверью послышались шаги, потомъ какой-то разговоръ... Въ дверяхъ осторожно пріоткрылась щелка, мелькнули два молодыхъ глаза, и дѣвичій голосъ спросилъ:

-- Кого нужно?

— Зубаревскаго, — отвѣтилъ я.

— Его нѣтъ.

— Ну, такъ Эндаурова...

— Тоже нѣтъ.

— Постойте, постойте, — торопливо перебилъ другой женскій голосъ. — Какъ васъ зовутъ? А, ну, войдите, пожалуйста... — И дверь открылась.

Я вошелъ въ переднюю, скинулъ пальто на кучу другихъ и не безъ смущенія вошелъ въ большую комнату.

— Это, господа, такой-то, — сказала впустившая меня молодая дѣвушка... — Рекомендація Зубаревскаго и Эндаурова... Садитесь, пожалуйста.

Я пробрался въ дальній уголъ и осмотрѣлъ собраніе. Здѣсь было десятка полтора молодыхъ людей и дѣвушекъ, но колокольчикъ дребезжалъ то и дѣло, и входили новыя лица. По тому, какъ они входили, раскланивались, занимали мѣста, было замѣтно, что собравшіеся не были еще тѣсно сплоченнымъ обществомъ. Замѣчалось стѣсненіе и неловкость. Увидя знакомое лицо среди сидѣвшихъ подъ стѣнками молодыхъ людей, новоприбывшіе радостно кидались туда, дѣвушки обнимались и начинали шушукаться. Общаго разговора не было. Въ открытую дверь виднѣлась другая комната, поменьше, со столомъ посрединѣ и висячей лампой. За столомъ сидѣли нѣсколько студентовъ и среди нихъ три-четыре женскія фигуры. Я догадался, что это хозяева или устроители собранія и еще — что они въ затрудненіи, не знаютъ, что съ нами дѣлать, и какъ будто ждутъ еще кого-то.

Раздался звонокъ... Вошелъ технологъ большого роста въ блузѣ и очкахъ. По наружности и пріемамъ онъ напомнилъ мнѣ оратора на сходкѣ, но фигура была культурнѣе. Онъ сталъ что-то разсказывать сидѣвшимъ за столомъ и потомъ они заговорили тише, какъ будто совѣщались...

Между тѣмъ, въ нашей комнатѣ стояло все то же напряженіе. Не было чего-то, что объединило бы собравшихся.

Я съ любопытствомъ сталъ разсматривать дѣвушекъ. Учащіяся женщины были для меня совершенной новостью. Тогда въ нашемъ городѣ не было еще женской гимназіи, и первая гимназистка изъ Житоміра, Долинская, пріѣхавшая на каникулы къ матери въ своемъ форменномъ коричневомъ платьѣ, привлекала общее вниманіе. Къ Васькѣ раза два приходила какая-то Екатерина Григорьевна, женщина лѣтъ за тридцать. У нея были курчавые, стриженые волосы, перехваченные круглой гребенкой, и пэнсне на носу. Въ зубахъ, большихъ и некрасивыхъ, вѣчно торчала папироса. Въ первый разъ она явилась къ намъ еще въ то время, когда Васька не спустился для меня съ своей высоты, и помню, что въ тотъ же вечеръ я написалъ брату восторженное глупое письмо, гдѣ описывалъ первую увидѣнную мною «нигилистку». Помню, однако, что на заднемъ фонѣ и этого «литературнаго впечатлѣнія» стояло смутное реальное представленіе о жалкомъ пошловатомъ существѣ, съ остатками институтскихъ манеръ и нездоровой страстностью во взглядѣ.

Теперь передо мною были скромныя на видъ дѣвушки, смущенныя, какъ и я, и какъ я ждущія чего-то.

Мнѣ показалось, что въ дальнемъ углу я замѣтилъ своего двойника... Мнѣ хотѣлось подойти къ нему, но нужно было перейти черезъ всю большую комнату... Да я и не былъ увѣренъ, по близорукости, что это онъ.

Въ дальнѣйшихъ моихъ воспоминаніяхъ объ этомъ вечерѣ какое-то тусклое пятно, безъ

яркихъ фигуръ и эпизодовъ. Заговорилъ серьезный студентъ, пришедшій послѣднимъ. Не помню, что именно онъ говорилъ, помню только, что и говорившій, и слушатели чувствовали, что что-то не удается, что въ напряженную атмосферу пытается пробиться какая-то простая «настоящая» нота, но пробиться не можетъ. Говорилось, помнится о томъ, что, кромѣ спеціальныхъ знаній, нужно еще искреннее желаніе обратить ихъ на пользу родного народа. Это была, какъ будто, и правда, но пока эта правда вотъ здѣсь, сейчасъ насъ не объединяла.

Стало немного легче, когда пригласили въ сосѣднюю комнату, гдѣ уже кипѣлъ самоваръ. У одной стѣны стояла простенькая кровать, покрытая бѣлымъ пологомъ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ Чернышевскаго и Михаила Илларіоновича Михайлова... Хозяйка, молодая женщина лѣтъ 25, разливала чай. Другая, курчавая дѣвушка брюнетка, какъ кошечка, ластилась къ ней, и обѣ онѣ показались мнѣ такими чистыми, красивыми и хорошими, что мнѣ вспомнилась родная семья... Хоть когда-нибудь, хоть разъ въ недѣлю, даже разъ въ мѣсяцъ прійти вотъ въ такую квартиру, посидѣть вечеръ въ разумномъ и чистомъ женскомъ обществѣ — казалось мнѣ недосягаемымъ блаженствомъ.

Но общій непринужденный разговоръ не наладился и тутъ; уходили въ другую комнату, сбивались знакомыми кучками, говорили вполголоса. Потомъ стали расходиться, рѣшивъ, что о днѣ слѣдующаго собранія участники бу-

дутъ извѣщены особо въ институтѣ и на женскихъ курсахъ.

Я вышелъ въ числѣ послѣднихъ. Въ квадратный дворъ, обнесенный высокими стѣнами, моросилъ, какъ въ колодезь, мелкій дождикъ. У воротъ сидѣлъ неподвижный дворникъ, около него стояли двѣ-три какихъ-то штатскихъ фигуры. На улицѣ тускло мерцали фонари съ тѣми же отраженіями на трепетныхъ лужицахъ. Въ душѣ у меня было тоже тусклое разочарованіе. Вотъ я выхожу изъ этого дома, куда часа три назадъ входилъ съ такой надеждой... Образъ хозяйки и кудрявой дѣвушки залегъ въ памяти ласкающимъ мягкимъ обаяніемъ. Но я чувствовалъ, что это красивое пятно не имѣетъ никакого отношенія къ моимъ надеждамъ. Остальное смутно и неопредѣленно, и мнѣ невольно приходило въ голову, — какія язвительныя словечки отпустилъ бы Паша Горицкій по поводу этого неудавшагося собранія.

На углу 13-й роты и какого-то переулка меня обогналъ мой двойникъ. У фонаря онъ посмотрѣлъ на меня, и я посмотрѣлъ на него... Да, это былъ онъ. До сихъ поръ взгляды, которыми мы обмѣнивались, были скорѣе взглядами нерасположенія. Теперь мнѣ опять захотѣлось остановить его, заговорить. Въ его глазахъ мелькнуло какъ будто тоже желаніе. Но онъ шелъ быстро, и точно по инерціи, прошелъ мимо. Я тоже его не окликнулъ, и онъ скоро свернулъ за уголъ. Когда я дошелъ до этого угла, какая-то фигура еще маячила въ слякотномъ сумракѣ... Догнать его, поговорить по

душѣ о томъ, что мы оба тутъ искали и чего не нашли, и почему это «не вышло»... Но, когда я догналъ шедшаго впереди, то оказалось, что на немъ обыкновенное черное пальто, а не сѣрая шинель со споротыми гимназическими пуговицами...

Такъ я не догналъ моего двойника, не знаю его фамиліи, и никогда уже мы не встрѣтились въ жизни.

Гриневецкій уже спалъ, когда я вернулся на нашъ чердачекъ...

— Ну, что тамъ было? — спросилъ онъ, проснувшись. — Стоило ходить?

— Ничего интереснаго, — отвѣтилъ я, и сталъ безъ увлеченія разсказывать о скучномъ собраніи. Онъ зѣвнулъ, потянулся и скоро заснулъ.

На слѣдующій день меня опять охватила весенняя тоска. Весь день я не находилъ себѣ мѣста и принялъ вмѣстѣ съ Гриневецкимъ приглашеніе въ компанію студентовъ-химиковъ, которые занимались въ это время въ лабораторіи перегонкой спирта. Попутно они изготовили нѣсколько бутылокъ «ликера» и позвали цѣлую компанію для торжественной пробы своего производства. Пили, пѣли пѣсни, обнимались и въ концѣ концовъ легли тутъ же въ повалку, отравившись сивушнымъ масломъ. На слѣдующій день, поздно, съ болью въ головахъ и съ безвкусицей на душѣ, вернулись мы съ Гриневецкимъ на свой чердачекъ. Здѣсь испуганная Мавра Максимовна встрѣтила насъ новостью: приходила полиція. Ввалилось сразу трое и перепугали бѣдную женщину до смерти.

— Какъ въ тотъ разъ, когда взяли нашего жильца... Спрашивали про васъ: гдѣ были вечеромъ третьяго дня и поздно ли вернулись? Я уже хватила грѣха на душу: сказала, — весь вечеръ дома сидѣли... «Мои, говорю, смирные... Все учатся». — А вы вотъ какіе смирные... Совсѣмъ дома не ночевали... Наживете вы бѣды...

Нѣсколько дней послѣ этого въ институтѣ, въ строительномъ училищѣ, въ Семеновскомъ и Измайловскомъ полкахъ, по ротамъ, проспектамъ и переулкамъ только и было разговоровъ, что о нашемъ тайномъ собраніи. Я вспомнилъ, что, отойдя три-четыре квартала по 13-й ротѣ и случайно оглянувшись, я видѣлъ какое-то движеніе около большого дома. Путались какія-то неясныя тѣни, происходила какая-то возня, какъ будто слышались даже свистки. Я тогда не обратилъ на это вниманія. Оказалось, что полиція поздно узнала о «тайномъ собраніи» и явилась къ концу его, когда изъ воротъ выходили послѣдніе его участники. Среди нихъ былъ нѣкто, помнится, Крестовоздвиженскій, технологъ въ родѣ Колосова, огромный и молчаливый. Весь вечеръ онъ просидѣлъ въ хозяйской комнатѣ, не проронивъ ни слова. Но когда при входѣ нѣсколько штатскихъ субъектовъ, которыхъ я видѣлъ стоящими рядомъ съ дворникомъ, попытались задержать послѣднихъ выходившихъ, то этотъ молчаливый силачъ вдругъ развернулся, явилъ чудеса храбрости, обратилъ сыщиковъ въ паническое бѣгство, послѣ чего безслѣдно исчезъ. Наше неудавшееся «тайное собраніе» выросло

въ цѣлое событіе. Полиція ходила изъ дома въ домъ, шли разспросы, ходили фантастическіе разсказы о собраніи «тайнаго общества», о необыкновенной силѣ таинственнаго студента. Даже въ моихъ глазахъ этотъ эпизодъ сталъ принимать другую окраску. Произошло что-то, чего «правительство боится». Значитъ, есть тутъ что-то наростающее и важное.

— Правда, что и вы были тамъ? — спрашивали у меня студенты шепотомъ, и у меня уже не хватало духу отвѣтить, какъ я отвѣтилъ Гриневецкому: ничего интереснаго, одна скука.

Впослѣдствіи много разъ мнѣ вспоминался этотъ эпизодъ. Кто знаетъ, разрослось ли бы движеніе молодежи такъ быстро и такъ бурно, если бы правительство было умнѣе и спокойнѣе и не такъ нервно пускало бы въ ходъ грубый и неуклюжій аппаратъ произвольной власти. Теперь уже ясно, что такъ называемое «хожденіе въ народъ» было наивной попыткой съ негодными средствами. Но правительство само вызвало грозный призракъ террора . . . Таинственный молчаливый студентъ, внезапно разгромившій полицію послѣ невиннѣйшаго «тайнаго собранія», часто какимъ-то предзнаменованіемъ встаетъ въ моей памяти . . .

LI

Я НАХОЖУ РАБОТУ И ПРІОБРѢТАЮ ЗНАКОМСТВА — ПИСАТЕЛЬ НАУМОВЪ

Становилось ясно: этотъ годъ для всей нашей компаніи былъ уже потерянъ. Къ этому времени въ моей жизни произошло два событія: я нашелъ работу, и меня разыскали родственники.

На Офицерской улицѣ, далеко, за Литовскимъ замкомъ и Демидовымъ садомъ жилъ учитель второй, кажется, гимназіи, Животовскій. Онъ занимался, кромѣ преподаванія, еще изданіемъ демонстративныхъ классныхъ таблицъ и ботаническихъ атласовъ. Я узналъ, что ему нуженъ рисовальщикъ, и предложилъ свои услуги. Для пробы онъ далъ мнѣ раскрасить ботаническій атласъ, состоявшій изъ 19 рисунковъ. Они были выпущены изъ типографіи въ черныхъ чертахъ, и только листья были ровно покрыты масляной типографской краской. Мнѣ предстояло докрашивать остальное.

Этотъ первый атласъ я раскрашивалъ въ теченіе цѣлой недѣли. Типографская краска мѣшала, отказываясь принимать акварельныя тѣни. Наконецъ, черезъ недѣлю я снесъ свою работу на Офицерскую. Животовскій остался ею очень доволенъ, далъ мнѣ вновь пять атласовъ и одинъ рубль за работу. Эта оцѣнка недѣльнаго труда привела всю нашу компанію въ большое уныніе. Но... рубль это все-таки пять нашихъ обычныхъ обѣдовъ. Кромѣ

того я надѣялся работать современемъ быстрѣе. И, дѣйствительно, уже слѣдующій атласъ отнялъ у меня только три дня, а затѣмъ Гриневецкій придумалъ смачивать проклятую типографскую краску водой при помощи зубной щеточки, и это такъ облегчило работу, что я могъ дѣлать по атласу въ день. Я разводилъ сначала зеленую краску, Гриневецкій подкладывалъ мнѣ листъ за листомъ, и я всѣ ихъ механически отдѣлывалъ зеленью. Тѣмъ же порядкомъ всѣ 19 рисунковъ проходили черезъ карминъ, оранжевую, сурикъ, вермильонъ и т. д. Черезъ нѣкоторое время, работая правда цѣлые дни, я могъ бы уже заработать до 50—60 рублей въ мѣсяцъ, если бы Животовскій не положилъ предѣлъ моему любостяжанію. Бѣдняга съ семьей существовалъ только жалованьемъ, а атласы шли не такъ быстро. Мы оставались довольны другъ другомъ, но Животовскій ограничилъ размѣры работы двадцатью атласами въ мѣсяцъ.

Какъ бы то ни было, у насъ оказался съ этихъ поръ «постоянный заработокъ», и часть заботъ о нашемъ пропитаніи была снята съ бѣднаго Гриневецкаго.

Однажды, когда я находился въ разгарѣ своего производства и былъ весь измазанъ красками, къ намъ неожиданно вошелъ чрезвычайно приличный господинъ, съ интеллигентнымъ лицомъ, въ золотыхъ очкахъ, и, окинувъ взглядомъ нашу компанію, спросилъ:

— Я имѣю удовольствіе видѣть?.. — И онъ назвалъ мою фамилію, обратившись прежде всего къ самому представительному изъ насъ, Гри-

невецкому. Такимъ же образомъ онъ обратился затѣмъ къ Тучкову и уже наконецъ ко мнѣ. Это оказался Б., мужъ моей двоюродной сестры, преподаватель или инспекторъ петербургскаго коммерческаго училища (въ Чернышевомъ переулкѣ). Мы познакомились, и съ этихъ поръ по субботамъ я проводилъ вечера въ хорошей родственной семьѣ.

Это былъ маленькій интеллигентный салонъ. Бывали педагоги, художники, студенты. Гдѣ-то, на заднемъ фонѣ, заманчиво носилась передо мной возможность встрѣчи даже съ Д. Л. Мордовцевымъ, который былъ друженъ съ Бирюковыми. Въ это время онъ жилъ въ Саратовѣ, но долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ, такъ какъ ему предстоялъ судъ за «Историческія движенія русскаго народа». Но это свѣтило такъ и не появилось на нашемъ горизонтѣ. За то каждую субботу я неизмѣнно встрѣчалъ у Бирюковыхъ мало извѣстнаго писателя, Александра Михайловича Наумова. Это былъ не Наумовъ беллетристъ, довольно извѣстный въ тѣхъ годахъ, а скромный публицистъ, написавшій около этого времени нѣсколько статей въ «Отечественныхъ Запискахъ» о Всероссійской выставкѣ въ Москвѣ.

Это была фигура очень характерная для 70-хъ годовъ. Совсѣмъ не крайнихъ убѣжденій, — что видно уже изъ того, что онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго Міра», — онъ былъ все-таки отрицатель. Тогда это было разлито въ воздухѣ. Маленькій, подвижной, съ голымъ черепомъ и черными необыкновенно живыми глазами, онъ вѣчно кипятился, прокли-

налъ «наши порядки» и ругалъ всѣхъ и вся. Однажды, онъ вызвалъ взрывъ хохота во всей компанiи, наивно и съ увлеченiемъ повторивъ совершенно искренно извѣстную собакевичевскую фразу:

— Во всей Россiи сплошь все подлецы и негодяи... Я знаю одного только порядочнаго человѣка... Да, одного на всю Россiю! Это Иванъ Васильевичъ Бернадскiй... Да и тотъ, если разобрать хорошенько, настоящая скотина...

Удивленный взрывомъ общаго хохота, онъ продолжалъ съ яростнымъ увлеченiемъ:

— Да, да, да!.. Я это утверждаю положительно: скотина, скотина и ничего больше-съ!.. Судите сами...

И онъ, горячо жестикулируя, сталъ передавать какой-то эпизодъ въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, когда И. В. Бернадскiй, возражая тогдашнему предсѣдателю общества Киттары и еще рядомъ сидѣвшему съ нимъ «генералу», повернулся къ нимъ лицомъ, а спиной къ публикѣ... Наумовъ представлялъ этотъ эпизодъ такъ подчеркнуто, ставъ спиной къ дамамъ и даже поднявъ фалдочки сюртука, что его, среди общаго хохота, мужчины насильно усадили на стулъ... Наумовъ сразу усѣлся въ кресло и, понявъ причину смѣха, сказалъ меланхолически:

— Да, въ сущности всѣ мы, русскiе, или Собакевичи, или Маниловы... Никого, — во всей Россiи, кромѣ Собакевичей и Маниловыхъ... Всѣ, всѣ... И я первый...

Дѣйствительно, переходы отъ Собакевича къ Манилову были у него неожиданны и внезапны. Онъ былъ сынъ путейскаго генерала, получилъ домашнее аристократическое образованіе, посѣщалъ первые курсы университета подъ руководствомъ студента гувернера, кончилъ по «камеральному факультету», готовившему, главнымъ образомъ, чиновниковъ, и за все это въ совокупности ругательски ругалъ отца.

— Чиновникъ, чинодралъ, чинуша, и какъ всѣ чиновники, — негодяй! Нѣтъ подлости, на которую не былъ бы способенъ подобный типъ... Не нужна мнѣ его любовь!.. Не хочу ни одной копѣйки изъ его награбленныхъ денегъ...

— Я слышалъ, что генералъ нездоровъ, — сказалъ кто-то...

Лицо Наумова вдругъ стало печально.

— Да, — сказалъ онъ. — На этотъ разъ еще ничего, — поправился... Но кончится это все-таки плохо. Ахъ, право, если случится что-нибудь со старикомъ, я этого не переживу.

И черные глазки его затуманились слезой.

Моя кузина была очень красивая, статная блондинка и превосходная музыкантша. Наумовъ, какъ я уже сказалъ, — былъ маленькій брюнетъ, фигура некрасивая и смѣшная. Это не помѣшало ему влюбиться въ мою сестру. Какъ человѣкъ безъ предразсудковъ, жившій среди такихъ же «разумныхъ людей», онъ не считалъ нужнымъ особенно скрывать этого, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ «реалистъ», не могъ довольствоваться безнадежнымъ обожаніемъ. Подобно Кирсанову въ «Что дѣлать», онъ рѣ-

шилъ сочетаться «гражданскимъ бракомъ» съ падшей дѣвушкой. Выполняя программу, онъ на свои скудныя средства завелъ для нея скромную модную мастерскую, о чемъ довелъ до свѣдѣнія Б-выхъ. Такъ какъ Елизавета Ивановна «стала на трудовой путь», то онъ надѣется, что его друзья не закроютъ дверей передъ его гражданской женой.

Позволенiе было дано, хотя не безъ нѣкоторыхъ сомнѣнiй; можно было предполагать какую-нибудь неожиданность. Для меня это было еще одно отраженiе литературы въ жизни. Я ждалъ увидѣть скромную женщину, въ темномъ платьѣ, съ застѣнчивымъ и благодарнымъ взглядомъ. Наумовъ, конечно, поступилъ благородно, по-некрасовски: «И въ домъ мой смѣло и свободно хозяйкой полною войди»... Онъ вводилъ ее не только въ свой домъ, но и въ свое общество. Конечно, нужно много такта, чтобы съ первыхъ же шаговъ, не вспоминая о прошломъ, принять ее просто и цѣльно въ свою среду... Однако, на красивомъ и умномъ лицѣ сестры бродила чуть замѣтная скептическая улыбка.

Я зналъ, что въ такой-то вечеръ къ Бирюковымъ придетъ Елизавета Ивановна, и шелъ въ Чернышовъ переулокъ съ особеннымъ интересомъ. Впечатлѣнiе оказалось неожиданнымъ и очень яркимъ. Явилась дама лѣтъ подъ тридцать, смуглая, съ замѣтными усиками, недурная собой, но необыкновенно вульгарная. Въ ней не было ни одной черты, которая бы говорила о грѣшницѣ, пережившей обновленiе. Очевидно, идя сюда, она была озабочена од-

нимъ: чтобы «эти барыни не зазнавались передъ ней». Поэтому она вела себя слишкомъ развязно и безъ церемоній... Увидѣвъ раскрытое фортепьяно, она безъ приглашенія усѣлась за него, и аккомпанируя себѣ однимъ пальцемъ, спѣла рѣзкимъ голосомъ что-то совершенно неожиданное. Одинъ изъ гостей, пріѣзжій изъ Одессы, родственникъ Б-ва, взглянулъ на хозяйку, съ отличіемъ окончившую консерваторію, и залился неудержимымъ хохотомъ. Для кузины это было дѣйствительно большимъ испытаніемъ... Она впрочемъ перенесла его съ большимъ достоинствомъ. Наумовъ ничего не замѣчалъ и, уводя Елизавету Ивановну съ этого перваго ея выхода, говорилъ въ передней:

— Ну, вотъ видишь, Лиза... Вечеръ прошелъ прекрасно. Я говорилъ тебѣ: люди простые и хорошіе.

Посѣщеніе, впрочемъ, не повторилось. На слѣдующіе вечера Наумовъ приходилъ одинъ, а вскорѣ мы узнали, что гражданскіе супруги «не сошлись характерами». Мастерская осталась безъ хозяйки. Эту новость первая сообщила сама Елизавета Ивановна. Встрѣтившись съ моей кузиной на Загородномъ проспектѣ, она поздоровалась, какъ добрая знакомая, и сказала развязно:

— А я, послушайте, Сашку своего уже по боку... Зазнайка. Задается очень!.. Мастерскую тоже завелъ!.. Очень нужно... мнѣ плевать, что онъ писатель! Свиснуть только, двадцать такихъ найдется... Еще получше...

Наумовъ былъ грустенъ и о своемъ неудачномъ «бракѣ» не заговаривалъ. Но въ коллекціи моего скептическаго опыта прибавилась еще одна изнанка идеальнаго «литературнаго мотива». Я питалъ послѣ этого къ Наумову сложное чувство. Съ одной стороны, — «настоящій» писатель долженъ быть какъ-будто иной. Но можетъ быть «настоящаго идеальнаго писателя» совсѣмъ нѣтъ, какъ нѣтъ и «настоящаго студента». Наумовъ немного смѣшонъ, но и трогателенъ. Въ немъ было что-то дѣтски наивное и привлекательное... Но очевидно и въ литературѣ не святые горшки лѣпятъ...

Однажды онъ съ обычной рѣшительностью сообщилъ мнѣ, что въ настоящее время въ «Русскомъ Мірѣ» нуженъ обозрѣватель провинціальной жизни. Работа легкая, — составлять обозрѣнія по корреспонденціямъ... Насколько онъ успѣлъ узнать меня, онъ ручается, что я съ нею справлюсь. Я колебался, но онъ настаивалъ и взялъ съ меня слово, что я непремѣнно дня черезъ два схожу въ редакцію, а онъ завтра же предупредитъ обо мнѣ Комарова.

Я всю эту ночь не спалъ. Выйдя изъ Чернышова переулка, я пошелъ бродить по улицамъ, охваченный особымъ настроеніемъ... Съ ранняго возраста я мечталъ о литературѣ... Каждое замѣтное впечатлѣніе, каждый поразившій меня образъ я пытался облечь въ подходящее слово и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не находилъ наиболѣе подходящаго выраженія. Даже сны чередовались у меня то въ видѣ смѣняющихся картинъ, то въ видѣ раз-

сказа о нихъ. Нѣсколько разъ мнѣ случалось просыпаться въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Я будто написалъ превосходный разсказъ или поэму. Обрывки послѣднихъ картинъ, послѣднія строки стихотвореній еще горѣли въ мозгу, быстро исчезая, какъ слѣдъ дыханія на хрустальномъ стеклѣ. Только, увы, я не могъ вспомнить содержанія написаннаго, а если вспоминалъ нѣсколько послѣднихъ стиховъ звучной поэмы, то, при ближайшемъ разсмотрѣніи, въ нихъ не оказывалось ни размѣра, ни формы.

Предложеніе Наумова казалось мнѣ сначала невозможнымъ: неужели я стану писателемъ, хотя бы и газетнымъ? И то, что я напишу, будутъ набирать и печатать?.. И Розовъ будетъ это корректировать... И тысячи людей будутъ читать... Невѣроятно, но мнѣ хотѣлось вѣрить въ невѣроятное... И я вѣрилъ всю эту ночь...

Весеннія ночи уже бѣлѣли... Вечерняя заря еще не совсѣмъ встрѣчалась съ утренней, но и та, и другая стояли, смутно сливались гдѣ-то въ высотѣ, ближе къ сѣверной сторонѣ неба. Я бродилъ по каналамъ и улицамъ, присматриваясь къ ночнымъ группамъ, прислушиваясь къ смутному говору въ сумеркахъ, заходя въ поздніе кабачки, воспріимчиво ловя эти проявленія ночной жизни столицы. И мнѣ казалось, что весь Петербургъ, подъ покровомъ этой ночи, озаряемой откуда-то сверху мечтательнымъ свѣтомъ, живетъ, и рокочетъ, и движется, и шевелится въ сумракѣ лишь для того, чтобы я научился разгадывать его и передавать

его тайны на страницахъ «Русскаго Міра». Какое это отношеніе можетъ имѣть къ провинціальному обозрѣнію, — этимъ вопросомъ я не задавался.

Разумѣется, этой глупой мечтѣ суждено было разлетѣться прахомъ, какъ только я робко явился въ редакцію. Какіе-то два господина съ ножницами въ рукахъ и съ перьями за ухомъ, выслушали мои объясненія, какъ люди очень занятые, которымъ некогда.

— Вы говорите, Наумовъ писалъ? Погодите минутку, можетъ быть письмо у Комарова...

Онъ вошелъ въ сосѣднюю комнату и черезъ минуту вышелъ оттуда, слегка пожимая плечами.

— Письмо получено, но... Что же вамъ сказать? Напишите что-нибудь... Если пригодится, будетъ напечатано...

Это какъ разъ то самое, что впослѣдствіи и мнѣ приходилось много разъ отвѣчать застѣнчивымъ юношамъ, приходившимъ въ редакцію съ такими же наивными предложеніями сотрудничества. Можетъ быть и они тоже слышатъ невнятные призывы зовущей бѣлой ночи и вѣрятъ въ невѣроятное, и уходятъ разочарованные. Все это старо и все понятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ огорчительно... Мечта за мечтой уносятся вѣтромъ...

LII

ДЯДЯ ПОДВОДИТЪ ИТОГИ МОЕГО ПЕРВАГО ГОДА — «ОНЪ СТАЛЪ ХУЖЕ»

Подъ конецъ этого перваго моего петербургскаго года наша компанія внезапно разбогатѣла. Въ послѣдніе годы въ гимназіи послѣ смерти отца я и мой братъ были зачислены «стипендіатами его величества». Теперь мать писала мнѣ, что благодаря стараніямъ друга моего отца, мѣстнаго священника Барановича, знакомаго съ графиней Блудовой, эта стипендія можетъ быть продолжена и въ высшемъ учебномъ заведеніи. Мнѣ нужно сходить къ графинѣ Блудовой, въ Зимній дворецъ, а она уже укажетъ, куда слѣдуетъ обратиться дальше. Она навѣрное все уже сдѣлала... «Смотри же, непремѣнно сходи!» прибавляла она.

Года два спустя я не колеблясь отвергъ бы этотъ проектъ. Но въ то время мои политическія понятія были такъ же смутны и непослѣдовательны, какъ и литературныя... Я готовъ былъ работать въ газетѣ Комарова, хотя сочувствовалъ Добролюбову, и не видѣлъ ничего предосудительнаго въ стипендіи его величества, хотя мечталъ о республикѣ... Мать писала, что сходить къ Блудовой прямо необходимо. Мнѣ очень не хотѣлось, но я пошелъ. Товарищи общими усиліями снарядили меня въ приличный сборный костюмъ и, не вѣря себѣ, я вошелъ съ одного изъ маленькихъ подъѣздовъ со стороны Невы внутрь Зимняго дворца. Широкія лѣстницы съ коврами, лакеи въ

дворцовыхъ ливреяхъ и гвардейскіе солдаты, то и дѣло откидывающіе отъ плеча ружья, приставленныя прикладомъ къ ногѣ. Графиня, маленькая, полная женщина, довольно некрасивая, — встрѣтила меня очень добродушно, сказала, что она получила всѣ свѣдѣнія отъ Барановича и кое-что уже сдѣлала. Мнѣ слѣдуетъ отправиться съ ея карточкой къ князю Голицыну, въ канцелярію прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя. Это былъ какъ разъ пріемный часъ, и князь Голицынъ принималъ. Онъ уже зналъ о моемъ дѣлѣ и очень ласково объяснилъ мнѣ, что стипендію сейчасъ выдать нельзя. Суммы исчерпаны.

— Но, — продолжалъ князь, — мы, нѣсколько добрыхъ знакомыхъ графини, узнавъ о заслугахъ вашего отца и о положеніи семьи, позволили себѣ (онъ такъ и сказалъ) выразить свое сочувствіе и участіе сборомъ нѣкоторой суммы, которую вы можете получить сейчасъ.

Дежурный чиновникъ подалъ князю конвертъ, который тотъ протянулъ мнѣ.

Кровь бросилась мнѣ въ лицо. Отдернувъ руку, я сказалъ съ волненіемъ, что я не просилъ и не разсчитывалъ на милостыню, а только на офиціальную стипендію, налагающую извѣстныя обязательства по будущей службѣ. Наскоро откланявшись, я ушелъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ... — Ну, вотъ, — побывалъ и съ чистой совѣстью напишу матери, что дѣло кончено...

Но черезъ нѣсколько дней въ нашу квартирку позвонился дворцовый курьеръ и подалъ офиціальное приглашеніе — явиться въ такой-

то день и часъ въ ту же комиссію. Тамъ опять встрѣтилъ меня князь Голицынъ. Это былъ очень красивый высокій блондинъ, съ мягкими чертами и мягкими манерами. На этотъ разъ видъ у него былъ офиціальный и нѣсколько суровый. Онъ тутъ же усадилъ меня за столъ, продиктовалъ текстъ прошенія, подъ которымъ слѣдовало подписаться: «Вашего величества вѣрноподданный студентъ такой-то», и сказалъ офиціально:

— Ваше прошеніе удовлетворено, и вотъ за полугодіе... — Выдайте, Иванъ Ивановичъ, а вы распишитесь.

Я расписался въ полученіи ста семидесяти пяти рублей.

Никогда еще въ жизни у меня сразу не было такихъ огромныхъ денегъ. По пути домой я зашелъ, на Малой Морской, въ кондитерскую и купилъ цѣлую кучу сладостей.

Благополучіе это пришло для насъ слишкомъ поздно: годъ все равно былъ потерянъ. Мы только исправили изъяны нашихъ костюмовъ, расплатились съ Цывенками, съ нѣкоторыми другими долгами и... совершили нѣсколько экскурсій увеселительнаго характера, впрочемъ довольно невиннаго свойства, а затѣмъ всѣ уѣхали на каникулы. Такимъ образомъ первый годъ моей петербургской жизни закончился.

Чѣмъ и какъ?..

По дорогѣ домой я опять заѣхалъ къ дядѣ въ Сумы, и дальше мы поѣхали вмѣстѣ. За этотъ годъ онъ сильно исхудалъ, огромные

глаза его горѣли зловѣщимъ лихорадочнымъ огнемъ. Онъ очень любилъ меня съ дѣтства и теперь опять встрѣтилъ радостно, но черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что его печальные глаза все чаще останавливаются на мнѣ пытливо и тревожно.

— Ты измѣнился за это время, — говорилъ онъ.

Да, я измѣнился. Я былъ уже не тотъ, который годъ назадъ такъ глупо загорался отъ декламаціи Теодора Негри. Теперь я не дуракъ, меня этимъ не проведешь! Я многое увидѣлъ въ жизни, розовый туманъ передо мной разсѣялся. Я узналъ, что подъ самой умной наружностью «настоящаго студента» можетъ скрываться Васька Веселитскій, что въ «Отечественныхъ Запискахъ» можетъ писать бѣдняга Наумовъ, а «извлеченныя изъ мрака заблужденія» дѣвицы оказываются наумовскими Лизочками... Столичная жизнь за этотъ годъ не подняла меня къ себѣ. Наоборотъ, — мнѣ казалось, что она опустилась до моего уровня. Я тусклъ и не интересенъ... И она тоже... Пусть... Я какъ будто гордился этимъ своимъ теперешнимъ «умомъ»... «Настоящихъ», «идеальныхъ» нѣтъ совсѣмъ, и я не хуже, а можетъ и умнѣе многихъ...

Однажды уже въ деревнѣ, въ саду, я случайно услышалъ обрывокъ разговора дяди съ матерью:

— Да, это правда, — говорилъ дядя: — онъ возмужалъ, сталъ развязнѣе, пожалуй, остроумнѣе... Не краснѣетъ при каждомъ словѣ, какъ прежде. Но, какъ хочешь, прежде онъ

мнѣ нравился гораздо больше... Теперь онъ сталъ хуже...

Мнѣ стало больно отъ этихъ словъ. Я очень любилъ этого своего дядю и сознавалъ съ печалью, что онъ правъ: я былъ лучше, когда жизнь для меня была въ розовомъ туманѣ. Еще на дняхъ мы съ Тучковымъ съѣздили на нѣсколько дней въ деревню къ Гриневецкому и, въ качествѣ петербургскихъ студентовъ, вели себя тамъ такими развязными дураками, — можетъ быть именно отъ природной застѣнчивости, — что еще теперь, спустя болѣе сорока лѣтъ, мнѣ становится стыдно при этомъ воспоминаніи. И вотъ теперь этотъ отзывъ дяди, печально суровый и правдивый...

— Ну, ничего, — сказалъ я себѣ, тряхнувъ головой. — Будущій годъ все это поправитъ.

LIII

КОРРЕКТУРНОЕ БЮРО СТУДЕНСКАГО
Я ПРИНИМАЮ ВНЕЗАПНОЕ РѢШЕНІЕ

Ни слѣдующій, ни начало третьяго года ничего не поправили. Въ этотъ годъ вся наша семья переѣхала на сѣверъ. Мы были очень дружны съ моимъ двоюроднымъ братомъ, сыномъ того самаго капитана, о которомъ я такъ много говорилъ въ первомъ томѣ этой правдивой исторіи.

Этотъ двоюродный братъ, артиллерійскій офицеръ, долго жилъ въ нашей семьѣ, и теперь

его перевели въ Кронштадтскую крѣпостную артиллерію. Мой старшій братъ рѣшилъ тоже переѣхать въ Питеръ, а затѣмъ и мать, чтобы быть ближе къ намъ, рѣшилась поселиться вмѣстѣ съ племянникомъ въ Кронштадтѣ. Младшій братъ поступилъ въ Петербургѣ въ реальное училище.

Приходилось думать о заработкѣ. Я продолжалъ рисовать атласы, бралъ еще чертежи, рисовалъ географическія карты для печати, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ переводилъ для Окрейца романы по семи рублей съ печатнаго листа и вообще занимался подобной черной работой. Разъ въ недѣлю для отдыха мы съ братьями садились на кронштадтскій пароходъ и воскресенье проводили у матери.

Такъ прошелъ второй годъ, такъ же начинался третій.

Осень этого года застала меня въ «корректурномъ бюро» нѣкоего Студенскаго. Это было для меня самое тяжелое время. Мой старшій братъ, кажется, первымъ пристроился къ корректурѣ, сталъ работать у Демакова, а затѣмъ поступилъ на постоянную работу къ Студенскому.

Это была фигура оригинальная, въ чисто диккенсовскомъ родѣ. Высокій, худой, желтый, лицо почти безусое и дряблое, все въ мелкихъ складкахъ и морщинкахъ, свѣтлые неопредѣленнаго цвѣта глаза, производившіе впечатлѣніе мутныхъ льдинокъ, и при этомъ — прекрасные волнистые, свѣтло каштановые кудри, въ рамкѣ которыхъ странно выступала эта безжизненная маска.

Онъ предложилъ брату постоянное жалованье и комнату. Братъ принялъ предложеніе, а затѣмъ Студенскій предложилъ то же и мнѣ. Для перваго знакомства онъ поднесъ намъ свое литературное произведеніе. Это была небольшая брошюрка съ очень длиннымъ заглавіемъ: думаю, что память мнѣ не измѣняетъ, — оно было слѣдующее:

Цитаціи и томизація законовъ, въ примѣненіи къ типографскому искусству

а равно

Произведеніе это предлагаетъ новое расположеніе свѣтилъ небесныхъ и буквъ въ азбукѣ.

Другое его произведеніе носило не менѣе оригинальное заглавіе:

«Философъ, кокетка, и упраздненный третій».

Что касается содержанія обоихъ этихъ твореній, изложенныхъ безукоризненно въ грамматическомъ и корректурномъ смыслѣ, то это было какое-то запутанное словоизвитіе, лишенное всякихъ признаковъ здраваго смысла.

— Изволили прочитать? — спросилъ онъ меня на слѣдующій день.

Я прочиталъ, заинтересованный заглавіемъ, но затруднился дать какой-либо отзывъ.

— Да, это требуетъ нѣкоторой философской подготовки, — самодовольно замѣтилъ авторъ. Вначалѣ я просто подумалъ, что имѣю дѣло съ сумасшедшимъ маніакомъ, и на меня напала легкая жуть. Въ особенности, когда онъ сообщилъ, что, кромѣ полистной платы, у насъ

будетъ еще особая работа по часамъ надъ нѣкоторымъ его личнымъ учено-литературнымъ начинаніемъ:

— Я осуществляю оригинальнѣйшую мысль, — говорилъ онъ своимъ тусклымъ, мертвымъ голосомъ: — издаю русско-французскій словарь, въ которомъ слова будутъ расположены не по начальнымъ буквамъ, а по окончаніямъ.

Однако оказалось, что этотъ человѣкъ съ такими фантастическими идеями отлично устраивалъ свои практическія дѣла. Онъ основалъ бюро, въ которомъ сосредоточилъ корректуру нѣсколькихъ болѣе или менѣе крупныхъ предпріятій. Онъ корректировалъ «Родникъ», «Недѣлю», французско-русскій словарь Макарова, какой-то научный еженедѣльникъ, все, что печаталось въ огромной типографіи Демакова и еще въ нѣсколькихъ маленькихъ типографіяхъ. Самъ онъ былъ корректоръ превосходный, очень быстро примѣнялся къ индивидуальнымъ корректурнымъ требованіямъ каждаго изданія и каждаго отдѣльнаго автора. Но работалъ онъ чрезвычайно медленно и, конечно, не могъ бы справиться съ такой массой работы. Поэтому онъ раздавалъ ее по рукамъ нуждающимся молодымъ людямъ и дѣвицамъ, причемъ отлично оцѣнивалъ ту степень горькой нужды, которая отдавала ихъ въ его руки. Рѣдко онъ платилъ имъ половину того, что получалъ самъ.

Не могу вспомнить безъ содроганія объ этихъ двухъ-трехъ мѣсяцахъ моей жизни, когда мы съ братомъ жили у Студенскаго. Квартира его помѣщалась въ узкомъ Демидовскомъ пе-

реулкѣ, почти противъ пересыльной тюрьмы. Подъ нею, въ подвальномъ этажѣ, находилась шоколадная фабрика. Изъ нея несся вмѣстѣ съ прянымъ удушливымъ запахомъ постоянный глухой гулъ машины, отъ котораго слегка вздрагивали полы и окна. Когда мы открывали окна, выходившія въ Демидовскій переулокъ, волны прянаго пара врывались порой въ комнату. Отдѣлывая квартиру по своему странному вкусу, Студенскій распорядился оклеить ее темно-синими обоями. Двери и карнизы были черные, даже потолокъ довольно темнаго цвѣта. Въ общемъ комната напоминала гробъ. Отъ времени до времени черная дверь пріоткрывалась, въ ней показывалось лицо-маска, и длинная сухая рука Студенскаго протягивала въ щель большой корректурный листъ, рѣзко и траурно бѣлѣвшій на темномъ фонѣ... На меня нападала невольная оторопь.

За вычетомъ довольно высокой платы за комнату, мы зарабатывали съ братомъ рублей по пятидесяти. Но для этого приходилось работать съ ранняго утра до поздней ночи, едва урывая часъ, чтобы наскоро пообѣдать въ какой нибудь дешевой кухмистерской и пробѣжать тамъ номеръ газеты. Если выдавались какіе-нибудь промежутки въ основной работѣ, Студенскій тотчасъ же старался заполнить ихъ работой «по часамъ»... Это значило, что онъ снималъ со стѣны длинныя полосы «словаря по окончаніямъ», и намъ приходилось тянуть эту безконечную и безсмысленную канитель. Это была работа «хозяйская», очень дешевая (что-то копѣекъ по шести въ часъ), и совер-

шенно безсмысленная, а потому особенно тяжелая. Человѣкъ съ мертвой маской вмѣсто лица и съ тусклыми ледяными глазами держалъ насъ все это время въ цѣпкихъ костлявыхъ рукахъ, точно фантастическій вампиръ. Оказалось вдобавокъ, что сердце его доступно обычнымъ человѣческимъ слабостямъ. Поэтому онъ иногда прикомандировывалъ къ намъ въ качествѣ «чтицы» нѣкую барышню, совершенно неспособную даже къ этой нехитрой работѣ. Мы становились, подъ вліяніемъ обстановки, болѣзненно-нервными, а братъ, обладавшій вообще нетерпѣливымъ темпераментомъ, часто выходилъ изъ себя.

— Тутъ не такъ, — говорилъ онъ, пока еще сдержанно, ожидая, что «чтица» поправитъ неправильность по рукописи. Но бѣдная помощница давно потеряла текстъ и теперь тщетно старалась найти требуемое мѣсто. Братъ начиналъ терять терпѣніе:

— Я жду, — говорилъ онъ, уже волнуясь, но помощница, потерявъ всякую надежду найти въ рукописи требуемое мѣсто, вдругъ подымала глазки къ потолку и съ наивно любознательнымъ видомъ произносила:

— Вотъ что. Я давно хотѣла спросить васъ: что такое «сквоттеръ» и «фермеръ»?

Братъ окончательно терялъ терпѣніе, хватался за голову, начиналъ топать ногами и произносилъ съ бѣшенствомъ:

— Къ чорту сквоттеровъ!.. Къ дьяволу фермеровъ! Ко всѣмъ чертямъ всѣхъ вмѣстѣ!.. Давайте рукопись и сидите молча... Я буду читать одинъ...

Глаза бѣдной барышни расширялись отъ испуга, и на нихъ появлялись слезы...

— Погодите, она разовьется, — говорилъ Студенскій, до слуха котораго доходили эти вспышки...

Вскорѣ въ этой обстановкѣ и въ этой тяжелой атмосферѣ, насыщенной глухимъ вздрагивающимъ гуломъ и удушливыми парами, у меня повторились припадки нервной астмы, которой я былъ подверженъ съ дѣтства. Она всегда повторялась въ періоды тяжелой жизни, исчезая съ перемѣной настроенія...

Подошла ясная, теплая осень, тотъ періодъ, когда на петербургскихъ улицахъ въ полусумракѣ увеличивающихся вечеровъ начинаютъ зажигать фонари. Однажды, въ такой сумеречный часъ я только что вернулся изъ кухмистерской. Брата не было, на столѣ еще не лежала корректура. Открывъ окно, я легъ на подоконникѣ и высунулся въ переулокъ. Было свѣжо и пріятно. Рѣзкій вѣтеръ отъ взморья освѣжилъ воздухъ, дышалось легко. Мимо нашего окна быстро пробѣжалъ фонарщикъ съ лѣстницей на плечѣ, и вскорѣ двѣ цѣпочки огонькомъ протянулись въ свѣтломъ сумракѣ...

Я почувствовалъ, какъ внезапная, острая и явно о чемъ-то напоминающая тоска сжала мнѣ грудь. Она повторялась въ эти часы ежедневно, и я невольно спросилъ себя, откуда она приходитъ? Въ ресторанѣ я прочитывалъ номера «Русскаго Міра», въ которомъ въ это время печатался фельетономъ разсказъ Лѣскова «Очарованный Странникъ». Отъ него вѣяло

на меня своеобразнымъ просторомъ степей и причудливыми приключеніями стихійно-бродячей русской натуры. Можетъ быть отъ этого разсказа, отъ противоположности его съ моею жизнью въ этомъ гробу — вѣетъ на меня этой тоской и дразнящими призывами?

Я взглянулъ вдоль переулка. Цѣпь огоньковъ закончилась. Они теперь загорались дальше, наперерѣзъ по Мойкѣ и Малой Морской. Я вдругъ понялъ: моя тоска отъ этихъ огней, такъ поразившихъ меня послѣ пріѣзда въ Петербургъ. Тогда были такіе же вечера, и такіе же огни вспыхивали среди петербургскихъ сумерекъ. Съ внезапной силой во мнѣ ожило настроеніе тогдашней вѣры въ просторы жизни и тогдашнихъ ожиданій. А затѣмъ быстро пронеслись въ памяти эти два года: мансарда на Маломъ Царскосельскомъ, голодъ, безсмысленная работа надъ атласами, Веселитскій, Паша Горицкій, чертежная доска въ институтѣ, Ермаковъ, цѣлый рядъ разочарованій... И вотъ теперь этотъ гробъ...

Тихо скрипнула дверь, показалось мертвое лицо Студенскаго и сухая рука протянула полосы словаря. Я подошелъ къ дверямъ и какъ то неожиданно для себя сказалъ:

— Я прошу васъ разсчитать меня: черезъ нѣсколько дней я уѣзжаю въ Москву.

Наша компанія перваго года вся разсѣялась. Гриневецкій перешелъ въ горный институтъ, поселился въ самыхъ дальнихъ линіяхъ Васильевскаго острова, не показывался оттуда къ прежнимъ товарищамъ и упорно занимался, вновь получая деньги отъ родителей. Тучковъ

уѣхалъ въ Москву, гдѣ поступилъ въ Петровскую академію. Тамъ же было въ это время еще нѣсколько земляковъ, въ томъ числѣ Мочальскій, одинъ изъ лучшихъ моихъ товарищей. Получивъ какъ-то мое грустное письмо, онъ предложилъ бросить все въ Петербургѣ и пріѣхать въ академію. Меня примутъ, хотя годъ уже начался. На первое время я поселюсь съ земляками, а тамъ навѣрное со своимъ рисованіемъ опять найду работу.

Сначала мнѣ это показалось совершенно невыполнимымъ, но теперь эта острая тоска по чему-то дорогому, потерянному, странный языкъ этого полусумрачнаго вечера съ огоньками фонарей — сказали другое. Черезъ недѣлю, получивъ у Студенскаго нѣсколько десятковъ рублей, я съѣздилъ въ Кронштадтъ, чтобы попрощаться съ матерью. Она даже обрадовалась моему проекту. Впереди ей рисовалась для меня карьера лѣсничаго, скромный лѣсной домикъ, въ которомъ подъ ея крылышкомъ вновь соберется наша семья...

Черезъ нѣсколько дней я былъ уже въ Петровской академіи.

ВЪ ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМІИ

LIV

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Въ этомъ мѣстѣ моихъ воспоминаній на меня точно вѣетъ струя свѣжаго воздуха, и прежде всего въ прямомъ, не переносномъ смыслѣ. Уже отъ Москвы дорога пролегла лѣсными аллеями, съ запахомъ свѣжаго снѣга и сосны. Пустыя дачки среди лѣса, потомъ красивое зданіе академіи, церковка, паркъ, плотина, прудъ подъ снѣгомъ въ одну сторону, открытыя дали въ другую, и своеобразный поселокъ съ двухэтажными Ололыкинскими номерами (незадолго передъ тѣмъ переименованными въ номера Благосклонскаго). Всюду только фигуры крестьянъ и студентовъ. Понятно, какъ все это подѣйствовало на меня послѣ Демидовскаго переулка, комнаты съ темными обоями и черными дверьми и «корректурнаго бюро Студенскаго». Съ этого времени начинается для меня новый періодъ жизни и новое настроеніе...

Петровская Академія была открыта 21 ноября 1865 г. во дворцѣ, принадлежавшемъ ко-

гда-то Разумовскому. Ровесница крестьянской реформы, академія отразила на первомъ уставѣ своемъ вѣянія того времени. По этому уставу никакихъ предварительныхъ испытаній или аттестатовъ для поступленія не требовалось. Лекціи могъ слушать каждый по желанію — какія и сколько угодно. Кромѣ постоянныхъ слушателей допускались и посторонніе съ платою по 16 коп. за лекцію. Первыя три лекціи, если разрѣшалъ профессоръ, могли быть и безплатными. Переходныхъ курсовыхъ испытаній не полагалось, а были лишь окончательные экзамены для лицъ, желающихъ получить дипломъ. Курсъ былъ трехгодичный, но экзамены можно было сдавать въ какіе угодно сроки... Группа студентовъ заявляла о своемъ желаніи и профессоръ назначалъ день экзамена. По выдержаніи экзаменовъ по всѣмъ предметамъ выдавался дипломъ на степень кандидата. На слушателей смотрѣли, «какъ на гражданъ, сознательно избирающихъ кругъ дѣятельности и не нуждающихся въ ежедневномъ надзорѣ».

Всѣ надежды, оживлявшія интеллигенцію освободительнаго періода, отразились въ этомъ уставѣ, нашли въ немъ свое выраженіе. Свобода изученія и вѣра въ молодыя силы обновляющейся страны — таковы были основанія устава. Наука не искала усердія по принужденію. Развертывая передъ жаждущими всѣ свои средства, она съ достоинствомъ ждала всего отъ любви къ знанію и вѣрила въ эту любовь, не гоняясь за нею съ контролемъ и регламентаціей... Таинственное покрывало

Изиды, дѣлающее изъ науки что-то въ родѣ профессіональной тайны для посвященныхъ, снималось. Всѣ призваны и каждому предоставляется судить о своей пригодности. Дипломы не даютъ знанія, а истинное знаніе найдетъ себѣ примѣненіе и безъ казеннаго диплома.

Таковы были основныя идеи этого устава, который просуществовалъ только семь лѣтъ. Въ 1872 году послѣдовало преобразованіе, приблизившее академію къ обычному типу высшихъ учебныхъ заведеній. «Слишкомъ либеральный уставъ» не выдержалъ испытанія...

Одинъ мой землякъ, студентъ петербургскаго университета Гродскій, нарочно пришелъ ко мнѣ, чтобы разсказать о петровской академіи. Онъ былъ много старше меня, учился ранѣе въ Московскомъ университетѣ и хорошо зналъ нравы петровцевъ. Онъ былъ юмористъ и разсказы его были проникнуты насмѣшкой надъ либеральнымъ уставомъ. Въ академію налетѣли отовсюду лѣнтяи, не одолѣвшіе въ гимназіи бездны премудрости, помѣщичьи сынки, выгнанные изъ низшихъ классовъ, которымъ родители пожелали наиболѣе легкимъ способомъ дать званіе студента. Вообще, по словамъ Гродскаго, академія представляла изъ себя что-то въ родѣ студенческой казачьей вольницы... Разсказчикъ съ большимъ юморомъ рисовалъ картины «вольной жизни» петровцевъ. Въ рощѣ, въ паркѣ, по уединеннымъ дачамъ въ лѣсу, надъ прудами, въ весеннія и лѣтнія ночи отъ зари и до зари гремѣли пѣсни, шли попойки, и Москва была полна разсказами о

необыкновенныхъ выходкахъ петровскихъ студентовъ, вродѣ, напримѣръ, внезапнаго появленія передъ публикой, гуляющей по главной аллеѣ парка, какого-нибудь гуляки, выходящаго изъ пруда въ костюмѣ Аполлона Бельведерскаго. Отсутствіе контроля и принужденія повело къ тому, что нѣкоторые студенты экзаменовались много разъ, зная лишь часть курса, въ надеждѣ на то, что наконецъ попадется счастливый билетъ... Гродскій съ большимъ юморомъ разсказывалъ о какомъ-то казакѣ, который на вопросъ о центрѣ тяжести задумался, потомъ хватилъ себя по лбу и радостно воскликнулъ:

— А знаю, знаю... Центръ тяжести... это если тѣло повѣсить на ниткѣ...

На недоумѣнное замѣчаніе профессора, — онъ подтвердилъ безапелляціонно:

— Не говорите мнѣ... Я теперь вѣрно вспомнилъ: если тѣло повѣсить на ниткѣ, то это и будетъ центръ тяжести. Посмотрите сами у Гано...

Другой сообщалъ, что клѣточки размножаются при помощи яйцекладовъ, а насѣкомыя посредствомъ самозарожденія отъ нечистоты и т. д. Гродскій разсказывалъ и о томъ, какъ «Московскія Вѣдомости» вели противъ академіи систематическую кампанію, а идеалисты профессора, участвовавшіе въ созданіи устава, не находили теперь аргументовъ въ его защиту...

Еще недавно тонъ Гродскаго мнѣ бы очень не понравился, и я бы назвалъ его «циникомъ», какимъ считалъ когда-то Ардаліона Ни-

китина. Теперь два года петербургской жизни оставили въ моей душѣ скептическій осадокъ. Либеральный уставъ былъ, очевидно, основанъ на вѣрѣ въ «настоящаго студента». А я зналъ, что такого идеальнаго студента нѣтъ на свѣтѣ, а есть только Васьки Веселитскіе или такіе мало интересные молодые люди, какъ я самъ.

Теперь уставъ измѣненъ, и отлично. Я поѣду туда въ качествѣ скромнаго ученика, буду аккуратно посѣщать лекціи, получу дипломъ, поступлю на службу... Конецъ романтическимъ мечтамъ... И только еще гдѣ-то, въ дальнемъ уголкѣ души, таилась надежда: въ лѣсномъ домикѣ я напишу повѣсть... А тамъ... Въ этомъ сосредоточились и притаились мои отдаленныя мечты, а пока я наслаждался новыми впечатлѣніями и радостью встрѣчи съ товарищами.

Прошеніе мое о пріемѣ меня въ число студентовъ Академіи я послалъ еще изъ Петербурга. Еслибы мнѣ отказали, то я рѣшилъ приготовиться въ полгода и держать на второй курсъ. Но меня приняли. Товарищи сказали, что мнѣ нужно сходить къ директору Ф. Н. Королеву. Въ директорскомъ кабинетѣ меня принялъ сѣдой старикъ небольшого роста, съ большой головой, крупными чертами лица и суровымъ выраженіемъ. До полученія этой должности онъ былъ директоромъ одной изъ московскихъ гимназій, извѣстной своей дисциплиной. Кажется, ему покровительствовалъ Катковъ, какъ человѣку, который способенъ «подтянуть Академію». Онъ встрѣтилъ меня

совершенно по-директорски. Сурово и сухо онъ сообщилъ мнѣ, что совѣтъ согласился зачислить меня въ серединѣ учебнаго года условно: если я не перейду на второй курсъ, меня исключатъ. Я поклонился, и вышелъ, чувствуя себя вновь точно гимназистомъ.

Когда вмѣстѣ съ однимъ изъ товарищей я вышелъ на расчищенную дорожку въ паркъ, намъ навстрѣчу попалась компанія: въ центрѣ ея обращалъ вниманіе старикъ съ сѣдыми пышными кудрями и моложавымъ лицомъ. Товарищъ поклонился и старикъ отвѣтилъ, скользнувъ по насъ взглядомъ живыхъ печальныхъ глазъ.

— Это профессоръ земледѣльческой химіи, Ильенковъ, — сказалъ товарищъ... — Одинъ изъ творцовъ прежняго устава.

Я съ любопытствомъ оглянулся на эту фигуру типичнаго шестидесятника и мнѣ невольно вспомнился Ермаковъ. И дѣйствительно, въ отношеніяхъ Ильенкова къ студенчеству, вѣжливыхъ и холодныхъ, чувствовалось какое-то отчужденіе, и, идя къ нему впослѣдствіи на экзаменъ, я боялся: вдругъ онъ взглянетъ по ермаковски и скажетъ: «такъ и зналъ».

Я все-таки былъ очень доволенъ, что меня приняли. За эти годы я стосковался по правильнымъ занятіямъ, и мнѣ было пріятно опять акуратно посѣщать лекціи, составлять записки, «подзубривать», чувствовать себя, наконецъ, не плохимъ студентомъ.

Вся обстановка академической жизни приводила меня прямо въ восторгъ. Все кругомъ было своеобразно и интересно, и особенно ин-

тересно было сосѣдство этого студенческаго быта съ простой жизнью выселокъ. Тотчасъ же за плотиной находилось большое двухэтажное строеніе, номера Благосклонскаго. Это было довольно дряхлое зданіе, стѣны котораго какъ будто навсегда пропахли табакомъ и пивомъ. Въ немъ было два коридора (вверху и внизу), въ которые выходили двери отдѣльныхъ номеровъ. Акустика была такая, что слово, сказанное громко въ одной комнатѣ, отдавалось всюду. Кромѣ этихъ номеровъ студенты ютились также въ маленькихъ «дачкахъ», и вся жизнь студенчества, какъ и жизнь «выселковцевъ», была на виду.

LV

СТАРЫЕ СТУДЕНТЫ

Я пріѣхалъ къ концу рождественскихъ каникулъ, и нѣкоторое время мнѣ оставалось только жадно наблюдать новую обстановку. Улицы, дворики, крыши были покрыты снѣгомъ, и товарищи посовѣтовали прежде всего заказать себѣ длинные сапоги. Мѣрку пришелъ снимать молодой сапожникъ, блѣдный чахоточный крестьянинъ. Поздоровавшись со мной за руку, онъ наморщилъ брови и важно спросилъ:

— Вельфисъ уръ исъ есъ?

На мой удивленный взглядъ, товарищи, смѣясь, объяснили, что это онъ говоритъ по-нѣмецки.

— Шпрехенъ зи дейчъ? — все такъ же важно пояснилъ онъ и, вынувъ часы, прибавилъ:
— Есъ изъ дрей уръ...

— Это его обучили старые студенты, — для шутки, — пояснили послѣ товарищи. Молодой сапожникъ любилъ щеголять знакомствомъ съ прежними студентами, а къ новымъ относился пренебрежительно. «Измельчалъ народъ, говоритъ онъ, нѣтъ теперь настоящаго студента. Вотъ Иванъ Семеновичъ былъ... Кулакомъ двери въ одинъ разъ вышибалъ... Собаку, бывало, за хвостъ поймаетъ, сейчасъ на дерево зашвырнуть наровитъ... Теперь такихъ уже и нѣтъ...

Дѣйствительно, новый уставъ рѣзко измѣнилъ и возрастной составъ и физіономію петровскаго студенчества. Отъ прежнихъ осталась только небольшая группа, которую такъ и называли «старые студенты».

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ номерахъ происходила пирушка этихъ старыхъ студентовъ. Они пили, пѣли пѣсни и шумно спорили. Часамъ къ 10-ти вечера этотъ шумъ достигъ необычайныхъ размѣровъ, а черезъ нѣкоторое время послышалась возня.

— Гонятъ Орѣхова, — пояснилъ пришедшій къ намъ сосѣдъ, смѣясь... — Теперь начнется исторія.

Въ этой компаніи были два пріятеля, отношенія которыхъ страннымъ образомъ напоминали отношенія Горицкаго и его друга-врага Бѣлавина. Вольфрамъ съ Орѣховымъ были оба кавказцы, гимназическіе товарищи. Большіе друзья въ трезвомъ видѣ, они становились вра-

гами, какъ только напьются... Начиналъ обыкновенно Орѣховъ, который по мѣрѣ опьянѣнія становился язвительно остроуменъ и придирчивъ. Вольфрамъ сначала уступалъ, потомъ лѣзъ въ драку... Товарищи знали, что Орѣховъ необыкновенно силенъ и пьяный свирѣпѣетъ и вступались общими силами за Вольфрама. На этотъ разъ тоже кончилось тѣмъ, что Орѣховъ общими силами былъ извергнутъ изъ номера.

— Теперь пойдетъ по выселкамъ и будетъ искать съ кѣмъ подраться, — пояснилъ тотъ же нашъ сосѣдъ.

Мнѣ нужно было за чѣмъ-то въ лавочку, и я вышелъ въ коридоръ. Внизу горѣла тусклая лампочка. Едва я сошелъ внизъ, ко мнѣ изъ подъ лѣстницы внезапно выбѣжалъ рослый красавецъ Орѣховъ. Онъ былъ строенъ, необыкновенно широкоплечъ и тонокъ въ станѣ. Выскочивъ изъ темнаго угла, онъ вдругъ схватилъ меня за плечи, но затѣмъ, вглядѣвшись въ мое лицо черными глазами, горѣвшими на блѣдномъ лицѣ, сказалъ:

— Вы кто такой? Вы не отъ нихъ?... Нѣтъ... А, это новичокъ... Ну, извините, у меня нѣтъ съ вами никакихъ счетовъ...

И выйдя вслѣдъ за мной, онъ скоро исчезъ въ снѣжной зимней тьмѣ. На слѣдующій день стало извѣстно, что онъ учинилъ большую драку въ фабричномъ поселкѣ, верстахъ въ 2-хъ отъ Выселокъ.

А пирушка продолжалась долго за полночь... Подъ утро я проснулся отъ разговора въ сосѣднемъ номерѣ. Надежда Ивановна, сожи-

тельница Вольфрама, укладывала его въ постель. Онъ плакалъ и говорилъ, что ему надо идти разыскать... Орѣховъ оскорбилъ ее, Надежду Ивановну, а онъ, Вольфрамъ, не позволитъ никому оскорблять ее. Правда, онъ самъ по отношенію къ ней — неблагодарное животное... Въ этомъ году кончаетъ курсъ и броситъ ее... Откровенно говоритъ, что броситъ... Ему нужно начать новую жизнь... Совсѣмъ новую... иначе и онъ погибнетъ, и она съ нимъ. Но все-таки онъ — скверное животное... Впрочемъ, всѣ люди животныя, и Надежда Ивановна тоже... И не то, что животныя, а просто машины... Конечно машины... А вы этого и не знали? Думали: душа и прочее... Пустяки... Человѣкъ — машина и кончено... И вы машина... О, да какая вы умная машина вдобавокъ... Успѣла уже стащить сапоги...

И долго еще онъ говорилъ что-то, куда-то порывался, и порой ему отвѣчалъ женскій голосъ, кроткій и печальный. Вскорѣ, очень заинтересованный, я познакомился съ Вольфрамомъ и Надеждой Ивановной, а потомъ и съ Орѣховымъ. Вся компанія напоминала мнѣ петербургскихъ знакомыхъ костромичей и особенно Пашу Горецкаго. Это были послѣдніе могикане прежней академіи. Въ ихъ лицѣ сходило со сцены цѣлое поколѣніе нигилистическаго періода.

LVI

РАЗРУШИТЕЛЬ ЭДЕМСКІЙ

Была и еще одна чрезвычайно характерная фигура изъ этихъ старыхъ студентовъ. Это былъ нѣкто Эдемскій. Онъ поступилъ еще при старомъ уставѣ, потомъ былъ исключенъ, какъ привлеченный къ нечаевскому дѣлу, отбылъ ссылку и поступилъ вторично при новомъ уставѣ. О своемъ «нечаевскомъ» прошломъ онъ говорить не любилъ. Въ академіи вообще мало говорили объ этой исторіи, хотя въ мое время еще существовали развалины «Ивановскаго грота» и были люди, которые знали дѣйствующихъ лицъ этой трагедіи. По всѣмъ разсказамъ, которые мнѣ пришлось слышать, Ивановъ, убитый нечаевцами, былъ прекрасный человѣкъ и не могло быть никакого сомнѣнія, что онъ не собирался донести о заговорѣ, какъ въ этомъ увѣрялъ Нечаевъ. Онъ просто разглядѣлъ пріемы Нечаева и рѣшилъ уйти изъ организаціи, а Нечаевъ, въ свою очередь, рѣшилъ убить его, чтобы «скрѣпить кровью» свою первую конспиративную ячейку. Онъ думалъ, что можно всю Россію охватить сѣтью такихъ отдѣльныхъ конспиративныхъ кружковъ, связанныхъ желѣзной дисциплиной, хотя бы цементомъ явился только обманъ.

Каждый членъ кружка обязуется основать такой же кружокъ. Такимъ образомъ «революція» растетъ въ геометрической прогрессіи. Въ извѣстный день приказомъ сверху отъ центральнаго кружка, — въ Россіи объявляется

свободный строй. Приказъ идетъ отъ кружка къ кружку, не знающихъ даже другъ друга и страна вдругъ узнаетъ, что она чуть не вся революціонна и свободна... Впослѣдствіи, уже въ Сибири, мнѣ довелось встрѣтиться съ людьми, которыми этотъ человѣкъ успѣлъ овладѣть тѣми же пріемами, то-есть обманомъ и кровью. Но объ этомъ мнѣ придется говорить въ другомъ мѣстѣ, а пока скажу лишь, что нечаевское дѣло было характерно для нигилистическаго періода. Никакой вѣры, на которую могло бы опереться это поколѣніе, какъ послѣдующее, напримѣръ, вѣрило въ народъ... У нихъ былъ только крайній раціонализмъ и математическій расчетъ, болѣе наивный, чѣмъ любая, самая наивная, вѣра.

Эдемскій былъ великороссъ, и, кажется, бывшій семинаръ. У него было лицо дегенерата, съ рѣзко выдающейся нижней челюстью и черными, горящими глубокой страстью, глазами. Онъ ходилъ въ какомъ то охабнѣ вмѣсто пальто, съ суковатой палкой. Въ обыкновенное время молчаливый и угрюмо сдержанный, онъ дружилъ только съ двумя-тремя товарищами, много моложе себя. По временамъ онъ напивался и тогда становился страшенъ... У него являлось странное краснорѣчіе, и онъ съ пламеннымъ пафосомъ произносилъ рѣчи о необходимости всеобщаго разрушенія. При этомъ онъ ломалъ попадавшіяся ему подъ руки картины, фотографіи, зеркала. Однажды, навязавъ на кнутъ камень, онъ пошелъ бить выпуклыя стекла въ зданіи академіи. Въ другой разъ, наготовивъ кучу ядеръ изъ снѣга, онъ

сдѣлалъ вечеромъ засаду и съ дикимъ крикомъ засыпалъ ими подъѣзжавшаго на извозчикѣ студента, ничего дурного ему не сдѣлавшаго. Однажды онъ рвался пьяный къ пріятелю съ ружьемъ въ рукахъ и навѣрное застрѣлилъ бы его, если бы его не схватили сзади. Любимой темой его мрачныхъ разговоровъ была необходимость кроваваго террора и «милліона головъ».

По этому поводу разсказывали, что однажды удивленный собесѣдникъ замѣтилъ:

— Слушай, Эдемскій, пожалуй ты уничтожишь все человѣчество и останешься одинъ...

Эдемскій мрачно сверкнулъ глазами и, разбивъ объ столъ пивную бутылку, отвѣтилъ:

— Уничтожу подлое человѣчество... Одинъ останусь, чортъ возьми, и новый человѣческій родъ произведу...

Къ счастью, несмотря на устрашающій видъ и неразлучную суковатую палку, онъ былъ слабъ, какъ куренокъ, и всѣ его разрушительныя попытки усмирять было нетрудно. Однажды, именно въ этотъ разъ, когда онъ разбушевался съ ружьемъ, кто-то пригласилъ ночного сторожа и Эдемскаго связали. Послѣ этого дня два онъ ходилъ такой мрачный, что пріятелю, позвавшему сторожа, совѣтовали остерегаться. Казалось, что можетъ кончиться убійствомъ, но кончилось благополучно. Эдемскій потребовалъ третейскаго суда, явился на него очень торжественно и прочелъ длинное пламенное заявленіе, написанное съ присущимъ ему мрачнымъ пафосомъ.

Онъ началъ съ самообвиненія... Да, онъ признаетъ себя виновнымъ: къ лучшему другу онъ, въ увлеченіи принципіальнымъ споромъ, рвался съ ружьемъ и хотѣлъ его убить. Онъ признаетъ, что заслужилъ какой угодно отпоръ, болѣе того: если бы его убили, застрѣлили изъ его собственнаго ружья, размозжили ему голову каблуками, онъ не сказалъ бы ни слова. Но съ нимъ поступили гораздо хуже: призвали подлаго алгвазила, представителя грубой силы, слугу деспотическаго порядка, представителя власти, — той самой, которая...

За этимъ слѣдовало нѣсколько страницъ, на которыхъ съ тѣмъ же мрачнымъ краснорѣчіемъ излагались всѣ преступленія русскаго правительства, начиная чуть ли не съ Іоанна Грознаго.

Третейскіе судьи переглядывались съ недоумѣніемъ, но приговора, кажется, даже не потребовалось: изложивъ съ большимъ волненіемъ и искренностью обуревавшія его чувства, Эдемскій какъ будто истощилъ при этомъ весь запасъ гнѣва и всю жажду мести. Онъ заплакалъ и протянулъ руку бывшему другу.

Забѣгая впередъ, скажу, что этотъ странный человѣкъ кончилъ тоже довольно странно. Въ ссылкѣ, гдѣ-то въ Архангельской губерніи, онъ женился на простой необразованной дѣвушкѣ и у него были дѣти. По окончаніи срока онъ поселился въ Нижнемъ Новгородѣ и по нуждѣ поступилъ на мѣсто ярмарочнаго смотрителя съ ничтожнымъ жалованьемъ.

— Конечно, при этомъ бываютъ сторонніе доходы отъ купечества, — простодушно пояс-

нилъ мнѣ человѣкъ, передавшій мнѣ эти свѣдѣнія.

Я собирался посѣтить бывшаго товарища, но черезъ нѣкоторое время узналъ, что онъ умеръ.

LVII

НОВЫЕ СТУДЕНТЫ — ГРИГОРЬЕВЪ И ВЕРНЕРЪ

Вскорѣ я конечно перезнакомился и со своими сверстниками и товарищами. Жизнь петровскаго студенчества и теперь рѣзко отличалась отъ жизни другихъ заведеній... Черезъ нѣкоторое время мы переселились изъ Выселокъ на шоссе, нанявъ втроемъ комнату на такъ называемой «архіерейской дачѣ». Прямо противъ ея воротъ стоялъ густой сосновый боръ, и однажды волкъ нагло утащилъ у насъ собаку. Самая дача собственно была нежилая зимой и страшно холодная. Мы покрывались всѣмъ, чѣмъ могли, и все-таки страшно зябли. Такія же дачи, только лучше приспособленныя для зимы, были раскиданы и въ другихъ мѣстахъ въ сторонѣ отъ шоссе и въ лѣсу. На Выселкахъ жили два жандарма, но, разумѣется, никакой возможности услѣдить за этими уединенными дачками у нихъ не было, и сходки происходили часто. Помню, какъ въ первый разъ я съ интересомъ пробирался по запорошенной свѣжимъ снѣгомъ тропинкѣ. Огонекъ свѣтилъ сквозь стволы деревьевъ и въ за-

мерзшія окна все-таки были видны очертанія многочисленныхъ фигуръ. Никто не боялся выслѣживанія: забраться сюда сыщикамъ было бы небезопасно. Помню, какъ меня въ этотъ первый разъ поразила на сходкѣ живописная фигура студента семинара Владимирова, который явился съ кинжаломъ. На первый взглядъ — длинные лохматые волосы, борода, высокіе сапоги и это оружіе придавали ему видъ настоящаго разбойника, но въ сущности это былъ самый добродушный человѣкъ, впослѣдствіи съ честью занимавшій видное мѣсто въ лѣсномъ департаментѣ. Самъ онъ, кажется, относился шутливо къ своему воинственному виду и, когда у него спрашивали, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, улыбаясь, цитатами о карбонарахъ, приходившихъ на лѣсныя сходки «вооруженными до зубовъ». У него была необыкновенная библіографическая память и даже спорилъ онъ не иначе, какъ цитатами...

Вообще, ничего серьезнаго на этихъ сходкахъ не происходило. На этотъ разъ говорили о томъ, что Королевъ старается ввести школьническую дисциплину и относится къ студентамъ, какъ къ ученикамъ той гимназіи, гдѣ онъ былъ директоромъ. Нѣкоторые ораторы призывали къ протесту, но всѣ понимали, что это не серьезно, какъ не серьезенъ револьверъ Владимирова, которымъ стрѣлять навѣрное не придется...

На пирушкахъ громко пѣли революціонную «Дубинушку»:

— «Чтобы барка шла ходчѣе,
Надо гнать царя въ три шеи...

Эй, дубинушка, ухнемъ,
Эй, зеленая сама пойдетъ,
Пой-де-етъ...

Или:

Отречемся отъ стараго міра,
Отрясемъ его прахъ съ нашихъ ногъ...

Пѣсня разносилась далеко, отдаваясь въ паркѣ... Ходили по рукамъ революціонныя изданія, въ родѣ «Отщепенцевъ» Соколова и «Анархіи по Прудону» Бакунина. Многое тутъ было очень «крайне» и даже свирѣпо. Бакунинъ прямо предлагалъ соединиться съ «ворами и разбойниками русской земли», какъ съ элементомъ инстинктивно революціоннымъ и анархическимъ... Мнѣ кажется теперь, что это являлось тоже остаткомъ прежняго нигилистическаго періода и совершенно не имѣло почвы въ психологіи новой молодежи. Студенты читали книжки объ анархіи, пѣли революціонную дубинушку, произносили обще-зажигательныя рѣчи, потомъ получали дипломъ и сливались со средой, какъ будто все это ни къ чему ихъ не обязывало. И сходка въ занесенной снѣгомъ дачѣ не произвела на меня большаго впечатлѣнія, чѣмъ въ свое время тайное собраніе въ Измайловскомъ полку.

Правда, еще въ Петербургѣ уже во второй годъ моего пребыванія въ технологическомъ институтѣ, въ рѣдкіе дни, когда я заходилъ на лекціи, я не могъ не замѣтить нѣкотораго особеннаго оживленія въ студенческой средѣ. Между прочимъ оно сказывалось на своеобразной литературѣ объявленій, въ рекреаціонной

залѣ. Среди обычныхъ объявленій о подпискѣ на лекціи, «ищутъ сожителя въ удобной комнатѣ» и т. д., теперь замелькали разсужденія, обличенія, даже полемика. Помню, напримѣръ, «вопросъ о зеленыхъ околышахъ». Формы тогда у технологовъ не было. — «Но мы такъ пропитаны казенщиной, — писали какіе-то обличители, — что не можемъ обойтись хотя бы безъ околыша. Такого-то числа компанія молодыхъ интеллигентныхъ саврасовъ устроила грандіозный скандалъ въ такомъ-то ресторанѣ, причемъ была оскорблена женщина... Какъ вы думаете, товарищи: не было ли тамъ зеленыхъ околышей?» и т. д.

Къ этой литературѣ начальство сначала относилось снисходительно. Но вотъ однажды я увидѣлъ около одного листка густую толпу, сквозь которую старался пробиться кто-то изъ академической администраціи съ двумя педелями. Я тоже пробился къ стѣнѣ и увидѣлъ стихотвореніе, озаглавленное, кажется, «къ бою». Оно призывало къ открытому, громкому протесту противъ деспотизма и кончалось слѣдующимъ четырестишіемъ:

И если деспотъ мощною рукою
Тебя за горло схватитъ наконецъ,
И ты не въ силахъ будешь кликнуть къ бою,
То молча плюнь въ лицо ему, боецъ.

Стихотвореніе быстро разошлось по рукамъ. Я тогда уже былъ въ своемъ скептическомъ періодѣ, и на меня оно не произвело впечатлѣнія. Черезъ нѣсколько дней я зашелъ къ одному изъ своихъ земляковъ — ровенцевъ.

Этотъ бѣдняга попалъ въ полосу въ родѣ нашей, но вдобавокъ не отличался ни выносливостью, ни энергіей. Вскорѣ онъ совершенно оголодалъ, позеленѣлъ и даже распухъ отъ постояннаго лежанія въ кровати. Но у него были тоже фантазіи. Поднявшись и ставъ въ позу, онъ неожиданно задекламировалъ «Къ бою» и это окончательно убило стихотвореніе въ моихъ глазахъ...

Въ Петровской академіи въ этотъ первый годъ у меня продолжалось то же настроеніе. Я ожилъ, поздоровѣлъ, повеселѣлъ, но на всю массу студенчества смотрѣлъ уже безъ прежняго интереса и прежнихъ ожиданій. Старые студенты будили во мнѣ хотя бы художественное любопытство. Ихъ фигуры были колоритнѣе и у нихъ чувствовался нѣкоторый драматизмъ. Въ новомъ студенчествѣ я не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть даже этого.

Годъ подошелъ къ концу и весь нашъ ровенскій кружокъ, въ томъ числѣ и Тучковъ, потерявшій, какъ и я, время въ технологическомъ институтѣ, отлично выдержали экзамены. Я не только перешелъ на второй курсъ, но и получилъ стипендію (которыхъ тогда было много) и собирался съѣздить въ Кронштадтъ къ матери. Но ранѣе отъѣзда у меня произошла одна встрѣча, которая имѣла самое рѣшительное вліяніе на мое настроеніе и послужила началомъ горячей дружбы, оставшейся на всю жизнь.

Какъ-то въ жаркій день начала лѣта, проходя по площадкѣ мимо академіи, я увидѣлъ молодого офицера, шедшаго подъ руку съ ма-

ленькой старушкой. Онъ только что вышелъ изъ канцеляріи и теперь оглядывался какъ человѣкъ, совершенно не знакомый съ мѣстностью. Увидѣвъ меня, онъ вѣжливо поклонился и спросилъ, можно ли теперь осмотрѣть академію. Мнѣ дѣлать было нечего, и я предложилъ пойти съ ними. Я провелъ ихъ обоихъ по пустымъ аудиторіямъ и кабинетамъ, а затѣмъ предложилъ осмотрѣть и паркъ. Въ паркѣ тоже было почти пусто и мы разговорились. Оказалось, что его зовутъ Василій Николаевичъ Григорьевъ, а старушка его мать. Онъ офицеръ инженерной академіи, второго курса, но сейчасъ подалъ прошеніе о пріемѣ его въ Петровскую академію. Съ нимъ поступаетъ также его товарищъ Константинъ Антоновичъ Вернеръ.

Это вызвало во мнѣ внезапный интересъ и глубокую симпатію. Эти офицеры не удовлетворены своей обстановкой и ищутъ чего-то, какъ и я искалъ когда-то. Найдутъ ли?.. И меня точно вдругъ прорвало. Мы подошли въ это время къ Ивановскому гроту... Теперь это была только развалина. Вершина холма обрушила потолокъ и часть грота засыпало. Мѣсто было глухое, въ сторонѣ отъ большихъ аллей. По близости сочился ручеекъ и шумѣли деревья. Каждый разъ, когда я заходилъ сюда, меня охватывало чувство какой-то особенной тоски. Подъ шорохъ деревьевъ и тихое журчанье ручья я старался угадать значеніе мрачной драмы. При этомъ личность погибшаго Иванова будила во мнѣ странную симпатію. Можетъ быть, онъ изверился, какъ и я...

Это ощущеніе нахлынуло на меня и теперь, и вотъ передъ этимъ незнакомымъ человѣкомъ, возбудившимъ во мнѣ внезапную симпатію, я неожиданно для себя излилъ всю горечь, накопившуюся за эти годы. Я разсказалъ ему о старыхъ студентахъ съ ихъ драмой, и о Пашѣ Горицкомъ, и о нашемъ поколѣніи, которое казалось мнѣ такимъ мелкимъ и неинтереснымъ...

Григорьевъ слушалъ внимательно, и въ его сѣрыхъ глазахъ, глядѣвшихъ на меня изъ подъ крутого лба, я видѣлъ глубокій интересъ и участіе. Но мнѣ казалось, что этотъ интересъ вызывается не столько самымъ содержаніемъ разсказа, сколько моимъ настроеніемъ. Я чувствовалъ, что все, что я разсказывалъ, не ново для этого молодого офицера, что онъ меня понимаетъ, но что у него есть уже на все это какой-то свой отвѣтъ. Я въ свою очередь перешелъ къ вопросамъ, но Григорьевъ былъ очень сдержанъ. Онъ разсказалъ только, что, окончивъ инженерное училище, нѣсколько лѣтъ служилъ въ арміи. Служба его не удовлетворила. Поступилъ въ инженерную академію, но пришелъ къ заключенію, что и это не его дорога... И вотъ — поступаетъ къ намъ...

Было что-то въ этомъ новомъ знакомомъ, что меня влекло къ нему и вмѣстѣ импонировало. Не смотря на минувшіе уже двадцать лѣтъ, я совсѣмъ еще и не видѣлъ жизни и порой чувствовалъ себя мальчикомъ. А передо мной былъ человѣкъ, немногимъ старше, но уже повидавшій жизнь. Я угадывалъ въ

немъ свое настроеніе, только... Онъ какъ будто видѣлъ еще что-то, чего я не вижу. И это-то придаетъ такую твердость и опредѣленность взгляду его сѣрыхъ глазъ.

Въ одну изъ послѣдующихъ встрѣчъ Григорьевъ по какому-то поводу процитировалъ изъ Писарева: «Скептицизмъ, переходящій за извѣстные предѣлы, становится подлостью». У Писарева это сказано нѣсколько иначе, но мысль та же и именно въ этой формѣ въ устахъ Григорьева она произвела на меня сильное и неизгладимое впечатлѣніе. И мнѣ показалось, что я слишкомъ самонадѣянно сталъ преподавать ему уроки своего скороспѣлаго разочарованія.

Григорьевъ поступилъ въ академію и, такъ какъ я отправился въ Петербургъ и Кронштадтъ, онъ просилъ меня непремѣнно побывать у его друга, К. А. Вернера, и передать ему программу и письмо. Вернера я разыскалъ въ мансардѣ на Пушкинской улицѣ. Это былъ молодой офицеръ въ формѣ инженерной академіи, въ обтрепанномъ мундирчикѣ, съ тальей, короткой не по росту, съ буйными волосами и вообще совершенно не военнаго вида. Мнѣ показалось, что, прочитавъ письмо, онъ съ любопытствомъ взглянулъ на меня. Мнѣ онъ понравился. Вернеръ также поступилъ въ академію, и, вернувшись съ каникулъ, я близко сошелся съ обоими, особенно съ Григорьевымъ. Съ этихъ поръ многое, что происходило выдающагося въ дальнѣйшемъ — мы переживали уже вмѣстѣ.

Этотъ второй академическій годъ отмѣченъ

для меня близкимъ участіемъ въ студенческой жизни. Въ академію поступило нѣсколько архангельцевъ, въ томъ числѣ два брата Пругавины и Личковъ. Въ Архангельскѣ жилъ въ эти годы въ ссылкѣ Василій Васильевичъ Берви (Флеровскій), въ домѣ котораго бывало много молодежи и архангельцы явились съ значительнымъ «настроеніемъ». Кромѣ того, у Григорьева была особенная способность сходиться съ людьми, и черезъ нѣкоторое время онъ сообщилъ мнѣ, что среди нашихъ студентовъ онъ встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ очень интересныхъ. И онъ разсказалъ, что именно въ нихъ интересно. Я ихъ не замѣтилъ ранѣе вслѣдствіе своего предубѣжденнаго взгляда, и теперь тѣ же люди представились мнѣ уже въ другомъ свѣтѣ. Поэтому и интересъ къ студенческой жизни возрасталъ. Я бывалъ на сходкахъ, которыя продолжались по прежнему, но дѣло теперь пошло гораздо живѣе. Взносы въ студенческую кассу утроились, а неофиціально существовавшая библіотека значительно обогатилась. На сходкахъ обсуждались конкретные вопросы быта, и это придало имъ живой интересъ, привлекшій значительные круги прежде равнодушнаго студенчества. Но этимъ не ограничилось.

LVIII

СТАТЬЯ ТКАЧЕВА И «ВПЕРЕДЪ»

Однажды Григорьевъ далъ мнѣ прочитать номеръ нелегальной заграничной газеты (кажется «Набатъ»), со статьей Ткачева. Тка-

чевъ былъ довольно извѣстный писатель, работавшій въ благосвѣтловскомъ «Дѣлѣ», и эмигрировалъ послѣ нечаевскаго процесса, къ которому привлекался вмѣстѣ съ своей «гражданской женой», Дементьевой. Въ нечаевскомъ процессѣ оба они занимали особое мѣсто и тогда много говорили по ихъ поводу, между прочимъ и о «гражданскомъ бракѣ». Статья Ткачева, которую далъ мнѣ Григорьевъ, была полемическая и была направлена противъ Лаврова, который тоже бѣжалъ изъ ссылки (въ Вологодской губ.) и основалъ за границей журналъ «Впередъ». Я зналъ Лаврова по его «Историческимъ письмамъ», печатавшимся въ «Недѣлѣ» и потомъ вышедшимъ отдѣльной книгой, которая была изъята цензурой (въ нашей неофиціальной библіотекѣ она вся была сброшюрована по № «Недѣли»). Ткачевъ полемизировалъ противъ программы Лаврова, звавшаго молодежь «въ народъ» для пропаганды соціалистическихъ идей. При этомъ онъ ставилъ пропагандистамъ требованія предварительной умственной подготовки, требовавшей значительнаго труда и времени. Ткачевъ считалъ это лишнимъ. Его точка зрѣнія была другая. Онъ звалъ тоже въ народъ, но звалъ идти въ революціонномъ порывѣ для проповѣди немедленнаго возстанія. Въ центрѣ своей статьи, написанной очень красиво и страстно, онъ поставилъ образъ народа-страдальца, распятаго на крестѣ. И вотъ — писалъ онъ — намъ предлагаютъ изучить химію, чтобы изслѣдовать химическій составъ креста, ботанику, чтобы опредѣлить породу дерева, анатомію, чтобы

опредѣлить, какія ткани повреждены гвоздями. Нѣтъ, мы не въ состояніи изслѣдовать... Мы охвачены однимъ страстнымъ желаніемъ — снять жертву съ креста, сейчасъ, немедленно, безъ предварительныхъ и ненужныхъ изысканій.

Я цитирую на память и не могу, конечно, передать горячаго пафоса Ткачева. Помню, что сначала статья произвела на меня впечатлѣніе именно этимъ своимъ пафосомъ. Мнѣ казалось, что такъ долженъ говорить истинный революціонеръ, хотя самъ я такимъ революціонеромъ себя не чувствовалъ. Григорьевъ ничего не возразилъ, но вскорѣ далъ мнѣ «Впередъ», въ которомъ была программа и еще статья Лаврова «Разговоръ послѣдовательныхъ». Я прочелъ все это залпомъ и былъ совершенно захваченъ стройной системой революціоннаго народничества. Небольшая статейка Ткачева нравилась мнѣ просто, какъ красивое литературное произведеніе. Программа и статьи «Впереда» сразу всколыхнули глубоко слагавшіяся въ умѣ мысли и чувства, которыя отлагались изъ всѣхъ непосредственныхъ впечатлѣній жизни и литературы.

Я не стану много распространяться о народничествѣ... Теперь нетрудно подвести итоги и той моральной правдѣ, которую, впрочемъ, многіе склонны теперь отрицать, и ошибкамъ этого направленія. Среди послѣднихъ, конечно, главнѣйшая — это наивное представленіе о «народѣ» (подъ этимъ словомъ въ то время еще разумѣли преимущественно крестьянство), о его потенціальной такъ сказать мудрости, ко-

торая дремлетъ въ его сознанiи и ждетъ только окончательной формулы, чтобы проявить себя и скристаллизовать по своему подобiю всю жизнь...

Представленiе о «народѣ» со времени освобожденiя занимало огромное мѣсто въ настроенiи всего русскаго общества. Онъ, какъ туча, лежалъ на нашемъ горизонтѣ, въ него вглядывались, старались уловить формы, роившiяся въ этой туманной громадѣ, разглядѣть или угадать ихъ. При этомъ разныя направленiя видѣли разное, но всѣ вглядывались съ интересомъ и тревогой, и всѣ аппелировали къ народной мудрости. Не говоря о славянофилахъ, въ системѣ которыхъ народъ занималъ такое огромное мѣсто, но даже Катковъ и консерваторы указывали на «мудрость народа», который, по ихъ мнѣнiю, вполнѣ сознательно поддерживаетъ устои существующаго строя. Для Достоевскаго народъ былъ «богоносецъ», а Иванъ Аксаковъ еще въ 80 гг. любилъ въ своей газетѣ прибѣгать по разнымъ поводамъ къ реченiямъ «русскихъ мужичковъ», хотя бы эти «мужички» были въ сущности толстосумы изъ крестьянъ, давно и съ большимъ успѣхомъ перешедшiе въ купеческое званiе. Это все равно. Уже самое происхожденiе изъ народа давало своего рода патентъ на обладанiе истинно народной мудростью. Въ одномъ разсказѣ Златовратскаго («Золотыя Сердца») выведенъ интеллигентъ изъ крестьянъ, медикъ Башкирцевъ. Онъ говоритъ почти нечленораздѣльно, но всѣ чувствуютъ, что онъ знаетъ что-то, неизвѣстное мятущимся интеллигентамъ, и ко-

гда говоритъ въ нужную минуту, то скажетъ какое-то новое настоящее слово.

Невольно напрашивается сближенiе между этимъ героемъ довольно слабой народнической повѣсти и Каратаевымъ изъ «Войны и Мира», одного изъ величайшихъ произведенiй русской литературы. Каратаевъ тоже не можетъ связать правильнаго предложенiя, но его краткiя изреченiя Пьеръ Безуховъ вспоминаетъ всю жизнь, стараясь истолковать ихъ въ какомъ-то таинственномъ и почти мистическомъ смыслѣ. Это же отношенiе къ Каратаевщинѣ несомнѣнно было присуще и самому Толстому, а съ нимъ чуть не всѣмъ русскимъ критикамъ, касавшимся «Войны и Мира».

Вотъ почему система революцiоннаго народничества такъ быстро и всецѣло овладѣла умами нашего поколѣнiя. Въ соцiальной жизни есть свои предчувствiя. Туда дѣйствительно лежала на горизонтѣ нашей жизни съ самаго освобожденiя. Она еще не шевелилась. Въ ней одно время не видно было даже зарницъ и не слышно даже отдаленныхъ раскатовъ, но загадочная тѣнь уже ложилась оттѣнками на всѣ предметы еще свѣтящейся и сверкающей жизни и взгляды невольно обращались въ ея сторону. Молодежь, наиболѣе впечатлительная и чуткая часть общества, сдѣлала свои выводы.

Соцiальная несправедливость была фактомъ, бьющимъ въ глаза. Отъ нея наиболѣе страдаютъ тѣ, кто наиболѣе тяжко трудится. И всѣ, безъ различiя направленiй, признаютъ, что

въ этихъ же массахъ зрѣетъ, или уже созрѣло, какое-то слово, которое разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія.

Вотъ что тогда было широко разлито въ сознаніи всего русскаго общества и изъ чего наше поколѣніе, — въ семидесятыхъ годахъ подходившее къ своему жизненному распутью, — сдѣлало только наиболѣе послѣдовательные и наиболѣе честные выводы. Если общая посылка правильна, то выводъ дѣйствительно ясенъ: нужно «отрѣшиться отъ стараго міра», нужно «отъ ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови» уходить туда, гдѣ «работаютъ грубыя руки» и гдѣ, кромѣ того, зрѣетъ какая-то формула новой жизни.

Это было наивно? Да, но эту наивность раздѣляли наименѣе романтическіе представители русскаго культурнаго общества того времени. Часть литературы легальной и вся нелегальная сдѣлала изъ этого логически несомнѣнные, нравственно наиболѣе честные выводы. А молодежь внесла присущій ей энтузіазмъ. И вотъ, революціонное народничество готово. Старикъ Лавровъ и совсѣмъ еще молодой Михайловскій нашли для этого построенія ясныя формулы. — «О, если бы я могъ, — писалъ въ 70 годахъ Михайловскій, — утонуть, расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранивъ этотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть насчетъ того же народа. О, если бы и вы всѣ, читатели, пришли къ такому же рѣшенію, въ особенности тѣ, у кого свѣточъ горитъ ярче моего... Какая бы это вы-

шла иллюминація и какой великій историческій праздникъ она отмѣтила бы собою. Нѣтъ равнаго ему въ исторіи»...

Въ этой пламенной тирадѣ — все настроеніе того поколѣнія и вся теорія «хожденія въ народъ», которую «Отечественныя Записки» проводили въ легальной литературѣ, а «Впередъ» приносилъ нелегальными путями изъ за границы. Черезъ нѣкоторое время я весь былъ захваченъ послѣдовательностью, стройностью этой программы, которая обобщала и вносила порядокъ во всѣ жизненныя и литературныя мои впечатлѣнія. Народничество внесло въ наше поколѣніе то, чего не доставало «мыслящимъ реалистамъ» предыдущаго: оно вносило вѣру не въ однѣ формулы, не въ однѣ отвлеченности. Оно давало стремленіямъ нѣкоторую широкую, жизненную основу.

Въ Москвѣ и въ академіи собирались теперь кружки, горячо обсуждавшіе лавровскую программу. Въ это же время я увлекся статьями Михайловскаго и пропагандировалъ ихъ между товарищами, указывая на прямую непосредственную связь его мыслей съ тѣмъ, что мы обсуждали только на тайныхъ сходкахъ... Теперь я нашелъ то, чего напрасно искалъ въ Петербургѣ: въ нашихъ тайныхъ собраніяхъ мы дружески и просто говорили о томъ, какъ намъ жить честно и что намъ дѣлать. Я уже не искалъ настоящаго идеальнаго студента. Этотъ неуловимый образъ замѣнился болѣе широкимъ и болѣе заманчивымъ образомъ великаго, таинственнаго въ своей мудрости, народа, предмета новыхъ исканій и, можетъ быть, новыхъ

иллюзій. Наряду съ этимъ я нашелъ многое, чего искалъ ранѣе въ студенческой средѣ, только пришло оно проще и по иному.

LIX

ГОРТЫНСКІЙ

Мнѣ вспоминается между прочимъ одинъ случай. Въ то время я былъ библіотекаремъ, и у меня въ номерѣ такъ называемыхъ казенныхъ номеровъ въ широкомъ шкафу помѣщалась вся наша нелегальная библіотека. Однажды ко мнѣ пришелъ студентъ одного изъ младшихъ курсовъ, Гортынскій, и спросилъ какую-то книгу славянофильскаго направленія, кажется, Страхова. Выдавая ее, я не удержался отъ замѣчанія, что эта книга «односторонняя». — Вотъ затѣмъ я и беру ее, чтобы не быть одностороннимъ, — отвѣтилъ онъ.

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Онъ былъ одѣтъ съ какимъ-то страннымъ щегольствомъ, въ новенькой кургузой тужуркѣ. Усы у него были подвиты въ концахъ, держался онъ съ почти военной выправкой и вообще по наружности мнѣ не понравился. На щекахъ горѣлъ подозрительный румянецъ.

Когда я сказалъ Григорьеву о его замѣчаніи, тотъ заинтересовался, а черезъ нѣкоторое время, вернувшись изъ Москвы, разсказалъ мнѣ эпизодъ, который, какъ это бываетъ порой, сразу запалъ въ мою память, какъ нѣчто важное и опредѣляющее.

На большой сходкѣ въ частной квартирѣ обсуждались нравственные вопросы, въ связи съ растущимъ революціоннымъ настроеніемъ. Поставили вопросъ: можетъ ли цѣль оправдывать средства. По этому поводу говорилось тогда много, въ томъ числѣ много пустяковъ, но это все-таки не было пустымъ разговоромъ. Между прочимъ въ тотъ разъ кто-то поставилъ вопросъ конкретно: предстоитъ, скажемъ, украсть «для дѣла». Можно это или нельзя? Сразу общее настроеніе выразилось ясно: красть для добраго дѣла не слѣдуетъ, даже съ утилитарной точки зрѣнія. Кража раскроется, и тому самому дѣлу, для котораго она предпринята, будетъ нанесенъ огромный нравственный ударъ. Одинъ изъ присутствующихъ, человѣкъ послѣдовательный, привыкшій додумываться до конца, тотчасъ же постарался лишить собесѣдниковъ этого легкаго аргумента. Допустимъ, что кража никогда не откроется, и въ этомъ существуетъ полная увѣренность. Напримѣръ, слабоумный Плюшкинъ, не знающій счета собственнымъ деньгамъ, раскидалъ на столѣ свои сокровища при внукѣ, которому вполнѣ довѣряетъ. Онъ выходитъ на время изъ комнаты и внуку, настроенному радикально, представляется дилемма: взять для дѣла, которому какъ разъ въ это время нужны деньги до зарѣзу, — или воздержаться... Дѣдъ даже не узнаетъ о пропажѣ. Никто не страдаетъ. А для дѣла такъ нужно.

Послѣ нѣкотораго молчанія, стали «подавать голоса». Одинъ за другимъ, одни легко, другіе съ нѣкоторымъ усиліемъ, отвѣчали:

— Взялъ бы... Взялъ бы... Взялъ бы...

Когда очередь дошла до Гортынскаго, румянецъ на его щекахъ загорѣлся сильнѣе. Онъ подумалъ еще и сказалъ:

— Да, вижу: надо бы взять... Но лично про себя скажу: не могъ бы. Рука бы не поднялась.

На меня этотъ отвѣтъ и тогда произвелъ сильное впечатлѣніе, и впослѣдствіи его «рука не поднимается», — вспоминалось много разъ. Россія должна была пережить свою революцію, и для этого нужно было и базаровское безстрашіе въ пересмотрѣ традицій, и безстрашіе передъ многими выводами. Но мнѣ часто приходило въ голову, что очень многое было бы у насъ иначе, еслибы было больше той безсознательной, нелогичной, но глубоко вкорененной нравственной культуры, которая не позволяетъ нѣкоторымъ чувствамъ слишкомъ легко, почти безъ сопротивленія, слѣдовать за «раскольниковскими» формулами. Это «рука не подымается» сыграло впослѣдствіи важную роль въ нѣкоторыхъ случаяхъ моихъ колебаній... Да, — русскія руки часто слишкомъ ужъ легко подымались и теперь подымаются на многое, на что бы не слѣдовало.

Я припомнилъ свое первое впечатлѣніе отъ Гортынскаго и устыдился. Это все еще были поиски идеальнаго студента. Идеалъ, — значитъ ужъ во всемъ, до костюма и усовъ... И вотъ, человѣкъ въ куцой тужуркѣ и съ подкрученными усами говоритъ такое слово, которое драгоцѣннымъ камнемъ падаетъ въ душу и остается въ ней навсегда...

Гортынскій умеръ рано отъ чахотки.

LX

МИНИСТРЪ И СТУДЕНТЫ

Среди описаннаго настроенія кончился второй годъ моего пребыванія въ академіи. Я перешелъ на третій курсъ. Сходки на лѣсныхъ дачкахъ продолжались. Кромѣ того происходили порой собранія въ Москвѣ съ техниками и студентами университета. Сказывалось ощутительно движеніе «въ народъ». То и дѣло, кто-нибудь оставлялъ академію и исчезалъ. То и дѣло появлялись пріѣзжіе изъ Петербурга, собирали небольшія собранія въ Москвѣ или академіи, звали съ собой и устанавливали связи. Однажды въ Москвѣ я увидѣлъ знакомаго медика Харизоменова. Онъ шелъ съ двумя рабочими въ картузѣ и поддёвкѣ и, остановясь, усердно крестился на церковь. Онъ сдѣлалъ знакъ и я не узналъ его. Вмѣстѣ съ этимъ усилились аресты и параллельно возникло какое-то особенное безпокойство въ студенческой средѣ.

Какъ-то, вначалѣ лѣтнихъ каникулъ, академію вдругъ посѣтилъ министръ П. А. Валуевъ.

Мы имѣли уже удовольствіе и честь видѣть у себя этого знаменитаго государственнаго дѣятеля. Однажды во время экзаменовъ случилась неожиданность: профессоръ Ильенковъ, экзаменовавшій насъ по земледѣльческой химіи, прервалъ экзаменъ и вдругъ прочиталъ лекцію о какомъ-то новомъ способѣ пуддлингованія стали, недавно примѣненномъ на ураль-

скихъ заводахъ. Мы переглядывались: специальные способы пуддлингованія стали не имѣли никакого отношенія ни къ земледѣльческой химіи, ни къ нашей будущей дѣятельности какъ агрономовъ или лѣсоводовъ... Ильенковъ, не пускаясь въ разъясненія, попросилъ насъ просто запомнить то, что онъ говоритъ, и приступилъ къ продолженію экзаменовъ.

Въ серединѣ дня дверь химической аудиторіи раскрылась и въ нее, въ сопровожденіи академической администраціи и своихъ чиновниковъ, вошелъ Валуевъ. Высокій, сухой, важный и даже нѣсколько напыщенный, онъ усѣлся за профессорскимъ столомъ, провожатые разсѣлись на скамейкахъ, и экзаменъ пошелъ обычнымъ порядкомъ. Но вдругъ Валуевъ вѣжливо попросилъ у Ильенкова позволенія съ своей стороны предложить нѣсколько вопросовъ. Ильенковъ поклонился. На серьезномъ лицѣ профессора промелькнула чуть замѣтная ироническая улыбка. Загадка странной лекціи для насъ объяснилась. Его превосходительство сразу заинтересовался вопросомъ: извѣстны ли студентамъ обычные способы пуддлингованія стали? Обычные способы оказались извѣстными. А не извѣстны ли вдобавокъ новѣйшіе способы, примѣняемые на уральскихъ заводахъ? Студентъ повторилъ то, что сейчасъ слышалъ отъ Ильенкова, и при этомъ сдѣлалъ нѣкоторыя ошибки. Это доставило видимое удовольствіе министру. Онъ авторитетно исправилъ ошибки и ушелъ, видимо, удовлетворенный, послѣ чего Ильенковъ сталъ продолжать экзаменъ. Мнѣ казалось, что старому

профессору нѣсколько совѣстно глядѣть на своихъ молодыхъ слушателей.

Посѣщенія Валуева заканчивались порой и менѣе благополучно. Онъ явился какъ-то на экзаменъ физики къ профессору Цвѣткову. Яковъ Яковлевичъ Цвѣтковъ былъ человѣкъ чрезвычайно оригинальный. Одновременно съ профессурой въ академіи онъ исполнялъ обязанности тутора катковскаго лицея, и на лекціи въ академію (за десять верстъ) ходилъ всегда пѣшкомъ, не взирая на погоду. Въ запискахъ какого-то туриста, напечатанныхъ современемъ въ «Недѣлѣ», была отмѣчена встрѣча съ Цвѣтковымъ за границей. Тамъ онъ тоже путешествовалъ пѣшкомъ и также у него были загрязнены и обтерханы нижніе края брюкъ. Его считали страшно скупымъ, но когда онъ умеръ, то узнали, что свои средства онъ расходовалъ на стипендіи. Такъ вотъ, на экзаменѣ этого оригинала Валуевъ тоже вдругъ предложилъ студенту какой-то вопросъ. Студентъ молчитъ. Валуевъ предлагаетъ тотъ же вопросъ въ новой формѣ. Тоже недоумѣнное молчаніе. Министръ поворачивается къ профессору съ видимымъ ожиданіемъ, что тотъ какими-нибудь наводящими вопросами выведетъ студента изъ затрудненія. Но птичья физіономія Цвѣткова съ длиннымъ носомъ, напоминавшая нѣсколько профиль молодой галки, на которую бы надѣли очки, сохраняетъ безстрастное молчаніе. Положеніе становится неловкимъ.

— Студентамъ это неизвѣстно?—произноситъ наконецъ министръ, глядя въ упоръ на Цвѣткова.

наконецъ министръ, глядя въ упоръ на Цвѣткова.

Тотъ пожимаетъ плечами и говоритъ безцеремонно:

— Мнѣ тоже неизвѣстно. Если извѣстно вашему превосходительству, — просимъ...

Министръ, не считая нужнымъ скрывать обиды, поднялся и вышелъ изъ аудиторіи.

Теперь Валуевъ явился къ намъ въ неурочное время. Экзамены были уже закончены и большая часть студентовъ разъѣхалась на каникулы. Остались только тѣ, кто совсѣмъ не уѣзжалъ домой и у кого были практическія работы. Академическіе сторожа бѣгали по полямъ, паркамъ и дачамъ, приглашая студентовъ явиться поскорѣй въ рекреаціонный залъ. Въ высокихъ сапогахъ, въ блузахъ, какъ были на работахъ, мы явились въ академію. Черезъ нѣкоторое время дверь раскрылась. Вошелъ Валуевъ. За министромъ, какъ-то бокомъ, точно маленькая лодочка, зачаленная къ кораблю, перегнувъ станъ въ направленіи его высокопревосходительства, шелъ чиновникъ особыхъ порученій, а за нимъ въ мундирѣ и при шпагѣ — Ф. Н. Королевъ и инспектора. Валуевъ шелъ прямо, величавой поступью и, не дойдя шага на четыре, остановился передъ толпой студентовъ. Затѣмъ, повернувшись пренебрежительно къ директору и администраціи, сказалъ:

— Господа, прошу оставить меня наединѣ со студентами.

Ф. Н. Королевъ, почтенный на видъ старикъ, съ бѣлой бородой, почтительно, даже робко, на цыпочкахъ удалился съ инспекторами. За-

тянутая въ вицъ-мундиръ фигура министерскаго чиновника приняла совершенно балетную позу: верхняя часть корпуса устремилась къ министру, ноги готовы были унести его вслѣдъ за директоромъ. Это было такъ комично, что среди непочтительной молодежи пронесся волной легкій смѣшокъ. Валуевъ вѣроятно отнесъ этотъ смѣхъ къ нашему начальству. Своему чиновнику онъ милостиво кивнулъ головой и сказалъ:

— Вы останьтесь...

Фигура чиновника застыла въ томъ же граціозномъ перегибѣ. На лицѣ его выразилось восторженное вниманіе. Онъ кинулъ на насъ взглядъ, который, казалось, говорилъ: «Мы присутствуемъ при историческомъ событіи»...

Министръ началъ... Онъ нарочно удалилъ наше начальство, чтобы имѣть возможность свободно говорить съ нами. Онъ понимаетъ молодежь и надѣется, что и мы тоже поймемъ его. Въ послѣднее время ему сообщаютъ о прискорбныхъ событіяхъ въ жизни академіи. Для него не тайна, что академія въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія: среди учащейся молодежи вообще распространилось антиправительственное направленіе, и это ведетъ къ самымъ прискорбнымъ результатамъ. Студентовъ арестуютъ, ссылаютъ... Карьера прерывается или даже гибнетъ... Государство лишается полезныхъ работниковъ... Вотъ онъ и пріѣхалъ нарочно, чтобы «просто по дружески» поговорить съ нами объ этихъ явленіяхъ.

Голосъ у Валуева былъ густой, сочный и проникнутый самодовольствомъ. Онъ видимо

любовался собою и кокетничалъ своимъ ораторскимъ искусствомъ. Ему, привыкшему говорить передъ царями, задача на этотъ разъ казалась легкой. Онъ продолжалъ:

— Господа, вы видите, борода моя посѣдѣла въ трудахъ, которые, повѣрьте, далеко не всегда были мнѣ пріятны.

Тутъ случилась маленькая заминка: высокопоставленный ораторъ въ этомъ мѣстѣ рѣчи поднесъ руку къ предполагаемой бородѣ. Оказалось, что она свѣже и гладко выбрита. Изъ толпы студентовъ опять послышался легкій смѣшокъ. На лицѣ чиновника проступило выраженіе испуга, негодованія, ужаса. Министръ продолжалъ.

Онъ не станетъ говорить намъ о томъ, что, получая образованіе въ учрежденіяхъ, содержимыхъ правительствомъ, мы обязаны благодарностью царю, какъ его главѣ... Мы можемъ возразить ему, что средства на учебныя заведенія даетъ русскій народъ, и, значитъ, мы обязаны благодарностью только ему, а не правительству...

Онъ не станетъ также говорить о тѣхъ ожиданіяхъ, которыя наши родители, воспитатели, опекуны возлагаютъ на наше ученіе, на тотъ дипломъ, который является формальной цѣлью окончанія курса. Опять мы можемъ возразить, что служить народу можно не только на поприщѣ, которое требуетъ дипломовъ. Далѣе...

Рѣчь оратора журчала плавно, сочно и неудержимо. Но отъ того ли, что до его слуха все-таки доносились тѣ маленькіе смѣшки, ко-

торые уже два раза пробѣгали среди мало почтительной аудиторіи, или просто онъ, какъ соловей, слишкомъ заслушался собственнаго пѣнія, только фигура отрицанія увлекла его слишкомъ далеко. Онъ отрицалъ одинъ аргументъ за другимъ, кокетничая «знакомствомъ съ нашей точкой зрѣнія» и подготовляя какой-то послѣдній непобѣдимый доводъ. Но когда, наконецъ, ему пришлось перейти къ положительной части аргументаціи и нанести намъ этотъ послѣдній ударъ, то оказалось, что онъ неосторожно исчерпалъ всѣ свои аргументы и всѣ опровергъ «съ нашей точки зрѣнія». Для положительной части не осталось ничего. Ораторъ остановился въ видимомъ затрудненіи. На выразительномъ лицѣ его чиновника проступило страданіе.

Прошла четверть минуты томительнаго молчанія и ораторъ понялъ, что ему, привыкшему говорить въ высокихъ учрежденіяхъ, на этотъ разъ трудно выбраться съ честью, а главное нельзя закончить въ томъ же либеральномъ тонѣ... Поэтому онъ вдругъ заговорилъ съ какимъ-то суровымъ ожесточеніемъ:

— Я все-таки долженъ вамъ сказать, господа, что, такъ какъ вы воспитываетесь въ заведеніи, обязанномъ своимъ существованіемъ государю императору, то уже одно это обязываетъ васъ уважать его правительство и подчиняться ему.

Легкій холодный поклонъ и министръ величаво удалился. Слушатели несомнѣнно не были на этотъ разъ расположены ни къ какой демонстраціи, но ироническое движеніе замѣт-

ной волной пробѣжало опять по молодой аудиторіи. Министръ былъ уже за порогомъ, но граціозный чиновникъ оставался и кинулъ порицающій и даже враждебный взглядъ. Онъ безъ сомнѣнія увозилъ съ собою въ Петербургъ самое ужасное представленіе объ этихъ блузахъ, высокихъ сапогахъ и объ ужасной непочтительности.

Я нарочно возстановилъ въ такой подробности этотъ небольшой эпизодъ передъ тѣмъ, какъ говорить о разразившихся вскорѣ студенческихъ безпорядкахъ, хотя онъ къ нимъ не имѣлъ прямого отношенія. Какъ-то, года черезъ два послѣ этого, мнѣ случилось прочитать въ газетѣ отзывъ одного англичанина о начавшейся въ Россіи волнѣ студенческихъ безпорядковъ. «У насъ, — говорилъ этотъ англичанинъ, — молодежь не вмѣшивается въ политику. Она молчитъ и ждетъ своей очереди, предоставляя говорить Гладстонамъ и д'Израэли»...

Это мнѣ тогда же показалось очень мѣткимъ. Полное отсутствіе уваженія къ офиціальнымъ представителямъ политической власти, распространенное въ русскомъ обществѣ, играло, конечно, большую роль въ волненіяхъ молодежи. Въ первомъ томѣ я разсказалъ небольшой эпизодъ, когда среди взрослыхъ я, тогда еще гимназистъ младшихъ классовъ, услышалъ впервые осужденіе царя Александра II за «классическую систему». Такими разговорами была полна наша повседневная жизнь. Всѣ, въ сущности, порицали правительство; поводы для этого встрѣчались на каждомъ ша-

гу. Молодежь только экспансивнѣе отзывалась на это настроеніе. И вотъ — передъ нами нашъ россійскій Гладстонъ, пріѣхавшій убѣждать насъ. Мы не знали его, какъ государственнаго человѣка. Слышали, неопредѣленно и глухо, что съ вступленіемъ Валуева, замѣнившаго Ланского, началась въ Россіи реакція... Его личныя выступленія у насъ, это явное и легковѣсное кокетство — ни въ какомъ случаѣ, конечно, не могли содѣйствовать престижу власти среди молодежи.

LXI

ВОЛНЕНІЯ ВЪ ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМІИ

Можетъ быть подъ вліяніемъ пріѣзда министра, Королевъ рѣшилъ принять мѣры противъ растущаго настроенія молодежи. Мѣры эти онъ понималъ въ смыслѣ чисто гимназической дисциплины: при объясненіяхъ со студентами въ канцеляріи или при встрѣчахъ въ паркѣ, на фермѣ или опытномъ полѣ, онъ чаще дѣлалъ студентамъ замѣчанія за неостриженные волосы, за безпорядокъ въ костюмѣ, за непочтительную позу при разговорѣ съ начальствомъ. Это было самое плохое, что можно было сдѣлать въ его положеніи. Эти придирки способны были волновать и нейтральную въ остальныхъ отношеніяхъ массу студенчества. Помню одну сходку, на которой студентъ, по фамиліи Бердниковъ, разсказывалъ объ одномъ изъ такихъ столкновеній съ директоромъ. Многочисленная сходка волновалась и шумѣ-

ла. Между тѣмъ студентъ Бердниковъ, упитанный и самодовольный юноша, съ румянцемъ во всѣ пухлыя щеки, былъ существомъ самымъ безобиднымъ и впослѣдствіи, навѣрное, изъ него вышелъ очень исполнительный чиновникъ.

Такихъ раздражающихъ мелочей, объединявшихъ студенческую массу на вопросахъ школьнаго самолюбія и товарищества, набиралось много. Сторожъ казенныхъ номеровъ довольно грубо остановилъ у входа даму, пріѣхавшую къ родственнику студенту: женщины не допускались въ номера, а только въ общую пріемную, и намъ въ томъ нашемъ настроеніи это казалось обидно: мы были увѣрены, что сами сумѣемъ не допустить безобразій въ своей средѣ... Нѣкоторые студенты въ тѣхъ же номерахъ стали замѣчать, что въ ихъ отсутствіе кто-то обыскиваетъ ихъ вещи. Инспектора стали слѣдить за аккуратнымъ посѣщеніемъ лекцій, въ чемъ, въ сущности, не было надобности. Наконецъ произошло событіе, взволновавшее ту часть студенчества, которая была глубже затронута движеніемъ.

Нѣкоторые изъ разыскиваемыхъ студентовъ жили въ Москвѣ безъ прописки. И вотъ, въ академической прихожей стали появляться облыжныя извѣщенія о полученіи на имя этихъ скрывающихся денегъ или посылокъ. Когда они являлись, администрація задерживала ихъ и передавала въ руки жандармовъ. Одинъ случай такого ареста въ конторѣ произошелъ успѣшно и довольно тихо. Въ другомъ случаѣ студентъ (кажется Воиновъ), заподозривъ ловушку, успѣлъ во время выскочить изъ канцеляріи

и побѣжалъ черезъ дворъ къ парку. За нимъ выскочилъ несчастный долговязый старикъ инспекторъ и бѣжалъ по двору, сзывая сторожей. Картина вышла жалкая и отвратительная. Помню, что на меня разсказъ очевидцевъ объ этомъ происшествіи произвелъ впечатлѣніе, передъ которымъ совершенно померкли чисто школьные вопросы о стрижкѣ волосъ, о выговорахъ Королева, о недопущеніи родственницъ въ номера и о столовой, которую студенты требовали передать въ ихъ завѣдываніе.

Начались безпрерывныя сходки. Собирались довольно откровенно въ казенныхъ номерахъ. Когда однажды явился субъ-инспекторъ съ сторожами, передъ нимъ забаррикадировали дверь.

Составлялся коллективный адресъ съ протестомъ. Исторія уже длилась около двухъ недѣль: все не могли выработать текста этого адреса. У всѣхъ была потребность заявить, что отношенія съ академической администраціей вызываютъ негодованіе. При этомъ только чисто школьные вопросы объединяли огромное большинство. Нашъ кружокъ этимъ не удовлетворился. Мы требовали также заявленія о сыскной роли инспекціи, а большинство на это не шло.

Дѣло томительно затягивалось; занятія не шли на умъ, нужно было какъ-нибудь рѣшить кризисъ. Послѣ одной бурной сходки мы съ Григорьевымъ заявили, что мы болѣе въ преніяхъ не участвуемъ, составимъ свой адресъ и подадимъ его, хотя бы на немъ были только двѣ наши подписи. Нужно, чтобы кто-нибудь сказалъ правду. Послѣ этого мы удалились

въ мой номеръ, гдѣ я сгоряча составилъ заявленіе и подписалъ его. Григорьевъ, видимо, не придавая значенія тонкостямъ (что впослѣдствіи причинило намъ нѣкоторыя непріятности), совершенно одобрилъ основной мотивъ: отношенія между администраціей и студентами основаны на глубокомъ недовѣріи и взаимномъ неуваженіи, а въ послѣднее время приняли совершенно недостойныя формы: инцидентъ съ попыткой ареста студента такого-то заставляетъ насъ смотрѣть на контору академіи, какъ на отдѣленіе московскаго жандармскаго управленія, а на представителей академической администраціи, какъ на его послушныхъ агентовъ.

Подписавъ заявленіе мы вдвоемъ объявили, что безъ дальнѣйшихъ преній приглашаемъ подписываться всѣхъ, кто согласенъ съ его содержаніемъ, но подадимъ его во всякомъ случаѣ, при любомъ числѣ подписавшихся. Листъ сталъ покрываться подписями. Первыми примкнули члены нашего кружка архангельцы — братья Пругавины, Алексѣй и Викторъ, Никольскій и Личковъ. Вернеръ, жившій въ Москвѣ, пріѣхалъ нарочно, чтобы присоединить и свою подпись. Вскорѣ набралось 96 подписей, и на этомъ дѣло остановилось. Большинство, находившее, что упоминаніе объ арестахъ вводитъ опасные «политическіе» мотивы, сразу отшатнулось. Подписавшіе выбрали Григорьева, Вернера и меня въ качествѣ депутатовъ для представленія адреса. Сходки прекратились. Въ академіи наступила тишина.

Мы втроемъ отправились къ директору. Онъ

встрѣтилъ насъ серьезно и сухо, взялъ бумагу и сталъ читать ее съ нѣсколько пренебрежительнымъ видомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пожимая плечами. Но когда онъ дочиталъ до инцидента съ арестами, на его блѣдномъ старческомъ лицѣ вспыхнулъ вдругъ густой румянецъ, который рѣзко ограниченной полосой залилъ лобъ и сталъ быстро подыматься по высокому черепу. Я даже испугался, опасаясь, что съ нимъ можетъ случиться ударъ. Но онъ овладѣлъ собой и сказалъ угрюмо:

— Вы задѣваете такіе мотивы, которыхъ я съ вами обсуждать не въ правѣ... Ваше заявленіе будетъ передано въ совѣтъ.

Мы откланялись и вышли.

Въ академіи занятія пошли своимъ чередомъ; аудиторіи опять наполнились, но студенческая среда жужжала, какъ растревоженный улей. Въ академіи было тогда около 250 студентовъ. Значитъ, не подписалось и половины. Нѣкоторые ожесточенно нападали на насъ; говорили даже о какомъ-то контръ-заявленіи, которое собирался будто бы подать съ кружкомъ единомышленниковъ тотъ самый студентъ Бердниковъ, который такъ взволновалъ сходку разсказомъ о своемъ, чисто школьномъ, столкновеніи съ Королевымъ. Многіе останавливали насъ при встрѣчахъ и въ аудиторіяхъ, горячо оспаривая адресъ. Помню особенно студента Аршеневскаго. Это былъ сынъ очень богатаго помѣщика, толстякъ, весельчакъ, отличный товарищъ, буршъ, кутила и довольно усердный студентъ. Горячо соглашаясь съ чисто школьнымъ протестомъ, онъ такъ же горячо возста-

валъ противъ «введенія политики». Мы съ Григорьевымъ возражали, что это тѣ же школьные мотивы, только на болѣе глубокой нравственной почвѣ. На Западѣ университеты неприкосновенны для полиціи, а у насъ инспектора собственноручно ловятъ своихъ питомцевъ для передачи жандармамъ.

Прошло недѣли двѣ. Позднимъ вечеромъ академическій сторожъ принесъ мнѣ официальную бумагу, въ которой значилось, что товарищъ министра государственныхъ имуществъ, свѣтлѣйшій князь Ливенъ, вызываетъ студента такого-то для объясненія. Явиться — завтра же въ 8 час. утра въ гостинницу такую-то на Лубянской площади. Такую же бумагу получили Григорьевъ и Вернеръ, жившій въ то время въ Москвѣ. Вызовъ произвелъ среди студентовъ большое волненіе. Несмотря на позднее время, товарищи прибѣгали ко мнѣ съ распросами и разсказами. Слышно было отъ профессоровъ, что Ливенъ пріѣхалъ въ этотъ день и уже совѣщался съ генералъ-губернаторомъ. На завтра его ждутъ въ академію. Такъ какъ я былъ довольно безпеченъ насчетъ костюма, то товарищи принесли мнѣ ночью черную пару съ иголочки. Я надѣлъ рубашку съ крахмальнымъ воротничкомъ, щегольской галстухъ и лоснящіяся ботинки, все это сборное. Меня снарядили точно на праздникъ, и въ шесть часовъ утра слѣдующаго дня мы съ Григорьевымъ отправились на выселковскомъ извозчикѣ, носившемъ шутливое названіе фіакра, въ Москву. Къ назначенному часу мы входили въ подъѣздъ гостинницы, а черезъ

нѣсколько минутъ послѣ насъ подъѣхалъ и Вернеръ.

Несмотря на ранній часъ, князя въ гостиницѣ уже не было. Швейцаръ указалъ намъ его комнату и предложилъ подождать. Мы ждали часъ. На улицахъ уже разгорѣлось полное движеніе, а князь не пріѣзжалъ. Тогда Григорьевъ предложилъ написать на лежавшемъ тутъ же листкѣ бумаги, что студенты такіе-то являлись по приглашенію въ назначенное время, но, не заставъ никого, кромѣ швейцаровъ, и прождавъ болѣе часу, уѣзжаютъ. Мы поставили свои подписи и вернулись въ академію. Впослѣдствіи разсказывали, будто вскорѣ послѣ нашего отъѣзда Ливенъ вернулся и, прочитавъ оставленную нами своеобразную визитную карточку, отправился къ генералъ-губернатору Долгорукову съ заявленіемъ, что изъ дерзкаго поступка студенческихъ депутатовъ видитъ, что въ академіи готовъ вспыхнуть бунтъ. Поэтому онъ требуетъ войскъ для усмиренія... Его успѣли успокоить.

Между тѣмъ въ академіи уже было получено распоряженіе собрать всѣхъ студентовъ въ актовомъ залѣ. Распространился слухъ, что мы арестованы, и это обстоятельство могло оказать плохую услугу дѣлу успокоенія студентовъ. Неизвѣстность о нашей участи чрезвычайно нервировала массу, напрягая до крайнихъ предѣловъ живучее и великодушное чувство товарищества. Когда мы на извозчикѣ подъѣхали къ академическому крыльцу, студенты высыпали изъ зданія и встрѣтили насъ прямо восторженно. Намъ пожимали руки,

насъ обнимали, распрашивали наперебой. Толстякъ Аршеневскій, выслушавъ нашъ разсказъ, горячо обнялъ меня и сказалъ:

— Превосходно. Такъ и надо: вы поддержали честь студенчества. Теперь мы всѣ съ вами.

Оказалось, что въ часы этой томительной неизвѣстности, кѣмъ-то предложенъ листъ для дополнительныхъ подписей. Теперь этотъ листъ заполнился: къ нашему заявленію присоединилась, за небольшимъ исключеніемъ, вся академія.

Часовъ около двѣнадцати насъ всѣхъ пригласили въ рекреаціонную залу. Къ директорскому подъѣзду подкатила коляска. Первыми вызвали насъ троихъ, какъ депутатовъ. Князь Ливенъ принялъ насъ въ директорскомъ кабинетѣ въ присутствіи Королева, кажется, декана, профессора Собичевскаго и своего чиновника. Онъ заявилъ намъ, что командированъ по высочайшему повелѣнію. Государь чрезвычайно огорченъ нашимъ коллективнымъ заявленіемъ. Намъ должно быть извѣстно, что по нашимъ уставамъ студенчество не составляетъ корпораціи. Коллективное заявленіе само по себѣ составляетъ преступленіе. Онъ требуетъ, чтобы прежде всего мы принесли извиненіе въ этомъ незаконномъ поступкѣ. Онъ увѣренъ, что остальная студенческая масса лишь слѣпо пошла за вожаками, и отъ насъ зависитъ теперь вернуть ее на путь законности.

Затѣмъ онъ обратился къ каждому изъ насъ въ отдѣльности, требуя отвѣта.

Общее настроеніе студентовъ, сказавшееся при нашей встрѣчѣ, воодушевляло насъ такъ радостно и внушило намъ такую увѣренность въ полномъ единодушіи, что мы, не задумываясь, отвѣтили съ искренней увѣренностью: мы являемся не вожаками, а лишь выразителями мнѣній и чувствъ всѣхъ товарищей. Я прибавилъ къ этому, что отрицать корпоративное чувство студенчества — большая ошибка: гдѣ есть извѣстная масса людей, объединенныхъ общими интересами, идейными и бытовыми, тамъ, несомнѣнно, есть и корпорація. Это жизненный фактъ, признается ли онъ уставами или нѣтъ. Ливенъ сдѣлалъ видъ, что приходитъ въ ужасъ отъ этого крамольнаго заявленія и, слегка повернувшись къ Королеву, сказалъ:

— Если дѣйствительно таковъ духъ, господствующій среди студентовъ, то я уже не знаю, какъ я осмѣлюсь доложить объ этомъ его величеству... Академію останется только закрыть.

Но пока, прибавилъ онъ, опять поворачиваясь къ намъ, онъ надѣется, что мы честно дадимъ ему возможность удостовѣриться въ томъ, что наши товарищи дѣйствуютъ вполнѣ сознательно, а не слѣпо слѣдуютъ за нами. Поэтому онъ ждетъ отъ насъ честнаго слова, что мы, хотя отнюдь не арестованные — подчеркнулъ онъ — останемся въ теченіе переговоровъ со студентами въ директорской квартирѣ, не стараясь какимъ бы то ни было образомъ вліять на товарищей.

Мы охотно дали требуемое честное слово. Помню, что въ эти минуты я горячо любилъ

всю эту молодую взволнованную массу товарищей, стоявшихъ за нами. Я любилъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, любилъ и уважалъ теперь коллективное существо, называемое «петровскій студентъ», «петровецъ». Мы глубоко вѣрили въ искренность и глубину общаго порыва. Поэтому мы охотно обѣщали не дѣлать попытокъ вліять на рѣшеніе остальныхъ товарищей.

Послѣ этого насъ удалили въ особую комнату и приставили къ ней какой-то караулъ. Вскорѣ у нашихъ запертыхъ дверей послышался взволнованный голосъ профессора Климента Аркадьевича Тимирязева.

— Вы не смѣете не пропустить меня: я профессоръ и иду къ своимъ студентамъ...

Дверь раскрылась и Тимирязевъ быстро вошелъ къ намъ. Торопливо пожимая намъ руки, онъ заговорилъ сразу:

— Знаете, господа, я не могу согласиться въ вашемъ заявленіи со многимъ...

Высокій, худощавый блондинъ съ прекрасными большими глазами, еще молодой, подвижной и нервный, — онъ былъ какъ-то по своему изященъ во всемъ. Свои опыты надъ хлороформомъ, доставившіе ему европейскую извѣстность, онъ даже съ внѣшней стороны обставлялъ съ художественнымъ вкусомъ. Говорилъ онъ сначала неважно, порой тянулъ и заикался. Но когда воодушевлялся, что случалось особенно на лекціяхъ по физіологіи растеній, то всѣ недостатки рѣчи исчезали, и онъ совершенно овладѣвалъ аудиторіей. Я рисовалъ для его лекцій демонстративныя таблицы, и каждый разъ приходилъ къ нему въ деревянный до-

микъ, у самаго въѣзда въ академическую усадьбу, съ такимъ же чувствомъ, какъ когда-то къ Авдіеву въ Ровно. У Тимирязева были особенныя симпатическія нити, соединявшія его со студентами, хотя очень часто разговоры его внѣ лекцій переходили въ споры по предметамъ «внѣ спеціальности». Мы чувствовали, что вопросы, занимавшіе насъ, интересуютъ и его. Кромѣ того, въ его нервной рѣчи слышалась искренняя горячая вѣра. Она относилась къ наукѣ и культурѣ, которыя онъ отстаивалъ отъ охватывавшей насъ волны «опростительства», и въ этой вѣрѣ было много возвышенной искренности. Молодежь это цѣнила. Кромѣ того, мы были увѣрены, что его не менѣе насъ возмущала сыскная роль инспекціи... Поэтому мы съ интересомъ приготовились выслушать его замѣчанія, но бесѣда была прервана въ самомъ началѣ. Слѣдомъ за Тимирязевымъ торопливо вбѣжалъ субъинспекторъ и сообщилъ, что собрался Совѣтъ и что его ждутъ въ директорскомъ кабинетѣ. Кажется, это свиданіе съ нами возбуждало нѣкоторую тревогу въ близорукой администраціи, — хотя конечно если что нибудь способно было пошатнуть нашу увѣренность, то это могли быть слова Тимирязева. Но его точка зрѣнія не совпадала съ казенной. Впослѣдствіи мы узнали, что Тимирязевъ рѣзко протестовалъ противъ того, что Ливенъ опрашиваетъ администрацію и даже полицейскихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ академіи, ранѣе чѣмъ обратиться къ Совѣту. Вскорѣ началось засѣданіе и по временамъ до насъ доносился звонкій голосъ

Тимирязева, хотя словъ разобрать было невозможно.

Когда Тимирязевъ ушелъ, дверь къ намъ опять открылась. Вошелъ мѣстный исправникъ, по фамиліи, если не ошибаюсь, Ржевскій. Это былъ пожилой мужчина, бѣлокурый съ просѣдью, вообще какой-то бѣлесый, что придавало ему добродушный видъ. Войдя къ намъ, онъ отстегнулъ саблю и распустилъ пуговицы мундира, отчего видъ у него сталъ еще добродушнѣе. Затѣмъ онъ попросилъ позволенія присѣсть съ нами, тотчасъ же вступилъ въ разговоръ съ видомъ снисходительнаго дядюшки, бесѣдующаго съ племянниками:

— Охъ-о-хо... Усталъ я съ вами... Что дѣлать... Самъ былъ молодъ, самъ когда-то учился и увлекался.

И изъ устъ его полились безконечные разсказы. Всѣ они велись въ тонѣ балагура, много видавшаго въ жизни, стараго воробья, котораго не проведешь на мякинѣ.

— Вотъ вы, господа, увлекаетесь Щедринымъ. Конечно, остроумный сатирикъ, громитъ чиновниковъ и помѣщиковъ. А вамъ это и любо... Ну, а самъ? Самъ ничто иное, какъ бывшій совѣтникъ вятскаго губернскаго правленія. Въ Тверской губерніи у него имѣніе и мнѣ лично пришлось по долгу службы усмирять крестьянъ въ его имѣніи.

Онъ разсказалъ какую-то исторію, въ которой М. Е. Салтыковъ фигурировалъ якобы въ роли крѣпостника. За этимъ разсказомъ послѣдовалъ другой, третій, и всѣ они были въ томъ же родѣ, раскрывали некрасивую изнан-

ку какихъ-нибудь «популярныхъ дѣятелей». Через нѣкоторое время онъ заболтался до того, что разсказъ о Салтыковѣ повторилъ уже относительно Тургенева: ему приходилось усмирять крестьянъ въ Спасскомъ-Лутовиновѣ. Григорьевъ, съ присущей ему прямотой, далъ ему почувствовать, что онъ завирается, и исправникъ стушевался.

Между тѣмъ въ академіи событія шли своимъ чередомъ. Послѣ совѣта все начальство прошло въ актовую залу, и здѣсь Ливенъ обратился къ студентамъ съ небольшой рѣчью, въ которой сказалъ то же, что говорилъ намъ, погрозилъ закрытіемъ академіи, предложилъ принести отъ всѣхъ курсовъ извиненіе и удалился, предоставивъ дальнѣйшія убѣжденія профессорамъ. Насъ опять вызвали къ нему, и онъ потребовалъ продолженія нашего обязательства до завтрашняго дня. Ему, конечно, не приходитъ и мысли объ арестѣ. Еслибы мы, напримѣръ, согласились на сегодня удалиться въ Москву и не вступать ни прямо, ни косвенно ни въ какія сношенія съ товарищами до двухъ часовъ завтрашняго дня, то этого будетъ совершенно достаточно. Онъ повѣритъ нашему рыцарскому слову и проситъ утромъ явиться къ нему на квартиру его родственниковъ, туда-то. Мы согласились, и намъ подали извозчика. Когда мы садились, кучка студентовъ выбѣжала изъ зданія и окружила насъ. Подумали, что насъ арестуютъ. Еслибы это было такъ, то, безъ сомнѣнія, товарищеское чувство вспыхнуло бы, какъ порохъ, и насъ бы непремѣнно отбили. Мы объяснили въ чемъ

дѣло: мы не арестованы, а только отпущены на честное слово до завтрашняго дня. Студенты разступились и мы уѣхали.

Въ Москвѣ въ этотъ день только и говорили въ интеллигентныхъ кругахъ объ исторіи въ Петровской Академіи. Стало уже извѣстно къ вечеру, что студенты приносятъ извиненіе, причемъ главнымъ мотивомъ служитъ забота о нашей участи: мы серьезно пострадаемъ, если безпорядки будутъ продолжаться. Помню, какъ огорчило насъ это извѣстіе. Мы какъ-то совсѣмъ не считались съ послѣдствіями для себя. Мы считали, что сказали правду, и намъ хотѣлось устоять на ней до конца. Намъ было обидно, что соображенія лично о насъ могли нарушить товарищеское единодушіе и испортить моральное значеніе всей этой исторіи.

Къ двѣнадцати часамъ слѣдующаго дня мы были у Ливена. На этотъ разъ онъ принялъ насъ тотчасъ же въ скромномъ кабинетѣ своего родственника. Обращеніе его было чрезвычайно радушно и мягко. Впослѣдствіи мы поняли, что тогда онъ насъ боялся: мы могли еще и теперь испортить все дѣло...

Онъ сказалъ намъ, что огромное большинство студентовъ уже поняли незаконность своего поступка, и онъ увѣренъ, что все кончится для академіи благополучно. Насъ онъ просилъ только продолжить еще на сутки данное слово и оставаться въ Москвѣ. Григорьевъ отвѣтилъ на это рѣшительнымъ отказомъ.

— Если, конечно, мы не будемъ арестованы... — началъ онъ, но Ливенъ живо перебилъ его:

— Неужели вы думаете, что я пріѣхалъ сюда съ такими полицейскими мѣрами? Повѣрьте, ни о какомъ арестѣ не можетъ быть рѣчи... — Затѣмъ, взявъ меня за руку (я сидѣлъ къ нему ближе другихъ), онъ сталъ говорить почти растроганнымъ голосомъ, что встрѣтилъ въ насъ противниковъ, но противниковъ честныхъ: мы рыцарски сдержали слово, и ему не приходится раскаиваться, что онъ довѣрился нашей чести...

— Это даетъ намъ основаніе расчитывать, что и въ вашемъ лицѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ же противникомъ, — сказалъ Григорьевъ.

Князь повернулся къ нему и отвѣтилъ торопливо, съ оттѣнкомъ какъ будто нѣкотораго удивленія передъ смѣлостью студента.

— О, конечно, конечно... Итакъ, что же: вы согласны остаться еще сутки въ Москвѣ? Гдѣ вы будете въ это время? На тѣхъ же квартирахъ?

Первымъ отвѣтилъ опять Григорьевъ:

— Срокъ моего обязательства истекаетъ въ два часа. Послѣ этого я вернусь въ академію.

Мы съ Вернеромъ отвѣтили то же, послѣ чего откланялись и вышли.

— Насъ непремѣнно арестуютъ до двухъ часовъ, — увѣренно сказалъ Григорьевъ. Вернеръ, мягкій, благодушный, довѣрчивый, упрекнулъ его: «Ты всегда не довѣряешь людямъ»...

Черезъ два часа насъ дѣйствительно всѣхъ арестовали и препроводили въ Басманную часть за «Красными Воротами». Везли насъ на двухъ извозчикахъ, причемъ Григорьевъ пріѣхалъ

значительно раньше насъ съ Вернеромъ. Мы застали его въ канцеляріи части. Съ своей обычной открытой манерой онъ спрашивалъ у пристава: по чьему распоряженію мы арестованы? Нельзя ли посмотрѣть приказъ?

— Это я не въ правѣ сдѣлать, — отвѣтилъ приставъ.

— Ну, такъ скажите по крайней мѣрѣ, — кѣмъ подписанъ этотъ приказъ?

— Оберъ-полицеймейстеромъ.

— И только?

Приставъ взглянулъ на бумагу, привезенную арестовавшими насъ полицейскими, и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— По распоряженію высочайше командированнаго свѣтлѣйшаго князя Ливена.

Помню, что это открытіе доставило мнѣ нѣчто въ родѣ сознанія моральной побѣды: «правительство» въ лицѣ Ливена унизилось до хитрости и лукаваго обмана... Ливенъ разыгрывалъ передъ нами роль.

Провожатые получили расписки и уѣхали. Насъ препроводили въ камеру. Приставъ извинялся, что вынужденъ бывшимъ офицерамъ (онъ говорилъ о Григорьевѣ и Вернерѣ) отвести камеру въ подвальномъ этажѣ: наверху все занято. Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились въ зловонномъ коридорѣ подвальнаго этажа Басманной части...

Изъ насъ троихъ Вернеръ разъ уже испыталъ прелести ареста въ московскихъ частяхъ и, какъ человѣкъ бывалый, старался «приготовить насъ къ худшему». Но когда насъ ввели въ камеру съ сырыми стѣнами и съ малень-

кимъ оконцемъ вверху вровень съ землей, то оказалось, что изъ насъ троихъ онъ пораженъ больше всѣхъ. Съ его словъ мы «приготовились къ худшему», для него же самого этотъ подвалъ оказался сюрпризомъ. Вдоль стѣны подъ окномъ были нары, на которыхъ лежали три грязныхъ узкихъ тюфяка, набитыхъ соломой. Тюфяки были покрыты толстыми простынями изъ мѣшочнаго холста. Но что привело Вернера прямо въ содроганіе, такъ это одѣяла изъ сѣраго арестантскаго сукна, по которымъ ползли огромныя участковыя вши, сразу кидавшіяся въ глаза на темно-сѣромъ фонѣ одѣялъ. Отодвинувъ эти постели, мы устроились на краяхъ наръ и стали пить чай изъ принесенныхъ городовымъ оловянныхъ кружекъ.

Такъ мы просидѣли довольно долго, прислушиваясь къ разнороднымъ звукамъ, несшимся изъ сосѣднихъ камеръ. Тутъ были пьяныя пѣсни, крики, ругательства... Съ улицы то и дѣло приводили пьяныхъ. Приводимые сначала шумѣли и сопротивлялись. Тогда городовые принимались ихъ бить смертнымъ боемъ. Въ коридорѣ раздавались пронзительные крики, смѣнявшіеся вскорѣ тихими жалобными стонами. Тогда дверь отворялась и усмиряемаго кидали въ какую-нибудь общую камеру. Впослѣдствіи я много разъ писалъ объ убійствахъ, совершаемыхъ повсемѣстно въ нашихъ участкахъ. И каждый разъ мнѣ вспоминался этотъ первый вечеръ моего перваго ареста.

Усталость этихъ двухъ дней съ ихъ волнующими впечатлѣніями брала свое. Глаза у насъ начинали слипаться. Наконецъ Григорьевъ

первый рѣшился расправить свою «постель», онъ перекрестился шутливо три раза и кинулся на свое ложе, точно въ холодную воду. Я послѣдовалъ его примѣру. Только злополучный чистежа Вернеръ долго сидѣлъ на краю наръ, опершись плечомъ о стѣнку, и клевалъ носомъ, не рѣшаясь на этотъ героическій подвигъ.

Такъ прошла моя первая арестантская ночь.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА

ВЪ ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМІИ